

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

НАУЧНО-АТЕИСТИЧЕСКАЯ
❧ БИБЛИОТЕКА ❧



АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ИТАЛЬЯНСКИЕ
ГУМАНИСТЫ
XV ВЕКА
О ЦЕРКВИ
И РЕЛИГИИ



ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1963

СОСТАВЛЕНИЕ,
РЕДАКЦИЯ И ПРЕДИСЛОВИЕ
М. А. ГУКОВСКОГО

ПЕРЕВОД С ЛАТИНСКОГО
Ю. Х. КОПЕЛЕВИЧ и И. А. ПЕРЕЛЬМУТЕРА

ПРЕДИСЛОВИЕ

I

Отношение итальянского Возрождения в лице его наиболее видных представителей, в первую очередь гуманистов, а также его народных масс к церкви и религии принадлежит к числу наиболее спорных вопросов исторической науки последних десятилетий. Вопросу этому посвящены десятки обширных монографий, сотни статей, его изучают на съездах и конференциях, причем весь этот поток различных, часто противоречивых суждений настолько запутал положение, что потребовались специальные исследования для ориентации даже специалистов и для выяснения хотя бы основных направлений в решении этого вопроса.

Так, в 1952 г. во Флоренции вышла подробная работа Карло Анжелери «Религиозная проблема Возрождения. История критики и библиография»¹, перечисляющая очень значительное количество работ и пытающаяся, правда довольно робко и осторожно, внести некоторый порядок в хаос противоположных мнений. Прочитав это исследование, можно подумать, что решить вопрос о том, как относились люди Возрождения к церкви и религии, почти невозможно, — настолько он сложен и материал для его разрешения противоречив. А между тем это далеко не так. Следует только тщательно и беспристрастно изучать источники и не принимать во внимание те исследования или, вернее, псевдоисследования, авторы которых руководствуются в своих выводах не ясными и бесспорными высказываниями современников, а своими

¹ C. Angelieri. Il problema religioso del Rinascimento. Storia della critica e bibliografia. Introduzione di E. Garin. Firenze. 1952.

классовыми и политическими симпатиями, во многих случаях ярко реакционными.

Уже в середине XIX в. в трудах ряда исследователей² сформировалось самое понятие итальянского Возрождения как эпохи революционной, резко порывающей с социальной, экономической и в первую очередь культурной традицией средневековья. Все в Возрождении представлялось им противоположным, более того — враждебным предшествующей эпохе, и само собой понятно, что эта враждебность направлялась особенно интенсивно против идеологической системы, которая была наиболее ярким выражением эпохи — схоластического богословия и его создательницы и опоры — католической церкви.

Классическую и притом принципиально новую формулировку, развивающую эту концепцию, дал Энгельс в ряде своих высказываний, опиравшихся на отдельные замечания Маркса. Особенно ярки определения, содержащиеся в «Диалектике природы», где он, характеризуя грандиозную эпоху Возрождения, пишет, что это было время, когда буржуазия сломала «мощь феодализма, когда на заднем плане борьбы между горожанами и феодальным дворянством показалось мятежное крестьянство, а за ним революционные предшественники современного пролетариата, уже с красным знаменем в руках и с коммунизмом на устах...» и далее, — что это была эпоха, «которая создала в Европе крупные монархии, сломала духовную диктатуру папы, воскресила греческую древность и вместе с ней вызвала к жизни высочайшее развитие искусства в новое время, которая разбила границы старого orbis и впервые, собственно говоря, открыла Землю»³.

Новым, революционизирующим в системе исторической периодизации было в концепции Энгельса то, что на первое место как решающую первопричину всех про-

² См. J. Michelet. Histoire de France. Paris, 1833—1867, t. VI, La Renaissance; G. Voigt. Die Wiederbelebung des klassischen Altertums, oder Das erste Jahrhundert des Humanismus. Berlin, 1859; русский перевод: Г. Фойгт. Возрождение классической древности, или Первый век гуманизма. Москва, 1884 (2 т.); J. Burckhardt. Die Kultur der Renaissance in Italien. Basel, 1860, русский перевод: Я. Буркхардт. Культура итальянского Возрождения. СПб., 1876 и СПб., 1904 (2 т.).

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 508.

вошедших в эпоху Возрождения изменений он ясно и определенно поставил глубокие, поистине революционные изменения в классовой структуре общества, то, что господствующее положение в этой концепции заняли представители нового, для того времени прогрессивного класса буржуазии, за которым стояли мятежное крестьянство и революционный пролетариат, класс, создавший новую, прогрессивную, почти всегда антицерковную, а нередко и антирелигиозную идеологическую систему.

Эта смелая, опережавшая свое время формулировка естественно не могла быть понята и принята господствующей буржуазной историографией, которая ограничивалась гораздо более осторожной концепцией, созданной Буркхардтом и его продолжателями.

Представление о Возрождении как о периоде революционном, подготавливающим новое время и его идеологию, идеологию светскую, в значительной мере антирелигиозную, в самом конце XIX и в первые два десятилетия XX в., с одной стороны, получило ряд подтверждений в изданиях и изучении большого числа неизвестных источников, с другой же стороны, подверглось разносторонней критике, с полным основанием обращавшей внимание на то, что представление это, особенно в том, ставшем наиболее распространенным его виде, который придал ему Буркхардт, слишком общо и метафизично. Прогрессивники Буркхардта утверждали, что вряд ли можно эпоху Возрождения, охватывающую примерно три века (XIV—XVI), рассматривать как единое, неизменное целое и цитировать для ее характеристики рядом Петрарку и Ариосто, Данте и Макиавелли и что образ типичного человека Возрождения, столь ярко обрисованный Буркхардтом, носит на себе в большой мере черты героя конца XIX в., прославленной Ницше надэтической, свободной от всяких ограничений личности, чем значительно более разносторонней и противоречивой личности XIV—XVI вв. Указывалось также на то, что разрыв между Возрождением с его идеологией и предшествующей эпохой феодализма с его церковным мировоззрением не существовал в столь резкой форме, как это думали Мишле, Фойгт и Буркхардт. Многие из этих исправлений и дополнений были правильными и прочно вошли в науку, другие были преувеличенными или ошибочными и наукой приняты не были; но как в том, так и в другом

случае концепция Возрождения как периода, во-первых, обособленного и революционного, имеющего свои ярко выраженные отличия, во-вторых, имеющего ярко выраженные антицерковные, а иногда и антирелигиозные черты, оставалась незыблемой. Хотя иногда и раздавались голоса отдельных авторов⁴, которые стремились доказать, что существовал не столько разрыв между Возрождением и средними веками, сколько связь между ними, и подчеркнуть религиозные аспекты Возрождения, но они особого резонанса не получали.

Положение резко изменилось после первой мировой войны и особенно после победы в нашей стране Великой Октябрьской социалистической революции, в которой немало людей не без основания видели осуществление многих чаяний, выдвинутых революционным Возрождением. Напуганная революцией буржуазия и ее историки принялись взапуски отрицать разрыв между средними веками и Возрождением, революционность последнего и особенно его антицерковность и антирелигиозность.

В трудах русского эмигранта, затем кардинала католической церкви В. Забугина⁵, вышедших в 20-х годах нашего века, Возрождение предстает как прямое продолжение средневековья, как эпоха, не только не отрицающая его религиозных идеалов, но даже, наоборот, обновляющая, «возрождающая» их на основе внимательного изучения античности. Ту же реакционную концепцию поддерживали и развивали в Италии Ольджиати⁶, в Германии Бурдах⁷, в Швейцарии Вальцер⁸. Все они,

⁴ См. E. Gebhart. *Les origines de la Renaissance en Italie*. Paris, 1879 (русский перевод: Э. Жебар. *Начало Возрождения в Италии*. СПб., 1900); он же. *L'Italie mystique*. Paris, 1890 (русский перевод: Э. Жебар. *Мистическая Италия*, СПб., 1900); H. Thode. *Franz von Assisi und die Anfänge der Kunst der Renaissance in Italien*. Berlin, 1885 (2-е изд.—1904); он же. *Michelangelo und das Ende der Renaissance*. Berlin (т. I, 1902; т. II, 1923; т. III, ч. 1, 1908; т. III, ч. 2, 1912).

⁵ V. Zabughin. *Storia del Rinascimento cristiano in Italia*. Milano, 1924; он же. *L'oltretomba classico medievale dantesco nel Rinascimento*. Pte. 1. *Secolo XIV e XV*. Firenze—Roma, 1922.

⁶ F. Olgiati. *L'anima dell'Umanesimo e del Rinascimento*. Milano, 1924.

⁷ K. Burdach. *Reform, Renaissance, Humanismus*. Berlin, 1918 (2-е изд.—1926).

⁸ E. Walser. *Studien zur Weltanschauung der Renaissance*. Basel, 1920.

стремясь доказать свои утверждения, несколько отличающиеся друг от друга в деталях, ставили перед собой одну и ту же цель — подчеркнуть религиозно-церковный характер Возрождения — и пользовались одними и теми же приемами: вырыванием отдельных цитат из больших текстов, в своей целостности утверждающих совсем не то, что пытались доказать на основании одной-двух фраз излишне увлеченные своими предвзятыми концепциями авторы, и ссылками на авторов или произведения сугубо второстепенные, совершенно не характерные для эпохи, не имевшие в то время сколько-нибудь широкого резонанса.

В результате такого препарирования источников, а иногда и просто голословных утверждений создавались концепции, по большей части противоположные тому представлению об эпохе Возрождения, которое в течение второй половины XIX и первых десятилетий XX столетия были созданы поколениями серьезных, тщательно работавших ученых. Возрождение выступило как период отнюдь не революционный, а сугубо консервативный и притом сохраняющий церковную религиозность как свою основную идеологию. А так как оценка Возрождения как эпохи, создавшей великие идеологические ценности, сохранялась и историками, отстаивавшими ее связи со средними веками, то получалось, что эти ценности ничем не обязаны революции, а наоборот, созданы богословски окрашенным консерватизмом, что и требовалось доказать буржуазным идеологам времени возникновения и разгула национал-социализма в Германии, фашизма в Италии и усиления реакционных элементов в США.

Характерно, что в Италии, стране, в которой Возрождение родилось и проявилось наиболее ярко, фашистское правительство Муссолини создало даже специальный «исследовательский» институт, возглавлявшийся махровым реакционером Дж. Папини⁹ и имевший целью полный пересмотр в реакционном духе всех представлений об эпохе Возрождения.

⁹ Институт издавал свой журнал — «La Rinascita». Работы Папини не имеют никакой научной ценности; назовем, например, носящую характерное название — «Подражание Отцу (т. е. богу). Очерки по Возрождению» — *L'imitazione del Padre. Saggi sul Rinascimento*. Firenze, 1942.

Наиболее яркое и получившее наибольшее распространение выражение подобные реакционные и притом научно совершенно не обоснованные взгляды на Возрождение нашли в многочисленных трудах печатающегося и поныне Дж. Тоффанина¹⁰, который в своих хаотических и туманных сочинениях пытается доказать, что историю Возрождения и его наиболее яркого цветка — гуманизма — можно начинать с момента падения римской империи, что гуманизм в какой-то мере существует до XVIII в., что характерной чертой его на протяжении многих веков явилось стремление примирить и согласовать античную культуру с христианством и что наиболее ярко это стремление проявлялось именно в Италии XIII—XVI вв., причем проявлялось в борьбе с безбожными тенденциями мыслителей-материалистов, действовавших в период, предшествующий Возрождению. Несмотря на явную бездоказательность и противоречивость сочинений Тоффанина, они не только пользовались широким распространением в 20—30-х годах нашего века, но и в настоящее время находят читателей, переводчиков и издателей, отвечая вкусам самой реакционной части буржуазного общества Западной Европы и Америки.

И тем не менее после разрома фашистских режимов в результате второй мировой войны и могучего усиления во всем мире лагеря прогрессивных, миролюбивых государств реакционные концепции Забугина — Тоффанина начали выходить из моды. Мало кто даже из ультрабуржуазных историков осмеливается в конце 40-х и в 50-х годах защищать полностью взгляд на Возрождение как на прямое продолжение средневековья, как на эпоху господствующей религиозности. Это обстоятельство ярко доказывается, например, тем, что на происходившем осенью 1952 г. во Флоренции Международном съезде историков, посвященном проблеме значения и границ эпохи Возрождения¹¹, ни один из шести доклад-

¹⁰ Из многих сочинений Тоффанина назовем: G. Toffani. *La fine dell'Umanesimo*. Milano — Torino, 1920; *Che cosa fu l'Umanesimo*. Firenze, 1921; *Storia dell'Umanesimo dal XIII al XVI secolo*. Napoli, 1933 (переиздания — в 1941, 1945, 1950) и особенно важный для данной книги сб. «*La religione degli umanisti*». Bologna, 1950.

¹¹ Доклады и прения, имевшие место на съезде, отражены в издании «*Il Rinascimento. Significato e limiti. Atti del III Convegno Internazionale sul Rinascimento*». Firenze, Palazzo Strozzi, 25—28 Settembre 1952.— *Ist. Naz. di Studi sul Rinascimento*, Firenze, 1953.

чиков или выступавших в прениях ученых не осмелился прямо защищать точки зрения Забугина — Тоффанина. Сам Тоффанин, присутствовавший на съезде, хранил на нем полное молчание.

Однако, несмотря на то, что отрицание специфики и утверждение религиозности Возрождения, казалось бы, не находят более открытых сторонников после падения фашистских режимов в Италии и Германии, взгляды эти отнюдь нельзя считать сданными в архив и на сегодняшний день. Если эти взгляды, столь явно противоречащие как показаниям источников, так и политической атмосфере времени после второй мировой войны, уже нельзя поддерживать в категорической форме и в полном объеме, то многие весьма серьезные буржуазные историки отстаивают их частично, делают им более или менее значительные уступки. Так, названный выше Анджелери в своей сводной работе о религиозной проблеме в эпоху Возрождения, показывая всю научную неприемлемость взглядов Забугина — Тоффанина, в своих собственных весьма осторожных высказываниях делает им явные уступки и, утверждая, что Возрождение было эпохой своеобразной и во многих своих проявлениях антицерковной, в то же время подчеркивает его связи со средневековьем и частые проявления в нем религиозно-церковных течений¹². Примерно на тех же позициях стоит и крупнейший буржуазный историк искусства Панофский в своей итоговой работе «Ренессанс и Ренессансы в западном искусстве», вышедшей в 1960 г.¹³, и ряд других исследователей последнего времени.

Таким образом, несмотря на то, что крайние концепции, отрицающие революционный характер и антицерковность Возрождения, в наши дни все реже и реже находят защитников, эти концепции не отброшены совсем: вокруг них продолжается борьба, в которой прогрессивный, стоящий на позициях настоящей науки историк не может и не должен оставаться нейтральным. Не может и не должен особенно в наши дни, когда Ватикан и другие центры церковников проявляют особую активность,

¹² С. Angeleri. Указ. соч.

¹³ E. Panofsky. Renaissance and renaissances in Western art. (2 тт.). Stockholm, 1960, «Figura», № 10 (издаваемой Уппсальским университетом).

стараясь использовать науку в своих реакционных целях, когда во главе ряда стран стоят правительства, тесно связанные с церковью, как огня боящиеся даже малейшего намека на революционность или антицерковность.

Понятно, что в этой обстановке острой идеологической борьбы, отражающей борьбу классовую, не остаются нейтральными многие и притом наиболее серьезные буржуазные исследователи. Это показывает, например, маститый историк экономики Италии А. Сапори, который в ряде своих работ¹⁴ решительно и смело отстаивает своеобразие и революционность Возрождения, отстаивает, несмотря на то что делать это в буржуазном мире отнюдь не легко. Близкую позицию занимает и старейший и авторитетный историк итальянской философии Дж. Саитта¹⁵.

Что касается советских исследователей эпохи Возрождения в ее различных проявлениях, то они в основном поддерживают взгляд на нее как на период революционный, особый и носящий явно выраженный антицерковный, а частично и антирелигиозный характер¹⁶.

Ввиду того что как термин «Возрождение», так и термин «Гуманизм» не получили еще четкого и однозначного содержания и в различных работах употребляются в разном смысле, оговорим, что в данной, как и в других наших работах, мы употребляем эти термины в следующем их понимании.

Возрождение — исторический период в истории Италии, падающий на 1250—1530 гг., в течение которого в рамках феодального общества появляются первые, быстро развивающиеся ростки общества нового, капитали-

¹⁴ А. Сапори. *Il Rinascimento economico*. Milano, 1955; он же. *Economia e cultura nel Rinascimento*.—*Rinascimento*, А. X, 1955, Ottobre.

¹⁵ G. Saitta. *Il pensiero italiano nell'Umanesimo e nel'Rinascimento*, t. I—III. Bologna, 1949—1951.

¹⁶ См., например, В. Н. Лазарев. Проблема Ренессанса и ее фальсификация в буржуазной науке эпохи империализма.—«Известия АН Армянской ССР». Ереван, 1951, № 4; он же. Против фальсификации истории культуры Возрождения.—Сб. «Против буржуазного искусства и искусствоведения». М., 1951; С. Д. Сказкин. К вопросу о методологии истории Возрождения и гуманизма.—Сб. «Средние века», т. XI, М., 1958.

стического, разрушается феодальное землевладение, крепостной труд заменяется трудом арендаторов, создается резервная армия труда, используемая в городском производстве, где цеховые мастерские превращаются в мануфактурные предприятия.

Складывавшийся в передовых центрах (Флоренция, Болонья и др.) новый класс — буржуазия — стремится перестроить окружающий мир по своим вкусам, по своему образу и подобию, причем в этой перестройке ей в течение длительного времени помогают широкие народные массы, враждебные старым, феодальным, порядкам.

Создается новая культура, заменяющая интерес к богу и проблеме греха интересом к человеку и окружающему его миру, новая философия, наука, литература, искусство. Одно наиболее характерное течение этой культуры, появляющееся в XIV в., особенно ярко в творчестве Франческо Петрарки и Джованни Боккаччо, затем широко распространяющееся по Италии и наконец достигающее особого расцвета в первой половине XV в., называется гуманизмом.

Отличительной чертой этого течения было выдвижение взамен старого безусловного авторитета Библии и писаний «отцов церкви» авторитета нового — античности, в первую очередь римской. Классический латинский язык, литературные и художественные памятники древнего Рима рассматриваются гуманистами как непревзойденные образцы. Старая феодальная культура во всех своих проявлениях полностью отрицается и высмеивается. Католическая церковь, бывшая носителем феодальной культуры, либо игнорируется, либо критикуется более или менее жестоко, начинают звучать и протесты против религии вообще, протесты, носящие характер атеистический.

Характерно и на первый взгляд парадоксально и то, что сама католическая церковь и ее руководители, начиная с пап, являвшиеся объектами резкой критики и насмешек гуманистов, яростно обороняясь от этой критики и от этих насмешек, в то же время в значительной мере принимают гуманизм если не в его революционной, прогрессивной сущности, то хотя бы в его внешних проявлениях. В папских документах — буллах, бреве, дипломатических посланиях, историографически-панегири-

ческих произведениях — применяется возможно более чистый, классический латинский язык, восстановленный гуманистами. Античная терминология, примеры из античной истории получают распространение в церковном речевом обиходе. Хорошим тоном становится собирание памятников античного искусства — монет, медалей, камей, скульптурных произведений. Античный стиль делается непререкаемым образцом во всех областях искусства и в первую очередь в архитектуре, на которую тратятся громадные суммы.

Делается все это для того, чтобы поднять авторитет папства, безнадежно поколебленный годами «Авиньонского пленения» и «Великого раскола», поднять его даже ценой формального принятия ставшей модной идеологической системы гуманизма, само собой разумеется, категорически лишив эту систему ее прогрессивной сущности, сохранив только ее внешнюю оболочку.

В период максимального влияния гуманизма, совпавшего хронологически с окончанием «Великого раскола», главы католической церкви понимают, что сохранение верности старым идейным канонам, старому языку, старому быту означало бы полный и окончательный провал, безнадежное отставание и, следовательно, гибель, а католическая церковь и особенно ее властители отнюдь не хотели умирать, а потому готовы были идти на любую маскировку.

Маскировка эта доходит до того, что на папский престол возводятся профессиональные гуманисты — Томмазо Парентучелли, принявший имя Николая V (1447—1455), и Эней Сильвий Пикколомини (1458—1464) — Пия II. Первый из них был до избрания скромным учителем гуманистических дисциплин в богатых итальянских домах, второй — видным и не без основания подозревавшимся в вольнодумии писателем гуманистического духа. Но оба, вступив на «престол св. Петра», сохранили от гуманистических увлечений только меценатскую любовь к античным памятникам и отчасти к своим старым товарищам по перу.

Чрезвычайно показательно, что папа Николай V в своем завещании прямо признается в том, что он сохраняет симпатии к гуманистической образованности и тратит громадные средства на возведение построек в античном стиле для того, чтобы «сохранить высокий

авторитет римской церкви» и производить максимальное впечатление на народные массы¹⁷.

Что же касается Пия II, то он вскоре после избрания на папский престол отрекается от гуманистических увлечений своей молодости и от своего вольнодумия в широко известных словах: «Отвергните Энея (его имя до вступления в ряды духовенства.— М. Г.), Пия примите», и весь свой понтификат посвящает церковным делам и в первую очередь безнадежной организации крестового похода против турок.

И все же проникновение гуманизма в самую цитадель католической идеологии, в папский Рим, явление показательное; оно говорит, во-первых, о повсеместности распространения новых идей, во-вторых, об ослаблении оборонной способности этой цитадели, принужденной, пусть временно, принимать для своего спасения гуманистическую маскировку.

Такова точка зрения составителя настоящего сборника на трудную и спорную проблему Возрождения, гуманизма и их отношения к церкви и религии. Но поскольку нельзя назвать работу, которая исчерпывающе освещала бы эту, как видно из предшествующего изложения, сложную проблему и обосновывала бы сформулированную выше концепцию, постольку ясно, что широкие читательские круги нашей страны, проявляющие живой и постоянно растущий интерес к историческим проблемам, имеют полное право на то, чтобы получить если не готовые исследования, то хотя бы доброкачественные материалы по этой проблеме.

II

Настоящий сборник ставит своей целью дать советскому читателю некоторые материалы об отношении гуманистов Возрождения к религии и церкви. Подбирая их, мы стремились включить лишь такие источники, которые являются характерными, представляющими эпоху, а не случайными. В качестве критерия мы пользовались в первую очередь известностью того или иного

¹⁷ Завещание папы Николая V дошло до нас в пересказе его биографа, гуманиста Джаноццо Манетти, и опубликовано в новом издании «Regum italicarum scriptores». Citta di Castello, 1913, t. III, ps. II, стр. 949—950.

произведения, его широким распространением в Италии XV—XVI вв., количеством его рукописных списков и, позже, изданий, полемикой, которая вокруг него возникла.

Бряд ли кто-нибудь может отрицать, что виднейшие гуманисты XV в. были деятелями, в значительной мере обрисовывавшими наиболее характерные черты Италии этого времени, почему мы и уделили основное место их сочинениям. Здесь представлены работы наиболее крупных гуманистов XV в. — тех, отрывками из сочинений которых часто аргументируют свои «концепции» отрицатели специфики и антицерковности Возрождения. Читатель найдет здесь работы Леонардо Бруни (Аретино), Поджо Браччолини, Лоренцо Валлы, Бартоломео Платины, Джан Джовиано Понтано.

Несколько другой характер носят только «Мемориал» Леонардо Терунды и последнее из публикуемых здесь произведений — сочинение Антонию Галатео. Ни их авторы, ни сами сочинения не были широко известными, но мы все же включили их потому, что они хорошо дополняют широко известные в свое время произведения знаменитых гуманистов, выпукло показывая тот народный фон, на котором действовали и творили последние.

Произведения гуманистов, включенные в настоящее издание, публикуются целиком, чтобы не было основания для упрека в препарировании источников с целью внушить читателю наши взгляды, упрека, который вполне может быть сделан подавляющему большинству историков, отстаивающих религиозный характер Возрождения. Не полностью здесь дается лишь текст «Отшельника» Антонию Галатео (он печатается по единственной его научной публикации Е. Гарина, изданной с незначительными купюрами, причем купюры эти совершенно не затрагивают общей концепции сочинения и проведены издателем исключительно с целью избавить читателя от явных и излишних повторов) и отрывок из обширного сочинения Бартоломео Платины «Книга о жизни Христа и всех первосвященников», посвященный заговору против папы Павла II. Отрывок этот включен потому, что нет другого гуманистического текста, посвященного этому интереснейшему событию, а публиковать все сочинение Платины целиком не представляется возможным

ввиду его большого объема. Подбирая тексты для настоящего сборника, мы старались избежать однообразия, представить произведения разного типа, с разной аргументацией и по возможности разной литературной формы.

Само собой понятно, что при этом мы отнюдь не стремились, да и не могли стремиться, к полному охвату всех источников, посвященных данной теме. В пределах одной небольшой книги это было бы явно нереальным. Вне книги остался, например, имевший громадный резонанс в XV в. и в последующие века трактат Лоренцо Валлы «Об истинном благе, или О наслаждении». Не включили мы его, во-первых, потому, что по своему объему он значительно превосходит все остальные источники, даваемые нами, и тем самым нарушил бы композицию настоящего издания, во-вторых, потому, что к моменту сдачи последнего в производство еще не вышло в свет давно подготовляемое первое научное издание трактата¹⁸ (см. стр. 30—31).

Включая в наше издание только сочинения определенного характера, т. е. такие, которые посвящены более или менее резкой критике, а то и полному отрицанию церкви и религии, мы отнюдь не хотели составить у читателя впечатление, что в Италии XV в. отсутствовали сочинения противоположного содержания, сочинения чисто церковно-религиозные, отстаивающие реакционные идеалы. Такие сочинения существовали; достаточно назвать работы и деятельность феррарско-флорентинского фанатика-реформатора Джироламо Савонаролу или трактат ожесточенного врага гуманизма, видного церковника Джованни Доминичи «Светляк в ночи»¹⁹, чтобы убедиться в их наличии. Однако они либо отражали мнения, вкусы и настроения отсталой, отнюдь не влиявшей на судьбы культуры Италии XV в. части ее населения, в первую очередь его рефеодализирующейся верхушки, и имели весьма малое распространение, либо относились к самому концу века, когда в обстановке общего упадка социальной, экономической и политической жизни страны

¹⁸ Трактат Валлы должен быть издан в Цюрихе под редакцией M. De Panizza Lorch в серии «Thesaurus Mundi».

¹⁹ Johannes Dominicus. *Lucula Noctis*. Ed. R. Coulon. Paris, 1908. Новое, значительно более современное издание — Ed. Hunt. N. Y., 1940.

резко усиливались реакционные идеологические течения, что нашло особенно яркое выражение во Флоренции Лоренцо Медичи с ее Платоновской Академией и в общем усилении религиозно-мистических настроений.

Вряд ли можно оспаривать то, что не автоматически повторяющийся религиозный ширпотреб и не работы последних лет XV в., периода глубокого падения, характеризуют идеологический облик Италии всего XV в. Его определяют те сочинения, которые создавались во время расцвета культуры, усиленно читались и переписывались, обсуждались, позднее печатались и действительно были плотью от плоти бурного, противоречивого, но в основном революционного итальянского кваттроченто (т. е. XV в.). Именно с такими произведениями мы и стремимся познакомить читателя. Два же произведения другого рода, названные нами выше — «Мемориал» Террунды и «Отшельник» Галатео, не имевшие широкого распространения и мало известные, мы даем читателю для того, чтобы отвести нередко делавшееся заключение, что взгляды и мнения ученых и рафинированных гуманистов не имели отклика в народе. Оба эти сочинения говорят об обратном. Можно быть уверенным, что таких народных произведений, посвященных критике церкви и религии, было значительно больше, чем нам сейчас известно. Многие из них, может быть, и вообще никогда не были записаны, а передавались устно, другие нашли отражение в немногих рукописях и либо пропали в течение веков, либо еще хранятся в пыли архивов. Эти грубоватые, нередко неуклюжие произведения в сочетании с литературно отделанными творениями крупных писателей, составляющими основное содержание сборника, дают, как нам кажется, возможность более полно и выпукло восстановить идейную атмосферу Италии XV в.

III

Первым автором, сочинение которого включено в сборник, является Леонардо Бруни²⁰, известный под прозвищем Аретино, т. е. Аретинец — по городу Ареццо,

²⁰ О Леонардо Бруни до сего времени не существует сколько-нибудь удовлетворительной и обобщающей работы. Из имеющихся работ назовем: Fr. Beck. Studien zu Leonardo Bruni. Leipzig, 1912; J. Freudenthal. Leonardo Bruni als Philosoph.— Neue Jahrb. f. d.

в котором он родился (1374—1444). Выходец из низов, добившийся всего своим упорным трудом и смелым, самостоятельным умом, Бруни стал общепризнанным вождем третьего поколения гуманистов. Подхватив боевые лозунги и идеи, выдвинутые в середине XIV в. создателями этой новой идеологии, Петраркой и Боккаччо, и широко распространенные и популяризированные в конце этого же века их учениками — Колуччо Салутати, Джанпоццо Манетти, Никколо Никколи и другими, — Леонардо Бруни добавил к ним многие новые темы и трактовки. Оставаясь в общем верным основным принципам уже оформившегося к его времени гуманизма, он кое-что радикально изменил в нем, став вождем той многочисленной группы гуманистов-профессионалов, которая в течение всей первой половины XV в. являлась руководительницей передовой идеологии не только в Италии, но в какой-то мере и во всей Европе.

Бруни занимал ряд административных должностей: канцелярского секретаря, канцлера Флорентинской республики. Последняя с легкой руки его друга и учителя Колуччо Салутати стала теперь традиционно замещаться одним из виднейших представителей гуманистического движения, причем именно Бруни много способствовал тому, что гуманизм стал официальной идеологией правящих кругов Флоренции, с которой была связана наиболее яркая часть деятельности многих поколений гуманистов. Несомненно, под влиянием личности и сочинений, вышедших из-под чрезвычайно продуктивного пера Бруни, а также его друзей, единомышленников и учеников, гуманистическая идеология стала не только модной, принятой всеми уважающими себя людьми Италии — от правителя государства до скромного аптекаря или ткача, — но она прочно вошла в систему мышления всех слоев общества, даже тех, кто по тем или иным идеоло-

klassische Altertum, XXVIII, 1911; особенно заслуживают внимания работы: Н. В а г о н. Forschungen über Leonardo Bruni Aretino.— Arch. f. Kulturgeschichte, 1951, XXIII; он же, фундаментальные монографии, посвященные в основном Л. Бруни и его сочинениям: «Humanistic and political literature in Florence and Venice at the beginning of the Quattrocento». Harvard, 1954; «The crisis of the Farly Italian Renaissance...» (2 тт.) Princeton, 1955; E. G a r i n. Leonardo Bruni.— Giorn. critico filosofia italiana. 1952, XXXI; B. L. U i l m a n. Leonardo Bruni and Humanistic historiography.— Studies in the Italian Renaissance. Roma, 1955.

гическим соображениям вовсе и не хотел принимать ее. Можно было стараться сохранять старые средневековые идеалы и с насмешкой или даже с жестокой ненавистью относиться к внешним проявлениям гуманизма, но уже нельзя было не знать хотя бы понаслышке Сенеку и Цицерона, Тита Ливия и Плиния, а позже — Аристотеля и Платона. Нельзя было писать на старом варварском средневеково-латинском языке или не восхищаться античными памятниками искусств, но можно было даже духовному лицу назвать бога Юпитером или святых — бессмертными богами. Нельзя было слишком часто ссылаться на Библию и говорить о преховности или добродетельности того или иного поступка или человека, но вполне можно было восхищаться его античной доблестью, так называемой *virtu*, и ссылаться на примеры древних богов и героев, спорить о гражданском мужестве и о сравнительных достоинствах основателя тирании Цезаря или тираноубийцы Брута.

Леонардо Бруни и его сочинения играли в распространении новых идей решающую роль. Сочинения эти многочисленны и разнообразны. Здесь и нашумевшие на всю Европу диалоги «К Петру Гистрию» (1401—1405), в которых группа гуманистов (Салутати, Никколи, Росси и сам автор) спорит об оценке творчества трех великих флорентинских писателей — Данте, Петрарки и Боккаччо, — аргументируя свои мнения главным образом соображениями и материалами, заимствованными из античности. В ходе спора один из участников его, Никколо Никколи, произносит фразу, чрезвычайно ярко характеризующую антикизирующую тенденцию гуманистов третьего поколения: «Одно стихотворение Вергилия или одно письмо Цицерона я ставлю выше всех сочинений Петрарки». Здесь и диалог «О знатности», доказывающий, что истинная знатность базируется на личной доблести, а не на унаследованных родовитости или богатстве. Здесь и трактат «О военном деле», ратующий за регулярную армию, состоящую из граждан государства, а не из наемников. Здесь и многочисленные письма, представляющие собой небольшие, часто остро полемические или пропагандистские сочинения, посвященные тому или иному частному вопросу.

Весьма большое значение в развитии идеологии Возрождения имели исторические работы Бруни, в первую

очередь «12 книг флорентинской истории» (1437—1444), написанные им как официальным историографом республики. В этом, первом после средневековой аналитики, истинно историческом сочинении, проникнутом духом воинствующего республиканизма и горячего флорентинского патриотизма, Бруни последовательно применяет принцип критики источников, на которых строится изложение, не останавливаясь перед общепризнанными авторитетами, смело высказывая свои, нередко разрушающие веками укрепившиеся убеждения, взгляды.

Такую же смелую, самостоятельную критику средневековых взглядов и верований, отнюдь не умерших еще в начале XV столетия, мы находим и в публикуемом в настоящем издании небольшом латинском трактате Бруни «Против лицемеров». Трактат этот, написанный в марте 1417 г., явился родоначальником целой серии гуманистических произведений на ту же тему, написанных другими авторами. Наиболее характерные и значительные из этих произведений мы публикуем далее.

«Трактатец» Бруни посвящен прямому, страстному, гневному обличению монашества. В некоторых рукописях и изданиях он назван «речью» и действительно его ясное построение и ораторский задор напоминают речи античного Рима, в частности, столь популярные в среде гуманистов речи Цицерона.

Выступления против монахов, и притом иногда весьма резкие, встречались нередко и в догуманистической практике, например, в еретических учениях и в раннегуманистической и в догуманистической литературе. Классическими примерами таких выступлений являются сборники новелл: «Декамерон» Джованни Боккаччо или «300 новелл» Франко Саккетти, или французские «фаблио» XII—XIV вв. Но во всех этих прозаических или стихотворных произведениях критике подвергаются отдельные представители монашества, их пороки и преступления, в то время как институт монашества как таковой, являющийся важной составной частью организационной и догматической структуры католической церкви, отнюдь не затрагивается. Иное мы видим у Леонардо Бруни. Здесь, наоборот, мы не встретим конкретных примеров, указаний на отдельные, индивидуальные случаи, вопрос ставится здесь принципиально, в общей форме.

Монашество осуждается автором с этической (и только с этической) точки зрения как институт по самому своему существу порочный, так как он поощряет лицемерие, внимание к внешнему виду за счет внимания к внутренней истинной добродетели, заботу о чужой жизни, и притом заботу чаще всего показную, вместо совершенствования жизни собственной.

Аргументация автора проста и ясна; он иногда не может удержаться от гневных эпитетов или ругани, иногда переходит к прямому обращению к своему воображаемому противнику, обуреваемый справедливым гневом и страстным возмущением; он нередко повторяет одни и те же аргументы в нескольких вариантах, не отвлекаясь на какие-либо другие линии рассуждения и достигая тем большей убедительности и эмоциональной насыщенности.

Написанный на сравнительно простой как по словарю, так и по синтаксису латыни, трактат Бруни очень редко ссылается на античных авторов и на примеры из истории древнего Рима, но это не лишает его ярко выраженного гуманистического характера. Чисто церковный вопрос о монашестве как организации он решает, почти не обращаясь к цитатам из Библии или «отцов церкви» и почти не затрагивая проблем религии как таковой. Даже самые слова «монашество» или «монахи» отсутствуют в тексте. Его бурный пафос направлен против некой группы лицемеров, в которой, однако, всякий читатель-итальянец XV в. легко мог узнать монахов. Такая весьма прозрачная маскировка делала сочинение неуязвимым для церковной критики.

Простота, ясность установки и речи и увлекающий темперамент сочинения Леонардо Бруни обеспечили ему успех у современников, определили собой то, что ученики и последователи гуманиста нередко уделяли внимание той же теме.

В частности, прямым продолжателем Бруни в деле критики монашества как организации явился второй крупнейший гуманист первой половины XV в. Поджо Браччолини (1380—1459)²¹. Будучи всего на шесть лет

²¹ О Поджо см. остающуюся до сего времени наиболее детальной и полной работу E. Walsert. Poggius Florentinus. Leben und Werke. Leipzig, Berlin, 1914 и более поздние частные исследования:

моложе Бруни, Поджо после смерти Бруни (1444) стал признанным главой флорентинского гуманистического движения. Он продолжал большинство начинаний своего предшественника, в частности, «12 книг флорентинской истории». Как и Бруни, вышедший из низов, с большим трудом пробившийся в круг гуманистов, ученик Колуччо Салутати, затем папский секретарь во время последних лет «Великого раскола» и активный участник Констанцского собора, с этим расколом покончившего, Поджо завершил свою жизнь на том же посту канцлера Флорентинской республики (1453—1459), который до него занимали гуманисты Салутати, Бруни и Марсупини.

Человек громадной энергии и неукротимого темперамента, Поджо стал как бы знаменосцем гуманизма XV в., в очень большом количестве произведений на разные темы и в разных жанрах отстаивая его идеи, в многолетних, иногда далеких странствованиях разыскивая и часто находя дотоле неизвестные сочинения античных писателей, переписывая их, исправляя их тексты и широко распространяя их среди своих единомышленников. Такие тексты, как поэма Лукреция «О природе вещей»,— одно из наиболее значительных произведений древности, отстаивающих материалистическое мировоззрение, или трактат «Наставление в ораторском искусстве» Квинтилиана, устанавливающий нормы классического красноречия, были найдены им и введены в научный обиход.

Поджо посвящает свои сочинения вопросам морали, политики, истории, филологии, пишет громадное количество писем, представляющих собой, как и письма Петрарки и Бруни, небольшие, своеобразные по форме трактаты на разные темы, участвует в ряде полемических споров по животрепещущим проблемам гуманисти-

G. B. Gutkind. Poggio Bracciloni's geistige Entwicklung.— Deutsche Vierteljahrschr. f. Litteraturwiss., 1932, X; E. G a r i n. Una pagina di Poggio Bracciolini. Miscellanea archivistica ad A. Mercati. Città di Vaticano, 1952; H. S. S a l o m o n. Poggio Bracciolini und Johannes Hus.— J. Warburg and Courtauld Inst., Vol. XIX, Jan.— June, N 1—2. 1956; B. L. U l l m a n. Poggio's Manuscript of Livy and other authors. Studies in Renaissance. Roma, 1955; см. также новейшую общую характеристику — R. R o e d e l. Poggio Bracciolini nel quinto Centenario della morte.— Rinascimento, A. XI, 1960, N 1, стр. 51—67.

ческой идеологии, не брезгуя самыми грубыми обвинениями и упреками по адресу своих противников.

Все его многочисленные произведения написаны на латинском языке, о классической красоте которого Поджо очень заботился, все они чрезвычайно далеки от схоластической сухости и скуки, написаны живо, темпераментно и доходчиво. Поджо стремится так овладеть любыми тонкостями и оттенками латинского языка, чтобы он не казался мертвым, а жил и играл всеми красками народной речи. Он обильно насыщает изложение короткими, но яркими случаями из жизни своего времени, анекдотами, остротами, пишет даже особый сборник таких анекдотов и острот — «Фацеции», — имевший большой успех у современников, над которым он работал ряд лет (1438—1451) и в котором достиг настоящей виртуозности во владении латинской прозой, поставленной на службу запросам того времени²².

«Фацециям» придана литературная форма случаев, рассказываемых друг другу папскими секретарями-гуманистами в той из зал папской резиденции, которая по этим рассказам получила шутовское наименование «вральни» (*buggiale*). Но не гибкая легкая латынь, не живая литературная форма представляет для нас основной интерес, — интерес представляет идеологическая направленность сборника, его основной адрес: большинство анекдотов, входящих в него, носит остро сатирический характер, бичует пороки и смешные стороны в поведении и жизни людей, обличает недостатки в обществе своего времени и в первую очередь в жизни католической церкви и папского двора, к которому автор имел на протяжении долгого времени непосредственное отношение. Критика церкви, ее порядков и ее представителей занимает в сборнике настолько значительное место, что не без основания может быть высказано предположение, будто именно эта критика и была целью написания всей книги, а рассказы другого содержания включены в нее для отвода глаз.

²² «Фацеции» Поджо издавались бесчисленное количество раз как в подлиннике, так и в переводах на различные языки. Существует и хороший русский перевод их, выполненный под редакцией и с интересным предисловием А. К. Дживелегова — Поджо Браучолини. Фацеции, М., 1934.

Однако если даже критика пороков церкви является основной целью «Фацеций», то все же критика эта носит настолько частный характер и облечена по самому жанру сочинения в настолько безобидную форму смешного анекдота, что тема эта не бросилась в глаза современникам и не бросается теперь, хотя, несомненно, сборник Поджо при всей своей кажущейся безобидности сыграл немалую роль в подрыве авторитета католицизма, так как имел очень большой успех и большое распространение.

Другой характер носит, хотя и во многом близкий к «Фацециям», диалог Поджо «Против лицемеров» (1449). Написанный под явным влиянием сходного с ним как по содержанию, так и по названию сочинения Леонардо Бруни, хотя и на 32 года после этого сочинения и через пять лет после смерти его автора, а может быть, и под влиянием посвященного той же теме диалога молодого Валлы (см. ниже), диалог Поджо — более принципиален и более доходчив. Форма диалога выдержана здесь литературно последовательно, каждый из участников наделен индивидуальными чертами, разговор между ними идет живой и увлекательный, все довольно обширное сочинение читается легко и поражает своей убежденной искренностью.

Разговор происходит во Флоренции, в доме гуманиста — друга Поджо и его предшественника на посту канцлера Флорентинской республики, Карло Марсупини (1399—1453), — в его богатой античными рукописями библиотеке. Приехавший из Рима автор приходит навестить своего товарища и единомышленника, которого он застаёт за чтением греческого текста «Республики» Платона. Между ними происходит оживленная беседа о римской курии при новом папе-гуманисте Николае V. В разгар беседы приходит Джироламо Аретино — аббат монастыря Санта Флора и Санта Лучилла в Ареццо, монах, близкий к гуманистам, во многом разделяющий их взгляды — и принимает участие в споре. Главным оратором, наиболее резко и решительно выступающим не только против отдельных грехов и злоупотреблений монахов, но и против монашества в целом, является хозяин — Марсупини, в то время как оба гостя частично подтверждают его критику, частично же вносят в нее некоторые оговорки. При этом собеседники не ограничи-

ваются, как это делал Бруни в своем разобранном выше сочинении, соображениями и обличениями общего, теоретического порядка, касающимися всех монахов как таковых, а, начиная с них, приводят множество примеров, рисуют конкретно и индивидуально целую галерею монахов-лицемеров, называемых по имени и получающих живую и яркую характеристику. Здесь и ожесточенный враг гуманистов и гуманизма вообще, мракобес и карьерист, автор антигуманистического сочинения «Светляк в ночи» Джованни Доминичи (1357—1419), сначала простой монах доминиканского ордена, а затем кардинал католической церкви, провозгласившей его после смерти «блаженным». Здесь и видный гуманист Амброджо Траверсари (1386—1459), монах ордена камальдулов, затем генерал этого ордена, канонизированный церковью. Здесь и два папы, Григорий XII и Евгений IV, и многие другие.

Для того чтобы не казаться пристрастным и не навлечь на себя гнева церкви, Поджо выводит и положительный персонаж, кардинала Никколо Альбергати (умер в 1443 г.), друга и покровителя гуманистов, однако характеристика его кратка и бесцветна и к тому же является единственной. Зато рассказ о прочих — основных героях сочинения — ярок и занимателен, он нередко принимает форму новеллы-анекдота, напоминающего короткие рассказы «Фацевий», но более жизненный и документированный. Многие из деятелей итальянского quattrocento, обычно раскрашиваемые современными нам реакционными исследователями в самые радужные тона и выставляемые ими в самом положительном свете, получают здесь характеристику столь же уничтожающую, сколь и бесспорную.

В общем диалог Поджо «Против лицемеров», произведение чрезвычайно доходчивое и убедительное, так же как и во многом отличные от него «Фацевии», явился одним из краеугольных камней формирования мировоззрения передовых кругов Италии XV в., а через них и далеко за их пределами.

Сильно отличается как от «Фацевий», так и от диалога «Против лицемеров», хотя и перекликается с последним, второе произведение Поджо, включенное в настоящий сборник. Это написанная в форме письма к Леонардо Бруни 29 июня 1416 г., во время присутствия

Поджо на Констанцском соборе, т. е. примерно на 34 года раньше издания диалога, апология ближайшего друга, единомышленника и сподвижника Яна Гуса — Иеронима Пражского, вызванного, как и Гус, на суд собора, осужденного и сожженного в присутствии Поджо.

Во время процесса и сожжения мужественного реформатора и вождя чешского народа Гуса (сожжен 6 июля 1415 г.) Поджо находился вне Констанца: он путешествовал по империи в поисках античных рукописей. Встреча лицом к лицу со вторым представителем чешского реформационно-революционного движения, жестокое и несправедливое к нему отношение церковников и особенно не поколебленные никакими мученьями и самой страшной смертью — на костре — самообладание, чувство собственного достоинства и дар красноречия этого бесстрашного человека произвели на сравнительно молодого гуманиста (ему было 35 лет) глубокое впечатление, которым он и поспешил поделиться со своим старшим товарищем и в какой-то мере учителем Леонардо Бруни.

Хотя в данном случае эпистолярная форма явилась, по всей вероятности, вполне естественной и письмо было действительно послано из Швейцарии во Флоренцию, однако применение именно этой формы, несомненно, было подсказано традицией, к началу XV в. уже укоренившейся в гуманистической среде, — придавать форму письма небольшим сочинениям, посвященным особенно животрепещущим проблемам, острой полемике или высказыванию новых, смелых идей. Уже создатель основных характерных черт гуманистической идеологии Франческо Петрарка широко пользовался эпистолярной формой для изложения своих наиболее самостоятельных мыслей и положений, и за ним шли в этом направлении многие его ученики и ученики его учеников.

Письмо Поджо было невелико по размерам, причем частный, интимный характер делал его менее уязвимым для всякого рода критики и в первую очередь для критики церковной; оно легко копировалось и распространялось, передаваясь из рук в руки, так что нередко служило чем-то вроде газеты нашего времени. Как письма Петрарки, так и письма Леонардо Бруни и Поджо часто становились широко известными в гуманистических кругах и за их пределами очень скоро после своего на-

писания, что и случилось с письмами Поджо из Констанца, в частности с письмом о героической смерти Иеронима Пражского.

Написанное в приподнято-взволнованном тоне, оно не содержит никаких прямых выпадов против церкви и ее представителей, осудивших образованного и мужественного реформатора; только что начинающий свою карьеру гуманист, материально зависящий от церковников, не мог себе позволить таких выпадов, но он характеризует образ Иеронима с такой явной симпатией, переходящей в восхищение, что чешский реформатор становится как бы символом сильной и смелой, выступившей на борьбу с официальной церковью человеческой личности, погибшей в этой борьбе, но самой своей гибелью поставившей нетленный памятник достоинству человека и его неустранимости. Провозглашение и прославление сильной, смелой личности составляло самую сердцевину гуманистической идеологии и неизбежно сталкивало ее не только с церковью, но и с христианской религией вообще, проповедовавшими покорность и бессилие человека.

Даже среди других произведений Поджо, вообще широко переписывавшихся и читавшихся, письмо о казни Иеронима пользовалось особой популярностью и было известно в Италии всем гуманистам, и не только им.

Может быть, не менее известны и производили не меньше впечатления, чем работы Поджо, критикующие церковь и ее институты, сочинения писателя, более молодого и не без основания претендующего на первое место среди гуманистов XV в.— Лоренцо Валлы (1407—1457) ²³.

²³ Единственной полной, хотя и устаревшей биографией остается G. Mancini. Vita di Lorenzo Valla. Firenze, 1891; см. также R. Sabbadini. Cronologia della vita del Panormita e del Valla. Firenze, 1891. Наиболее новый и полный анализ творчества Валлы дает монография Fr. Gaeta. Lorenzo Valla. Filologia e storia nell'Umanesimo italiano. Napoli, 1955. Отношению Валлы к церкви и религии посвящены статьи: G. Radetti. La religione di Lorenzo Valla.— Medioevo e Rinascimento. Studi in onore di B. Nardi, t. II. Firenze, 1955, стр. 595—620 и конфессионально направленная статья: N. Y. Grimm. Lorenzo Valla's christianity.— Church History, XVIII, стр. 75—88. См. также: Н. В. Ревякина. Политическое значение трактата Лоренцо Валлы «Заявление о ложном и вымышленном дарении Константина».— Вестник Московского университета. М., 1961, № 4, стр. 35—53.

Уроженец Рима, ученик известного гуманиста Джованни Ауриспы, Лоренцо Валла тщетно стремился найти применение своим недюжинным способностям и исключительным знаниям древних языков в родном городе, где все места, на которые мог претендовать он, были заняты и ревнивый и эгоистичный Поджо стремился не допустить никого, кто мог бы стать ему опасным. В 1430—1433 гг. Валла преподает в Павийском университете и набрасывает первый вариант своего крупнейшего произведения — диалога «О наслаждении». Затем он бродит из города в город, останавливаясь на непродолжительное время в Ферраре, Милане, Генуе и Флоренции, всюду резко критикуя своих товарищей-гуманистов и создавая крупные и мелкие произведения. С 1435 г. он — в Неаполе на службе у захватившего юг Италии короля Альфонса Арагонского, где он работает чрезвычайно интенсивно, выпуская, между прочим, имевшие большой резонанс трактаты «О свободе воли» и особенно «О красотах латинской речи» («Элегантции»). Там же он пишет и оба сочинения, включенные в настоящий сборник: диалог «О монашеском обете» и «Рассуждение о подложности, так называемой Дарственной трамоты Константина».

В 1448 г., после того как на папский престол вступил под именем Николая V (1447—1455) гуманист и покровитель гуманистов Томмазо Парентучелли, несмотря на то, что оба названные выше произведения уже широко прославили Валлу как ожесточенного критика папства и всей структуры католической церкви, он снова в Риме и даже при папском дворе, для которого он выполняет несколько крупных литературных работ, в частности, переводит с греческого на латинский язык сочинения Фукидида и Геродота и пишет новый вариант трактата «О красотах латинской речи».

Годы 1451—1452 заполняет для Валлы его ожесточенная и не всегда, как следовало бы, спокойная и научно объективная полемика со старым Поджо (он был на 27 лет старше Валлы), против которого он пишет пять больших писем — инвектив. Среди различных литературных работ Валлы в это время появляются и труды, носящие богословский характер, — например, речь «О таинстве пресуществления» или «Похвала святому Фоме Аквинскому», — явно продиктованные необходимостью

приспосабливаться к требованиям папского двора, к которому теперь принадлежал ранее столь резко критиковавший его гуманист. Может быть именно необходимость постоянно приспособляться, лицемерить, кривить душой, а также полная буря и волнений предшествовавшая жизнь привели Валлу, еще не достигшего 50 лет, к тяжелой болезни, а затем и к смерти 1 августа 1457 г.

Лоренцо Валла выдвинулся из числа своих старших товарищей-гуманистов в первую очередь как филолог, как глубокий и тонкий знаток классического латинского и греческого языков, как острый и беспощадный критик текстов, в которых он с неподражаемой тонкостью умел отличить подлинное от фальшивого и позднего. Его латинский язык своим утонченным изяществом не уступает наиболее сложным текстам римского языка I в. н. э., а его неоднократно переделывавшийся и отшлифовывавшийся трактат «О красотах латинской речи», несмотря на свой сугубо специальный характер, делающий его весьма трудным и скучным для читателя нашего времени, пользовался прямо-таки непонятной популярностью, читался, переписывался, а затем и перепечатывался многократно.

Однако не меньшее место в творчестве весьма плодovitого Валлы занимают его произведения, посвященные критике католической церкви как организации и христианской религии вообще. Самым обширным и сложным из трудов этого рода является диалог «О наслаждении, или Об истинном благе». Как и над трактатом «О красотах...», Валла работает над этим сочинением много лет, во всяком случае с 1431 по 1441 г., — меняет в нем собеседников, аргументацию, даже самое название²⁴. Так, в первом варианте сочинение называлось «О наслаждении», действие его разворачивалось в Риме, причем в качестве главных собеседников выведены крупнейшие гуманисты — неаполитанец Антонио Бекаделли, более известный под литературным псевдонимом Панормита, и флорентинцы Леонардо Бруни и Никколо Никколи, — а в качестве второстепенных — два дяди автора, Мэльхиоре Скрибани и Никколо Тартарино,

²⁴ См. об этом M. de P a n i z z a. Le tre redazioni del «De voluptate» del Valla.— Giorn. storico della letteratura ital. 1954, CXXI, стр. 1—22.

секретари папской канцелярии, а также гуманисты Антонио Лоски, Ченчо де Рустичи, Поджо Браччолини, Антонио Арена и, наконец, сам Валла.

В последней редакции, названной «Об истинном благе», действие перенесено в Павию, главными собеседниками становятся менее крупные и известные ломбардские гуманисты. За десять лет работы над диалогами их объем вырос почти вдвое, а текст пережил серьезные изменения, направленные на ослабление их наиболее смелых эпикурейских высказываний и на усиление высказываний правоверно-христианских. Однако при изменении многих элементов диалогов их общая структура остается неизменной. Три главных собеседника защищают в них последовательно эпикурейскую, стоическую и христианскую философию. Автор не делает определенного выбора между этими системами, не дает предпочтения ни одной из них, но, несмотря на то, что последним в обоих вариантах говорит защитник христианства, и на то, что речь его заслуживает одобрение собеседников, с наибольшей страстью, симпатией и увлечением Валла пишет первую речь, излагающую и защищающую эпикурейское учение, так что не остается почти никакого сомнения в том, что его симпатии находятся отнюдь не на стороне христианского мировоззрения.

Первое из антицерковных сочинений Лоренцо Валлы, включенных в настоящий сборник,— диалог «О монашеском обете»; он написан между 1439 и 1441 гг. и посвящен вопросу законности и разумности существования монашества как такового, т. е. является прямым продолжением посвященных той же теме и рассмотренных выше сочинений Леонардо Бруни и Поджо Браччолини.

Однако и по своей литературной форме и по всему своему характеру диалог этот столь же резко отличается от двух вышеназванных сочинений, как отличается их автор-римлянин от двух своих предшественников-флорентинцев. Несмотря на то, что Валла моложе Бруни на 33 и Поджо на 27 лет, диалог его появился на свет раньше аналогичной работы Поджо и, может быть, в какой-то мере повлиял на последнюю. Вместо страстного и очень простого по своей структуре монолога Бруни и ярко характеризующего собеседников и включающего ряд новелл диалога Поджо Валла пишет сочинение, диалогная форма которого является чисто внешней,

примененной формально, в то время как фактически оно является философско-юридическим трактатом, с немоллимой логикой и строго научной аргументацией развивающим мысли автора, выступающего основным участником в дискуссии.

Место действия диалога — одна из римских церквей, находящаяся в самом центре Рима, недалеко от площади св. Петра. Здесь собралась группа гуманистов, в числе которых находится автор. Они обсуждают один из недавно раскрытых антипапских заговоров, которые неоднократно возникали в столице католической церкви. Самым ярким из таких антипапских выступлений явился заговор 1468 г. против папы Павла II, но и тот, о котором беседовали друзья, дает основание автору, из явных соображений самосохранения, с возмущением обрушиться на заговорщиков, в особенности на тех из них, которые принадлежали к духовному званию, затем спокойно и логично, шаг за шагом, аргумент за аргументом доказать необоснованность претензий духовенства вообще и монашества в частности на занятие особого положения в обществе, а следовательно, излишность и даже вредность их существования вообще.

Оппонентом Валлы, т. е. защитником монашества, выступает некий ученый монах, имя которого автор предпочитает умолчать, причем его реплики и возражения монаха служат только для развития и подчеркивания аргументации автора и особого интереса не представляют. Из остальных присутствующих при споре гуманистов несколько реплик вначале делает только Паоло Кринито, остальные же безмолвно присутствуют при споре, что, однако, не лишает сочинение силы и убедительности, а скорее увеличивает и то и другое, позволяя автору сделать свое изложение максимально стройным и неопровержимым.

Второе сочинение Лоренцо Валлы, включенное в настоящий сборник, может быть, наиболее популярное из его творений как в XV в., так и в последующих веках, написано более или менее одновременно с вышерассмотренным диалогом против монахов — в 1440 г. В этом «Рассуждении о подложности... Дарственной грамоты Константина» автор совсем отказывается от формы диалога, применявшейся им в работе «О монашеском обете» только формально; он пишет от своего имени.

ученое историко-филологическое сочинение, разрушая при помощи следующих друг за другом с убедительной последовательностью соображений и научных доказательств существовавшую в течение предшествовавших столетий веру в подлинность и неоспоримую авторитетность того документа, на котором католическая церковь основывала свои претензии на мировое господство вообще и на власть над значительной частью Италии в частности.

Существование так называемого Константинова дара доказывалось в течение многих веков грамотой, сохранившейся в Риме как величайшая святыня и якобы составленной и подписанной самим императором Константином (324—337) в начале IV в. н. э., фактически же подделанной в середине IX в. (между 847 и 852 гг.) в позднекаролингской империи для обоснования созданного каролингами светского государства во главе с папой, так называемого Патримония св. Петра²⁵.

Сомнения в подлинности «Константинова дара» начали высказываться с самого начала XIII в., со времени, когда провал крестоносного движения и полутора-вековая борьба империи и папства решительно скомпрометировали авторитет католической церкви и ее главы. Уже Данте, при всей своей феодальной правоверности во многом провозвестивший идеи гуманизма, высказывал сомнение в подлинности «дара»²⁶. Более определенно такие сомнения высказываются на Констанцском соборе (1414—1418), созванном для ликвидации долголетнего раскола (так называемой Великой схизмы), еще более расшатавшего могущество папства.

В 1433 г. крупнейший ученый и философ и в то же время кардинал и деятель католической церкви Николай Кузанский в одной из глав своего трактата «О католическом согласии»²⁷ впервые систематически изложил те сомнения, которые высказывались до него и

²⁵ О времени и обстоятельствах создания «Константинова дара», см.: Н. Е. Feine. Kirchliche Rechtsgeschichte. Bd. I. Die Katholische Kirche. Weimar, 1955, стр. 143—144; С. В. Coleman. Constantine the Great and christianity, three phases: the historical, the legendary and the spurious. N. Y., 1914.

²⁶ Об этом см. Fr. Gaeta. Указ. соч., стр. 201—202; В. Nardi. La Donatio Constantini e Dante. Nel Mondo di Dante. Roma, 1944.

²⁷ N. Cusanus. De concordantia catholica. III, 2. Об этом см. Fr. Gaeta. Указ. соч., стр. 202.

приводили неизбежно к признанию «Константинова дара» поздней подделкой.

Соображения этого же характера высказывали и один из наиболее правоверных деятелей католической церкви архиепископ Флоренции Антонин (1389—1459) и радикальнейший гуманист Эней Сильвий Пикколомини (1405—1464), ставший затем папой Пием II, и мелкий служащий папской канцелярии Леонардо Терунда, о котором речь будет идти ниже²⁸.

Однако все эти попытки опровергнуть подлинность «Константинова дара» и тем подорвать основу светской власти папства либо носят неглубокий характер, либо обосновываются соображениями эмоционально-этического характера и не дают систематической научной критики источника, веками признававшегося бесспорным.

Лоренцо Валла подходит к той же задаче значительно более серьезно и обоснованно. В своем «Рассуждении» он, впервые применяя строго научный метод исторической и филологической критики текста, показывает, что грамота о «Константиновом даре», текст которой приводится полностью в Приложении, имеет такое количество внутренних противоречий и ошибок и язык ее настолько далек от языка времени Константина, что она никак не могла быть создана в IV в., а носит явные следы того времени, когда о поздней античности знали мало и неточно, и потому несомненно является поздней фальшивкой.

Для того чтобы оживить свои научные доводы и выразить обуревающие его чувства гнева и возмущения грубым обманом и невежеством духовенства, сфабриковавшего безграмотную фальшивку и выдающего ее за священный и бесспорный документ, Валла иногда переходит к прямой речи, включая в свой логически развивающийся текст сочиненные им страстные реплики римского народа или папы, которые облегчают чтение и придают в какой-то степени ученому трактату форму диалога, от которой автор в целом отказался. В результате получилось произведение, при всей своей длине и учености, чрезвычайно увлекательное, что и объясняет тот исключительный успех, который оно имело как сразу после своего написания, так и особенно в первой

²⁸ О всех этих деятелях см. Fr. Gaeta. Указ. соч., стр. 201—203.

половине XVI в., во время возникновения и распространения реформационных идей, в самом оформлении которых оно играло немалую роль.

В противоположность получившему широкое распространение трактату Валлы, совсем или почти совсем неизвестными остались близкие ему по характеру и содержанию, хотя и бесконечно более скромные по своей учености и стилистической отточенности два «мемориала» Леонардо Терунды. О жизни и деятельности этого человека почти ничего не известно, кроме того, что в 1435 г. он, по-видимому, не занимавший сколько-нибудь значительного места в церкви, обратился к одному из виднейших прелатов ее Никколо Альбергати, кардиналу С. Кроче, с докладной запиской (или мемориалом), которую просил передать папе Евгению IV (на престоле с 1431 по 1447 г.). Любопытно, что Никколо Альбергати — это тот самый прелат, которого в качестве единственного добродетельного называл Поджо (см. стр. 26). В своем документе Терунда решительно критикует католическую церковь, призывает к ее реформе и одной из главных причин ее греховности считает светскую власть папства, основанную на фальшивом «Константиновом даре».

В следующем, 1436, году Терунда вторично обратился, на этот раз к Базельскому собору (1431—1447), с такой же критикой и с теми же призывами, изложенными в новом мемориале, составленном в форме речи и направленном собору для передачи Юлиану Чезарини, кардиналу Сант Анжело.

Оба эти мемориала, имевшие, вне всякого сомнения, «ведомственное» значение и не предназначенные для широкого распространения, не выдерживают никакого сравнения с предшествовавшими им и следовавшими за ними трактатами, диалогами или речами крупных гуманистов. В своей совокупности мемориалы составляют довольно обширное сочинение, написанное горячо и гневно, но чрезвычайно беспомощно и даже, можно сказать, малограмотно как в чисто языковом, так и в литературном отношениях.

Язык Терунды — ужасен. Это специфический церковный латинский жаргон, «кухонная латынь» в самом худшем смысле этого слова, совершенно пренебрегающая теми строгими правилами этимологии и синтаксиса

классической латыни, которыми так дорожили и которые так тщательно стремились соблюдать настоящие гуманисты и в первую очередь Лоренцо Валла. Фразы мемориалов длинны и неуклюжи, словарь беден, стиль напыщен и изобилует ненужными повторениями, делающими текст туманным и приводящими к тому, что он на первый взгляд кажется набором почти бессмысленных формул и фраз.

Именно эти языковые и стилистические особенности писаний Терунды, так же как их узкоцерковное назначение, объясняют их малое распространение. Они дошли до нас только в трех рукописях (две — в Риме и одна — во Флоренции), не были ни разу изданы и не вошли в научный обиход вплоть до издания Фр. Гаэты, опубликовавшего их в 1955 г. в качестве приложения к своей монографии о Лоренцо Валле²⁹. Однако именно неизвестность сочинений Терунды, а также то обстоятельство, что автор их — рядовой человек, ничем особенно не выдающийся, определили собой включение одного из них в настоящий сборник. Это неуклюжее, неумелое произведение показывает, что резкая и решительная критика католической церкви и ее основных институтов была широко распространена в самых различных кругах итальянского народа, не исключая и малограмотных церковников, имевших, казалось бы, все основания защищать то учреждение, которое их кормит.

Чрезвычайно интересно также и то, что написанные на несколько лет раньше ставшего широко известным сочинения Валлы о «Константиновом даре» мемориалы Терунды во многом близки к этому сочинению и, возможно, послужили для него одним из источников.

Включать в сборник оба мемориала было бы нецелесообразно ввиду их весьма значительного объема и частых длиннот и повторений. Мы поэтому остановили свой выбор на первом из них — более коротком и более близком к трактату Валлы.

Если «Рассуждение» Лоренцо Валлы начинается с обсуждения одного из многих антипапских заговоров в Риме Возрождения, то целиком другому и притом, по видимому, наиболее значительному из их числа посвящен включенный в сборник отрывок из большого сочи-

²⁹ См. Fr. Gaeta. Указ. соч., стр. 201—252.

пения Бартоломео Платины «Книга о жизни Христа и всех первосвященников».

Платина (настоящее имя его Бартоломео Сакки, 1421—1481) — гуманист столь же яркий и интересный, сколь и мало изученный, прожил жизнь пеструю, бурную и весьма плодотворную³⁰.

Начав свою карьеру в качестве военного, Платина затем учился у крупнейшего гуманиста-педагога Витторино да Фельтре (Мантуя), затем во Флоренции изучал греческий язык у Аргиропулоса и вошел в среду местных гуманистов. В 1461 г. он переехал в Рим, где служил у папы Пия II и стал членом Академии, руководимой главой местного гуманистического движения Помпилио Лето. Одно за другим он пишет и распространяет здесь сочинения-трактаты, диалоги, речи филологического и философского содержания.

После вступления на папский престол Павла II (1464), враждебно относившегося к гуманистам и увольнявшего их со службы при своем дворе, Платина резко выступал против папы и его действий, за что был арестован и подвергнут пытке, но после долгих мучений в следующем, 1465, году выпущен на свободу. Тотчас же он не только продолжил, но и усилил идеологическую борьбу с Павлом II и с папством вообще. В течение нескольких лет он закончил и обнародовал ряд сочинений боевого, политического характера — здесь и биография папы-гуманиста Пия II, здесь и политико-философские трактаты-диалоги «О государе», «О идеальном гражданине» и «О ложном и истинном благе», здесь и большой трактат о кулинарном искусстве, как бы противопоставляемом во всей своей реальности религиозным спорам и рассуждениям ненавистных автору церковников-лицемеров.

Несомненно, в какой-то мере под влиянием острой и целенаправленной антицерковной агитации Платины, а также, может быть, в первую очередь в результате

³⁰ Научной монографической работы о Платине нет. Основные сведения о нем дают общие работы по гуманизму XV в. и по истории папства. См., кроме того, A. Luzio e E. Renier. Il Platina e i Gonzaga.— *Giorn. storico d. letteratura ital.*, 1889, XIII; V. Zabughin. Giulio Pomponio Leto (2 тт.), Roma, 1909—1910; см. также маленькую заметку P. O. Kristeller. Il Ficino e il Platina. Per la biografia di Marsilio Ficino.— *Studies in Renaissance thought...* Roma, 1956, стр. 198—200.

деятельности самого радикального и революционно настроенного члена Академии Помпонио Лето — флорентинца Филиппо Буонаккорзи, более известного под своим академическим псевдонимом Каллимако Эсперисенте (т. е. опытный красивый борец)³¹, — Академия становится центром не только теоретической, но и прямой политической борьбы с папством и папой. В конце 1468 г. был открыт заговор, главными участниками которого были члены Академии. Связавшись с антипапски настроенными элементами римского населения, а возможно, и с внеримскими врагами папского государства, они намеревались, по словам близких к ним людей, захватить папу, убить его, объявить в Риме республику, религией которой (или, может быть, только ее руководителей) должно было стать «философски осмысленное язычество». Главным руководителем заговора считают Каллимако, а одним из наиболее активных его помощников — Платину. Первому удалось бежать в Турцию, а затем в Польшу, где он вскоре добился ведущего положения как в культурной, так и в политической жизни страны, став воспитателем сыновей короля Казимира IV, секретарем короля и фактическим руководителем внешней политики страны. Зато Платине не удалось избежать кары за свое участие в заговоре — он был вторично арестован, ввергнут в казематы замка св. Ангела, неоднократно подвергался пытке и мучительным допросам. Выпущенный через несколько месяцев, Платина, полный гнева и возмущения, покидает Рим, но, не найдя в других городах применения своим знаниям и энергии, возвращается в папскую столицу, выливая свои антипапские настроения в ряде литературных произведений, остающихся до поры до времени неизданными.

Только после смерти Павла II и вступления на папский престол Сикста IV (1471) положение Платины значительно улучшается — он получает ряд литературных поручений, среди которых — написание обширного сочинения, посвященного истории папства. Закончив его в течение трех лет, Платина в качестве последней главы

³¹ Жизнь и деятельность Каллимако изучены недостаточно, и произведения его почти не издавались. О литературе, посвященной ему, см. М. А. Гук о в с к и й. Итальянский вольнодумец XV в. Филиппо Буонаккорзи (Каллимако). — Ежегодник Музея Истории-религии и атеизма. 1959, т. III, стр. 62—77.

включил жизнеописание своего злейшего врага, Павла II, в котором он, оставаясь строго на почве фактов, полностью разоблачает не только деятельность этого жестокого, малокультурного и тиранического руководителя католической церкви, но в значительной мере и саму эту церковь как институт.

Отрывок из жизнеописания Павла II, то место этого сочинения, которое посвящено описанию заговора 1468 г. и мучениям, перенесенным автором после его разоблачения, включен в настоящий сборник. Отличаясь по своему жанру от остальных источников, входящих в него, отрывок из сочинения Платины ярко и убедительно рисует не только антицерковные взгляды автора и его единомышленников — гуманистов, но и ту обстановку, в которой гуманистам приходилось жить и которая в значительной мере определяла собой эти взгляды.

Назначенный в 1475 г. префектом незадолго до того основанной Ватиканской библиотеки, одного из лучших собраний рукописей и книг того времени, Платина до последних дней жизни (он умер от чумы в 1481 г.) отдает все свои силы этому учреждению.

Если судьба Бартоломео Платины была бурной и полной жестоких неудач, то, наоборот, блестящей и устойчиво-удачной была карьера неаполитанского гуманиста, политика и поэта Джан Джовиано Понтано (1426—1503)³². Уроженец Умбрии, учившийся в Перудже и рано вошедший в круг гуманистов, Понтано уже в 1447 г., т. е. в возрасте 21 года, оказался на службе у неаполитанского короля Альфонса Арагонского (в Неаполе с 1443 по 1458 г.). Работая в королевской канцелярии и занимая в ней все более видное положение, молодой гуманист развивает и исключительно большую литературную активность. После смерти короля Альфонса, при его преемнике Ферранте (1458—1494), Понтано

³² Жизнь и деятельность Понтано изучены весьма детально, большинство сочинений его неоднократно изданы. О нем см. С. М. Tallarigo. *Giovanni Pontano ei suoi tempi*. (2 тт.) Napoli, 1874; G. Toffanin. *G. Pontano fra l'uomo e la natura*. Bologna, 1938 (это сочинение, как все работы этого автора, чрезвычайно спорно); он же. *Pontano e l'umanesimo*.—«Delta», v. 10 (1957), стр. 45—48; L. Spittzer. *Zu Pontanos Latinitat. Römische Forschungen*. 1951, 63, стр. 61—71; C. Previtera. *Per una compiuta edizione delle opere del Pontano*.—Atti Accad. Peloritana, Cl. lett., filos... 1943—1944, v. 215—216, стр. 201—224.

становится первым лицом в политической жизни королевства, правой рукой короля, его советником, исполнителем ряда ответственных дипломатических поручений, воспитателем его старшего сына Альфонса. Одновременно он возглавляет и культурную жизнь государства, становясь с 1471 г. руководителем основанного ранее гуманистического сообщества, которое с этого времени получает наименование Понтанианской Академии (Accademia Pontaniana).

Когда, в начале 1495 г., французские войска во главе с королем Карлом VIII захватывают неаполитанское государство и его столицу, он переходит на их сторону и уже через несколько дней после захвата публично выступает с пышной речью в похвалу новому властителю, торжество которого было, однако, кратким.

После восстановления арагонцев Понтано не подвергся каким-либо репрессиям, хотя в трудный момент обнаружил, что его благородные, одетые в пышную стоическую тогу гуманистические убеждения — не более чем модная декорация. К политической деятельности он не вернулся, но ведущего положения в области культуры не потерял, занимаясь до конца дней своих (1508) литературой и возглавляя Академию.

Наиболее яркой и интересной из различных сторон обширной литературной деятельности Понтано, вне всякого сомнения, является его латинская поэзия, область в которой он занимает первое место в течение XV и начале XVI в.

Особое значение среди его прозаических сочинений имеет включенный в настоящий сборник диалог «Харон», написанный в начале писательской деятельности Понтано, по-видимому, в 70-х годах. Неаполитанское королевство традиционно, с XIII в., находилось в натянутых, а иногда и прямо враждебных отношениях с папством, считавшим это королевство своим феодалом, с чем никак не могли смириться властители его, особенно после вступления на неаполитанский престол арагонской династии.

Поэтому при дворе королей арагонской династии можно было позволить себе смелую критику католической церкви и ее институтов, в первую очередь папства, чем и воспользовался сначала Лоренцо Валла, а затем и Джан Джовиано Понтано в своем «Хароне» подверг-

ший едкой, разящей насмешке многие из основ церкви и проповедуемого ею учения. Понтано был ярким и весьма популярным писателем, злая, образная сатира которого сразу же получила очень широкое распространение и нанесла авторитету церкви сокрушительные удары. «Харон» написан под влиянием и в явное подражание «Диалогов о царстве мертвых» греческого писателя II в. Лукиана, сочинения которого вошли в круг чтений гуманистов со времени овладения ими греческим языком и стали одним из излюбленных их авторитетов³³. «Харон» в противоположность остальным сочинениям, включенным в сборник, не посвящен целиком критике церкви и ее институтов. Критика церкви вплетается то там, то тут в причудливую ткань бесед его действующих лиц, легко переходящих в своих разговорах от одной темы к другой, но все эти беседы настолько пронизаны «языческим духом», вообще свойственным неаполитанскому гуманизму, настолько сатиричны по всему своему складу, что не без основания были восприняты современниками как одно из гуманистических сочинений, потрясавших основы современного им общества, что и привело к чрезвычайной популярности «Харона». А поскольку католическая церковь была основой этого общества, диалог и воспринимался как произведение в первую очередь антицерковное.

Близко по жанру, по обстоятельствам своего возникновения и по своему общему характеру к «Харону» последнее сочинение, включенное в настоящий сборник, — «Отшельник». Автор его — малоизвестный южноитальянский врач и гуманист-любитель Антонио де Феррарис, прозванный Галатео (1444—1517)³⁴. Он родился в земле

³³ О популярности среди гуманистов XV в. Лукиана см. P. O. Kristeller. *The classics and Renaissance thought*. Cambridge, Mass., 1955.

³⁴ Литература о Галатео невелика и носит в значительной степени местный характер. Назовем: N. Scalingi. *Asterischi galateani*. Bari, 1946, «Japigia», a. III (XXII). 1946, fasc. 1; N. Vassa. *Note-relle Galateane*. Lucca, 1943; E. Cavinio. *Un curioso poligrafo del Quattrocento*. Bari, 1941; особенно заслуживают внимание: В. Croce. *Antonio de Ferraris, detto il Galateo*. — *Humanisme et Renaissance*, IV, (1937), стр. 366—380 и в «*Poeti e scrittori del primo e del tardo Rinascimento*, v. I. Bari, 1945, стр. 17—35; A. Croce. *Contributo a un'edizione degli scritti di Antonio Galateo*. — *Arch storico per le provincie Napoletane*. 1937, LXII; N. Barone. *Nuovi studi sulla vita e sulle opere di Antonio Galateo*. Napoli, 1957. О культурной обстановке на

Отранто, учился медицине в Ферраре, долго жил в Падуе и Венеции, где сблизился с крупнейшим венецианским гуманистом — патрицием Эрмолао Барбаро, затем работал врачом при арагонском дворе в Неаполе, где и умер в разгар итальянских войн. Будучи в первую очередь врачом и занимаясь литературной деятельностью в часы досуга, Галатео написал, однако, довольно значительное количество сочинений различного содержания, все без исключения на латинском языке, среди них — и трактаты философского и педагогического характера, и трактаты морально-нравоучительные в исторические, и письма, в том числе полемические, против «Константинова дара» Лоренцо Валлы.

Самым ярким и интересным из многочисленных сочинений Галатео является большой диалог «Отшельник», написанный в 1496 г., по-видимому, после «Харона» Понтано и, возможно, под его влиянием. Галатео, не занимавший такого видного положения, как глава Понтанианской Академии и королевский секретарь, по самой своей профессии тесно связанный с народом юга Италии, пишет гораздо проще и, что самое важное, гораздо смелее. Его герой — отшельник, несмотря на свою праведную жизнь захваченный дьяволом и направленный в ад, но не желающий смириться с этим несправедливым приговором и смело, или, вернее, нахально, добивающийся пропуски в рай, обрисован чрезвычайно живо и реалистично. Это настоящий итальянец XV в., решительный, дерзкий, не лезущий в карман за острым словом, критически относящийся ко всему, что он встречает на своем пути, и в первую очередь к религии с ее казавшимся в течение веков непререкаемым авторитетом. Он не убеждает, а резко ругается, не исправляет, а громит, пользуется не учеными аргументами из арсенала гуманистов, а материалом из Библии, на котором строят свое благополучие церковники, он прямолинеен и груб. Диалог Галатео достигает удивительной силы воздействия и на читателя нашего времени, как, надо полагать, и на читателя XV в. — на своего простого современника: крестьянина, половника, ремесленника, слугу, на всех тех людей, которые и в самый разгар Возрождения

юге Италии, определившей деятельность Галатео, см. M. Santoro. *Tristano Caracciolo e la cultura napoletana della Rinascenza*. Napoli, 1957.

сохраняли веру в «священное писание». Понятно, что диалог «Отшельник» не получил широкого распространения и громкой известности. Он упорно замалчивался как явно напуганными его смелостью современниками и ближайшими потомками, так и исследователями XIX—XX вв. Этим ярким, в лучшем смысле этого слова, народным произведением и заканчивается наш сборник.

При всем своем разнообразии охарактеризованные выше сочинения, вошедшие в настоящий сборник, позволяют, однако, сделать некоторые общие выводы.

Чрезвычайная популярность и распространенность публикуемых нами сочинений пяти крупнейших гуманистов — Бруни, Поджо, Валлы, Платины и Понтано — с полной несомненностью говорят о том, что пропагандируемые ими идеи были широко распространены среди находившейся у власти буржуазной верхушки Италии XV в., а сочинения Терунды и Галатео доказывают, что распространены они были и в более широких, народных или близких к народу кругах.

Многие из этих сочинений носят только антицерковный характер, другие же, особенно сочинения Валлы и диалог Галатео, поднимают уже критику церкви и ее институтов до критики религии вообще.

Само собой понятно, что из семи произведений, как бы яркие и распространены они ни были, нельзя прямо делать общий вывод об антирелигиозности или даже антицерковности всей Италии XV в., да столь схематично обобщающее заключение вряд ли вообще уместно и нужно, но более гибкий и осторожный общий вывод они все же сделать позволяют.

В каждый исторический период, даже самый революционный, имеются, и притом в значительном количестве, люди, живущие старым, упорно цепляющиеся за его явно одряхлевшие идеалы, тупо повторяющие веками завещанные, хотя и давно умершие истины, но не они определяют общий характер данного периода, а те, которые создают новые идеи, новые ценности, характеризующие специфику этого периода, его неповторимое лицо.

Именно такими людьми являлись авторы, сочинения которых составляют содержание настоящего сборника, а сами эти сочинения выражают те идеи и стремления, которые были характерными для Италии XV в., а не для предшествующих веков, идеи и стремления, в кото-

рых духовные устремления этого периода выражены чрезвычайно выпукло и ярко. При этом обращает на себя внимание то, странное с точки зрения читателя сегодняшнего дня, обстоятельство, что все авторы, с антицерковными или антирелигиозными произведениями которых он познакомился, были так или иначе связаны с католической церковью, точнее, с папством, которое, борясь за сохранение своего быстро падающего авторитета, принуждено было брать к себе на службу гуманистов даже тогда, когда они открыто критиковали церковь и ее учение, а иногда и удостаивать их высоких, вплоть до высшей, духовных должностей. Отсюда — и служба при папском дворе таких гуманистов, как Бруни, Поджо, Валла, и вступление на папский престол крупных гуманистов, как Эней Сильвий Пикколомини — Пий II.

И сколько бы ни приводили реакционные сторонники консервативного характера Возрождения цитат из сочинений защитников старых идеалов, сколько бы ни называли они сочинений, посвященных защите религии и церкви, они никогда не смогут опровергнуть того бесспорно доказываемого источниками (в частности, приведенными в данной книге) факта, что итальянское Возрождение было периодом революционным, одной из боевых особенностей которого являлась страстная и упорная борьба с обветшавшими основами католицизма, а в некоторых случаях — и религии вообще.

Сочинения, вошедшие в настоящее издание, переводятся на русский язык впервые, с подлинника. Спорные места перевода оговариваются в примечаниях, а там, где по смыслу необходимо было сохранить латинский термин, в текст перевода вставлялись слова из подлинника. Слова, без которых текст не читается, добавляются по смыслу, в квадратных скобках.

Имена собственные и географические названия приводятся в транскрипции подлинника, а в заголовках и комментариях дается общепринятая транскрипция.

В «Приложениях» публикуется перевод текста «Дарственной грамоты Константина»³⁵, подвергающейся критике в сочинениях Л. Валлы и Л. Терунды.

М. А. Гукровский

³⁵ C. B. Coleman. The treatise of Lorenzo Valla on the Donation of Constantine. Text and Translation. New Haven, 1922, стр. 10—19.

ЛЕОНАРДО БРУНИ

ПРОТИВ ЛИЦЕМЕРОВ ¹

Многих людей дерзкая распущенность, всегда располагающая к недоброму, наградила разными пагубными пороками, но из всех порочных людей следует считать самыми опасными, заслуживающими порицания и ненависти, тех, которые, имея дурные мысли и злой нрав, всячески изошряются в притворстве и стараются казаться святыми, безупречными, лишенными каких бы то ни было пороков. Этих-то злейших врагов всего рода человеческого, как бы вступивших в коварный сговор, угрожающий жизни остальных людей, нужно всячески клеймить и изобличать. На них, как на пагубу человечества, нужно поднять всеобщую беспощадную войну.

В свое время двое из этой презренной, гнусной мрази, каких я и представить себе не мог, надули меня, доверчивого и наивного. А на днях еще один из той же шайки ² пытался с удивительной ловкостью сыграть со мной такую же хитроумную штуку (и я, наверное, попался бы и на этот раз, если бы не был осторожен, если бы не был научен горьким опытом). Я не намерен дальше об этом молчать. Я буду кричать, сколько есть мочи, буду изобличать этих шарлатанов, буду проклинать их перед всем народом, чтобы они не проделывали со мной больше своих мошеннических фокусов. Я не назову здесь их имена, хотя мне трудно себя сдерживать. Но тут все-таки берут верх робость и застенчивость мои. Я думаю, они будут достаточно наказаны, если прочтут или услышат это, и, конечно, поймут, что это говорится о них.

Что имеете вы против меня, злые люди? Почему именно на меня направяете вы так часто ядовитые стрелы своего коварства? Неужели я представляюсь вам достойным того, чтобы меня обманывать, и кажусь подходящим предметом для ваших злых шуток? Неужели

кажусь простаком, которого легко обвести вокруг пальца? Вероятно, мягкое и кроткое выражение моего лица, которое неспособно что-либо скрыть, внушило вам такую уверенность в ваших действиях против меня. Смотрите, прошу вас, как бы вам в своей жажде обмана самим не обмануться. Была когда-то во мне эта самая человечность, но вы своими хитростями обратили ее в злобу. Ни одно вино не закисает так сильно, как то, которое сначала имело сладость. Поверьте мне, напрасно вы подступаете ко мне, напрасно закидываете на меня свои сети. Кто раз дал себя обмануть, достоин снисхождения, кто вторично — порицания, кто в третий раз — тому нет никакого оправдания. Итак, я не позволю сделать меня в третий раз жертвой обмана. Ни притворное выражение лица, ни опущенные долу очи, ни губы, искусно сжатые и бледные от лишений, ни наигранная изысканность жестов, ни степенная речь, в которой вы часто на свою беду примешиваете бога, — все это больше не может меня подкупить и тронуть, всем этим вы больше ничего от меня не добьетесь. Я уже по горло этим сыт и, к сожалению, достаточно научен моими неприятностями и бедами. Вашим чарам больше меня не пронять; я знаю все ваши тайные ходы, которыми вы как бы подкапываетесь под людей, подводя их под обвал. Очень удачно назвал вас «гипокритами» — лицедеями — тот, кто перенес на ваше племя, на вашу шайку это слово из театра, от актерской братии³. Ведь вы не что иное, как актеры: надев на себя маски, вы дурачите бога и людей. Так актер, разыгрывая пьесу, часто выходит из дворца, изображает внешне царя или героя; на самом же деле он не царь, не герой, а какой-нибудь бедняк из низкой черни, а то и вовсе раб.

Этих людей греки называли *ὑποκρίτης*, как бы лицедеями, подражающими другим людям, а у нас называли их обычно этрусским словом *histrion*, то есть актерами. Правда, называть вас этим именем — не совсем верно. Разве вы не хуже, чем актеры? Те надевают на себя чужие маски для развлечения зрителей, а вы надеваете личину порядочности на пагубу зрителям. Они выступают на сцене, более чем мирском месте, а вы оскверняете святилища храмов. О, мерзкий и проклятый сорт людей, вам не совестно бесчестить вашими мерзостями то, что для других людей неприкосновенно и свято? Если не удерживает вас страх перед людьми, поскольку вы надее-

тес, что можете творить свои дела втайне от них, то неужели не страшит вас божеское возмездие, которого вы по праву должны бояться и перед которым должны трепетать — ведь от него ничто не ускользает! Но, может быть, не пришло еще время взять вас за горло. Ведь и по законам некоторые преступления караются так, что перед казнью осужденного еще раздевают и бьют плетью. Так и вас, прежде чем изничтожить окончательно, нужно раздеть и исхлестать бичом моей речи. Не годится лицемера убивать одетым. Надо выставить его голым, чтобы показать людям, и выпороть, чтобы было ему больно. Поэтому о божеской каре, которая должна обрушиться на ваше вероломство, я скажу в другом месте, а пока буду говорить, как начал, об актерах. Они изображают царей и героев, вы надеваете личину доброго человека, от которого, однако, отличаетесь больше, чем те от героев и царей. Я не преувеличиваю, говоря это, ибо это так на самом деле. Развратный лицемер более далек от всерьез изображаемого им благочестия, чем самый низменный мим от царского величия, которое он ради шутки изображает. Ведь актеры, разыгрывая царей, не становятся от этого другими, вы же чем больше притворяетесь, тем больше удаляетесь от доброго мужа. В самом деле, если бы вы подумали о том, что это значит — добрый муж, — вам очень стыдно стало бы за вашу профессию. Впрочем, профессия лицемеров такова, что они стремятся вовсе не быть добрыми, а только казаться таковыми. А в этом уж повинна наша глупость, что мы оцениваем порядочность человека по таким чертам, которые, собственно, не имеют никакого отношения к качествам доброго мужа. Ведь доброго мужа не создают ни грубая одежда и риза, опущенная до пят, ни огромный клобук на голове, ни мрачное любопытство, суровое в порицании чужих грехов, но снисходительное к собственным, ни непомерно частое посещение храмов, ни созерцание и целование икон. Все это порождается чистой душой, а не бесчестным и лживым самовосхвалением. Но у вас ведь одна только забота — казаться добрыми. А чтобы быть ими на самом деле, — это вас несколько не заботит. Вы отвергаете и презираете чистоту души, которая может создать доброго мужа, вы даже попираете ее, как будто она враждебна разуму, и всячески стараетесь преуспевать лишь в тех вещах, которые не создают благочестия,

а только служат для показа. Как точно и остроумно описал вашу натуру поэт:

Дай мне солгать, дай святым, справедливым казаться,
Тьмою окутай грехи и обман прикрой облаками ⁴.

Поскольку же вся ваша, с позволения сказать, добродетель ограничивается одеянием, выражением лица и вашей речью и дальше это не простирается, то нужно немного и об этом сказать, чтобы вы не вообразили, что мы не замечаем этого вашего удивительного и поразительного святошества и не знаем, чего оно стоит. Я думаю, если вы захотите признать истину, то вы сами согласитесь со справедливостью того, что я скажу. Итак, начнем с одежды.

У вас есть тяжкие и безобразные пороки. Среди них первое место занимают надменность, жадность, честолюбие. Чтобы скрыть их, изобрели эти длинные хламиды, эти огромные капюшоны ⁵. Для чего же еще вы окутываете ими тела ваши, если не для того, чтобы спрятать надменность под смиренным одеянием, скрыть жадность и честолюбие под личиной самоуничужения? Итак, эти одежды вовсе не служат для защиты тела от холода и зноя, а только прячут пороки от взоров всех окружающих. Если бы вы действительно хотели быть добрыми людьми, а не только казаться ими, вам следовало бы выбросить из души эти пороки, а не прятать их под покровом рясы ⁶. Грубая одежда, ряса, накинутая на костлявое тело, широкие, небрежно свисающие рукава,—зачем все это? Неужто ты думаешь, что я за одно это буду считать тебя святым, как тебе того хочется? Я не придаю никакого значения этому показному и притворному и тебе, лицемер, не верю. Я подозреваю, что под этим покровом из лохмотьев скрывается кое-что, как в набитой кубышке, и, конечно, это можно обнаружить, если приподнять покров и заглянуть под него. Тогда откроется клоака мерзких пороков и волчья жадность, прикрытая овечьей шкурой. Точно так же, как приманка служит людям для обмана рыбы, так одежда прикрывает вашу нечестность для обмана людей. Такие зрелища вы устраиваете, будто закидываете в парод приманку, чтобы таким образом ловить людей, заманивая их в свои сети. Много у вас разновидностей лицемерия, но все

они в общем сводятся к одной цели: видом униженного смирения создавать у окружающих ложное впечатление о своей добропорядочности и вызывать к себе доверие. Больше или меньше лицемеры отличаются платьем от обычных людей,— это уж зависит от того, насколько отдельные из них погрязли в этой гнусной заразе. Поэтому те, которые хотят казаться немного лучше, чем они есть на самом деле, носят тогу лишь немного подлиннее и обувь лишь немного поглубже, чем у других; у кого желания более пылкие, те больше отходят от обычного облика; но те, у которых вся душа пылает лицемерием и которые, презрев общество людей, хотят, чтобы их причисляли к небожителям и уже теперь, живыми и храпящими, приписали к лику святых,— эти уже не ограничиваются мелкими стычками, а, если можно так выразиться, всем войском вторгаются в лицемерие. Это те самые, которых мы видим не столько одетыми, сколько обернутыми платьем, из их числа — те самые монстры и пугала для людей, с огромными, низко свисающими капюшонами на голове, зашитые в рясы, будто в мешки. Да если бы была у них хоть капля искренности, они никогда не старались бы так бросаться нам в глаза своей тряпичной святостью, а мирились бы с тем, что чистота их душевная скрывается под обыкновенным, привычным для всех платьем, и скорее желали бы, чтобы люди не знали о ней. Но нет, они не таковы, они тычут нам в глаза и везде выставляют напоказ все то, за что почитают себя святыми и непорочными. Это — как гробы повапленные, которые красивы снаружи, а если откроешь, найдешь только зловонную мерзость⁷. Порядочный человек и лицемер, хотя ни в чем не сходны друг с другом, в этом, однако, более всего различаются: порядочный человек хочет быть добрым, но не старается казаться таковым; лицемер же [добрым] быть не старается, а казаться хочет. Пренебрегая всем тем, что относится к внутренним достоинствам, он заботится только о показном, что выступает наружу и представляется взору. На это толкают вас тщеславие и жадность. Из тщеславия вы одеянием пытаетесь списать какую-то известность, а из жадности пытаетесь таким путем легче обмануть людей. К этим безобразным одеждам присоединяется еще печальное лицо, опущенные долу очи, что само по себе тоже служит ловким приемом притворства и обмана. Отсюда и происходит

ваше прозвище «печальные лицемеры». Томный взгляд, скрюченная шея, частые плевки — следствие не столько воздержанности в пище, сколько невоздержанности в удовольствиях. Ибо в этом и состоит забота лицемеров, чтобы лицо истощалось, а тело жирело; что скрыто под одеждой, то служит для удовольствий, а что наружу выступает — для притворной святости. Отчего ты, лицемер, так печален, отчего эта склоненная выя, эти опущенные глаза, к чему эта видимость чистоты и непорочности? Разве может каждый из вас, встретившись с другим мастером в том же искусстве или в той же профессии, сдержать улыбку? Сколько на вашей совести обманов, сколько шарлатанских проделок. А мы разве не знаем, как много чванства и злобы скрывается под этой лживой скромностью? Стоит ведь хоть в самом малом деле обидеть кого-нибудь из вас, как он тотчас же станет изрыгать такое пламя гнева, такой жар возмущения, так будет распалаться все сильнее, что покажется уже не смиренным и униженным лицемером, не грязью и навозом черни, не последнего сорта человеком, а Агамемноном или Ахиллом, или другим смельчаком, более гордым, чем эти герои. И нет племени более жестокого в мести. Я мог бы привести тому множество примеров, если бы не обещал вначале не называть никого из вас по имени.

Но во всяком случае под лживой и притворной человечностью лицемеров скрывается пустая гордыня и пылающая злоба так же, как под притворной добродетелью таится мерзкая испорченность и нечестность. Стоит затронуть их хоть немножко, как наружу выступит надменность, скрытая под личиной покорности. Доверься им хоть в чем-нибудь, и тотчас же выступает наружу их скрытая нечестность. Стоит лишь подвергнуть их испытанию, как выходит на поверхность надменность вместо покорности, стяжательство вместо справедливости, нечестность вместо порядочности, развращенность вместо благочестия. Что уж говорить об их речах, в которых нет ничего простого, ничего правдивого, ничего откровенного! Но возмутительнее всего то, что они жестоко клеймят в других те пороки, которым сами весьма подвержены. Как много они говорят о совести, о честности, о справедливости, о воздержании, о покорности; как истошно вопят они, как свирепо нападают на нечестивых! Но они же, перейдя от слов к делу, становятся как будто совсем

другими людьми. Они забывают собственные наставления, творят всеми правдами и неправдами то, что порицали раньше в других. Диву даешься, как враждуют между собой их речи и их жизнь. Стоит только послушать, как этакий лицемер разглагольствует среди женщин или среди мужчин, столь же глупых и немногим отличающихся от женщин. Он сочиняет разный вздор: о дворцах небесных, которых никогда не видел, он рассказывает так, как будто прямо оттуда свалился. С гнуснейшим бесстыдством он выдает выдумки за правду, а вещи, которых никогда не видел, выдает за виденное. А женщины, одураченные этими бреднями, придя домой, называют его святым и угодным богу, посылают ему дары и снова приходят к нему, приводя с собой еще других. Так устраиваются вакханалии. А он от таких паломничеств еще более задирает нос и тем временем, подобно какому-нибудь поэту, сочиняет новые видения, чтобы было, что рассказывать. Он любит, когда его называют магистром или архимандритом. Как часто эти люди своими нелепыми выходками дают повод для смеха серьезным и мудрым мужам. О, если бы это была только недолгая игра! Но ведь она продолжается долго. Ибо у них, и даже у тех, кто немного более отесан, есть одно правило и один закон — слова их прекрасны, поступки — отвратительны. Я говорю не только о духовенстве, но и о мирянах. Ибо и у тех и у других встречается эта безобразная зараза. Но среди всех людей, с которыми я сталкивался в жизни, я не встречал более отвратительных и развращенных, чем те, которые хвастаются чистой совестью, прикладываются к иконам и рыдают среди святилищ. Этим остерегайся, прошу тебя, не вздумай отдать им деньги на хранение или доверить что-нибудь, или поручить опеку над детьми, или вручить их попечению целомудрие твоих сыновей и дочерей. Пойми же (и можешь быть в этом уверен), что это самый зловредный род людей, запятнанный всевозможными пороками и преступлениями, разорители и развратители близких, грабители вдов и сирот, коварно обманывающие каждого, кто в каком-нибудь деле доверится их совести. Сколько мы встречаем таких людей каждый день!

Когда они начинают разглагольствовать о посте, о святых, о совести, чтобы показать себя добропорядочными, то лучше не задерживаться возле них ни на

минуту. Как увидишь этих мрачнолицых, с печальным и суровым взглядом, одеждой и обувью, нарочито предназначенными для восхваления своей добродетели, — поверь мне, беги от них подальше, прячься от них, не имей с ними никакого дела, если хочешь жить спокойно. Как-то так у них получается, что в чужих делах совесть у них даже слишком чуткая и щепетильная, а когда дело доходит до их личных интересов, она у них делается гибкой и грубеет. Если человеку приходится вести с ними какое-нибудь разбирательство, они пустят в ход столько словесных хитросплетений, столько ухищрений и уверток, что он не только не добьется своего, но едва сумеет выпутаться и вырваться на свободу. Они несправедливы, бесчестны, хитры, лживы, безжалостны, бесчеловечны и никогда не стремятся к добру и правде, а во всем поступают сообразно со своей непреклонной жестокостью. Когда мы встречаем этих людей, которые одеждой, всем видом своим, жестами, походкой, движениями глаз и тела, словами и речами пытаются изобразить покорность, благочестие и особую добродетель и не только стараются попадаться нам на глаза, но и назойливо маячат перед нами, мы должны помнить, что эти святоши не безгрешные, не кроткие духом, а коварные, надменные, вероломные обманщики и разорители людей. Ни в чем нельзя спокойно довериться лицемерам, ибо все их дела лживы и притворны. Разве что нужно принимать за правду как раз противоположное тому, что они показывают, и считать, что на самом деле справедливо то, что противоречит их словам.

Только так я буду оценивать эти лохмотья, это выражение лица, эти речи и все их святошество. Я не порицаю полезных увещаний и призывов к служению богу, но я ненавижу притворство. У тех, кто проповедует чистоту и святость, я хочу видеть жизнь, соответствующую их проповедям. Но изображать лицом, жестами, походкой, речами непорочность и святость, а внутри скрывать отвратительнейшие пороки, сурово осуждать чужие преступления и легко прощать свои собственные, хотеть выглядеть добропорядочным, не будучи таковым, и поступать так для обмана людей — это я считаю мерзким, бесчестным и достойным презрения. Именно это я порицаю в тебе, лицемер, это обнажаю и проклинаяю. Ибо божественные дела я уважаю и почитаю, и если кто прав-

дою служит им, того считаю блаженным. Но такой добродорядочный и непорочный человек будет делать все совершенно обратное тому, что делаешь ты. Это и правильно. Ведь у вас различны и цели, различны и поступки. Ты стремишься к тому, чтобы казаться честным, а он — чтобы быть им. Итак, ты выставляешь себя напоказ, он себя скрывает. Ты безобразишь свое лицо, чтобы людям казаться постником, а он моется и умащается, чтобы не видно было, что он постится. Ты надеваешь платье, которое вызывало бы восхищение людей твоей покорностью и добродетельностью, а он, чтобы не вызывать удивленных взоров, пользуется обыкновенным платьем и обувью. Ты обиваешь пороги храмов, он посещает их умеренно. Ты без конца прикладываешься к иконам и шепчешь молитвы, он молча про себя обращается к богу. Ты плачешь среди святынь, а он наслаждается. Ты стараешься нести печаль на своем лице, а он — радость.

Что ты скажешь на это, лицемер? Разве не делает честный и правдивый человек все противоположное тому, что делаешь ты? Зачем же ты, несчастный, мозолишь нам глаза своей святостью? Зачем изрекаешь громкие слова? Зачем выставляешь себя напоказ? Зачем пыжишься? Зачем порицаешь других, притворяясь честным? И ты не боишься прикидываться целомудренным, строгим и искренним, сознавая свои преступления? Тех, которые чеканят фальшивые монеты, законы наказывают огнем. А на что можешь ты рассчитывать, занимаясь подделкой не золота и серебра, а лица человеческого и жизни? Думая о вас и о ваших делах, я иногда прихожу к мысли, что ваши слезы, ваше душевное смятение при созерцании святынь происходит у вас от сознания ваших злодеяний. Ибо честный человек всегда весел и окрылен от чистой совести, от добрых надежд, не омрачаемых боязнью возмездия. Лицемеров сжигают их преступления, они мелькают у них перед глазами, как фурии. Должны же они, как бы они ни были бесчестны, хоть изредка думать о себе и о своих заблуждениях. Ведь каждый назначен судьей своих собственных добрых и дурных поступков. И это самый верный и справедливый суд, который никак нельзя провести, обмануть и ввести в заблуждение. Ибо здесь не верят свидетелям, здесь виновного уличают не по таблицам⁸, здесь не защитит его патрон своей снисходи-

тельностью и красноречием. Этот судья все знает, всему был очевидцем. Здесь тебя судят не однажды, а часто, даже постоянно. Приговор этого судьи, который внутри тебя, и вызывает у тебя слезы, заставляет плакать среди святынь. Но поверь мне, или, вернее, божественным предсказаниям,— все это лишь пустяки, игрушки. Вечен и неумолим тот суд, который ждет тебя после смерти⁹. О, это будет для тебя страшный день, когда ты предстанешь перед трибуналом вот с этим поникшим лицом, в лохмотьях, которыми теперь прикрываешься из притворства, и вечному судье откроются пороки твои и преступления, когда ты услышишь, что тебя, обманывавшего людей, подделавшего образ божий, осудили на неугасимый огонь. Ведь бог ничто не клеймил так сурово в речах своих, как притворство лицемеров, никому не грозил так часто такую страшной и жестокой карой, как лицемерам; для великого учителя нет ничего ненавистнее. Итак, лицемер, пока есть еще время, пока не предстал ты еще перед судьей, которого обмануть нельзя, образумься! Оставь свое притворство, в котором до сих пор изощрялся, чтобы обманывать людей. Приучай себя больше к истинным добродетелям, чем к мнимым, одевайся, как все люди. Старайся не столько о том, чтобы люди знали твои достоинства, сколько о том, чтобы они не знали их. Не о чужих пороках беспокойся, а о своих.



ПОДЖО БРАЧЧОЛИНИ

ПРОТИВ ЛИЦЕМЕРОВ ¹

**Франциску Аретинскому ², мужу выдающемуся
и учнейшему, письмо от Поджия**

1. Немошные смертные, как известно, подвержены многим и разнообразным болезням духа, но некоторые из этих болезней, по суждению мудрых, губительнее прочих и заслуживают тем большей ненависти, чем больше вреда они приносят. Некогда я считал, что первенство среди пороков принадлежит алчности, и в меру своего дарования я описал гнусность этого порока в одной книге ³, выразив в ней свою ненависть к алчности как к первопричине всяческого зла. Позднее, однако, многие примеры и испытания убедили меня в том, что имеется другое губительнейшее чудовище, что гораздо более отвратительным пороком является лицемерие; и во имя общественной пользы я счел нужным заклеить также и этот порок. Ибо величайшие бедствия нашей жизни вызывает этот вепрь лесов эриманфских ⁴, этот бич всего человечества. Столько раз клеймит евангельская мудрость лицемеров, столько раз призывает она избегать этой гнуснейшей породы людей. Ведь порок этот скрытый, и только несчастье невинного делает его явным.

Я прекрасно понимаю, что из-за этого сочинения я стану ненавистен многим людям, которые, быть может, сочтут себя оскорбленными; но я предупреждаю их, чтобы они воздержались от злоречия и клеветы; ведь этим они повредят только самим себе, они покажут, что запятнаны тем пороком, который изобличается в этой книге. Ибо неизбежно обнаружится, что они лицемеры, еще прежде, чем они докажут, что я неправ.

Тебе, муж превосходнейший, я посвятил эти мои бессонные ночи, тебе -- человеку, склонному к добродетели

и очень далекому от столь гнусного порока. Ибо ты предаешься благим размышлениям и, возлюбя истинную добродетель, ты посвящаешь себя ученым занятиям, которые считаются наилучшими. Тебе чуждо любое притворство, открытой и прямой дорогой стремишься ты к добродетели, повинувшись наставлениям тех, которые своими советами побуждают нас к лучшей жизни. И ты отнюдь не стараешься во что бы то ни стало выставить напоказ все то прекрасное, чем ты обладаешь.

Итак, прочти эту книгу, которая укрепит тебя на уже избранном тобою пути добродетельной жизни, и, прошу тебя, защищай ее от тех, которые будут на нее нападать. Хотя я думаю, что немного найдется таких, которые решатся вступить в открытый бой. Большинство побоится прослыть сотоварищами тех, природу, нравы, коварство и преступления которых мы здесь изобличаем. Послушай, прошу тебя, что говорят о лицемерии, этой клоаке пороков, некоторые люди, не чуждые образованности, и постарайся заметить, в достаточной ли мере раскрыта в этой беседе пагубность лицемерия.

Диалог

2. С Карлом Аретинским⁵ — ученым мужем нашего времени, человеком, выдающимся во всех отношениях, — мы связаны взаимной склонностью столь тесно, что тесней и быть не может. Ибо мы предавались одним и тем же занятиям и благодаря взаимным услугам между нами уже давно установилась глубочайшая близость. Общение друг с другом нам так приятно, что всякий раз, как я посещаю Флоренцию (а это случается почти каждый год), я в первую очередь, памятуя о нашей дружбе, посещаю его. Когда в последний раз я приехал туда из курии для устройства семейных дел⁶, я сразу же по приезде отправился к дому Карла и застал его в библиотеке за чтением «Политии» Платона⁷ на греческом языке. Мы обменялись обычными приветствиями, и после тех первых слов, которые произносятся при встрече друзей, он спросил меня о папе и о положении дел в курии.

«Скажи-ка, Поджий, — спросил он, — неужели теперь в понтификат нашего папы Николая⁸ когорты лицемеров окружают, или, вернее, осаждают, Римскую курию так же, как это было во времена папы Евгения?»⁹ Я помню огром-

ную толпу лицемеров внутри дворцовых оград; как муравьи из щелей, стекались они из всех мест и от всех орденов в таком изобилии, что возбуждали ненависть у большинства людей. Во многих отношениях (поскольку теперь уже можно сказать правду) он, несомненно, был хорошим папой, но в одном, по моему мнению, он несколько отклонился от правильного пути. То ли для того, чтобы привлечь к себе простой народ, то ли по той причине, что действительно считал этих святош хорошими людьми, он слишком благоволил к лицемерам, покровительствуя им настолько, что своей снисходительностью он обнажил язвы многих. Им первым был открыт доступ к папе; они тратили вместе с папой очень много времени на самые пустяковые дела; они изнуляли его слух; одни развлекали его толкованием снов, другие — предсказанием будущего, третьи — рассказом о новых чудесах, и, прикрываясь благочестием, они так прокрались к нему в душу, что большей частью добивались всего, чего они желали или просили (а хотели они многого). Я помню, как в те времена, когда множество святош со всех сторон осаждало папский дворец, люди говорили: „Теперь наступило царствование лицемеров“¹⁰. Большинство из них было подобно выпущенным арестантам, так они были трубы, низкородны и необразованны, известны же они были только своей наглостью. Я отнюдь не считаю достойным порицания, если в курию или к папе порой приходят для выполнения общественных обязанностей люди духовного звания с поручениями от своего ордена, либо те, на которых это было возложено начальниками, либо те, которые поставлены для руководства над другими, либо люди, выдающиеся по своей нравственности и образованию, которые озабочены каким-либо делом. Я мог бы назвать весьма многих духовных лиц во всех орденах, которые являются достойными людьми, образованными и благожелательными¹¹, и в общении с которыми я нахожу большую радость. Этим людям, на которых не может упасть ни малейшее подозрение в лицемерии, ни в коем случае не следует преграждать доступ в курию; наоборот, мы должны были бы их всячески привлекать, так как своей образованностью и примером своего поведения они приносят нам большую пользу. Но можно ли с одобрением или хотя бы без возмущения взирать на то, как всякие подонки духовенства, вышедшие из самой низкой

и презренной среды, обивают все пороги и донимают всех в курии по поводу своих личных дел; как эти праздные, грубые, грязные люди, обращающие на себя внимание только своей похвальбой и бледностью лица, бесполезные другим людям и неугодные богу, постоянно толкутся разноплеменной толпой перед папским дворцом, не спуская глаз с его дверей, как они требуют должностей, льгот, знаков благосклонности, привилегий, чтобы быть впереди других; словом, ведут себя так, как люди, питающие отвращение к тому, к чему их обязывает обет. Не только осуждать, но наказывать надо такого рода людей, которые, будто они не связаны законами, бродят где хотят и надевают на себя личину смирения и презрения к миру, чтобы им было легче потворствовать своим желаниям. По мнению многих¹², они поступили бы лучше и правильнее, если бы оставались в своих кельях и, предаваясь своим благочестивым занятиям, чтению или честному труду, чуждались дурных мыслей и презренной праздности. Многие выставляют напоказ свою величайшую любовь к ближнему, заявляя, будто все, что они делают, совершается во имя спасения других. И эта их любовь так пламенна, что, возлагая на себя уже вовсе излишнее бремя, они готовы погубить свои собственные души, чтобы приобрести для бога души ближних».

3. Тогда я сказал: «Весь этот род торговцев снадобьями¹³, мой Карл, уже почти не доставляет нам хлопот, их искусство утратило свою силу, ибо наше время, как говорит Теренций, требует иной жизни, иных нравов¹⁴. Лицемерие и притворство уже не в цене,— теперь открыт путь истинной добродетели. Но еще совсем недавно эти люди распоясывались сверх всякой меры. Прикрываясь верой и благочестием, они всеми способами стремились к тому, чтобы прославить свое имя, чтобы распространить молву о своих добродетелях, чтобы привлечь к своему сонму новых людей и отличаться многочисленностью своих сторонников, они не понимали того, что глупость становится тем заметнее, чем она обширнее. Были среди них и такие, которые выпрашивали для себя поручения по сбору денег. Назначенные на выгодную должность, они пользовались столькими преимуществами, что становились равными самому папе. Некоторые из них объявляли себя апостолическими легатами; какими только делами они при этом ни занимались, какие только грехи

они ни отпускали, не стесняясь вымогать деньги даже у самого низкого сброда! Поэтому-то многие, публично отказывавшиеся от денег, благодаря тайным махинациям возвращались домой с туго набитой кошелем. Пусть же люди, занимающиеся подобными делами¹⁵, подумают над тем, сколь соответствуют их занятия религиозному благочестию».

4. Тогда Карл сказал: «Это гнуснейшее преступление и его следует наказывать со всей строгостью. Но порок этот завладел не только Римской курией, он покори́л весь мир. Сколько, думаешь ты, имеется в нашем городе, сколько в других городах людей разного звания, которым это лицемерие приносит доход, положение в обществе и власть? Опасные и порочные люди, целиком состоящие из подлости и коварства. Этот порок, я думаю, можно с полным правом назвать самым худшим из всех зол. Из Тартара никогда не выходила чума, более страшная для рода людского, чем лицемерие. Божеские речи проклинают этот порок, пожалуй, больше, чем все другие пороки. Наш Спаситель клеймил лицемеров больше, чем прочих порочных людей. Ибо он видел, что это скрытая и гибельная болезнь духа, приносящая людям множество бед. „Не будьте,—говорил он,—унылы, как лицемеры; ибо они принимают на себя мрачные лица, чтобы показаться людям постящимися“¹⁶. В другом месте он назвал их лжепророками¹⁷, которых призывал всячески остерегаться. Во многих местах он увещевает бежать от этого преступления, клеймя божественной мудростью этот порок, как самое отвратительное зло, заключающее в себе причину и начало множества бед. Ибо широко простирается его гибельность: многих вводит в заблуждение, многих обманывает, многих губит. Не людьми, а чудовищами следует называть тех, кого это нечестивое и гибельное лицемерие держит в своих руках. Имея в виду лицемерие, наш Цицерон говорит, что ни одно преступление не является более опасным, чем преступление тех людей, которые, будучи дурными, ведут себя так, чтобы казаться хорошими¹⁸. А это как раз и свойственно лицемерам, от которых происходит всяческая низость, всяческая подлость, всяческое бесчестие, все преступления. Они все обращают на собственную пользу, отбросив всякую заботу о человеческом обществе. А тот, кто так поступает, еще в большей степени

нарушает законы природы, чем тот, кто покушается на родину или родителей. Ибо во всех делах лицемер является лжецом и притворщиком. При таком образе жизни, или, вернее, при такой развращенности, собственное благополучие всегда основано на несчастье ближнего. Отнять у другого и чужую неудачу использовать для улучшения своего положения — все это, как свидетельствует Цицерон, более противно природе, чем смерть, чем боль, чем все прочие беды, которые могут приключиться с человеческим телом или с тем, что находится вне его¹⁹. Сколь безмерной следует считать жестокость тех, которые под покровом добрых намерений и добродетелей преступают все законы человеческой природы! Они оскверняют и уничтожают прежде всего доверие, которое одно только и служит связующим началом человеческого общества и без которого наша жизнь не могла бы существовать. Если устранить доверие из людской деятельности, то это означает неизбежную гибель для человеческого общества. Эти люди уничтожают уважение к добродетели. Поскольку они обманывают людей, действуя под ее покровом, то и сама добродетель кажется коварной. Надо ли говорить о том, что лицемер и предатель — это, в сущности, одно и то же. Один действует под видом надежного друга, другой — под видом добродетельного человека, но оба они стремятся погубить нас. Они заслуживают одинакового наказания, поскольку и преступления их одинаковы. Поэтому мне кажется, что нет ничего гнуснее этих людей, или, вернее, этих лютых зверей. Нет среди смертных ничего более ужасного, ничего более преступного. Это нечестивые люди, злые, лживые, коварные, всегда готовые на обман. В письме Луцилию Сенека призывает его не подражать этим лицемерам, не действовать по обычаю тех людей, которые хотят, не принося никакой пользы, привлекать к себе внимание. „Избегай,— пишет он,— нарочито сурового образа жизни, нестриженной головы, ложа, расстеленного на земле, и всего прочего, к чему обманным путем стремится тщеславие“²⁰. Здесь он явно говорит о лицемерах, которые хотят казаться хорошими людьми, а не быть ими. Ведь это несчастнейшие из всех живущих людей. Конечно, всякий порок делает людей несчастными, но этот порок делает их самыми несчастными. Большое несчастье быть порочным, но этот порок следует считать более несчастным, чем прочие».

«Ты правильно говоришь, Карл, об этом пороке,— сказал я,— и мне он кажется настолько губительным, что никакой ораторский талант, никакая сила красноречия не могут в достаточной мере выразить его гнусность. Но поскольку мы уже обратились к этой теме и у нас есть время для беседы, то я хотел бы, чтобы мы подробнее и полнее поговорили о тех, которых мы считаем лицемерами и которые кажутся таковыми. Ты сказал много об этом пороке (хотя этого даже и мало, если принять во внимание его гнусность), но нам еще не ясно, кто же им запятнан».

5. Когда он готовился мне ответить, неожиданно пришел Иероним Аретинский²¹, аббат монастыря св. Флоры, человек выдающийся по красноречию и нравственности, близкий друг нам обоим. Поздоровавшись с нами, он обратился ко мне, поскольку он меня давно не видел, и спросил, как дела в Риме и давно ли я оттуда. Ответив на его вопросы, я сказал: «Карл, как кстати пришел наш друг, ведь он прекрасно знает нравы лицемеров, он уже очень давно возвращается в их среде. Сам он, будучи достойным и образованным человеком, очень далек от этого порока, однако своей худобой, бледностью лица, а также смиренным видом он может возбудить у некоторых незнакомых с ним людей кое-какое подозрение. Он уже давно дал наилучший обет и находится в тесном общении со многими лицемерами, так что ему будет нетрудно объяснить нам, кого следует называть этим именем».

Тут Иероним сказал: «Слишком уж поспешно вы вызываете меня на это весьма трудное состязание, которое для многих будет неприятным. Разве вам незнакомо знаменитое изречение Теренция: „Истина порождает ненависть“? ²² Я не хочу браться за это дело, столь трудное и возбуждающее столь большую ненависть. Я не хочу на горе себе растревожить этот огромный рой пчел, всегда готовых выпустить свое жало».

«У тебя нет основания кого-либо бояться,— сказал Карл.— Наша беседа не станет никому известной, да, кроме того, и мы вместе с тобой (пусть они после лают, сколько им влезет) будем обсуждать эту тему». Поскольку Иероним заявил, что он не знает, какие мысли были нами высказаны о лицемерах, Карл ему кратко изложил и свои и мои высказывания на этот счет.

6. Тогда Иероним сказал: «О чем еще можете вы меня спросить по этому поводу? Если вы хотите определить значение самого слова, то оно ведь вам известно. Вы знаете, что это слово *hypocrita* — греческое, а в латинском языке ему соответствует слово *simulator* — притворщик²³. Те, которые притворяются и обманывают, чтобы казаться лучшими, чем они есть на самом деле; те, которые, как говорит Саллюстий, имеют одно на устах, а другое сокрытым в груди²⁴; те, которые своим притворством хотят кого-либо ввести в заблуждение, те, которые прикидываются добродетельными, чтобы снискать себе добрую славу в народе, — все эти люди по праву могут быть названы лицемерами. Надо, однако, сказать, что существует и такое лицемерие, которое не является преступным. Если что-либо измышляется во имя общей пользы, если это делается с благой целью, а не с целью коварно причинить горе ближнему, то такой обман не заслуживает никакого порицания. Почти все законодатели древнейших времен, вводя новые законы, ссылались на волю какого-нибудь божества. Нума Помпилий²⁵, который царствовал после Ромула, обратил дикий и огрубевший в войнах народ к почитанию богов и благочестию. Души, ожесточенные победами над многими народами, он смягчил с помощью законов. Не легко было бы ему склонить к этому столь грубый народ, если бы он не притворился, будто все эти религиозные обряды, священнодействия и законы, которым он обучает народ, внушены ему советами и указаниями Эгерии²⁶. Благодаря этому обману он сумел с большой пользой освятить и укрепить многие установления и обратить нравы народа к лучшему. Поэтому дурным надо считать не всякое притворство, а только такое, которое преследует преступную цель. Актеры, поскольку они представляют характеры и поступки других людей, также могут быть названы лицемерами, но им нельзя за это предъявить никакого обвинения. Я думаю, однако, что ты имеешь в виду не этих людей, которым чуждо коварство. Я полагаю, что ты сейчас интересуешься теми, которые обманывают, желая причинить вред. Это огромное и гнусное преступление, оно хуже всякого варварства. Ибо такой человек совершает преступление сознательно и обдуманно, он даже находит в нем удовольствие, — а это уж последняя степень злополучия. Но это преступление

запятнало не только духовенство, оно распространено гораздо шире, чем мне бы хотелось. В любом ремесле, в любом деле можно найти людей, готовых на обман и притворство. Одни при этом стремятся к славе, другие — к выгоде. Наемники²⁷, ремесленники, все прочие люди, предающиеся низким занятиям, ученые в различных областях знания — все те из них, которые стремятся представить себя более знающими, чем они есть на самом деле, могут быть названы лицемерами. Любой ремесленник, чтобы получить работу, готов заявить, что постиг все тайны своего ремесла, но нередко во время испытания мастерство покидает его. То же самое можно утверждать и о выдающихся по уму и иногда о добропорядочных людях. Нет такого человека, который бы не хотел казаться хоть несколько более значительным, чем он есть на самом деле. Таким образом, это определение может быть отнесено почти ко всем людям, как к хорошим, так и к дурным»²⁸.

7. Тогда Карл сказал: «Этих людей, скорее, следует называть хвастунами, чем лицемерами. Обещать больше того, на что ты способен по своему мастерству и дарованию, — это порок хвастунов, происходящий от легкомыслия и слабости. Ведь этак лицемерами можно будет назвать и большинство из тех людей, которые в праздничные дни по обычаю произносят перед папой речи²⁹ и труд которых представляется совершенно бесполезным. Выступая с длинной речью, которая заранее обдумывалась долгими ночами, они стремятся лишь к тому, чтобы показать себя, а вовсе не к тому, чтобы принести пользу. В эти речи они вносят либо очень мало своего собственного, либо вовсе ничего. Они как бы собирают различные куски от одежд разного цвета и из них делают плащ, неуклюжий и ни для кого не пригодный. Как говорят, они затрачивают на это дело огромный труд. Цель оратора должна заключаться либо в том, чтобы поучать, либо в том, чтобы волновать и доставлять удовольствие. Но поучают они так, что слушатели ничего не воспринимают. Вплетая в свою речь множество цитат, они изнуряют слух настолько, что присутствующие их вовсе не слушают. Зато в другом отношении они добиваются большого успеха. Очень часто они настолько „заинтересовывают“ и доставляют такое „удовольствие“, что слушатели засыпают. Нечего сказать, огромную пользу

приносят эти люди, стремящиеся только к тому, чтобы прихвастнуть ученостью, которой они не обладают. Пытаясь создать ложное впечатление о своей учености, они преступают ту грань, которую необходимо соблюдать человеку порядочному. Тем не менее было бы неправильно ставить этих людей в один ряд с лицемерами.

8. Образ действия лицемеров иной и цель их совершенно ясна — это подлость, плутовство, ложь, коварство. Те, которые выставляют напоказ какую-то особую святость жизни; те, которые везде появляются с грязным лицом, в поношенной одежде, с босыми ногами; те, которые публично заявляют о презрении к деньгам; те, у которых всегда на устах имя Иисуса Христа; те, которые хотят, чтобы повсюду их считали и называли добродетельными людьми и которые, тем не менее, на деле не выполняют того, что можно было бы от них ожидать, судя по их облику и их речам; те, которые заманивают и соблазняют женщин; те, которые бродят за пределами своих монастырей, охотясь за славой; те, которые похваляются своими постами; те, которые обманывают других для собственной пользы; те, которые отказываются возратить вещь, отданную им как людям добропорядочным на хранение, — все эти люди с полным правом могут быть названы лицемерами».

9. Тогда я сказал: «Лицемеры — это, конечно, скверные и гнусные люди; нет ничего отвратительнее их пагубного племени. Мне бы, однако, хотелось поделиться с вами тем, что только что пришло мне на ум. Хотя я всегда ненавидел лицемеров как людей преступных и опасных, тем не менее мне кажется, что еще более гнусными следует считать тех, которые совершают свои преступления открыто и находят в них удовольствие, тех, которые отнимают, похищают, грабят, преступая все законы. Те, которые вредят тайно, совершают, по-моему, меньшее зло, чем те, которые не скрывают своей несправедливости, выводят свои гнусные поступки на площадь и выставляют их напоказ людям. Ведь именно тогда гнусность человека является законченной и доведенной до предела, когда преступления доставляют удовольствие и становятся правилом жизни, когда человек, потеряв всякий стыд, не обращает уже внимания на речи окружающих и с презрением относится к тому, что думают о нем люди. Это как раз и произошло с двумя

нашими приятелями — римлянином и венецианцем, — людьми, известными своей жадностью и хищничеством, имена которых были у всех на устах из-за частых преступлений³⁰. Такие негодяи приносят вред и своими гнусными поступками и примером своего поведения. Многих людей, которые видят, что пороки доставляют какое-то удовольствие, пример этих негодяев побуждает к тому, чтобы подражать чужим порокам. Очень часто приходится наблюдать, как поведение бесчестного человека позорит и оскверняет не только его семью, но и город, в котором он живет, если только преступник не был сразу же подвергнут наказанию, не был укрощен законами и судом. Ибо пороки, оставшиеся безнаказанными, становятся привычкой и правилом жизни. Лицемер же хотя в глубине души и порочен, хотя он вводит в заблуждение и обманывает многих людей, — совершает все это тайно под покровом честности. Поэтому-то часто бывает трудно определить, хорошо или дурно он поступил, и нельзя сказать, что его поведение служит плохим примером. Обманутые внешней благопристойностью и мнением добропорядочных людей, мы нередко берем под защиту такого человека. Так, некоторые люди открыто призывают остерегаться пороков, бежать от преступлений, воздерживаться от позорных поступков, презирать деньги, стремиться к благоразумию, соблюдать предписания церкви, жить девственно, не брать чужого, дарить нуждающимся; они учат воздержанности и скромности, они притворяются людьми добропорядочными и ненавидящими порок, — и всем этим они приносят большую пользу людям. Если даже они впоследствии и совершат какой-либо проступок, то едва ли сразу же потеряют доброе имя, которое уже снискали речами и делами. Преступления этих людей, поскольку они совершаются тайно и не становятся тотчас же известны толпе, приносят меньший вред, чем преступления тех, которые совершают их открыто на глазах у народа. Кроме того, эти люди заявляют, будто все их дурные поступки преследуют благую цель».

10. Тут Карл сказал, улыбаясь: «Твое описание, Поджий, напомнило мне двух лицемеров³¹. Один из них, отшельник родом из Пизы, возлежа с публичной женщиной, говорил, что делает это только для того, чтобы изнурять презренное тело и истощать его силы. Другой,

родом из Флоренции, всегда учил целомудрию и воздержанности. Однажды, будучи застигнутым в момент гнусного соития и подвергаясь яростным нападкам, он заявил, что осуждающие его ошибаются, если считают, что причина его поступка такая же, какая и у обычных грешников, ибо он стремится только к тому, чтобы укротить губительную, непокорную богу и гнусную плоть. Эти лицемеры всегда придают своим преступлениям видимость благопристойности. Похожи на них были некоторые отшельники, проживавшие в Болонье³² в те времена, когда там легатом был будущий папа Иоанн XXIII³³. Было их человек десять, своей мнимой нравственностью и святостью они сумели заманить к себе на исповедь многих женщин, среди которых были и знатные. Постепенно они начали убеждать этих женщин, что нет ничего более приятного богу, что нет большей заслуги перед богом, чем добродетель послушания. Короче говоря, эти убеждения привели к тому, что они приказывали женщине обнажить свое тело, лечь на ложе и там в святом послушании родить богу сына. Женщина повиновалась. Затем, как бы подчиняясь приказу, появлялся отшельник, заявлявший, что он берет на себя этот труд не ради наслаждения, которому он чужд, а во имя послушания и рождения души. Взойдя на ложе, отшельник, будто бы равнодушный к мирским радостям, познавал женщину. Такие плоды послушания не были неприятны женщинам и многих привлекали к этому блуду. В их мастерской труду послушания предавались с таким жаром и страстностью, что у отшельников едва лишь кожа покрывала кости, и благодаря своей худобе и бледности они снискали себе славу святых мужей. Те, о которых мы говорили раньше, прославляли укрощение плоти, а эти — послушание, — все они прикрывали свои преступления видимостью добродетели. Что же сказать о тех, гнусное бесстыдство которых было недавно разоблачено в Венеции?³⁴ Это дело известно всем, все знают, какое множество женщин совратили они, прикрываясь святостью. Но они подходили к развращению женщин другим путем. В этом городе называли несколько человек, которые будто бы вели жизнь совершенную и простую, будучи неспособными к греху и чуждыми наслаждениям плоти. Эти люди провозглашали себя по благодати равными богу, они заявляли, что в их поступках не может быть

ничего греховного. Таковыми речами они до того одурачили некоторых женщин, что те поверили в истинность того совершенства, о котором они говорили. В нем нет никакого стыда, утверждали эти люди, ведь прародители наши не стыдились до грехопадения своей наготы. Затем они отводили женщин в тайные места и приказывали им снять одежды. Если какая-нибудь женщина делала это медленно или застенчиво, ее сразу же обвиняли в греховности и в том, что на нее не снизошла благодать божья, ибо прародительница Ева не стыдилась своей наготы до того, как провинилась перед богом. Женщина, чтобы казаться совершенной, тотчас раздевалась и покорялась сладострастию мужчин. Это же приказывали и мужчинам. Подумай только, что творили эти догола раздетые люди, смешавшись в толпу, а было их там уже очень много. Они предавались блуду, наподобие кроликов. Это неслыханное безобразие было раскрыто благодаря твердости одной матроны. Приведенная к столь святым мужам своей подругой, она решительно отвергла это венерино совершенство наготы. Дело, правда, постарались сразу же замять, чтобы не навлечь позора на тех, которые были застигнуты за этой милой игрой. Вскоре, однако, многое о них станет известным.

11. Рассказывая все это, я стремился показать, что эти обманщики совершают все свои преступления, прикрываясь какой-нибудь добродетелью. И они-то кажутся Поджию более сносными, чем те, которые совершают свои преступления открыто. Что касается меня, то я считаю их тем более гнусными, чем более скрытно они действуют.

Недаром пишет ваш Цицерон³⁵, что коварство заслуживает большей ненависти, чем насилие. Тот, кто открыто творит несправедливости, менее достоин порицания, чем тот, кто строит тайные козни. Именно тогда несчастье особенно губительно, когда его нельзя предвидеть.

Гораздо легче перенести бедствие, если заранее можно смягчить его удар. Но какое же сопротивление окажешь ты тайной беде, которая губит тебя еще раньше, чем ты ее заметишь.

Самым опасным врагом является тот, который надел на себя личину друга. Ведь от открытого врага можно как-нибудь уберечься. Поэтому-то чем более скрытым является преступление, тем оно более опасно».

12. Тогда я улыбнулся и сказал: «Ну что же, Карл, с этим я спорить не буду, но меня все-таки удивляет, что мое присутствие побудило тебя с таким ожесточением наброситься на этих лицемеров и назвать их преступниками только за то, что они стремятся к общению с женщинами и возделывают чужое поле, ведь, по твоим словам, в этом и заключается их величайшее преступление. Примеры, которые ты приводил, вызывают скорее смех, чем негодование. Пусть Иероним судит об этом, но, на мой взгляд, эти люди даже достойны похвалы, они кажутся мне весьма милосердными, ведь они возлагают на себя чужие труды и приходят на помощь многим женщинам в их бедственном положении.

Неужели тебе кажется удивительным, что у людей досужих и одиноких есть влечение к тем связям с женщинами, от которых рождаются дети; ведь к этому же толкает природа и неразумных животных. Мне бы даже казалось, что во имя общественной пользы их следует всячески поощрять к тому, за что ты их упрекаешь.

Они совершают весьма благочестивое дело, приходя на помощь нуждающимся. Какая женщина будет искать пищи у чужих мужчин, да еще у таких, которые смердят точно козлы, кроме той, которая не находит пищи дома и замучена голодом. Это либо вдова, либо женщина, брошенная мужем; либо такая, поле которой мало обрабатывается. Так как женщины стыдятся сами просить пищу, то они уступают настояниям мужчин, что служит на пользу и тем и другим. Весьма часто эти люди помогают при бесплодии и производят на свет наследника человеку бессильному или разбитому болезнями.

А ведь как много мужей холодных, извращенных, грубо обращающихся со своими женами, как много таких, которые ненавидят своих жен и предаются еще более отвратительным порокам. Некоторые избивают своих жен, другие мучают их, третьи осыпают их оскорблениями. Бедным женщинам только и остается, что прибегнуть к этим добрым и благочестивым людям, чтобы научиться терпению и совершенной жизни; только здесь они забывают о своих огорчениях и душевной скорби.

Итак, не следует отвергать труды этих людей, ведь они служат миру и согласию».

13. Когда я кончил, Карл сказал: «Я не настолько жесток и бесчеловечен, чтобы чрезмерно возмущаться

их женолюбием. Они ведь люди, и страсти не могут быть им чужды. Рассказывая это, я хотел только показать Иерониму, что эти слуги сатаны всегда прикрывают свою гнусность видимостью добродетели, стремясь создать впечатление, будто они не грешат, а поступают праведно.

Имеются, однако, другие, гораздо более тяжкие преступления, в которых я обвиняю этих нечестивых людей. Разве есть какая-нибудь гнусность, которую бы не совершали эти притворщики? Не существует худшего зла, не найдешь нигде большего бедствия, чем эти люди. Благодаря хорошей репутации они имеют доступ ко всему; пользуясь этим, они предают людей и города, они сеют ненависть между союзниками и друзьями, они публично отказываются от тех обещаний, которые дали с глазу на глаз. Я помню, как один монах в Болонье отказался вернуть женщине деньги, которые та передала ему тайно на хранение, как человеку добропорядочному, при этом монах еще издевался над женщиной, называя ее безумной. Только благодаря добродетели и усердию святейшего Николая, епископа Болоньи, впоследствии ставшего кардиналом³⁶, которому женщина пожаловалась на обман, дело было раскрыто и деньги были возвращены.

Эти люди с затаенным вожделением смотрят на чужие деньги, они не останавливаются перед скрытыми преступлениями и тайным сожительством с женщинами. Они уничтожают доверие к самому доверию.

Ведь если тебя обманет тот, кого ты считал порядочным человеком, то ты перестанешь затем доверять даже действительно честным людям. Оттого-то и происходит, что иногда по вине этих шарлатанов лицемерами начинают считать даже таких людей, которые в действительности являются порядочными. Ведь только благодаря какому-нибудь конкретному случаю (а он чаще всего связан с чьим-либо несчастьем) можно отличить достойного человека от лицемера. Относиться ко всем с подозрительностью представляется более безопасным, чем выяснять истину; рискуя собственным благополучием. Поэтому-то самое отвратительное их злодеяние заключается, пожалуй, в том, что они подрывают веру в добродетель; поведение их таково, что своими гнусными поступками они пятнают честь людей порядочных и достойных. Так

разве не является преступным это гнусное лицемерие, благодаря которому добродетель считается пороком, порядочные люди — негодяями, друзья — недругами? Что уж сказать о том, что мерзкий этот порок представляется средоточием лжи — этого величайшего преступления? Ибо одержимые этим пороком постоянно лгут, чтобы причинить вред ближнему. Добродетельные и ученые люди всегда клеймили этот порок, считая его страшной напастью. Ведь быть лжецом — это дело позорное и противоестественное; речь нам дана для того, чтобы мы выражали свои мысли, а не для того, чтобы извращали их. Что и говорить, безмерна их подлость и не легко от нее уберечься. Подобно тому, как льстецов, которые выдают себя за друзей, ты раскусишь лишь тогда, когда испытываешь их на деле, точно так же и лицемеров, которые прикидываются добропорядочными людьми, ты распознаешь только тогда, когда хорошо узнаешь их благодаря длительному общению и когда они обманут тебя.

Поэтому мы и должны, подражая Платону³⁷, изгнавшему из своего идеального государства поэтов как губителей добрых нравов, изгнать из рода людского это лживое племя лицемеров, эту язву общества, ненавистную богу и враждебную людям».

14. Тогда я сказал: «Карл многое сообщил нам о людях этого сорта, тем не менее, поскольку очень трудно отличить истинную добродетель от ложной, мне бы очень хотелось, чтобы ты, Иероним, как человек, длительное время общающийся с духовными лицами, среди которых столь много лицемеров, рассказал нам подробно, каким образом можно распознать этих людей».

«Я бы очень желал, — сказал Иероним, — чтобы этот порок был распространен только в духовной среде; это было бы для нас еще полбеды; но, к сожалению, он завладел людьми всех званий».

Разве нельзя было назвать лицемером этого старика, дядю нашего Николая?³⁸ Рассказывают, что если к толпе, в которой он находился, подходил нищий, просящий милостыню, старик сначала делал вид, будто не замечает его; когда же нищий немного отходил в сторону, он подзывал его к себе громким голосом и, доставая ему из своего кошелька медный грош, приговаривал: „Проси за нас бога“. Если же кто-нибудь приходил к нему домой за

кусом хлеба, то он прогонял просящего прочь, ибо старик был человеком алчным, скаредным и преданным наживе.

Или вот другой наш земляк. Он происходил из рыцарского сословия и был совсем крошечного роста. Ты, Поджий, наверно, помнишь его. Рядом с его домом находился храм, украшенный изображениями святых. Когда он входил туда, то целовал ноги у каждого святого, а тем изображениям, которые расположены повыше, он посылал поцелуй, подбрасывая к ним свою шляпу. Однажды случилось, что его шляпа застряла на канделябре, висевшем на стене, и он вынужден был просить чужой помощи. У присутствующих все это, конечно, вызвало громкий смех.

Не кажутся ли вам лицемерами также и те люди, которые, совершив множество козней, хищений и грабежей, обобрав товарищей, разорив государство, стремятся приобрести себе хорошую репутацию тем, что приносят в дар храму одеяние священника или икону. И для того, чтобы шире распространить молву о своих мнимых добродетелях, они помечают то, что приносят в дар, своей печатью или своим именем, так что сразу же становится ясным, что они все это делают только для того, чтобы снискать благосклонность толпы.

Как много известно нам людей, которые, стремясь занять руководящее место в государстве (преимущественно такое, которое может оказаться доходным), посещают храмы, общаются с людьми духовного звания, помогают бедным, только и говорят что о справедливости и благочестии.

Хотя душа у этих людей недобрая и они чужды истинной добродетели, тем не менее, они переносят немало тягот, чтобы приобрести расположение народа и получить возможность тайно его обманывать.

15. Многолико поведение лицемеров, разнообразны их приемы, распознать их — дело нелегкое, подобие добродетели от них неотделимо; и все же время разоблачает этих людей. Один из моих друзей любил говорить: „Это искусство было бы, пожалуй, лучше всех других, если бы оно было долговечным“. Но все показное очень скоро раскрывает свою природу, все скрытое становится явным, и тому, что лишено корня истины, суждено быстро засохнуть.

Для того, чтобы распознать лицемеров, нужно, по моему, руководствоваться следующим³⁹. Те, которые выставляют напоказ какую-то особую святость жизни; те, которые из людей порочных внезапно превратились будто бы в примерных монахов; те, которые ходят с поникшей головой, со смиренным видом, с немытым лицом, в нищенской одежде; те, которые всегда презируют шутки и которые кичатся своими добродетелями; те, у которых всегда на устах имя Иисуса Христа,— вот к ним-то и следует относиться с недоверием, как к людям, которые обещают больше того, что они делают. Ибо их дела не соответствуют их облику.

То, что я перечислил, само по себе отнюдь не является дурным, но это стремление выставить напоказ свою добродетель заключает в себе какую-то скверную примесь, которую следует удалять огнем, как удаляют примеси из золота.

Быть добродетельным очень нелегко, и немногим это удается. Добродетель подтверждается делами, тягостными и трудными. Тот, кто их совершает, не стремится показать это другим, не ищет от людей награды, он заботится о том, чтобы быть добродетельным человеком, а не о том, чтобы считаться таковым. Есть немало людей, дела которых достойны похвалы, эти люди либо живут уединенно, сторонясь толпы, либо помогают другим своими знаниями, они идут вперед прямым путем. Впрочем, мне подобает молчать о лицах духовного звания, чтобы не казалось, будто я нападаю на людей моего сословия. Эту область я предоставляю вам, так как вы можете говорить свободно».

16. Тогда Карл сказал: «Я признаю, Иероним, что лицемеры имеются не только в среде людей духовного звания, но надо все же сказать, что особенно пышно процветает этот порок среди вас. Связав себя оковами религии, вы принимаете обличие смирения и бедности, но на деле вы бежите от того и от другого, как от злейших врагов. Вы требуете независимости, богатства, высоких должностей и порою так нагло, что ничего наглее и быть не может.

Некоторые, чтобы главенствовать над остальными, делают вид, будто они по своему нраву резко отличаются от других людей и не имеют ничего общего с грубой толпой; когда же они добиваются того, к чему стреми-

лись, то, забывая о святой жизни, они снова предаются старым порокам.

Повсюду известна забавная история об одном монахе, который всегда просил на обед самых маленьких рыб, чтобы не получать от еды удовольствия. Снискав себе у остальных благодаря воздержанности в пище славу святого и став аббатом своего монастыря, он питался уже только самыми большими рыбами и при этом приговаривал, что ест рыб, которых поймали в свои сети маленькие рыбки.

17. Но времена папы Евгения, к которому эти люди стекались со всех сторон обильным потоком, разоблачили многих из них.

Подобно тому, как дельфины, предчувствуя бурю, поднимаются на поверхность моря и плавают там на виду у моряков, точно так же и эти лицемеры выходили толпами наружу из своих лачужек и келий и, будто стекаясь на обильный корм, устремлялись к папе и окружали его тесным кольцом. Очень часто они проявляли при этом такое рвение, что ничего не могло быть отвратительнее. Они требовали у Евгения самых различных вещей для удовлетворения своего тщеславия и корыстолюбия; нетрудно было заметить, что они облачились в монашескую одежду скорее ради пустой славы и благ жизни сей, чем из желания вести жизнь более совершенную.

Судя по тому, чего они домогались, можно было понять, что они тяготеют своим монашеским званием. С какой же стати эти двуногие ослы с грязной душой и в грязной одежде стали постоянно околачиваться при папском дворе и надоедать там даже привратникам? Уж не ищут ли они в покоях папского дворца добродетели, бедности и смирения, — как раз того, к чему их обязывает монашеский обет? Или они ищут здесь воздержанности, пренебрежения к благам, отречения от мира? Но это ведь можно найти, лишь удалившись от людей и презрев все то, что происходит в курии. Или, может быть, они ищут здесь святости жизни? Но они поклялись, что будут искать ее другим путем. Не ищут ли они здесь почетного положения и высоких должностей? Но ведь это совершенно несовместимо с их званием. Быть может, они думают найти здесь примеры воздержанности и нищенского образа жизни? Но для того, чтобы найти такие

примеры, имеются другие, более надежные пути. К чему же иному стремятся эти многолюдные толпы, постоянно стекающиеся к курии, как не к удовлетворению своего тщеславия, как не к пышности, к почестям и празднествам, как не к тому, чтобы иметь возможность бродить и странствовать повсюду? Многие из них оправдывались тем, что они приходят к папе и домогаются привилегий не ради себя, а ради других, что они хотят будто бы спасти души грешников. Поистине следует удивляться добродетели и благочестию этих людей, которые так заботятся о ближнем, что забывают о собственном спасении. Позаботься-ка сначала о самом себе, лицемер: избавь свой дух от недугов, приходи в курию только тогда, когда тебя позовут, не навязывай сам своего присутствия; откажись от чрезмерного стремления опекать посторонних; освободись от гнусного тщеславия; перестань заботиться о вещах, которые, если никто их не поручал тебе, не имеют к тебе никакого отношения. Шествуй к нравственному совершенству прямым путем, а не этим извилистым и ложным. Сделай так, чтобы твои мысли соответствовали твоим словам, а дела твои — твоему облику. Стремись, чтобы кротость духа твоего превзошла нищету одежд. Тогда никто не посмеет назвать тебя обманщиком; тогда ты своей истинной добродетелью будешь приносить пользу и себе и другим. Но если я увижу, что ты все еще околачиваешься в курии, я буду считать тебя, несмотря на твой смиренный и приниженный вид, лицемером и даже не просто лицемером, а гнуснейшим из лицемеров».

18. Тогда я сказал: «Сюда же следует причислить еще некоторых других людей. (Не знаю уж, как их назвать, лицемерами или просто глупцами). Невежество в соединении с безрассудством толкает этих людей на ораторскую трибуну и заставляет произносить речи, цель которых заключается не в том, чтобы чему-то научить людей, а только в том, чтобы излить в необразованную и грубую толпу поток каких-то звучных слов, которых не понимает ни тот, кто их произносит, ни тот, кто их слышит. Обороты речи у них нелепы, а жесты столь же неуклюжи, как у осла, когда он ласкается к своему хозяину. Речи свои они произносят голосом пронзительным и устрашающим, слова же подбирают какие-то особенно едкие и язвительные, от которых отдаст похабством, а не мудростью. По-

сколько они уж очень глупы, то кажутся себе преисполненными святости и мудрости и непременно хотят, чтобы все, что они произносят, считалось как бы евангелием.

Обещают они много, выполняют очень мало; свидетельство своего безумия они носят всегда при себе. Они пускаются в самые путаные рассуждения, стремясь убедить окружающих в том, что они на что-то способны.

Они хотят, чтобы все с ними соглашалось, иначе говоря, чтобы все были свидетелями их глупости. Наконец, уставшие от своей болтовни так, как будто родили Феникса⁴⁰, они уходят осипшие и потные. Слушатели же становятся еще более глупыми, чем были раньше, в ушах у них стоит звон от криков и брани, от множества слов, которых они не понимают. Никто и не собирается изменять свое поведение, никто и не думает отказаться от пороков, многие становятся даже хуже, чем они были раньше, поскольку теперь они узнали о новых, ранее неведомых им пороках, с которыми их познакомили проповедники, призывавшие остерегаться этих пороков. Я знал одного из таких лицемеров. Хотя он и проповедовал в городе, говорил он, однако, языком деревенщины.

В своих проповедях он особенно любил нападать на разврат с женщинами, с возмущением упоминая о некоторых тайных пороках (мне неловко называть их в присутствии Иеронима). Многие его слушатели, которые раньше и понятия не имели об этих запретных вещах, после его проповедей сразу же начинали предаваться этим удовольствиям со своими женами. А проповедник, надутый и преисполненный самого высокого мнения о своих достоинствах, снисходительно относился к тому, что глупая чернь под возгласы одобрения на руках относила его домой.

Что может быть подлее такой развращенности? Что может быть отвратительнее такого обманчивого подобия добродетели? Это был человек негодный, совратитель женщин, гнусный развратник. Когда о нем сообщили папе Мартину⁴¹, он велел заключить этого человека в тюрьму. Впоследствии были сосланы в отдаленные места многие из этих грубых и безграмотных людей, которые утверждают, будто святой дух вселил в них ученость, и излагают черни святое писание с таким невежеством, что ничего не может быть ужаснее.

Я много раз смеха ради подходил, чтобы послушать этих проповедников. Ведь они говорят такое, что может рассмешить даже самого угрюмого и мрачного человека. Они жестикулируют так, будто хотят спрыгнуть с помоста; внезапно они возвышают голос, как безумные, затем вдруг начинают говорить тихо; то они в неистовстве стучат руками по столу, то раздражаются смехом. Словом, такой оратор в своем иступленном витийстве принимает столь многие и различные образы, что его можно назвать вторым Протеем⁴². На обезьян они скорее похожи, чем на проповедников. Как сказал апостол Павел: „Я насадил, Аполлос поливал, но возрастил бог“⁴³. Так и эти болтуны: один сеет незнание, другой учит невежеству, и все они способствуют приращению глупости.

Я признаю, что и раньше было и теперь есть немало ученых и выдающихся людей, наделенных всяческими достоинствами. Их речи приносят много пользы верующим, их ученость благотворна и в высшей степени похвальна. Но таких людей все же очень мало, если принять во внимание число тех, которые обладают одним лишь искусством кричать и присваивают себе право не столько даже проповедовать, сколько поносить».

19. Тогда Карл сказал: «Слишком долго занимаемся мы этими крикунами, обратимся же к другим лицемерам, если мы еще не всех перечислили».

«К лицемерам,— сказал я,— можно причислить еще и тех бродяг, которые с нестриженными и нечесаными волосами, заросшие бородой, в одежде со множеством заплат обходят с мешочком и корзинками дома и рынки и просят милостыню, чтобы жить без трудов в воинстве распятого.

Они притворяются нищими, тогда как на самом деле у них полно денег. Если бы Лукиан⁴⁴ был жив, он бы поставил этих людей рядом с философами своего времени. Подобно тому, как те, оставив прежние занятия и предавшись презренной праздности, жили на чужой счет, выпрашивая милостыню, и ходили бородатые, грязные, в нищенской одежде, с посохом и сумою; точно так же и эти, поклявшись следовать примеру жизни Христа, а на деле очень далекие от его деяний, живут на чужой счет под предлогом того, что они целиком отдаются религиозному служению, и, будучи людьми никчемными, праздными, вечно заспанными, никому не приносят пользы ни

духом своим, ни телом⁴⁵. Среди них есть и такие люди, которые достойны одобрения, некоторых из них я знаю и уважаю, но в большинстве своем это бездельники.

20. Следует сказать также и о тех из них, которые, выступая в роли исповедников и щеголяя на словах святостью, выспрашивают у женщин о некоторых тайных вещах и тем самым не только не умеряют похоти, но скорее даже возбуждают ее. В то время, как они выведывают женские тайны, дремлющие страсти порой пробуждаются и у них самих, они начинают заикаться и запинаясь, обнаруживая этим, сколь возбуждает их близость женщины.

Многих они пытаются соблазнить, некоторых им удается увести в „святилище любви“, после чего эти женщины называют их своими духовными отцами. Об этих людях, утверждающих, будто они во всем подчиняются монашескому уставу, я знаю немало такого, что достойно смеха, а вернее говоря, сурового наказания.

Мне известно и о том, что некоторые из них пытались недавно сделать, исповедуя молоденьких девушек, но стыд не позволяет мне говорить об этом. Один наш земляк (он и сейчас еще жив) всяческим притворством и обманом добился того, что его стали считать достойнейшим человеком. Молва о его святости была столь громкой, что ни одна флорентинка не считала свою совесть успокоенной, пока не исповедовалась ему в своих грехах. Но вскоре они меняли свое мнение. Иногда он просил денег, иногда между прочим спрашивал у молодой женщины, имеет ли она дома кота. После того, как женщина подтверждала это, он интересовался, не замечала ли она, что кот подымает хвост, когда ему поглаживают заднюю часть туловища. Если женщина подтверждала и это, он говорил, что в ее присутствии то же самое происходит и с ним.

Знал я еще одного такого исповедника (история эта, правда, уже очень давняя). Однажды он сказал женщине, которая исповедовалась ему в своих прегрешениях, что хочет освободиться от переполняющих его жидкостей. Женщина велела ему обратиться к врачу и тотчас ушла. Ее муж, которому она об этом рассказала, пригласил монаха к себе домой и влил ему внутрь через клистир добрую порцию чернил, приговаривая при этом: „Вот лучшее средство для избавления от внутренних

жидкостей⁴⁴. Возвращаясь обратно, монах вынужден был освободиться от своего бремени прямо на дороге, чем и сделал эту историю широко известной⁴⁶.

Что же можно сказать об отшельнике, который не так давно обитал неподалеку от нашего города. Немало постаравшись и снискав себе имя человека достойного, он построил в роще келью и украсил ее изображениями святых. Из этой кельи он выслушивал исповеди женщин через маленькое окошечко, над которым находилась хорошо скрытая опускная решетка. Если женщина казалась ему привлекательной и была одна (а это бывало очень часто, так как люди относились с полным доверием к его благочестию), он предлагал женщине просунуть через окошко голову и посмотреть на изображения святых. Как только женщина это делала, он опускал решетку и, поймав шею женщины как бы в петлю, выходил наружу и познавал свою пленницу. Однажды случилось, что в то время, когда какая-то женщина оказывала ему сопротивление, неожиданно пришла другая женщина и застала его врасплох. Перепуганный отшельник сразу же убежал.

Мне известны сотни подобных историй о лицемерах, и я рассказал бы их, не опасаясь я того, что может показаться, будто я нападаю на поведение лицемеров с каким-то особым умыслом. Я ведь рассказал все это только для того, чтобы все видели, сколь нечестивы, сколь отвратительны поступки тех, кого называют лицемерами».

21. «Почему же ты приводишь в пример только дурных людей и ничего не говоришь о хороших? — сказал Иероним. — Среди духовных лиц всех званий и всех орденов есть очень много достойных людей, которые не совершают дурных поступков, которые бегут от этих безобразий и не заботятся о земных благах; жизнь этих людей ты мог бы назвать примером беспорочности и благочестия».

«Признаю, — сказал я, — что ты говоришь правду. Эти обвинения нельзя предъявлять ко всем. Среди лиц духовного звания есть много прекрасных людей; немало есть людей, выделяющихся святостью своей жизни; встречаются также люди, выдающиеся по своей учености, — этих людей я считаю достойными всяческой похвалы. Но сейчас я веду речь о лицемерах, об обманщиках, а не о

хороших людях. Тех людей, о которых ты говоришь, всегда следует выделять из числа остальных. Ведь они не стекаются в Римскую курию, не посещают княжеских дворцов, если их к этому никто не принуждает, не вмешиваются в мирские дела, не обивают пороги, не домогаются недостойными путями, надев на себя личину святости, высоких должностей, не выставляют себя напоказ народу. Они уклоняются от общения с женщинами, они избегают того, в чем сатана может подвергнуть их искушению и осилить. Они стремятся не к тому, чтобы казаться, а к тому, чтобы действительно быть угодными богу. Они не жаждут овладеть вниманием толпы, чтобы внушить ей высокое мнение о своих достоинствах. Слова похвалы не кружат им голову. Они не выпрашивают у пап милостей, чтобы возвыситься над остальными; они не стремятся получить право исповедовать и отпускать грехи (ведь все это сводится к ловле женщин или денег), эти заботы они оставляют начальству. Для того, чтобы ты понял, Иероним, кого я одобряю, и чтобы ты убедился в том, что я отнюдь не отворачиваюсь от хороших примеров, я приведу тебе один. Все мы недавно видели, как самый достойный и благочестивый человек из всех, кого я знаю, кардинал С. Кроче Николай (я упоминал о нем раньше)⁴⁷, шествуя по пути истинной добродетели, отвергая всякий обман и притворство, достиг великого почета. Соблазны и важность сана не оказали на него влияния, он не изменил своего нрава, сохранил чистоту и суровость прежней жизни. Он не стремился ни к чему показному, своей внешностью он походил на простых людей из народа, но по своей внутренней сущности он не был похож на других. Жизнь его отличалась от жизни остальных людей только своей непорочностью и чистотой. Таких людей я одобряю, высоко ценю и восхваляю, ибо они хранят в своей духовной сокровищнице гораздо больше того, что показывают другим. Вернемся, однако, к лицемерам, которые несколько не похожи на подобных людей.

22. Мне вспомнился сейчас некий лицемер, рассказ о котором меня некогда очень рассмешил. Об этом человеке нам смеха ради поведал один кардинал, когда мы заговорили о лицемерах. Однажды кардинал пригласил к себе на завтрак брата из числа тех, которые называют себя строгими блюстителями обета. После того, как он

сам вымыл руки по обычаю в серебряном тазу, он велел брату сделать то же самое, но тот стоял со склоненной головой и лицом, отвращенным от серебра, и стал мыть руки только тогда, когда ему полили воду на землю. Что может быть нелепее этой показной ненависти к серебру? Вымыть руки в серебряном тазу казалось великим преступлением этому смехотворному лицемеру, который своим притворством хотел поразить кардинала, человека замечательного. Но своей нелепой спесью он вызвал только насмешку.

23. Некоторых привлекает лицемерие другого рода. Им больше всего нравится гул одобрения, когда повсюду, где они только ни появляются, их называют при всем народе достойными людьми. Они переносят множество тягот, чтобы казаться добродетельными. Они видят свое счастье в этих пустых похвалах черни, так как они считают, что это самый надежный путь для исполнения их тайных желаний. Простой народ называет этих людей мучениками дьявола, поскольку они отказываются от радостей здешней жизни и будут лишены их и в будущей. Всех подобных людей можно с полным правом включить в когорту лицемеров. Мне известно много людей этого сорта, но я не буду на них останавливаться, чтобы не быть слишком многословным. Об одном человеке я, однако, расскажу непременно. Благодаря своему редкостному плутовству он, как кажется, с большим правом, чем кто-либо другой, может быть поставлен выше всех в искусстве лицемерия. Этот человек — Антоний Фаненский, муж длиннородый и тучный, из ордена августинцев⁴⁸. Он часто являлся к папе Евгению послом короля Арагонского. Своим искусным притворством старый плут снискал себе славу святого. Он утверждал, что в течение восьми дней может оставаться без всякой пищи, довольствуясь лишь таинством евхаристии⁴⁹. Для того, чтобы проверить это, его заперли (как он сам велел) в уединенном месте и не оставили ему ничего пригодного из еды и питья. Каждый день он просил дать ему одну гостию⁵⁰ и столько вина, сколько достаточно для совершения таинства, а по прошествии восьми дней он вышел из своей кельи несколько не похудевшим и имел даже лучший вид, чем прежде. Этим он привел всех в восторг и изумление, ибо казалось, будто он получал пищу прямо с неба. Однако впоследствии, незадолго до его кончины, плутовство

было раскрыто. Его выдал один сообщник, хорошо знавший как было дело. Обманщик внес с собой в келью тайно под одеждой длинный кожаный пояс шириной в ладонь, свисавший спереди. Пояс был наполнен превосходным вином и набит множеством хлебцев, пропитанных этим вином. Он принес с собой также, будто бы для освящения, множество толстых свечей, сделанных из сахара и сверху покрытых воском, — всем этим он и восстанавливал свои телесные силы.

Вот это-то изумительное чудо воздержанности и прославило обманщика, доставив ему имя человека святой жизни. Всякий раз, когда я слышал, как он рассказывает о своих подвигах, я невольно удивлялся тому, сколь сияющую, румяную наружность имеет этот прославленный постник: очень уж не соответствовал его внешний вид той умеренности в пище, которую он проповедовал.

24. «Давайте же, — сказал Карл, — не будем ставить Иеронима в такое положение, чтобы он был вынужден сам разоблачать мерзости своих собратьев. Расскажем о тех людях, которые, по общему мнению, более всех других посвятили себя искусству лицемерия⁵¹. Я говорю об этих новых монахах различных орденов, которые заперлись в своих монастырях и, преданные будто бы соблюдению обета, заняты на деле лишь сами собой. Хотя одежда на них скромная, духом они надменны. Во времена папы Евгения они вдруг появились в его окружении в таком изобилии, что напоминали муравьев. Какую пользу приносят они вере или людям, я не знаю. Твердо я знаю только одно: они требовали от Евгения столько, что могли обогатиться. Хотя они и не многочисленны, тем не менее они владеют таким множеством полей, в их руках столь огромные богатства, что становится ясным: для них нет ничего более тягостного, ничего более ненавистного, чем бедность. Они избегают холода, гонят прочь голод и жажду, ненавидят наготу; своей любовью к Христу они избавляют себя от всех тягот жизни.

Сколь велика жадность многих из них, вернее сказать, сколь ненасытно их чрево? Никакое богатство их не может удовлетворить, постоянно они чего-то требуют, постоянно чего-то домогаются. Сколь безмерно тщеславие многих из них? Мы знаем аббата монастыря св. Юстины Падуанской⁵², который способствовал основанию новой секты. Этот человек был преисполнен такой

надменности, такого высокомерия, он любил окружать себя такой помпой, что, право же, его можно было прозвать Помпонием⁵³. Он не покинул курии до тех пор, пока Евгений не назначил его епископом Тревизо (для того, я думаю, чтоб избавиться от одного из лицемеров).

25. Но вернемся к тем, о которых мы говорили раньше. Я не намерен разбираться в их частной жизни, ибо она известна богу. Я не хочу знать, чем они занимаются в своем уединении: бодрствуют ли они или спят; трезвы они или пьяны; блюдут ли они чистоту и целомудрие; занимаются ли наукой или бездельничают; завидуют ли они, соперничают ли друг с другом, хотят ли они главенствовать над другими. Разве достаточно того, что они укрыты от посторонних взоров стенами монастыря и грубыми одеждами и не могут, по крайней мере, служить дурным примером? Какую пользу приносят они вере, какую услугу оказывают людям — хотел бы я знать. Насколько я вижу, они занимаются только одним делом: поют, точно цикады. Что и говорить, огромная польза проистекает от их пения. Они так кичатся своими трудами, будто это подвиги Геркулеса. Они, видите ли, встают ночью для того, чтобы петь и славить бога. Нечего сказать, великое и славное дело — эти ночные бодрствования, посвященные пению.

Но что бы они сказали, если бы, подобно крестьянам, босые и едва одетые, они пахали землю даже в ветреную и дождливую погоду? Конечно, уж никакое божеское воздаяние не могло бы их достойно вознаградить, так как не было бы на свете благодарности, которая хоть как-то соответствовала бы столь тяжким трудам.

Среди них, правда, встречается немало благочестивых людей, преданных истинной добродетели и чуждых всякому притворству. Это надо признать. Было бы уж очень плачевно, если бы в таком множестве не нашлось ни одного порядочного и благочестивого человека. Но в большинстве своем это бездельники, которые следуют за полчищами лицемеров и отнюдь не преданы добродетели.

26. Много ли, думаешь ты, найдется таких людей, которые стали монахами для того, чтобы вести жизнь более совершенную? По пальцам можно перечесть тех, кого не побудила к этому какая-либо внешняя причина. Не дух свой, а только тело отдают они религиозному служению. Многие вступили в монашество из-за малодушия,

из-за своего неумения добыть средства к жизни каким-либо иным путем, некоторых побудила к этому крайняя бедность, иные, разорившись и впад в отчаяние, идут в монастырь только потому, что надеются найти себе там кормушку. Другие, проведя много времени в занятиях, не имеющих ничего общего с приобретением знаний, промотав отцовское наследство и снискав себе беспутством, бродяжничеством, никчемностью и невежеством дурную славу, предаются религиозному служению, чтобы смыть с себя позор прежней жизни. К этому их побуждает не благочестие, а просто стыд; они стесняются возвратиться на родину такими праздными неучами, какие они есть. Некоторые, будучи слабыми, больными и неспособными к труду, превращают монашеское одеяние в источник средств к существованию. Встречаются также люди попросту вялые, ленивые и бездеятельные, которые надевают личину благочестия и идут в монастырь, как в место, где они смогут и жить преспокойно и обманывать безнаказанно.

Всех этих людей следует причислить к сборищу лицемеров.

27. Сколько, думаешь ты, найдется и таких, которые долгое время жили как добрые мужи, а впоследствии, привлеченные сладостью почестей и охваченные честолюбием, изменили и жизнь и нрав.

Разве ты исключишь из числа лицемеров того Иоанна Доминичи из ордена проповедников-доминиканцев⁵⁴, который некогда совершал столь полезные дела, неся в народ слово божье? Своими проповедями и примером жизни он оказывал благое влияние на всех. Он уничтожил много дурных обычаев, существовавших в нашем городе, среди них такой непристойный: у нас было принято каждый год 1-го мая⁵⁵ выносить на улицу столы и всем городом играть в кости. Благодаря его труду и увещанию этот обычай был совершенно искоренен. Он сурово осуждал пороки, он обуздал бесстыдную вольность женских одежд, он совершил много похвальных дел, с особой ожесточенностью он преследовал честолюбие, стремление к пустой славе. Уважение к его достоинствам было таково, что все государство повиновалось его указаниям. Когда Иоанн услышал о том, что Григорий, только что возведенный на папский престол⁵⁶, дал обещание уничтожить раскол церкви⁵⁷ даже ценой своего отречения, он тотчас

же примчался в Рим, чтобы убедить папу совершить столь святое дело. Он начал самым искренним образом убеждать папу выполнить свое обещание, но папа оказался не очень сговорчивым. Когда же он начал настаивать более решительно, он вызвал своим упорством ненависть папы. Вот тогда-то он и отправился в логовище Цирцеи⁵⁸ и, приняв от нее бокал, изменил и тело свое, и душу. Человек он был умный, ловкий и превосходно умел применяться к обстоятельствам. Когда он увидел, что его усилия не увенчиваются успехом, он нашел другой способ добиться папской милости. Он начал мыслить так же, как прочие лицемеры, которые стекались тогда в Рим нескончаемым потоком и стремились оказать на папу дурное влияние; он начал говорить и советовать то, что нравилось. Снискав милость папы, он сначала был назначен епископом Рагузинским, а позднее — и кардиналом, чем возбудил против себя ненависть всех флорентинцев. Поскольку знакомые и друзья осуждали его поступок и удивлялись тому, что он вступает в противоречие с самим собой и действует вопреки своим прежним словам, вопреки им же установленному правилу жизни, он прибег к щиту лицемеров и заявил, что лишь по принуждению возложил на себя тяжкое бремя, которое мешает ему продолжать прежнюю жизнь, что папа (а папе нельзя не повиноваться) под угрозой отлучения вынудил его принять сан, который он получил против своей воли».

«Все это происходило у меня на глазах, Карл,— сказал я.— В те времена я был в курсе всех дел. Я помню, что вскоре после того, как Иоанн приехал в Рим, мы завтракали вместе с ним в доме одного нашего друга. Во время беседы он, все еще верный своим прежним убеждениям, осуждал Григория за то, что тот отказывается выполнить свои обещания, которые он дал столь громко. Я сказал ему тогда: „И все же кое-какая шапка, надетая на твою голову, заставит тебя изменить свое мнение“. Он мне ответил: „Если ты это увидишь, Поджий, не верь тогда больше ничему“. „И увижу,— сказал я,— и верить буду по-прежнему“. Он пал, как я и предсказывал. Впоследствии он настойчивее всех других уговаривал Григория не отречься от папского престола. Был он, правда, человеком высокообразованным, приятным в обращении и не чуждым добродетели. Упрекать

его можно только за то, что он изменил тем прекрасным правилам жизни, которым следовал вначале.

28. Рассказ о Иоанне напомнил мне о другом человеке, провинившемся не меньше. Я имею в виду магистра Луку из церкви Всех святых⁵⁹, которого во Флоренции уважали за доброту и благочестие.

Это был человек уже преклонных лет, образованный и простой. К нему обращались по поводу всего того, что относится к душе. Он постоянно выражал свое пренебрежение к почестям и, казалось, ничего не домогался.

Осуждая Григория, он утверждал, что тот должен выполнить свое обещание и даже ценою жизни даровать церкви мир. Однако, когда Григорий прислал ему красную шапку. Лука, пойманный на крючок этой почести, изменил свое мнение. Он начал говорить, что Григорий, поскольку он является истинным наместником Христа, совершит тяжелый грех, если отречется от папского престола. Когда Луку обвиняли за то, что он принял сан, он прибегал к характерной защите лицемеров: он говорил, что сан вручен ему папой, которого он не может послушаться. Но в скором времени ему пришлось пожать плоды своего недомыслия. Флорентинцы сразу же запретили ему пользоваться привилегиями этого высокого сана. Так, вместо звания кардинала ему пришлось довольствоваться позорным именем лицемера».

Тогда Карл сказал: «Это обычное прибежище лицемеров. Приняв почести, они всю ответственность за это возлагают на других. Своим притворным смирением они громят и бога и людей; само небо наполняют они своими словами; они всем опостылят своей назойливостью — и все это для того, чтобы занять почетное положение. Затем, стараясь избежать упреков и создать впечатление, будто они не изменили своему обету и уставу, они начинают утверждать, что это тяжелое бремя они возложили на себя по настоянию папы, который заставил их заниматься этим бесполезным и тягостным трудом; но они должны подчиниться старшим и не могут перечить их приказам.

Гнуснейшими из смертных следует считать этих лицемеров. Для того, чтобы произвести впечатление людей добродетельных, они делают вид, будто презирают и неохотно принимают то, к чему на деле они стремятся всей душой».

29. «Мне вспомнился,— сказал я,— их покровитель, которого одни также считали лицемером, а другие — человеком добропорядочным. Причитать умерших, как говорят, нехорошо, но обсуждать недостатки уже ушедших из жизни гораздо безопаснее».

«Кого же ты имеешь в виду?» — спросил Карл. «Григория,— сказал я,— о котором мы уже раньше упоминали⁶⁰».

Многие полагают, что он был человеком достойным и простым, что в нем не было ни хитрости, ни обмана, что в ошибках его виновны его советчики. Эти защитники Григория утверждают, что если он и не выполнил своего обещания отречься от папского престола, то это произошло потому, что он поддался настояниям окружающих его людей, которые заботились только о собственной выгоде. Другие считают его лицемером, который предпочел сладость папства единству и миру церкви; поступки, которые он совершил позднее, говорят эти люди, отнюдь не соответствуют показному благочестию его прежней жизни.

Я бы, пожалуй, включил его в число тех, о которых Аристотель говорит, как о людях скорее образованных и сведущих, чем умных; его ошибки проистекали, по-моему, скорее от недомыслия, чем от злой воли.

Ведя уединенную жизнь, Григорий общался только с лицемерами, но впоследствии, когда он был разлучен с теми людьми, которых так высоко ценил, он изменил свой образ мысли к лучшему. Эти гнусные люди убеждали его, что поскольку он является истинным папой, он совершит смертный грех, если отречется от престола; они говорили, что от этого произойдет умаление веры».

«Смотри-ка,— сказал Карл,— как бы это наше суждение о папе не вызвало гнева у других людей, которые, быть может, сочтут, что речь идет о них».

«Если бы,— сказал я,— Евгений был еще жив, мы должны были бы молчать; и это не потому, что я считаю его лицемером, но он слишком прислушивался к советам тех людей, гнев которых был, пожалуй, страшней, чем гнев самого папы. Но о папе мы действительно лучше помолчим. Ведь имеется еще немало других людей (это подтверждает и Иероним), поведение которых мы сможем обсудить, если уж так хотим придать значительность

нашей беседе высоким положением тех лиц, о которых мы говорим».

«Кто же они?» — спросил Карл.

30. «Мы поговорим и о других людях, которыми не следует пренебречь, но в первую очередь мне хотелось бы рассказать о некоем брате сицилийце Матвее из ордена миноритов, принадлежавшем к числу тех, которые хотят, чтобы их назвали „обсервантами“, то есть строгими блюстителями правил, и своими многочисленными проповедями снискавшем себе имя мужа святейшего⁶¹. Он проклинал пороки, призывал к добродетели и придерживался сурового образа жизни. Жителей всех соседних областей он привлек к своим проповедям, как бы озаренным сиянием святости. За проповеди его почитали, как второго Павла.

Распространив молву о своих добродетелях, он стяжал немало денег. Когда епископ Катанский покинул этот мир, наш Матвей, побуждаемый тщеславным желанием стать епископом, купил этот сан у короля арагонского⁶² за четыре тысячи золотых. Утвержденный в этом звании Евгением, он прославился благодаря одному изумительному чуду.

Молва о том, что Матвей купил Катанскую церковь за много тысяч золотых, стала распространяться, но этому не очень поверили благодаря его притворной добродетели и мнимой бедности. Матвей, однако, желал себя обелить совершенно; и взойдя на кафедру перед народом, как это обычно делают проповедники, он страстно поклялся, что никогда не давал золотого за сан епископа и что вовсе не стремился к этому сану. Он обратился к богу с мольбой, чтобы в том случае, если он солгал, бог поразил болезнью его тело и тем сделал клятвопреступление явным. Очевидно, бог высоко ценил заслуги этого человека и внимательно прислушивался к его молениям. Во всяком случае, эту мольбу бог сразу же услышал и явил изумительное чудо. Внезапно нижняя часть тела у Матвея оказалась скованной так, что с возвышения его пришлось унести на руках; всю остальную жизнь он не мог самостоятельно ходить. Впоследствии я однажды видел этого человека. Поскольку Матвей оставил уже всякий стыд и навлек на себя много тяжких обвинений, он был вызван в курию и его на руках принесли к папе Евгению. Все же благодаря помощи собратьев по ордену

старый лицемер избежал суда и был отпущен как человек невиновный. Что можно поделать с таким человеком или, вернее, с таким чудовищем, обманувшем доверие столь многих людей.

Случай с Матвеем послужил, однако, прекрасным доказательством того, что божеское терпение имеет свой предел. До времени бог терпит проступки людей, но наступает час, и бог наказывает нас за наши грехи. Сурово покарал он этого гнусного лицемера, который сам представил на суд бога свои преступления, рассчитывая, очевидно, на то, что ему удастся обмануть бога так же, как он обманывал людей».

Тут Карл сказал: «Если бы бог столь же строго наказывал и других лицемеров, то, поверьте мне, у этого искусства было бы куда меньше приверженцев. Но многих еще прельщает это занятие, которое приносит и доход и доброе имя. Подумать только, чего могла бы достичь истинная добродетель, если даже ее ложное подобие приносит столь обильные плоды.

31. В нашей беседе мы затронули некоторых людей, порочность которых не вызывает никакого сомнения; вполне ясно, что эти люди совершили гнусные поступки. Имеются, однако, люди, которые ведут себя столь скрытно, которые так ловко и искусно прячут свое подлинное лицо, что невозможно решить, истинной или ложной является их добродетель. Что вы думаете, например, о епископе Римини⁶³, которого очень любил Евгений? Мнения о нем так расходятся, что я и не знаю, в какую сторону мне склониться».

«Дело это, конечно, темное, Карл — сказал Иероним. — Для того, чтобы в нем разобраться и разглядеть истину, нужны, пожалуй, глаза Аргуса⁶⁴. По многим признакам, он был человеком добропорядочным, прямым, искренним и честным. Он вел жизнь воздержанную и суровую. И все же, присмотревшись к нему внимательно, можно было заметить у него кое-какие следы лицемерия. Некоторые его поступки осуждались порядочными людьми и мне тоже не нравились, но он, как хороший живописец, умел придавать этим поступкам такую окраску, что было очень трудно вынести относительно них какое-либо определенное суждение.

Если бы он подвергся тому испытанию, которому, как утверждает Франциск Ланцаник⁶⁵, подвергаются все

люди, переходящие в загробный мир, то, мне думается, он, наверное, оставил бы в проходе свою кожу.

32. Франциск рассказывал, что для перехода умерших в загробный мир имеются отверстия большие и малые. Через большие отверстия в загробный мир без всякого затруднения переходят те люди, добронравие или порочность которых не вызывает у стражей никакого сомнения. Но те люди, о которых трудно судить, хорошие они или дурные, те, которые приходят с притворным выражением лица и в обманчивом одеянии, те люди, внутренняя сущность которых непохожа на благочестивую наружность (как это свойственно лицемерам, которые внешне ведь кажутся вполне добропорядочными), — таких людей и пропускают через малые отверстия. Тот, кто действительно является хорошим человеком, пройдет через отверстие без всякого ущерба, не ободрав кожи. Лицемер же непременно повредит себе кожу о край отверстия и явится в загробный мир весь израненный, так что даже самый малый холод и даже самое малое тепло причинят ему нестерпимую боль. Давайте-ка, подтолкнем нашего епископа к такому отверстию, чтобы мы могли судить о нем по тому, поранит он себе кожу или не поранит».

33. Тогда я сказал: «Пусть другие думают, как хотят. Я же полагаю, что о нем можно судить, не прибегая ни к каким отверстиям. Для того, чтобы прослыть добродетельным человеком и покровителем бедных, для того, чтобы обманным путем расположить к себе папу Евгения, он чуть было не уничтожил нашу должность⁶⁶, и гнусным своим притворством он лишил нас того дохода, который был уже давно закреплен за нами авторитетом многих пап и являлся вполне честным; он раздавал другим то, что отнимал у нас. Но милостыня только тогда приятна богу, когда человек дает ее не из чужих, а из своих собственных средств. Он же, чтобы снискать себе имя человека благочестивого, использовал во славу свою чужое добро. Можно ли это назвать иначе, как чистым лицемерием? Чему другому, как не крайнему высокомерию и самомнению (я уже не говорю о лицемерии) следует приписать то, что вопреки обычаю всех предшествовавших пап, вопреки древним установлениям курии, вопреки традициям, освященным апостольскими посланиями, он, дабы прослыть единственным разумным человеком, ввел новый закон, провозгласил новый порядок,

поставил новую и коварную ловушку: везде и повсюду он по собственному почину раздавал полное отпущение грехов, скрепляя его только своей подписью.

34. Разве тем самым этот сын священника, человек столь низменного происхождения, столь малых знаний, столь слабого ума не проявил свое презрение к верховным первосвященникам, среди которых были и святейшие мужи? Кто разрешил ему пренебречь древними установлениями и вводить в таком деле новое правило, распространять повсюду новый обычай? Разве он обладал таким правом? Разве он отличался особыми достоинствами, особым благочестием? Что было в нем выдающегося кроме того, что папа относился к нему благосклонно? И этот человек своим умом (вернее сказать, своей глупостью) пытался опровергнуть мудрость предков.

35. Но послушайте о том, что по праву может быть названо величайшим лицемерием. Дело это связано с теми грамотами об отпущении грехов, которые он сам изобрел и изготовлял⁶⁷ и которые он хвастовства ради раздавал. Он непременно хотел, чтобы первая буква такой записки как-то особо выделялась и чтобы в нее вписывались знаки папы Евгения, как это обычно делают с гербами военных.

Чью-то записку, как я слышал, он счёл недействительной только потому, что на ней не было такого изображения; и подписал ее лишь после того, как герб был на ней нарисован. Как же не назвать лицемером этого человека, который в том, от чего зависит спасение души, требует изображения доспехов, будто речь здесь идет о полководце и его воинских подвигах. Посмотрим-ка, проскользнет ли он невредимым через отверстие, если даже и наденет на себя эти доспехи. И вот этого-то человека папа Евгений считал честным и беспорочным. Лицемер этот был, правда, не единственным лицом, в котором папа глубоко заблуждался. Евгений считал добропорядочными очень многих людей, жизнь которых, мягко выражаясь, отнюдь не соответствовала его мнению. Да, он ошибался во многих людях, которых высоко ценил. Надо, однако, сказать, что люди, в которых Евгений не обманулся бы, вообще встречаются очень редко и особенно редки среди тех, которые бывают в папском дворце.

36. «Что вы думаете о нашем Амброзии?»⁶⁸— спросил Карл.— Правильны или ложны были его рассужде-

ния? Не казалось ли вам, что и от него отдает лицемерием?»

«Отнюдь нет,— сказал Иероним.— По моему мнению, это был превосходный и весьма достойный человек. В своем монастыре он занимался науками и написал много сочинений, исполненных учености и принесших ему немалую славу. Он, несомненно, был человеком добродетельным и высокообразованным»⁶⁹.

«Конечно,— сказал Карл,— пока он находился в монастыре во Флоренции и отдавал весь свой досуг музам, он вел жизнь, которую я считаю достойной похвалы и чуждой лицемерия. Но после того, как он был назначен аббатом, он несколько отклонился от прежнего пути. Тайком он уже начал принимать меры к тому, чтобы занять еще более высокое положение. Вспомните только, как наш Николай⁷⁰, человек, дружески к нему расположенный и любивший говорить откровенно, частенько упрекал его за то, что он предается суетным заботам и охотится за красной шапкой».

Тогда я сказал: «Давайте не будем выносить суждение в деле столь сомнительном, а подтолкнем Амброзия к тому отверстию, о котором мы говорили раньше, пусть опыт с кожей послужит для нас надежным свидетельством».

37. «Как бы я хотел,— сказал Карл,— чтобы о живых мы могли говорить так же свободно, как мы говорим об умерших. Очень многих людей сочли бы мы нужным подвергнуть испытанию с отверстиями. Ни конца, ни края не имело бы то поле, по которому мы могли бы бродить.

Трудно даже представить себе, какое множество смертных самых различных званий следует включить в число лицемеров. Со многими из них мы знакомы, гнусность некоторых нам пришлось испытать на себе. У лицемеров одна только забота: подобно актерам в масках, они играют роль, желая казаться добродетельными, тогда как в действительности они глубоко порочны. И этим своим притворством они порой добиваются многого: высоких званий, государственных должностей, важных общественных поручений, громких почестей и управления народами. Но обман их недолговечен, раскрываются их тайные замыслы, становятся явными их пороки. Ибо тогда, когда они получают возможность грабить и творить мерзости, они сразу же обнаруживают свою алчность,

свои страсти и влечения. Тогда стирается одежда, сотканная из притворства, на яркий свет выходит их скрытое коварство. Поэтому-то именно тогда следует остерегаться всяческих пороков и, в первую очередь того отвратительного порока, который называется лицемерием».

Когда Карл замолк, я сказал: «Пора уж нам закончить нашу беседу. Мне предстоит еще много дел, и я должен поспешить, чтобы быстрее вернуться в курию».

«И у меня,— заметил Иероним,— есть кое-какие дела. Кроме того, как сказал наш Марон ⁷¹:

И уж длиннее от гор высоких падают тени».

После этого мы ушли.



ПОДЖО БРАЧЧОЛИНИ

ПИСЬМО К ЛЕОНАРДО БРУНИ¹

Поджо шлет привет Леонарду Аретинскому.

Много дней я находился на водах и написал оттуда нашему Николаю письмо, которое ты, я думаю, прочтешь. Вскоре затем я вернулся в Констанцу². Через несколько дней началось дело Иеронима³, которого многие публично обвиняли в ереси. Об этом я решил сообщить тебе, поскольку дело это чрезвычайно важное и муж этот известен своим красноречием и образованием. Признаюсь, я не видел никого, кто, выступая в суде, особенно когда дело идет о жизни, более приближался бы к красноречию древних, которыми мы так восхищаемся. Приходилось удивляться его словам, красоте его речи, его доводам, его взгляду, выражению его лица, твердости, убежденности, с какой он отвечал своим противникам и защищал свою правоту. Больно думать, что такой благородный и возвышенный ум склонился к еретическим занятиям, если только правда то, в чем его обвиняют. Не мое это дело — судить о таком вопросе. Я соглашаюсь с суждениями тех, которых считают мудрецами. И ты не жди от меня, что я буду излагать это дело подробно, по всем правилам ораторского искусства. Это было бы слишком длинно и потребовало бы многих дней труда. Я коснусь лишь наиболее ярких моментов, из которых ты увидишь ученость этого человека.

Против Иеронима собралось много доносов, которые позволили обвинить его в ереси. И, наконец, было решено, что он будет публично держать ответ по всем обвинениям. Когда его привели на помост и приказали отвечать, он долго отказывался, утверждая, что должен сам изложить свои убеждения, прежде чем будет отражать клеветнические выпады противников. Он упорно настаивал на том, чтобы сначала выслушали, что он скажет

сам о себе, а уж потом можно будет перейти к лживым доносам его завистников. Но когда ему в этом отказали, он воскликнул, поднимаясь на середину помоста: «Где же тут справедливость?! 350 дней, пока я сидел в ужасной темнице, в пыли, в грязи, в навозе, в оковах, лишенный всего необходимого, вы постоянно слушали моих врагов и клеветников, меня же не хотите слушать даже один час! Значит, для них были открыты уши каждого, и за такое долгое время они убедили вас, что я еретик, враг веры господней, гонитель духовенства, а мне вы не даете никакой возможности защищать себя. Вы в умах своих осудили меня как нечестивого человека уже раньше, чем могли узнать, каков я в действительности. Но ведь вы,— сказал он,— люди, а не боги, не вечны вы, а смертны, вы можете не знать правды, ошибиться, быть обманутыми и введенными в заблуждение. Вас называют светочем мира, мудрецами земли. Тем более вы должны всячески избегать необдуманных, неразумных и несправедливых решений. Я всего лишь маленький человек, которого здесь хотят осудить на смерть. Я говорю не за себя — ведь я смертен. Но я считаю недостойным мудрости стольких мужей — постановить обо мне нечто несправедливое. Это будет вредно не столько само по себе, сколько как дурной пример».

Когда он превосходно говорил это и многое другое, толпа прерывала его речь выкриками и шумом. Наконец, было решено, чтобы он сначала держал ответ по поводу тех прегрешений, которые ему ставятся в вину, а потом ему дадут возможность говорить, что он сам захочет. Итак, с кафедры стали читать обвинения, главу за главой, затем спросили, хочет ли он что-либо опровергнуть, а потом обвинения подкрепили свидетельствами. Не описать словами, как пламенно он говорил, какими доводами себя защищал. Он никогда не произносил ничего такого, что было бы недостойно честного человека, и если он действительно искренне верил в то, что провозглашали его уста, то не только справедливого основания для смертного приговора невозможно найти, но даже повода для малейшего обвинения. Он говорил, что все сказанное ложно, все преступления вымышлены его завистниками. Между прочим, когда его называли сокрушителем апостольского престола, противником римского папы, врагом кардиналов, преследователем прелатов и недру-

гом христианского духовенства, он, поднявшись с места и протянув вперед руки, воскликнул: «Куда мне теперь обратиться, господа сенаторы? Кого молить о помощи? Кого просить? Кого заклинать? Не вас ли? Но эти гонители мои отвратили ваши души от меня, представив меня врагом всех тех, кто должен меня судить. Они думали так: если даже их доносы на меня покажутся недостаточно вескими, — вы все же решите казнить меня, как вашего противника и врага, каким они меня обрисовали в подлой лжи своей. Если вы поверите их словам, у меня не может быть никакой надежды на спасение».

Многих он задел острым словом, многих поразил метким замечанием, многих в столь печальном деле заставил смеяться, отражая шутками удары своих противников. Когда его спросили, что он думает о евхаристии, он сказал: «Сначала хлеб в посвящении, а потом истинное тело Христа» — и далее, как того требует вера. Тогда кто-то воскликнул: «А говорят, будто ты сказал, что после посвящения остается хлеб». На это он ответил: «У пекаря остается хлеб». Какому-то человеку из ордена проповедников, яростно нападавшему на него, он крикнул: «Молчи, лицемер»; другому, который давал показания против него и клялся своей совестью, он сказал: «Этот ничем не рискует, если даже и соврет».

Из-за многочисленности и тяжести вменяемых ему преступлений процесс не мог быть закончен в этот день и был перенесен на послезавтра. Когда этот день наступил, были зачитаны доказательства каждого его преступления и подтверждены словами многих свидетелей. Тогда он, поднявшись, сказал: «Поскольку вы так внимательно слушали моих врагов, справедливо будет, если вы спокойно выслушаете и меня». Многие шумели и кричали, но, наконец, он получил возможность говорить и начал с обращения к богу, моля, чтобы тот вразумил его и дал ему нужные слова, которые он обратил бы на свое благо и спасение своей души. Затем он сказал: «Я знаю, ученейшие мужи, что много выдающихся людей претерпели бедствия, которых они отнюдь не заслужили своими добродетелями, были оклеветаны лживыми свидетелями, осуждены несправедливыми судьями». Он начал с Сократа⁴ и напомнил, как тот был несправедливо обвинен согражданами. Сократ мог бежать из тюрьмы, но отказался, так как желал избавить людей от страха перед

тем, что казалось им самым ужасным, перед тюрьмой и смертью. Затем он сказал о пленении Платона⁵, об оковах Анаксагора⁶ и Зенона⁷ и несправедливом осуждении многих язычников о гибели Рутилия⁸, о невинно осужденном на смерть Боэций⁹ и других людях, о которых рассказывает Боэций. Далее он перешел к примерам из иудейской истории и говорил о том, как на Моисея¹⁰, освободителя своего народа, создателя законов, часто клеветали сограждане, будто он презирает народ и уводит его с истинного пути. Иосифа¹¹ продали в рабство родные братья, а потом он был брошен в темницу по подозрению в прелюбодеянии. Он назвал еще Исаяю, Даниила¹² и почти всех пророков — ведь и они были опутаны сетью несправедливых обвинений в мятежах и пренебрежении к богу. Здесь он упомянул и о суде над Сусанной¹³ и о многих святейших мужах, погибших из-за ложных обвинений и несправедливого приговора суда. Потом он перешел к Иоанну Крестителю¹⁴ и к Спасителю нашему, о которых все знают, что они осуждены лживыми свидетелями, неправым решением судей; потом назвал Стефана¹⁵, убитого коллегией священников, напомнил об апостолах, которые были осуждены на смерть, разумеется, не как благочестивые люди, а как мятежники, возмутители народов, презирающие богов, и вершители всяческих злодеяний. Недоброе это дело, когда священника несправедливо осуждает священник, но это, как он показал, бывало; еще более недоброе, — когда это делает коллегия священников, но и этому он привел примеры; однако нет ничего ужаснее, чем несправедливое осуждение священника церковным собором. Но и это, как он напомнил, случалось.

Все это он говорил красочно, и люди слушали с напряженным вниманием. А поскольку вся тяжесть обвинения держалась на показаниях свидетелей, он многими доводами показал, что эти свидетели не заслуживают никакого доверия, и прежде всего потому, что они говорили все не из стремления к истине, а из ненависти, злобы и зависти. Затем он так ясно раскрыл причины этой ненависти, что почти было склонил и слушателей на свою сторону. Его слова были так убедительны, что те, если бы речь шла не о вере, не стали бы доверять свидетелям. Все как будто были единодушны и склонялись к милосердию. К тому же он сказал, что сам, по своей

воле, пришел в собор, чтобы очистить себя. Он рассказал о своей жизни и о своих занятиях, преисполненных чувства долга и добродетели. Он напомнил, что и в прежние времена ученейшие и святейшие мужи часто по вопросам веры расходились в мнениях и спорили друг с другом; при этом они стремились не к тому, чтобы нанести ущерб вере, а только к тому, чтобы раскрыть ее истину. Так, например, Августин и Иероним¹⁶ защищали мнения не только различные, но даже прямо противоположные, однако же никто не подозревал их в ереси.

Все ожидали, что он будет защищать себя, оправдываясь по предъявленным ему обвинениям или прося простить его заблуждения. Но он упорно твердил, что он не ошибался и не желает оправдываться в вымышленных, не совершенных им преступлениях. Под конец он стал восхвалять Яна Гуса, недавно осужденного к сожжению. Он называл его человеком честным, справедливым, святым и никак не достойным такой смерти. Сам он тоже готов идти на любую пытку с твердой и непреклонной душой. Он прощает врагов своих и свидетелей, так неразумно лгавших против него. Настанет час, и они будут отвечать за свои слова перед богом, которому не смогут лгать. Все вокруг слушали с душевной болью. Ведь они хотели спасти этого превосходного человека; если бы только у него хватило благоразумия! Но он упорствовал на своем, и казалось, что он ищет смерти. Восхваляя Яна Гуса, он сказал, что тот выступал не против положений церкви божьей, а против злоупотреблений духовенства, против надменности, роскоши и расточительности прелатов. Этому честному человеку казалось недостойным, что имущество церковей, предназначенное для бедных, для странников, для церковных мастерских, расточается на распутниц, на попойки, на содержание лошадей и собак, на роскошные одежды и многое другое, недостойное христианского благочестия. Он говорил поистине талантливо. Несмотря на то, что его часто прерывали шумом и некоторые вставляли колкости, пытаясь поймать его на слове, он никого не оставлял безнаказанным и, отвечая ударом на удар, заставлял противников краснеть и умолкать. Когда поднимался гул, он прерывал речь, обращался к толпе со словами упрека, а потом продолжал говорить дальше, прося и умоляя, чтобы ему не мешали. Ведь они больше его не услышат. Ни разу

он не испугался этого шума, крепкий и бесстрашный духом. К тому же он обнаружил удивительную память. Ведь он провел 340 дней в затхлом и темном подвале башни; он сам рассказывал об этой страшной тюрьме, где он, как подобает мужественному человеку, не издал ни единого стога, а если жалуется сейчас, то лишь потому, что страдал незаслуженно, и дивится жестокости людей, лишивших его возможности не только читать, но даже видеть. Я не говорю уже о душевной тревоге, которая должно быть мучила его изо дня в день и могла вышибить все из его памяти. Но, несмотря на все это, он, излагая свои убеждения, так много ссылался на ученых и мудрецов, так много приводил в свою пользу суждений отцов церкви, как будто он все это время предавался занятиям, наслаждаясь досугом и покоем.

Голос у него был приятный, чистый, звучный, с каким-то особым достоинством; красивый ораторский жест то выражал возмущение, то будил сострадание, которого он, однако, не хотел и не искал. Так он стоял, спокойный и бесстрашный, не только не боясь смерти, но даже устремляясь ей навстречу. Ты назвал бы его вторым Катон¹⁷. Вот человек, достойный вечной памяти людей! Я не одобряю, если имел он в мыслях что-то против установлений церкви, но я дивлюсь его учености, всесторонним познаниям, ораторскому таланту, очарованию его речи и остроумию его ответов. Однако я боюсь, не эти ли щедрые дары природы привели его к гибели.

Потом ему дали два дня срока для покаяния, и к нему приходили многие ученейшие мужи, чтобы уговорить его отказаться от своих убеждений (в том числе заходил к нему и кардинал флорентинский¹⁸ и пытался склонить его на правильный путь). Но так как он настойчиво упорствовал в своих заблуждениях, он был осужден собором как еретик и сожжен на костре. Со спокойным, ясным лицом шел он к своей гибели; ни огня не испугался, ни пытки, ни смерти. Никто из стоиков¹⁹ не принял смерть с такой твердой и бесстрашной душой, как встретил ее этот человек. Когда он пришел к месту казни, он сам снял с себя одежду; опустившись на колени, он поклонился столбу, к которому был прикован; сначала его, голого, привязали к столбу мокрыми веревками и приковали цепью; потом обложили кругом поленьями, перемешанными с соломой,— не маленькими, а толстыми, до

самой его груди, набросав между дров мякины. Потом, когда поднялся огонь, он запел какой-то гимн, который долго не могли прервать ни дым, ни огонь. Вот еще одно замечательное доказательство твердости его духа: когда палач хотел бросить огонь за его спиной, чтобы он не видел, он крикнул: «Подойди сюда и здесь, на виду у меня, зажигай огонь. Если бы я боялся его, я никогда не пришел бы на это место. Ведь я мог его избежать».

Так был убит этот человек, замечательный во всем, если не говорить о вере. Я видел его путь к смерти, все этапы этого пути. Поступал ли он так из-за своего неверия или из упорства, но смерть его во всем была подобна смерти философа. У меня было время, и я рассказал тебе эту длинную историю. Ничем не занятый, я хотел хоть что-то делать и описал тебе случай, напоминающий эпизоды из древней истории. Ибо даже известный Муций²⁰ не сжигал свою руку с такой твердостью, как этот человек все свое тело; и Сократ не выпил свой яд так невозмутимо, как Иероним принял огонь. Но довольно об этом. Прости, если написал слишком длинно. Сама история требовала пространного рассказа, но я не хотел быть и слишком многословным. Будь здоров, любезнейший мой Леонард.

Констанца, 3-й день до июньских календ²¹ [1416],
день казни Иеронима.



ЛОРЕНЦО ВАЛЛА

О МОНАШЕСКОМ ОБЕТЕ¹

Многие, славный Баптиста², часто удивляются мне, а некоторые даже прямо нападают на меня, отчасти за то, что я принимаюсь за темы слишком возвышенные и трудные, отчасти, что я всегда избираю ту или иную личность предметом порицания. Я охотно согласился бы с ними, если бы они, наконец, сумели убедить меня в том, что так часто мне внушают. Но, что касается первого обвинения, — могу ли я брать для своих сочинений более мелкие темы? Ведь мы оцениваем темы не столько по самой их природе, сколько по способностям писателей, и в меру их талантов темы обычно представляются нам или огромными, или вовсе ничтожными. В самом деле, видим же мы в необъятных воздушных просторах птиц, постоянно летающих туда и сюда, но одни птицы держат путь свой высоко, под облаками, другие — немного ниже, третьи — недалеко от земли, а четвертые лишь порхают короткими перелетами от деревца к деревцу, от кустика к кустику. То же самое и в водах: одни виды рыб любят держаться у берегов, другие — в лабиринтах камней и утесов, а многим нравятся бескрайние морские глубины. Все они, хотя населяют одну и ту же стихию, сильно отличаются друг от друга выбором места, ибо каждый вид приспособляется к месту, наиболее для него удобному и подходящему. Притом те, кто сильнее всех, отважно проникают в самую глубь стихии: таковы в небе орлы, в море — киты. Точно так же обстоит дело и с темами, которые избирает себе талант человека, как бы для полета и для плавания. Даже самая богатая тема покажется бедной в бездарном изложении, а самая бедная покажется богатой, если возьмется за нее писатель большого таланта. О Троянской войне многие писали и после Гомера и, как я полагаю, до него³, но всех их оставил

далеко позади себя Гомер, как орел или кит. Вергилий⁴ писал о хлебопашестве, о виноградниках и деревьях, о скоте, о собаках, о пчелах, — темы, казалось бы, сами по себе низменные, у этого автора стали величественными. А когда я читаю некоторых современных поэтов, которые взялись воспевать войны королей и народов, то пишут они так, что уж лучше пели бы войны лягушек и мышей, как молодой Гомер⁵, или войны пчел, как Вергилий⁶. Что возвышенного, казалось бы, может быть в таком предмете, как щит? Однако как великолепен у этих авторов щит Ахилла или щит Энея!⁷ Кажется, здесь изображен, нарисован, представлен не круг щита, а весь наш мир земной. Итак, все дело в том, с каким талантом и каким умением ты излагаешь тот или иной предмет. Но оставим поэзию и обратимся к прозе. Разве события истории, равные по величию, не кажутся нам различными оттого, что не равны историки, писавшие о них? Одни исторические сочинения мы читаем с огромным вниманием, с тревогой и волнением, читаем и снова перечитываем, другие перелистываем равнодушно и сонно и никак не можем дочитать до конца. Почему же? А потому, что нам кажется, будто в тех повествуется о делах великих, важных, опасных, а в этих — о мелких, будничных, незначительных. Или разве мы не видим, как в суде по одному и тому же делу у одного оратора все пылает, у другого остается холодным; когда говорит один — судьи и слушатели проникаются то гневом, то состраданием, то радостью, то весельем, смеются, возмущаются, скорбят, плачут; когда же говорит другой — едва перемогаются, чтобы не уснуть, а то и вовсе спят. Я не стану приводить бесконечное множество примеров и перейду к богословию, о котором намерен писать. О нем, однако, и о каждом труднейшем его вопросе кто не осмеливался писать! Недаром Гораций сказал:

Пишем поэмы повсюду, учен, неучен, — безразлично⁸.

Что он сказал о поэтах, — я говорю о богословах. Они так различны между собой, что когда я сравниваю авторов, писавших об одном и том же, кажется, будто они говорят не об одном предмете, более того, будто один пишет о великом, другой — о мелком; один — о звездах, другой — о цветочках; один ползет, томится, дремлет, шипит, храпит, видит сны, другой несется в радостном поле-

те, то мерно парит, то играет по кругу, то падает стремглав, то также быстро взмывает ввысь. Я говорю так не к тому, чтобы отнести на свой счет эти похвалы, но хочу лишь сказать о различии дарований, состязающихся на поле одной и той же темы. Хочу показать, что тот, кто говорит возвышенно, красочно, богато, не всегда обязан всем этим теме, а тот, кто пишет постно, бедно, низменно, не может ссылаться на скудность предмета, ибо суть этого дела заключена более в том, кто пишет, чем в том, о чем пишут. Поэтому, каков мой предмет и как я напишу о нем, можно узнать из сравнения с другими.

Перехожу теперь к другому обвинению, — что я всегда выбираю себе кого-нибудь для порицания. Об этом я недавно писал письмо-апологию к другу моему Серре⁹, длинное и обстоятельное. Те же, которые и здесь ждут от меня ответа, пусть знают, что я всегда старался и еще более буду стараться в стиле и в суждениях следовать древним, как грекам, так и римлянам, и по их примеру говорить независимо и свободно¹⁰. Впрочем, как ты увидишь из самой этой книжки, я написал ее и послал тебе, Баптиста, побуждаемый не только своим желанием, но и советами других. В ней я изложил диспут, который я вел недавно с неким братом, имя которого, кажется, благоразумнее умолчать¹¹, человеком весьма ученым и сделавшим большие успехи как в философии, так и в богословии. Как-то на днях, когда мы стояли — группа ученых мужей, — образовав тесный круг в базилике, примыкающей к Форуму¹², он подошел, будучи хорошо знаком со всеми нами, вступил в разговор и после взаимных приветствий был принят в наш кружок. Говорили мы о заговоре, вскрытом в тот самый день, 4-го января¹³, и зашел у нас спор по поводу того, что два дня назад в городских стенах появились два волка¹⁴ и были схвачены народом после того, как долго бегали по городу. Среди нас возник спор, не было ли это знамением того, что составлен заговор и что он будет раскрыт. Тут Павел Корбион¹⁵ сказал: «Я не знаю, было ли это приметой, но кто будет отрицать чудо и дурное знаменье в том, что несколько священников участвовали в заговоре и даже возглавили его? Перед ними заговорщики произносили свои клятвы». Тут я сказал: «О, невероятная вещь, чудовищное знамение, освященные руки толкают людей на столь гнусное предприятие, веру превращают в неверие, на-

божность в безбожие, клятву в клятвопреступление, божеское и человеческое обращают в насмешку и презрение!» Тут брат, который собирался было ответить — так во всяком случае можно было предположить по его виду, — немного замешкался. Тогда снова Павел, для того ли, чтобы задеть и раздражить этого человека, или потому, что действительно возмущился, сказал: «Удивительно еще, что не сидел в этом троянском коне какой-нибудь брат, или, вернее сказать, что не он этого коня придумал». На это брат, еще более рассердившись, нахмутив брови, воскликнул: «Как ты сказал, Павел? Если бы участвовал в заговоре какой-нибудь брат или возглавлял его? Но, говоря так, ты больше хочешь навлечь ненависть на самое монашество (religio), чем заклеить преступных братьев, если такие есть. Это то же самое, как если бы кто стал поносить всех апостолов из-за того, что один Иуда был предателем. Я знаю, ты о нас дурно думаешь и дурно говоришь. Ты не перестаешь быть верен себе. Но если бы ты знал, каковы достоинства монашеского звания, каковы его преимущества и выгоды, ты сам скорее принял бы это облачение (как это сделал я, когда узнал все это), чем стал бы бранить его». — «Я вовсе не браню это облачение и не навлекаю ненависть на монашество, — ответил Павел, — но каково же это достоинство, преимущества, выгоды?» А брат ему: «Разве этого мало, что когда я и ты ведем одинаковый образ жизни, я, однако, получу большее воздаяние от бога, чем ты?» — «Этим вы, — сказал Павел, — обычно похваляетесь, чтобы других заманить в свой орден. Что касается меня, то я предпочитаю, если уж грешить, то грешить без капюшона, чем в капюшоне». — «Но почему, — воскликнул брат, — ты не говоришь, что лучше совершать благие дела в капюшоне, чем без капюшона?» Тут все рассмеялись, но немного замешкались и стали спрашивать друг друга, а многие посмотрели в мою сторону, желая знать мое мнение. А я сказал: «Не хотите ли вы, поскольку у нас сегодня праздник и есть время, устроить диспут об этом, чтобы всем стало ясно, где истина?» — «Разве ты в этом не согласен со мной, Лаврентий?» — ответил брат. «Чему ты удивляешься, — сказал я, — ведь Павел сомневается!» — «Больше того, — добавил Павел, — я не сомневаюсь, а твердо уверен, что он здесь лживо восхвалял монашеское зва-

ние». — «Ты не осмелишься, — воскликнул брат, — защищать то, что говоришь». — «Но у тебя есть с кем сражаться, — сказал Павел, — что же ты обращаешься к другому?» Тогда все стали, обращаясь то к одному, то к другому из нас, побуждать меня и брата к диспуту и предложили всем сесть. Итак, я и брат уселись посреди всех на двух длинных скамьях друг против друга. Этот диспут я излагаю, как я сделал это в другом сочинении — «О свободе воли»¹⁶, — без реплик «я сказал», «он сказал». Таким образом, тем, кто будет это читать, пусть кажется, что они не автора читают, а слушают и видят двух лиц, ведущих диспут.

Итак, когда мы сели таким образом, я при полном молчании и внимании окружающих, глядя на брата, начал говорить.

Лаврентий. Чтобы в нашем диспуте не было ничего двусмысленного, я прежде всего спрашиваю тебя. Ты сказал так: если, допустим, вы оба, ты и наш Павел, ведете одинаковый образ жизни, ты получишь от бога большее воздаяние. Значит ли это, что если два человека не отличаются друг от друга качествами тела и души, если у обоих одинаковые внешние условия и одинаковые обстоятельства жизни, от бога, однако, получит большее воздаяние тот из них, кто принадлежит к этой секте, то есть к тем, которые называют себя благочестивыми (*religiosi*), чем тот, кто не принадлежит и не желает принадлежать ни к какой секте: ни к вашей, ни к другим сектам монахов, ни к какой-нибудь другой из существующих сект.

Брат. Прежде, чем ответить тебе на это, я должен сказать, что ты удивляешь меня своей речью, называя нас за наше правило жизни сектантами и отказывая нам в праве называться благочестивыми (*religiosi*), как будто мы не благочестивы, а благочестив кто-нибудь другой. Следовательно, ты хочешь поставить под сомнение не только достоинство нашего обета, что и является предметом нашего диспута, но и само название. Ты хочешь отнять у нас давно установившееся название и обесславить нас каким-то другим, постыдным. Таким образом, ты еще больше бесчестишь нас, чем Павел, — он называл нас не сектой, а благочестивыми.

Лаврентий. Я вовсе не хотел заводить спор о названиях — ведь мы поставили себе другой вопрос — и не

хотел уводить наш диспут по другому пути. Но так как ты потребовал у меня при этом объяснения, я тебе отвечу. Я не имею обыкновения, когда веду диспут в ученом кругу — таком, каков у нас здесь, — пользоваться без предварительного пояснения или свидетельства словами, употребительными больше в народе, чем среди знатоков. Если я присвою их, может показаться, что я их одобряю, и могут придрататься к моей речи, как это часто происходит на судебных процессах. Я мог бы привести этому много примеров, если бы не опасался слишком растянуть столь незначительный вопрос. Нужно выражаться точно не только по необходимости, как я буду это делать сейчас, но ради изящества. Или, если взять хотя бы ваши выражения, я должен, по вашему примеру, говорить *observantia* вместо *observatio*; *guardianus* — вместо *custos*; *claustrum* — вместо *atrium* или *porticus*; *ecclesia* — вместо *templum*; *sacristia* — вместо *sacrarium*; *libraria* — вместо *bybliotheca*; *stola* — вместо *vitta*; *indulgentia* — вместо *venia*; называть *confessor* того, кто выслушивает покаяния грешников; говорить *antíphana* вместо *antírhōna*, где вы портите не только букву, но и ударение и многое другое¹⁷.

Тебя, однако, удивляет, что я говорю «сектанты» вместо «благочестивые», но я делаю это не только из соображений красоты, а и по необходимости. Поскольку я не считаю эту вашу жизнь столь значительной, как это считаете вы, то мне кажется, что и название этому делу вы напрасно дали столь священное и почтенное. А ведь это, собственно, и есть то, о чем мы диспутируем. Ибо, если вы одни благочестивы, придется признать, что вы лучшие из всех людей. Я думаю, что это не так, и об этом буду вести спор. Итак, я скажу кратко об этих двух названиях, о которых ты хочешь знать мое мнение. Слово «секта» применяется специально по отношению к философам, хотя и среди ораторов и учеников Теодора и Аполлодора¹⁸ были секты и могут они быть и у юристов, и у представителей других наук. Есть секты, которые греки называют *αἰρέσεις*, — они исповедуют, развивают и проповедуют различные виды мудрости. Ведь совсем различно мыслят и живут стоики, киренаики, перипатетики, академики¹⁹ и некоторые другие. У вас происходит нечто подобное; вы не только либо монахи, либо братья, эремиты или агапеты²⁰, но все, в свою очередь, делитесь

еще на тысячи разновидностей, как это можно понять из различия облачений. И смех, и отвращение одолевают меня, когда я вижу, как в городах мелькают ваши разнообразные платья²¹. Едва ли среди военных найдешь такую пестроту одежд и красок. Поэтому если философы свои группы, различающиеся в мыслях и образе жизни, называли сектами, то должен ли ты удивляться, что я называю ваши различные группы сектами? Впрочем, для меня не важно, примешь ли ты это слово, так как я спорю не о присвоении вам нового названия, а о том, которое уже присвоено, то есть о том, можете ли вы называться благочестивыми, что выдвинуто мною как вторая часть вопроса. Об этом я скажу, прибегая опять к сравнению с философами. Я не слыхал, чтобы философы одним себе присваивали название ученых-мудрецов и не желали бы делить его с другими — с создателями законов, с лучшими сенаторами, с величайшими ораторами, со справедливейшими царями, мудрость которых еще до рождения философов и после их появления всегда управляла государствами. Кто же потерпит, когда вы говорите, что ни священник, ни папа — никто другой, кроме вас, не есть благочестивый? Этим вы, кажется мне, не столько себя горделиво возносите, сколько оскорбляете других. В чем может для меня состоять бóльшая хвала, чем быть благочестивым, или, наоборот, бóльшее порицание, чем быть неблагочестивым? Ибо быть благочестивым, — разве это не то же самое, что быть христианином, и притом истинным христианином? Я не говорю уже о других значениях, когда применяют это слово по отношению к могилам или к судьям и многому другому. Я говорю лишь о благочестии как о почитании бога. И пусть существует много религий, однако ложные религии — это не религии, а суеверия. Так, по крайней мере, считают и называют их познавшие истинную религию, — ту, которую и без прибавления слова «истинная» просто можно назвать религией, и даже без прибавления «христианская»; так что религия будет то же самое, что вера, и религиозный — то же, что верующий, верующий же, повторяю, это не мертвец без добрых дел, а человек с добрыми делами, могущий называться истинным христианином.

Как сказал Иаков²²: «Если кто из вас думает, что он благочестив, и не обуздает своего языка, но обольщает свое сердце, у того пустое благочестие. Чистое и непо-

рочное благочестие перед богом и отцом есть то, чтобы призирать сирот и вдов в их скорбях и хранить себя неоскверненным от мира». Итак, если вы считаете благочестивыми только себя, то есть тех, кто изрек обет, а остальных благочестивыми не считаете, то это, признайся, разве не то же самое, как если вы считаете только себя христианами, только себя честными, чистыми и незапятнанными, а других презираете как грешников и бросаете в тартар? А кого других? Даже тех, кто уже причислен к лику святых, или кто, как я надеюсь, будет причислен. И поэтому я не был к вам несправедлив, усомнившись в вашем праве называться благочестивыми, в то время как многие другие, не исповедующие это вероучение и не придерживающиеся этого правила жизни, должны были бы так называться, поскольку они живут весьма свято, а многих из вас так называть нельзя, ибо они живут весьма нечисто.

Брат. Хотя я нашел бы, что ответить тебе на эту речь, но поскольку я начал отклоняться от первоначально поставленного вопроса, мне кажется, лучше будет нам вернуться к нему, чем уходить от него еще дальше; тем более ты не утверждаешь вообще, что нашу жизнь нужно называть сектантской, и не отрицаешь полностью, что ее можно называть благочестивой. Вернемся к тому, с чего мы начали.

Лаврентий. Итак, ответь на то, о чем я спросил. Ты настаиваешь на своих утверждениях?

Брат. Отчего же нет, если мы с тобой говорим одно и то же: если все остальное одинаково, то мы, давшие обет, больше заслуживаем воздаяния, чем другие в тех же обстоятельствах жизни, то есть я, например, больше, чем ты, хотя, допустим, душой, телом, жизнью и всем остальным, кроме одного этого, мы одинаковы.

Лаврентий. Но ведь опять-таки, как можем мы быть одинаковы, если так расходимся в мнениях?

Брат. Если бы ты дал обет, ты думал бы так же, как и я.

Лаврентий. Может быть. Но ведь ты не думал так, как я, до обета.

Брат. Я старше тебя, и ты еще не достиг того возраста, когда я был посвящен в эти таинства, которые защищаю. Кто знает, не пойдешь ли ты тем же путем?

Л а в р е н т и й. Но разве ты до обета спорил с братьями и монахами, вызывая у них вопросы об их жизни?

Б р а т. Конечно, нет.

Л а в р е н т и й. А я это делаю. Следовательно, никогда не дам обета.

Б р а т. Даже независимо от результата сегодняшнего спора?

Л а в р е н т и й. Вероятно. Но самый вопрос поставлен плохо.

Б р а т. Почему?

Л а в р е н т и й. Как можем мы быть равными по обстоятельствам жизни, когда живем так различно? Ты принуждаем к бедности, к воздержанию, к послушанию, а я нет. Поэтому у тебя одни действия, у меня другие, у тебя одни добродетели, у меня другие, и они несопоставимы друг с другом, как если бы ты был хороший художник, а я хороший архитектор. Их нельзя сравнивать между собой, и было бы глупо превозносить одного перед другим, особенно если каждый из них совершенен в своей области.

Б р а т. В остальном мы равны, только в этом и различаемся.

Л а в р е н т и й. А это и означает воздавать вам похвалу, так сказать, как архитекторам, а нам отказывать даже в похвале как художникам. Вы хотите победить нас в этих трех добродетелях, но это недопустимо, так как мы можем победить вас в других добродетелях, отличных от этих. Добродетель — не только в перенесении бедности, но и в том, чтобы разумно распоряжаться богатством; не только в воздержании, но и в браке; не только в послушании, но и в том, чтобы мудро управлять. Итак, одни обладают одними добродетелями, другие — другими, но никто не обладает и теми и другими.

Б р а т. У вас могут быть другие добродетели, отличные от наших, но никак не равные нашим, поскольку мы дали обет.

Л а в р е н т и й. Тогда наш вопрос теряет смысл.

Б р а т. То есть как?

Л а в р е н т и й. Мы спрашивали, заслуживаем ли мы одинакового воздаяния при одних и тех же обстоятельствах жизни. Теперь выясняется, что обстоятельства не могут быть одинаковыми. В чем же тогда наш вопрос?

Б р а т. Внесем поправку, если тебе угодно. Из двух.

живущих свято, как я и ты, я заслуживаю большего за одно то, что я дал обет. Ибо остальные добродетели хотя и различные у нас, но по значительности могут быть равны.

Лаврентий. Должен тебе сказать, ты говоришь удивительные вещи, и уже с самого начала с тобой не согласится никто, кто вспомнит святейших мужей, уже царствующих в небесах. Но объясни, почему ты придаешь столь большое значение обету?

Брат. По трем причинам, как мне подсказывает память и насколько я сам понимаю. Первое, — что мы обещаем всегда и везде соблюдать эти три заповеди: послушание прелатам, бедность и воздержание. Второе, — что мы связали себя этим обетом, от которого нельзя отступить. Третье, — что чем суровее постигает нас возмездие за отступничество, тем большее должно быть воздаяние неотступившим. Ведь; как мы можем видеть, другие люди не хотят брать это на себя именно потому, что либо не желают лишаться людских благ, либо боятся сурового наказания, которое постигнет их, если они отступят. Поэтому те, кто принадлежит к монашеству, действительно достойны похвалы и за силу духа, что они принялись за это, и за терпение, что они это переносят.

Лаврентий. Сколько тут силы духа и терпения — это покажет самое дело и наш диспут. Прежде всего я отвечу на то, что ты сказал в свою пользу. Посмотрим, правильно ли твое разделение. Мне кажется, что ты назвал так много причин для большей важности и как бы хотел напугать меня их числом, как змея, выставляющая один язык в виде трех. Ибо то, что ты выставил как три положения, есть по существу одно, а именно то, что ты поставил на первое место: ваши обеты послушания, бедности, воздержания. А давать обет — это, собственно, почти то же самое, что скрепить клятвой свое обязательство. Если, допустим, я заключаю с тобой договор морской коменды²³ и скрепляю это клятвой, то я не две услуги тебе оказываю, а только одну — сопровождение, для скрепления которой, чтобы ты не сомневался, я даю клятву, а могу и не давать ее, если у тебя нет никаких сомнений в моей честности. Точно так же вы клянетесь богу и скрепляете обетом соблюдение трех упомянутых нами добродетелей, чтобы из-за человеческого непостоянства случайно их без обязательства не нарушить.

И, наконец, что ты поставил на третье место, а именно, что у вас больше заслуг,— это довод, а не причина, доказательство, а не предпосылка, подтверждение первой части, а не некая отличная от нее мысль. Ведь это означает обратное тому, что вы заслуживаете и большей награды при исполнении всех трех обещаний, если и наказания за отступничество от них больше.

Брат. Допустим даже, что это не три положения, а одно. Но ведь я не хочу ничего другого, как только обетом возвысить величие нашей добродетели и доводом показать, что воздаяние нам будет больше, чем вам. Я думаю, что уже ясно то, о чем мы спорили, и этим одним доказательством решен вопрос нашего диспута.

Лаврентий. Ну, что же, посмотрим, есть ли что-нибудь важное в тех двух положениях, которые, как ты вынужден был признать, необоснованно выделены тобою, и, исходя из этого, рассмотрим также первое, в котором ты недаром видишь всю надежду на твою победу. Ведь если ты это отстоишь, мне бесполезно спорить об остальном. Раз при отступничестве следует большее возмездие, говоришь ты, то по тому же самому следует большее воздаяние неотступившим, что и происходит обычно с вами, давшими обет. Мысль как будто краткая и ясная. Но я могу ответить тебе не менее кратко. Откуда тебе известно, что вас при отступничестве постигает большее возмездие, чем нас, остальных? Может быть, ты во сне спускался в преисподнюю или даже наяву, влекомый тяжестью нарушения обета? Однако я хочу поразить тебя, ранить, сокрушить оружием другого рода. Я думаю, если совершение доброго поступка достойно высшего воздаяния, то несовершенство его заслуживает наименьшего наказания; и наоборот, если неисполнение долга заслуживает тяжелого наказания, то тот, кто исполнил свою обязанность, меньше всего вознаграждается. Известно, что величайшей награды достойна величайшая добродетель и величайшего возмездия — самое большое преступление, но ведь наименьшая награда — наименьшей добродетели и наименьшее возмездие — самому малому проступку. Итак, если невелика ваша добродетель, невелика будет и награда. Чтобы это было яснее, я подтверждаю это примерами, свидетельствами людей и как бы общественным мнением. Позволь мне спросить тебя, кто достоин большей похвалы и награды, то есть проявил боль-

ше добродетели, — тот ли, кто помог в смертельной опасности своему отцу, допустим, при кораблекрушении, пожаре или обвале, или тот, кто с некоторым риском для жизни спас земляка или вовсе незнакомого человека?

Б р а т. Тот, кто помог земляку или незнакомцу.

Л а в р е н т и й. Далее, я спрашиваю, если человеку, попавшему, как я сказал, в беду, двое — сын и незнакомый — не оказали ни малейшей помощи, хотя могли это сделать без большого труда, то кто из них больше погрешил и достоин обвинения?

Б р а т. Конечно, сын. Он заслуживает не только порицания, но и самого тяжкого наказания. А другого нельзя даже обвинить, не то чтобы наказать.

Л а в р е н т и й. Ты верно говоришь. Тут можно сослаться и на авторитеты. Старик у Квинтилиана говорит сыну: «Нет благодеяния в том, что вы кормите меня, но есть преступление, что отказываете мне в пропитании»²⁴. Таких примеров можно привести бесконечное множество: если врач излечил или не излечил тяжелую болезнь; если в страшную бурю кормчий привел корабль невредимым в порт или потерпел крушение; если юноши в битве обратили в бегство равное им количество мужей или сами бежали; если красивая женщина воздержанна или невоздержанна; если кто, не имея учителей, стал ученым или остался невеждой. То же самое наоборот: если врач излечил легкую болезнь, кормчий привел корабль в тихую погоду, мужи обратили в бегство столько же юношей, некрасивая женщина воздержанна, некто имел учителей и т. д. Все эти случаи таковы, что хотя воздается высшая хвала проявленной добродетели, оказывают снисхождение и тем, кто не совершил в этом деле похвального поступка, и, наоборот, там где забвение добродетели влечет за собой тягчайшее обвинение, очень мало, однако, хвалят тех, кто не упустил возможности поступить добродетельно. То же самое можно сказать о вас: ведь вы, если верить вам, за проступки караетесь более строгим наказанием, а за добродетель, как я это доказал, получаете меньшую награду, как врач, который за излечение легкой болезни не получает почти никакой похвалы, но навлекает на себя величайшее порицание, если, как я сказал, не умеет излечить легкую болезнь. Так вот какова прекрасная и желанная жизнь братьев и монахов, в которой и воздаяние обещано меньше, чем другим, и наказание

больше! Если так, то я не говорю уже о том, как вам не совестно побуждать других к таким порядкам; но как вы сами можете терпеть жизнь на таких условиях?

Брат. Вот как ты осуждаешь монашество своей речью! Ты не только говоришь, что оно бесполезно и ни в чем не приносит плодов, а идешь дальше, утверждая, что монахи и опасностям бóльшим подвергаются и напрасно рассчитывают на бóльшие награды.

Лаврентий. Итак, ты понимаешь, что твой довод несостоятелен, а я ведь против него спору, а не против монашества,—и что мои соображения о нем более убедительны, чем твои. Если мое заключение тебе не нравится, ты должен пенять не столько на меня, сколько на самого себя, так как ты ввел этот довод и настаиваешь на нем, хотя я позволил тебе взять его обратно.

Брат. Я не только настаиваю на нем, но и защищаю его и стараюсь доказать его истинность, твердость и ясность, хотя ты пытаешься запутать его своими словами. Но скажи, разве не бóльшее меня постигнет наказание, чем тебя, если я буду предаваться любовным утехам?

Лаврентий. Я дальше докажу, больше ли ты грешешь, или нет. Но если ты хочешь, чтобы я сейчас с тобой согласился, я согласен.

Брат. Так почему же не должно быть мне большего воздаяния?

Лаврентий. Ты говоришь так, как будто я не ответил уже, что это неверно.

Брат. Но я не могу не удивляться твоей речи. Скажи еще раз, разве ты не согласен, что для меня распутство бóльшее преступление, чем для тебя?

Лаврентий. Какого же ответа ты хочешь? Но, допустим, для тебя оно более преступно.

Брат. Так почему же ты не допускаешь, что там, где я могу совершить бóльшее преступление, там же я осуществляю бóльшую добродетель?

Лаврентий. «Ты торчишь все в том же болоте»²⁵. Не жди, что я в этом тебе уступлю. А не то придется согласиться, что и воздаяние вам больше. Ведь соотношение добродетели и воздаяния такое же, как преступления и наказания. Итак, когда я только что говорил о воздаянии, я ответил и на вопрос о добродетели.

Брат. С ума можно сойти от таких речей: добродетели наши ты обращаешь в ничто, награды почти отни-

маешь, пороки раздуваешь, наказания увеличиваешь, монашество и всех монахов, как ты сам сказал, бросаешь вниз головой в болото.

Лаврентий. Нет, этого я не делаю, но я показал то, что вытекает из твоих же доводов. А то, каковы ваши добродетели и каковы пороки, какие надлежат награды и наказания — это пусть разбирает бог.

Брат. Раз уж ты заговорил о боге, то скажи, если даже ты не знаешь, что он делает на небе и что в преисподней: неужели ты думаешь, что он не отметит никакой особой оплатой столь похвальный, столь святой, столь возвышенный образ моей жизни и труд мой и в то же время будет сильнее наказывать меня за всякое случайное прегрешение? Выходит, что он больше расположен к наказанию, чем к воздаянию?

Лаврентий. Ты снова пытаешься, за недостатком доказательств, подкрепить свои утверждения моим признанием. Я сказал бы, что я думаю об этом, если бы это было к месту. Но скажу об этом позже, когда дело этого потребует. Теперь же мы спорим не о самом деле, а о твоём доводе, который ты и оставить не хочешь, и защищать не можешь. Пока ты действуешь так, я вынужден и сам говорить, что бог дает вам меньше напруд и больше наказаний. Чтобы ты, однако, не думал, что я говорю абсурдные вещи, не соответствующие общему мнению, послушай мои соображения. Это почти то же самое, что я сказал выше, так как мне кажется, что ты это уже забыл. Если врач не может вылечить даже легкую болезнь, его называют скорее отравителем, чем врачом. Если же он вылечит, то едва ли прославится как врач, так как дело это легкое. Наоборот, если бы ему удалось исцелить безнадежного, уже оплакиваемого больного — его считали бы чуть ли не богом; если же это не удастся, он не потеряет славу врача, так как дело это трудное. Этого ты не можешь отрицать.

Брат. Не хочу и не должен.

Лаврентий. Итак, иногда может случиться, что человек заслуживает большой награды, если совершит что-нибудь похвальное, но если не совершит, то заслуживает лишь малого наказания или вовсе никакого; и наоборот, он карается суровым наказанием, если совершит нечто постыдное, но получает малую награду или вовсе никакой, если этого не совершит.

Б р а т. Нас ты, следовательно, относишь к этому второму роду?

Л а в р е н т и й. Не я отношу вас, а скорее вы сами себя относите.

Б р а т. Сейчас я не могу понять, что ты думаешь о нас.

Л а в р е н т и й. Так ведь я не доказываю тебе чего-то нового, а лишь опровергаю твои утверждения.

Б р а т. Я не знаю, смогу ли я доказать то, что говорю, или не смогу. Но я знаю,— я говорю правду, что мы заслуживаем большего воздаяния, чем другие; твое же утверждение, будто нам предписано больше наказания и меньше наград,— далеко от истины.

Л а в р е н т и й. Ты настаиваешь на том, что является предметом нашего спора, я же ничего не утверждаю и не нападаю на вашу жизнь, а лишь опровергаю твой довод, чтобы ты скорее понял меня и согласился с моим мнением, что вы получаете не меньше воздаяния, чем другие, но и не больше.

Б р а т. А что ты думаешь о наказании?

Л а в р е н т и й. Но позволь, пусть дело идет по порядку. Я докажу мою мысль, как обещал.

Б р а т. А почему не сейчас?

Л а в р е н т и й. Разве кто требует у своего противника ответа, почему тот так, а не иначе строит свое войско? Однако не как противник, а как друг, я одно из двух тебе отдаю, хотя мог бы и этого не делать.

Б р а т. Но это не называют отдачей, когда продолжают держать вещь в руках. Ты ведь можешь взять ее обратно, так как вторая часть остается у тебя. Это все равно, что подать меч острием, не выпуская рукоятки.

Л а в р е н т и й. Отчего же нет, если я не хочу, чтобы ты проколол меня этим самым подаренным тебе мечом? Но так и быть, считай, что я в этом тебе уступаю. Пусть вы заслуживаете не больше наказания.

Б р а т. Так мы снова скатываемся к исходному месту нашего спора.

Л а в р е н т и й. Но каких еще уступок ты хочешь от меня? Когда я говорю, что ваши наказания больше, ты принимаешь это, только если я признаю, что и награда больше. Если я говорю, что и то и другое равно, ты опять недоволен. Если же я скажу, что награды меньше, ты еще сильнее рассердишься. Значит, ты требуешь, чтобы я

сдался тебе в нашем споре? Мы действительно, как ты заметил, вернулись к его исходному положению. Но ты до сих пор ничем не доказал, почему вы заслуживаете большего воздаяния. Поэтому я снова спрашиваю, на каком основании ты так высоко превозносишь ваше монашеское звание?

Б р а т. Разве ты не видишь? Из-за самой принадлежности к монашеству, скрепленной обетом соблюдения столь трудных правил.

Л а в р е н т и й. Я не вижу, тем более что в вопросе, о котором мы поспорили, ты признаешь себя побежденным. А то, что ты говоришь теперь,— это уже другой вопрос: содержит ли этот обет сам по себе какую-то заслугу или нет?

Б р а т. Я вовсе не считаю себя в том вопросе побежденным, тем более что ты собираешься о нем что-то еще говорить. Однако отложим его немного и займемся другим. Но и там я не могу представить себе, что можешь ты сказать против меня, то есть против всех людей.

Л а в р е н т и й. Ты говоришь, не можешь себе представить? Но посмотри, какая сила в моих возражениях. Прежде всего я утверждаю, что вы совсем не знаете того, о чем вы говорите, и пользуетесь названием «обет» (*votum*), не отдавая себе отчета в том, что это такое. Это слово имеет двойкий смысл: оно может употребляться в значении желания или заветной мечты, как у Вергилия: «Нива ответит тогда пожеланиям (*votis*) всем хлебопашцев жадных, коль два раза зной испытает и два раза холод»²⁶; оно может также означать обещание богу принести ему что-нибудь в благодарность, если он сначала даст нам то, о чем мы его просим, если только оно не незаконно. Например, у того же Вергилия: «...и моряки, спасены, обеты (*vota*) исполнят на бреге»²⁷. Если мы исследуем истоки этого второго значения, мы увидим, что оно известным образом восходит к первому. Ибо если мы просим чего-нибудь и при этом даем обет, то мы этого сильно желаем. Мы говорим: «Даю обет» (*vota facio*) в значении «молю богов, чтобы исполнилось мое желание». Но «принимаю обет» (*vota suscipio, vota nuncipio*) означает также «торжественно обещаю» (*voveo*). Считают, что исполняется именно такое обещание (*vota suscepta*), выраженное словами, а не просто заветное желание (*vota facta*). Нечто подобное есть у греков,

которые «желание» называют словом εὐχή, а молебственную речь — προσευχή. Я не хочу здесь вести диспут о посвящении (de devovendo) — что оно значит и сколькими способами совершается, — хотя тема эта достойна ученого исследования. А то, что вы называете обетом (votum), не соответствует ни тому, ни другому значению, хотя вы хотите вложить в него второй смысл, что никак нельзя вам позволить. В самом деле, ведь ни ложные религии, ни истинная не дают нам примеров того, чтобы люди давали обет без какого-либо условия, как я об этом уже говорил. Разве Иаков, отправляясь в Месопотамию, давал обещание без условия, когда он говорил: «Если бог будет со мною и сохранит меня в пути сем, в который я иду, и даст мне хлеб есть и одежду одеться, и я в мире возвращусь в дом отца моего, и будет господь моим богом, то этот камень, который я поставил памятником, будет (у меня) домом Божиим; и из всего, что ты, боже, даруешь мне, я дам тебе десятую часть»?²⁸ Или Иеффай²⁹, когда он сказал: «Если ты предашь аммонитян в руки мои, то по возвращении моем с миром от аммонитян, что выйдет из ворот дома моего навстречу мне, будет господу, и вознесу сие на всеожжение»? Или мать Самуила, когда молилась в сердце своем молча: «Господи, если ты призиришь на скорбь рабы твоей и вспомнишь обо мне, и не забудешь рабы твоей, и дашь рабе твоей дитя мужеского пола, то я отдам его господу на все дни жизни его, и бритва не коснется головы его»?³⁰

Но к чему я вспоминаю эти примеры, если вопрос и так ясен? Приведи ты хоть один пример, где не ставилось бы такое условие — и ты будешь победителем.

Б р а т. Мне ничего так сразу не приходит на память. Значит то, что мы делаем, это совсем ничто? Или что же представляет собой то, что мы называем обетом?

Л а в р е н т и й. Не что иное, как обязательство или клятву.

Б р а т. Почему же это в то же время не может быть обетом? Тот, кто связывает себя обетом, обязуется.

Л а в р е н т и й. Но не всякий, кто обязуется, связывает себя обетом. Да вы сами отделяете одно понятие от другого, когда говорите: «Обязуюсь и даю обет» (spopondeo et voveo).

Б р а т. Мы различаем два рода обета — обусловленный и необусловленный.

Лаврентий. Такое деление произвольно, более того, оно нелепо. Как ты можешь себе позволить называть обетом то, что никто из ученых мужей этим словом не называет? Скажу прямо, вы говорите так по невежеству.

Брат. Разве не дозволялось это столь многим великим мужам, оставившим нам свои книги? Они ведь называли обетом всякое обязательство, скрепленное клятвой.

Лаврентий. Ты думаешь, им дозволялось то, что вообще непозволительно? Посмотри, как об этом говорилось у греков, у древних евреев, у древних римлян. Да пусть бы сейчас кто-нибудь из них поднялся из могилы — он назвал бы невеждами и неучами всех тех, которых ты ставишь в пример, достойный подражания, и вас он заклеил бы такой суровой речью: «Зачем, о невежды, вы доверяетесь больше людям, чем богу, различавшему обет и обязательство с клятвой; ибо он сказал устами Моисея в книге, которая называется „Числа“: „Если кто даст обет господу или... положит зарок на душу свою, то он не должен нарушать слова своего, но должен исполнить все, что вышло из уст его. Если женщина даст обет господу и положит на себя зарок в доме отца своего, в юности своей, и услышит отец обет ее и зарок, который она положила на душу свою, и промолчит о том отец ее, то все обеты ее состоятся и всякий зарок ее, который она положила на душу свою, состоится; если же отец ее, услышав, запретит ей, то все обеты ее и зарок, которые она возложила на душу свою, не состоятся“»³¹. Вы видите, как бог отделяет обет от зарок: обет — одно, а зарок — другое. Иначе ему было бы достаточно сказать «обет», и под этим подразумевался бы и «зарок». Правда, из понятия «обет» не исключается и «зарок», как видно из только что приведенных примеров. Но тем не менее мы прекрасно увидим их различие, если вникнем в смысл этих слов, будь то в выражениях соединительных, как «все обеты ее и зарок... не состоятся», или в разделительных, как «если кто даст обет господу или... положит зарок на душу свою». Итак, один дает обет, другой полагает на себя зарок. Но что такое зарок? Это обещание, сопровождаемое клятвой. Ибо в том же самом месте говорится: «Все обеты ее и зарок... не состоятся, и господь простит ей»; и там же: «Если кто даст обет господу

или... положит зарок на душу свою, то он не должен нарушать слова своего, но должен исполнить все, что вышло из уст его». Итак, и то, и другое, обет и зарок — суть обязательство. Все это сказал бы вам в упрек тот древний человек, если бы он воскрес из мертвых. Правда, мне может возразить кто-нибудь: разве не обязательно обещание, если при этом не будет непременно дан обет или зарок богу? Об этом сейчас не время вести спор. Достаточно сказать, что одинаково действительно обещание, подтвержденное обетом богу или зарок.

Б р а т. Здесь-то я тебя и поймал, теперь ты в моих руках. Итак, наше обещание, подтвержденное зарок, действительно.

Л а в р е н т и й. А разве я это отрицаю? То, что вы даете, это клятва или обещание, но не обет.

Б р а т. Будь по-твоему. Если клятва должна быть незыблема и нерушима, то есть если мы должны ее соблюдать и исполнять на деле, чтобы нас не постигло возмездие, то, следовательно, тех, кто положил зарок на душу свою, ожидает награда и воздаяние.

Л а в р е н т и й. Этот довод, который ты так упорно выдвигаешь, я опроверг уже раньше. Ведь я уже говорил, что если я обещал сопровождать тебя в плавании и подтвердил это клятвой,—я оказал тебе одну услугу, а не две. К этому можно добавить еще и следующее: если упомянутое тобою обязательство о соблюдении трех правил имеет силу, то к чему клятва? Если же оно не имеет силы, то это значит, что вы ничего не обещали.

Б р а т. Нет, оно имеет силу, но клятва делает его еще сильнее.

Л а в р е н т и й. Не понимаю, к чему она и как она может делать его сильнее. Разве можно здоровье лечить и сделать еще здоровее, полное сделать еще полнее, совершенное — совершеннее? Чтобы обет стал совершенным или более совершенным — не нужно зарока. А вы, я вижу, прибегаете к зароку, как бы признавая, что обещание само по себе недостаточно, будто прибегаете к лекарству, когда грозит болезнь. Так поступаем мы обычно в отношениях с людьми, которые нам не очень доверяют, то есть боятся, что мы обманем. Тогда мы даем клятву, чтобы показать, что бога, по крайней мере, мы боимся. Но когда мы имеем дело с богом, клятвы более чем излишни. Ведь не можем же мы сами с собой торговаться,

как с другими людьми, тем более после того, как сын божий очистил мир своим пришествием. Послушай, что он об этом приказывает нам своими бессмертными устами: «Еще слышали вы, что сказано древним: не преступай клятвы, но исполняй пред господом клятвы твои. А я говорю вам: не клянись вовсе: ни небом, потому что оно престол божий; ни землею, потому что она подножие ног его; ни Иерусалимом, потому что он город великого царя; ни головою твоею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным. Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого»³². И Иаков, брат господа, помня его слова, сказал: «Прежде же всего, братия мои, не клянитесь ни небом, ни землею, и никакою другою клятвою; но да будет у вас: да, да, и: нет, нет, дабы вам не подпасть осуждению»³³. Да что и говорить, велика сила вашей клятвы, которую запрещает сам бог! И после этого ты станешь утверждать, что вы по этой причине имеете больше заслуг, что вы достойны большего воздаяния, что вы приносите богу больше, чем другие; в то время как вы не знаете даже, как и с каким почтением нужно обращаться к богу. Я думаю так: если кто-нибудь дает обет, что пожертвует десять платьев бедным в случае благополучного возвращения его сына, то даже в следующее мгновение он не может взять обратно свой обет. Это видно из тех слов бога, которые связывают человека обетом сразу же после произнесения слов обета и не позволяют взять эти слова обратно. Я не говорю, как другие, что если даже сын не вернулся, платья все же нужно дать; ибо человек должен дать их не иначе, как после возвращения сына. Но обет нельзя взять обратно по другой причине. Казалось бы, какая в этом была бы несправедливость? Я ничего от тебя не получил, и ты ничего для меня не сделал, так почему же я не могу взять обратно свое обещание? Только потому, что отношения с богом должны быть преисполнены святости, благочестия и страха. А у вас этого нет, ибо вы считаете недостаточным первое обещание, если не присоединяете к нему еще клятву.

Б р а т. Скажи, прошу тебя: ты считаешь, что мы должны принимать монашеское звание без обета, без зарока?

Л а в р е н т и й. Отчего же нет?

Б р а т. И это будет иметь силу?

Лаврентий. Но ведь ты и сам сказал, что оно имеет силу, но зарок делает его сильнее.

Брат. Правда. Но кто же ввел монашеское звание?

Лаврентий. Это просто скверный обычай.

Брат. Однако разве не сказал Павел: «Не только пред господом, но и пред людьми»?³⁴ Следовательно, что-то надо сделать и для мнения людей.

Лаврентий. Но лишь в том случае, если это добро. Ведь там сказано: «Стараемся о добром не только пред господом, но и пред людьми»³⁵.

Брат. А тем более перед богом³⁶.

Лаврентий. Как так?

Брат. Потому что я делаю обещание более сильным.

Лаврентий. Опять ты за старое.

Брат. Да, более сильным, ибо я хочу подвергнуть себя большей опасности.

Лаврентий. Зачем?

Брат. Чтобы последовало большее воздаяние.

Лаврентий. Об этом мы уже спорили, да и будем еще спорить. Но разве от этого ваше обещание будет полнее или вы в своем монашеском звании обрекаете себя на нечто большее, чем три обета, даваемые при посвящении: бедность, повиновение и воздержание? Разве оттого, что вы свяжете себя обетом, вы в будущей вашей жизни будете соблюдать не только эти три правила, но еще и нечто большее?

Брат. Нет, не большее.

Лаврентий. Впрочем, отбросим клятву и обет и прочее и рассмотрим самое монашеское обещание (*promissio professionis*), из которого вы выводите все ваши заслуги: будут ли они больше, мудрее и священнее у вас, связавших себя тройной цепью, чем у тех, которые предпочли остаться свободными от этой цепи?

Брат. Посмотрим. В начале спора ты какими-то ухищрениями сумел обвести меня вокруг пальца. Но уж это такой вопрос, что если ты его не осилишь, то напрасно пропадут и все твои труды по остальным вопросам. А осилить его нельзя, не опровергнув того, что столько веков у всех народов жизнь монашеского сословия (*religiosorum*) и правила их всеми одобрялись. А если ты попытаешься это опровергнуть,— ты будешь противоречить не только святым мужам, но и самому богу.

Л а в р е н т и й. Смотри, не подумай сам или не говори другим потом, что я одурачил тебя. Зачем мне это? Ты лучше поймешь меня, если послушаешь, что я хочу сказать тебе по дружбе и простоте душевной. Может, от меня ты, наконец, узнаешь, что такое на самом деле это ваше монашеское звание. Оно заключается не в произнесении обета, а в посвящении себя (*devotio*). Ибо посвящать — это, по сути дела, жертвовать или приносить в дар. У Вергилия: «Браком с тобою я прочным свяжу, дам тебе во владенье»³⁷ (*dicabo*). У него же: «Вам, друзья, и тестю Латину жизнь посвятил я»³⁸ (*devovi*). Но, по обычной доброте своей, я скажу и в вашу защиту, что иногда «обет» и «посвящение» означают одно и то же, как у того же Вергилия отец Камиллы говорит Диане: «Я посвящаю (*voceo*) ее, отец, в служанки»³⁹, то есть тебе, богиня, посвящаю, жертвую и приношу в дар. Это похоже на то, что делаете вы своим монашеским обетом. А ты говоришь, что я дурачу тебя. Ты даже пытаешься утратить меня. Ты хочешь, я вижу, чтобы я струсил и оставил спор. Но не думай, что ты так уж сильно напугал меня. Я спорю не потому, что хочу вас уничтожить. Я лишь утверждаю, что вы не лучше остальных людей, которые равны вам по своим поступкам и добродетелям⁴⁰. А так как ты хотел возбудить ненависть ко мне у наших слушателей, то получи в ответ: были мужи и без монашеского звания, куда более великие, чем монахи. Для того, чтобы тебя еще до начала сражения одним ударом пронзить и свалить с ног, скажу,— и тебе придется это признать,— что эти мужи не стали бы лучше, если дали бы обещание соблюдать три правила, какое даете вы. Я имею в виду тех святых, которые жили до или после пришествия Христа: Иосию, Илью, Исаяю, Иеремию, Иоанна⁴¹, Петра, Андрея, Иакова, Иоанна, Павла и других. Вот и получается: к чему мне монашеское звание, если и без него я могу подняться к высотам?

Б р а т. Значит, никакой пользы нет в послушании, бедности и воздержании?

Л а в р е н т и й. Польза-то есть, но для этого не нужно монашеское звание. К тому же, они не для всех обязательны.

Б р а т. Но ты ведь не отрицаешь, что есть польза в монашеском звании.

Лаврентий. В этом я уже уступил и, как я сказал уже, не пытаюсь хулить ваши правила жизни.

Брат. Но если ты согласен, что они полезны для жизни человека, почему же не считать лучшей ту жизнь, которую проповедают монахи?

Лаврентий. Огонь делает пищу более приятной и полезной, однако есть многие виды пищи, которые люди едят с удовольствием и с пользой сырыми, а некоторые в сыром виде даже приятнее и полезнее. Точно так же образ жизни один полезнее, так сказать, вареный, другой — сырой.

Брат. Но наш, конечно, таков, что не может быть ничего совершеннее.

Лаврентий. Да я не собираюсь умалять вашу славу. Мне достаточно того, что другой может быть столь же совершенным.

Брат. Значит, самое обязательство нам ничего не дает и мы напрасно дали обещание послушания, бедности, воздержания? Значит, мы не получим большей награды, чем получили бы, если бы вели тот же образ жизни, не дав обещания или, как ты выражаешься, не будучи принесены в дар, пожертвованы, посвящены богу?

Лаврентий. Кое-что оно дает вам и даже много, но только не право на большее воздаяние. Впрочем, об этом после. Посмотрим сначала, каковы эти три правила, соблюдение которых вы обещали, а отсюда уже будет видно, к чему они приведут и какие принесут плоды.

Брат. Это ты верно говоришь.

Лаврентий. С какого прикажешь начать?

Брат. С послушания: ведь ради него мы отказываемся от свободы, которой так дорожат не только люди, но и птицы и звери.

Лаврентий. Ты остаешься верен себе: ведь ты всегда в разговоре ставил послушание на первое место. Если хочешь, я буду следовать тому же порядку, какому следовал ты.

Брат. Да, я хотел бы. Ибо я обычно одобряю в других то же самое, что в себе.

Лаврентий. А я еще и потому должен поступать так, чтобы ты, чего доброго, не подумал, что я хитрю с тобой.

Брат. Да, признаться, и по этой причине я хотел бы сохранить такой порядок.

Лаврентий. Но что ты называешь «послушанием» (oboedientia)? Посмотрим, каково происхождение этого слова. Оно происходит от «слушаться» (oboedio), которое в свою очередь восходит к obaudio — оно означает, что я слушаю приказание и подчиняюсь или следую ему, или угождаю кому-нибудь, или повинуюсь (obsequor), откуда эту же добродетель называют еще и повиновением (obsequium).

Правда, как я припоминаю, это слово часто употребляют и в отрицательном смысле, как покорность дурному. Так и у Марка Туллия: «Но если рабство таково, как оно есть, повинование (oboedientia) духа слабого, низкого и лишенного собственного суждения...»⁴² Или у него же: «Пока он будет повиноваться (oboedierit) бесчестью и пороку, его не только повелителем, но даже свободным человеком считать нельзя»⁴³. Теперь я тебя спрашиваю, что ты понимаешь под «послушанием»? Я полагаю, ты имеешь в виду послушание не тому, что порочно и чуждо добродетели, а тому, что угодно богу?

Брат. Разумеется. Ибо иначе мы могли бы попасть в послушание и к самому дьяволу. Мы же дали обещание повиноваться только добродетельным и священным повелениям нашего начальства.

Лаврентий. Но разве, когда ты принимал христианство, ты не обещал богу, что будешь жить добродетельно и свято и исполнять все его приказания? К чему же второе обещание? Зачем обещать людям то, что уже обещал богу? Как можешь ты дарить то, что уже раньше подарил?

Брат. Я не беру обратно своего обязательства и не даю человеку того, что уже дал богу. Я не обещаю богу снова того, что раньше уже обещал. Но, оставаясь во всем рабом божьим, я, однако, имел свободное суждение о том, как мне одеваться, есть, ходить, трудиться, отдыхать, спать, бодрствовать и, наконец, говорить,— теперь я это свободное право и, как говорят, волю перелагаю с себя на другого. Какого терпения это стоит, знают те, кто это испытал, ты же можешь только догадываться.

Лаврентий. Все это кажется тебе великим и многотрудным, а для меня это ничего не значит.

Брат. Почему?

Лаврентий. Ведь тот, кто считает себя воином Христа, обрекает себя на большие лишения⁴⁴.

Б р а т. Но делать это по воле другого более трудно, чем по своей.

Л а в р е н т и й. Скорее наоборот. Ибо нам труднее приказывать себе то, что отвергает человеческая слабость, чем исполнять приказанное, тем более, что тут мы берем на себя двойную трудность — и повелевать, и подчиняться. Или тебе кажется легким то, что повелел сам себе Павел? ⁴⁵ Да если вы считаете свое положение более трудным, смотрите, как бы мы не подумали, что вы служите богу более по принуждению, чем добровольно. Я не говорю уже о том, что никто из повелевающих вами не считает, например, роскошью вареную пищу, и условия вашей жизни не так уж невыносимы. Не умолчу и о том, что если вы и исполняете повеления, вы никак, однако, не можете сравниться с теми, которые, сохраняя свою свободу, «скитались в власяницах и козьих кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления. Те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли» ⁴⁶.

Но, чтобы ты не сказал, что я залетаю слишком высоко, я оставлю святых и перейду к нашему делу — будет ли заслугой обещать послушание. Ведь если это так, то те, которые не могут быть в послушании, как цари и многие другие, лишены этого блага. Что сказать о них? А те, кто повелевает вами, тоже обязаны соблюдать послушание?

Б р а т. Вовсе нет.

Л а в р е н т и й. Значит, их заслуги меньше?

Б р а т. Не меньше.

Л а в р е н т и й. Пожалуй, скорее, больше. И так, другие могут и без этого послушания по праву считаться не менее достойными. Поди-ка теперь и говори, что послушание есть столь великая добродетель.

Б р а т. Прелаты имеют свою заслугу в том, что хорошо повелевают, мы же — что хорошо повинуемся.

Л а в р е н т и й. Но разве нет никакой середины, как только или иметь рабов, или быть в рабстве? Разве, если мы не можем господствовать над другими, остается только подчиняться другим? Но ведь не все либо господа, либо рабы, не все либо учителя, либо ученики. Немалое место занимают и те, кто составляет середину. Ведь сколь привлекательно достичь положения прелата и наставника, столь же плачевно оставаться подчиненным и уче-

ником, и это последнее уж во всяком случае менее достойно, чем, как я сказал, находиться посредине и быть в состоянии самостоятельно жить и познавать, без господина и без наставника. Да позволено мне будет сказать, что отдать себя наподобие ребенка попечению опекуна или наставника — это признак духа слабого, необразованного и не уверенного в себе. Ибо кто способен наставлять, учить и подчинять себе других, зачем станет другим подчиняться? Тем более, что часто приходится подчиняться несведущим и недостойным; ведь ты сам испытывал это и возмущался — ты признаешь это, если не покривишь душой.

Б р а т. Этого я не отрицаю. Но должны управлять лучшие и достойнейшие.

Л а в р е н т и й. Прекрасно. Итак, ты понимаешь, что люди выдающиеся призваны не повиноваться, а повелевать, а послушание — удел низших. Во всяком случае придется признать, что большей награды заслуживают те, кто хорошо управляет, чем те, кто хорошо исполняет приказание. Правда, я не говорю, хотя мог это сказать, что мы не должны становиться рабами людей, ибо мы «куплены дорогою ценою»⁴⁷, как сказал тот же Павел: «Рабом ли ты призван, не смущайся; но если и можешь сделаться свободным, то лучшим воспользуйся»⁴⁸. Итак, это ваше обязательство послушания есть своего рода рабство.

Б р а т. Следовательно, ты его порицаешь?

Л а в р е н т и й. Не порицаю для тех, которые не могут добиться лучшего. Я, однако, хотел бы скорее быть господином над другими, чем рабом, или уж во всяком случае господином самому себе. Тем же, которые сами неспособны даже на то, чтобы жить для бога, я позволяю вручать себя власти других.

Б р а т. Но таких людей большинство.

Л а в р е н т и й. Сколько же таких, которые умеют управлять другими и попечению которых ты себя отдаешь, если так мало людей, умеющих управлять собою?

Б р а т. Самое правило, которому мы следуем, служит нам повелителем и попечителем больше, чем люди.

Л а в р е н т и й. Где же хваленая трудность послушания, о которой ты говорил? Подчиняться правилу это значит подчиняться богу, а не человеку, что делаем и мы.

Да и не может быть лучшего правила, чем то, которое завещали нам Христос и апостолы.

Б р а т. Но мы видим, что многие, приняв монашество, сделали лучше.

Л а в р е н т и й. Я не так упрям, чтобы это отрицать. Не исключено, конечно, что кое-кто и стал лучше. Но что это дает для вопроса о послушании, тем более, что и по вашим собственным словам лучше они становятся не от одного послушания, а еще от бедности и воздержания?

Б р а т. Рассмотрим теперь эти два правила, и прежде всего скажи, что ты думаешь о нашей бедности, о нашем отказе от владения, от собственности, от пользования имуществом не только в настоящем, но и на будущее. Ведь к нам справедливо можно отнести известное выражение: «Мы безропотно терпим изгнание, сделает граждан из нас твоя лишь победа»⁴⁹.

Л а в р е н т и й. Ну что ж, назовем это бедностью, то, как вы живете. Но ведь у вас нет недостатка ни в пище, ни в одежде, ни в крове, ни даже в вине,— и все это не добыто трудом. Это, конечно, делает бедность не такой уж тяжелой. Вспомни, что сказал Гораций: «Тот ведь не беден еще, у кого пропитанья хватает»⁵⁰. Но пусть считается, что вы действительно бедны. Как бы велика ни была ваша добродетель, она, однако, не превосходит добродетель тех, которые не давали обета бедности. Ибо, если я могу жить непорочно в богатстве, зачем мне обрекать себя на бедность? Нет добродетели ни в том, чтобы быть бедным, ни в том, чтобы быть богатым. Не говоря о других, богатыми были Авраам, Исаак и Иаков⁵¹. «Блаженны нищие духом», а не имуществом⁵². Прицают богатых духом, которые имеют улады жизни, или, как сказано в писании, свои утешения, а не тех, которые, утопая в богатстве, сохраняют, однако, душу бедняка и жизнью своей немногим отличаются от неимущих. Ты знаешь, как часто Давид, богатейший из царей, в псалмах своих называет себя бедным и неимущим⁵³. Ты спросишь, почему? Если я и ты живем умеренно и бережливо и ничем в этом не отличаемся друг от друга — ведь может быть и так,— то твоя бедность и мое богатство не вызывают столь уж большого различия между нами.

Б р а т. Но почему же ты не продаешь все и не отдаешь бедным?⁵⁴

Лаврентий. Что же, и книги мне продать и раздать? Так могли поступать лишь апостолы и те мужи, которые без книг, без науки, без предварительных размышлений давали наставления царям. Мне же нужны кодексы и нужно немало денег, чтобы покупать много кодексов, и прочие средства к жизни. Ибо что может быть более нелепым, чем раздать все нищим, как ты предлагаешь, и потом самому нищенствовать? Как сказал Павел: «Не требуется, чтобы другим было облегчение, а вам тяжесть»⁵⁵. Не все могут и должны создавать нечто вещественное и, как говорит тот же Павел, работать своими руками⁵⁶. Достаточно того, что я пользуюсь своими средствами не для развлечений, не для удовольствия и отвергаю их не на деле, а в душе своей.

Брат. Здесь ты сам противоречишь себе. Ведь ты признал, что наша жизнь подобна жизни апостолов, ибо и мы и они отвергали имущество как в душе, так и на деле.

Лаврентий. Нисколько. Я сказал, что мне нужны деньги для покупки кодексов. Если ты поступаешь иначе и отдаешь деньги бедным, то ты глупец, не любящий себя так же, как ближнего. «И знамя его над тобою — любовь», — сказал Соломон⁵⁷. Ибо ты беден, если лишен необходимого, и точно так же ты беден, если, владея нужными тебе кодексами, ты раздашь их и тем совершишь несправедливость по отношению к самому себе. Я сказал, что деньги нужны и для других потребностей жизни. Да, ты отдаешь свои средства, но имей в виду, что при этом ты пользуешься чужими. Вот она, ваша хваленая бедность, бедность людей, которым обеспечена пища, одежда, ложе, дом и другое настолько прочно, что они никогда не могут этого лишиться! Поэтому, брат, еще и еще раз подумай, действительно ли ты так уж много даровал богу. Ты отдаешь непрочное, а получаешь прочное, отказываешься заботиться о других и заботу о себе передаешь другому, расстаешься с надеждой разбогатеть, но вместе с ней и с тревогами, ты не получишь лучшего, но не будешь терпеть и дурного. Я не говорю уже о многих удобствах, которые вам предоставляются, когда вы здоровы и когда вы больны. Все это свидетельствует о том, что вы не даете больше, чем получаете. Немало ведь есть таких, которые, спасаясь от более тяжелых условий жизни, сбегают к вашим

трапезням, как к кормушкам, и из тощих диких голубей превращаются в жирных домашних.

Б р а т. Этот род людей я и сам не одобряю. Пойми, я говорю не о них, а о тех, которые отказываются от всякого имущества, и иногда от больших богатств, то есть от больших удовольствий.

Л а в р е н т и й. Но где ты таких нашел? Впрочем, разве я тоже не отказываюсь от больших удовольствий, если я живу так же, как ты, давший обет бедности?

Б р а т. Но ты боишься прямо отказаться от имущества, заботясь о будущем и постоянно беспокоясь о завтрашнем дне⁵⁸.

Л а в р е н т и й. Что же мне бояться, если в вашей трапезне я, как я говорил, обеспечен от бедности? Я по той причине этого не делаю, что надеюсь, не дав обета, быть так же угодным богу, как ты. Ты не должен действия других истолковывать в дурном смысле. Ведь ты же не проповедуешь бедности царям, не велишь им одеваться в капюшон и сутану — можно ли придумать что глупее, — не велишь же ты этого знати или сенаторам — человек ведь не внешностью угоден богу, а душой своею, — или папам и священникам, которым даже вменяется управление богатствами, что заложено в самом названии «дьякон», то есть «служитель»? Известно, что Лаврентий, тот дьякон, которого равняют с апостолами, раздал бедным церковные сокровища из опасения, что они будут расхищены⁵⁹. Так значит и церковь имеет сокровища, и порицается не владение и пользование ими, а лишь злоупотребление и излишняя к ним приверженность. Это же можно сказать и о частных людях, о каждом человеке в отдельности, сообразно с его положением. Я не должен раздарить все, ибо в этом случае я сам буду испытывать недостаток, причем недостаток в самом необходимом, а не в удовольствиях и забавах. Ты ведь тоже не все отдал, если у тебя есть чем жить. И я не должен отдавать всего, так как я воин и стою в строю за веру, за церковь и за тебя, брат и монах; я думаю, что я угоден богу не меньше, чем ты. Чтобы быть благочестивым, я не должен раздавать все. Если у меня, допустим, старые и больные родители, то должен ли я раздать свое имущество бедным или я должен скорее позаботиться о содержании и прокормлении родителей? То же самое относится к жене и детям. Поэтому полу-

чается, что я поступлю преступно, если при таком положении моих родителей изреку монашеский обет, и ко мне тогда справедливо можно будет отнести известные слова Павла: «Если же кто о своих, и особенно о домашних, не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного»⁶⁰. Представь себе теперь, что я тот самый человек, которого забота о родителях заставляет радеть о своих доходах. Разве я буду хуже тебя? Или разве я возвышусь оттого, что стану хуже, чем я есть на самом деле, и буду следовать твоему правилу из желания подражать тебе, а не из постижения воли божьей? Павел, который о себе сказал: «Вы ищите доказательства на то, Христос ли говорит во мне»⁶¹, — работал своими руками, создавал достояние и получал доходы⁶², не то что вы, которые боитесь коснуться денег, будто огня. Можно назвать еще много других причин, по которым не следует отдавать все, хотя и говорят, что тот отдает все, кто отдает самого себя. Но, допустим, я роздал все бедным и обещал богу, что никогда не буду владеть имуществом и буду всегда жить в бедности; стану ли я от этого монахом или братом, то есть буду ли принадлежать к какому-нибудь монашескому ордену?

Б р а т. Нет, но будешь как будто монах или брат.

Л а в р е н т и й. А что это значит — «как будто монах или брат»? Первое из этих слов связано с понятием единичности, второе — с понятием сообщества. Я же не уподобляюсь ни тому, ни другому; более того, что касается бедности — я выше всех братьев и монахов. Но это вовсе не значит, что я даю богу обещание бедности на всю жизнь. «Довольно для каждого дня своей заботы»⁶³. Откуда я знаю, что случится со мною завтра, что буду делать, что мне предстоит претерпеть? Довольно, даже более чем достаточно обещать так: обещаю тебе, боже, на небе и на земле жить как могу более свято, ты же поддержки намерение мое. Поэтому ни апостолы, ни мученики, ни другие высочайшие мужи не считали, что должны в своих действиях более руководствоваться необходимостью, чем свободой.

Б р а т. Как же? Разве они не связывали себя воздержанием?

Л а в р е н т и й. Это другой вопрос, и о нем еще предстоит говорить. Угодно ли тебе, чтобы я теперь обратился к нему?

Б р а т. Да, угодно.

Л а в р е н т и й. Ты говоришь, что они связали себя воздержанием. Как так?

Б р а т. Уже тем самым, что они священники или пресвитеры, или дьяконы.

Л а в р е н т и й. Но разве им не дозволялось иметь жен? «Брак у всех да будет честен,— как сказал Павел⁶⁴,— и ложе непорочно». О, если бы это и нам было дозволено! Я имею в виду римское духовенство и боюсь, не о нас ли — ибо о ком же иначе? — Павел сказал: «Дух же ясно говорит, что в последние времена отступят некоторые от веры, внимая духам-обольстителям и учениям бесовским, чрез лицемерие лжесловесников, сожженных в совести своей, запрещающих вступать в брак...»⁶⁵.

Б р а т. Но разве воздержание не лучше, чем супружество? Ведь он же сказал: «Остался ли без жены? Не ищи жены»⁶⁶.

Л а в р е н т и й. «Не все вмещают слово сие»⁶⁷, многие же предпочитают находиться в безопасной середине, а не на верхушке под угрозой обвала. О, если бы, о если бы епископы, пресвитеры, дьяконы были мужьями одной женщины, а не — да дозволено мне будет сказать — любовниками многих распутниц! Разгневаться на меня за это может только тот, кто, сознавая за собой вину, не хочет в ней признаться. Много есть людей добропорядочных, но — что я с болью вынужден сказать — еще больше порочных. Что касается вас, то, не желая ссориться с вами, я скажу, что о вас я немного, но очень немного лучшего мнения. Однако ближе к делу. Итак, положение священника или дьякона обязывает нас к воздержанию?

Б р а т. А ты не видишь? Это обязательство вытекает из уважения и почтения к присяге, чтобы мы более чистыми душой и телом предавались служению богу.

Л а в р е н т и й. Однако для священника воздержание не будет большей заслугой, чем для меня. Ибо иначе женщины были бы в худшем положении, чем мужчины, так как они не могут быть священниками. Но ведь для бога нет ни грека, ни варвара, ни господина, ни раба, ни мужчины, ни женщины⁶⁸. Даже в древние времена священники и левиты, благодаря своему высокому сану не достигли ничего такого, что делало бы их лучшими, чем другие. Так что, если духовный сан и в прежние времена не делал супружество более священным и сейчас

он не помогает соблюдать воздержание, то уже монашеский обет, конечно, не делает воздержание достойным большей награды.

Б р а т. Тогда зачем же мы даем обещание воздерживаться от всякого разврата?

Л а в р е н т и й. Ах, так? Значит, ты толкуешь в данном случае воздержание как умение воздерживаться от разврата?

Б р а т. И так тоже.

Л а в р е н т и й. Смешно. Как будто мне больше дозволяется развратничать, чем тебе. Но ведь это грех и для меня так же, как для тебя.

Б р а т. Нет, не так. Для меня больше.

Л а в р е н т и й. Давая такие нелепые и ребяческие обещания, вы, кажется, с богом собираетесь шутки шутить. Точно так же ты мог бы обещать, что никогда не будешь поклоняться идолам, не будешь убивать людей или, что ближе к нашему предмету, не будешь сожительствовать с матерью или дочерью. Кто же будет так безрассуден, что, будучи крещеным, станет давать обещание не допускать этого: ведь он был обязан избегать подобных вещей уже раньше. Я спрашиваю тебя: разве человеку, принимающему духовный сан, приходится обещать богу нечто большее, чем безбрачие?

Б р а т. Нет, не большее.

Л а в р е н т и й. Следовательно, и вы, изрекая монашеский обет, не даруете ничего большего. Поясним это и поставим вопрос так: назови случай, когда бы дьякон или пресвитер изрек монашеский обет.

Б р а т. Да взять хотя бы меня.

Л а в р е н т и й. Но ты, конечно, вступая в монашество, не давал обещания безбрачия, так как быть супругом было уже не в твоей власти? Значит, теперь речь идет о воздержании от сожительства другого рода?

Б р а т. Допустим, так.

Л а в р е н т и й. Молчи уж лучше, заклинаю тебя. Да разве тогда, когда ты во имя воздержания отказался наперед от женитьбы и «незапятнанного ложа», это не было также отказом от всяких мерзостей, если даже считать, что ты не отрекся от них уже при самом крещении? Таким образом, как я уже сказал, и пресвитер и монах обязуются только к безбрачию. Ну, а что в тех случаях, когда от монаха уже не требуется такое обязательство?

Б р а т. Как же так?

Л а в р е н т и й. Ты сам это сейчас признал, говоря, что ты принял монашеское облачение, уже будучи дьяконом или пресвитером. Ибо если ты раньше уже дал богу обет воздержания, то вторично не можешь его давать.

Б р а т. Но разве я, будучи пресвитером или монахом, не подвергнусь за прелюбодеяние большему наказанию, чем ты?

Л а в р е н т и й. Почему ты так думаешь?

Б р а т. Потому, что нарушаю обещание.

Л а в р е н т и й. Но ни один из приведенных тобою доводов не состоятелен.

Б р а т. Ни один, говоришь?

Л а в р е н т и й. Ты забыл, что было у нас установлено уже раньше.

Б р а т. Что было установлено?

Л а в р е н т и й. А то, что обещано только безбрачие.

Б р а т. Это верно.

Л а в р е н т и й. Но ведь ни один священник, дьякон, брат или монах не женится, то есть не отступает от безбрачия. Или ты скажешь, тебя следует больше наказывать из-за маски, которую ты надел на себя? Это действительно великое дело — носить личину святости, ходить в апостольском облачении, выставляя себя образцом добродетельной жизни, исправителем порочных, человеком, для которого мир распят и он — для мира⁶⁹.

Б р а т. Что же, значит, я, оказавшись клятвопреступником, не буду больше наказан, чем ты?

Л а в р е н т и й. Я не говорю уже о том, что и клятва-то ваша лишена всякого смысла. Но если вы так настойчиво ссылаетесь на ожидающее вас возмездие, если вы рассчитываете на большую награду за верность своему обещанию по той причине, что будете более строго наказаны, нарушив его, то выходит, что мы не должны получить никакого воздаяния: ведь нам не грозит опасность нарушить какое-либо обещание. Но это совершенно неверно. Ведь я уже говорил, что я, подавая милостыню, заслуживаю награды, а не подавая ее, не заслуживаю наказания. Однако после того как я опроверг каждое положение по отдельности и ты теперь также не говоришь о них раздельно, настало время ответить на все вместе и показать, что хорошего есть в монашеском

звании. Ты говоришь, что впадаешь в опасность клятвопреступления или вероломства. Что ж, согласимся, тут нужна осторожность, святость, богобоязненность. И в этом вся ваша добродетель, вся ваша слава, этим одним вы похваляетесь? О, достопримечательное и похвальное деяние — подвергнуть себя опасности совершить одно преступление! Это ли не показывает, что вы больше других возлюбили бога, больше даровали ему, больше заслуживаете воздаяния?! Как мало, оказывается, вы думаете о том, что говорите. Давай сравним нас обоих — меня и тебя, и я поясню тебе на примерах, что в основе вашего монашеского обета лежит страх, а не любовь. Демосфен, который никак не мог отделаться от дурной привычки во время выступления приподнимать плечи, стал произносить речи дома, подвесив с потолка копьё так, что оно нависало над его плечами. И если даже случалось, что в пылу речи он забывался, — удар копья заставлял его держать плечи на месте. Таким образом он избавился от этого порока⁷⁰. Но мы знаем, что многие и без страха перед копьем избавились от подобных дурных привычек. Возьми, с другой стороны, противоположный пример. Марий, которому врачи должны были срезать вздутия вен, попросил не привязывать его. Когда производилась операция, он сидел свободно и даже не сжимал ногу, чего никто до него не мог выдержать⁷¹. Теперь я спрашиваю, чей поступок более замечателен? Тот держался прямо под угрозой копья, этот — без всякой угрозы; тот пожелал быть привязанным, боясь, что без этого он воспротивится лечению, этот — непривязанный перенес лечение; тот достоин похвалы, но этот — больше; действия того, признаться, надежнее, но этого — сопряжены с большим риском; с первым можно сравнить тебя, со вторым — меня; ты подобен Демосфену, я — Марию. Ты подчинился, я взял на себя заботу о других; ты соблюдал бедность и воздержание, я вел такой же образ жизни; ты привязал себя, чтобы соблюдать эти правила, я счел для себя не обязательным это рабство; ты поступал правильно по необходимости, а я — по своей воле, ты — из страха перед богом, я — из любви; настоящая преданность гонит прочь страх. Если бы ты не боялся, что иначе не можешь угодить богу, ты, конечно, никогда не стал бы себя связывать. Ведь именно для того вы даете обещание и придерживаетесь его, чтобы при

свободе выбора какая-нибудь причина не могла отвратить вас от служения богу. Поэтому-то ты и видишь, что в ваше товарищество вступают почти одни только преступники, злодеи, убогие, отверженные или те, которые почему-либо потеряли надежду, что могут хорошо служить богу или поддерживать собственное тело. Кстати, бесполезно будет вспомнить о том «общественном приюте», который был у Ромула и куда стекалась вся нечисть и все подонки общества. Сколько было в Лациуме людей, гонимых за долги, рабов, бедняков, людей ненасытных, преступных — все они стекались туда лишь для того, чтобы оказаться в лучших условиях жизни, ибо они понимали, что нигде в другом месте добиться этого не могут⁷². Итак, те, которые сбегаются в ваше убежище — я не говорю сейчас о бедняках, — делают это в надежде на то, что, подвергая себя риску оказаться вероломными или клятвопреступниками перед богом, они будут жить лучше. Боясь собственного произвола, они лишают себя свободы и как бы связывают законом. Это напоминает мне историю с Александром Великим. Приближаясь к городу Лампсаку и горя желанием разрушить его, он увидел выходящего из ворот города Анаксимена, своего учителя. Боясь, что благочестивые мольбы старца могут вынудить его, вопреки желанию, пощадить город, он поклялся, что не сделает того, о чем тот попросит. Тогда Анаксимен сказал: «Я прошу тебя разрушить Лампсак». Так храбрый царь думал связать себя страхом нарушения клятвы и принужден был к тому, чего он не хотел делать⁷³. Ведь всякий обет, всякое провозглашение поста, всякая клятва, наконец, всякий закон — а монашеский обет есть тоже своего рода закон — придуманы из-за страха или, чтобы сказать яснее, из-за дурных людей. А ты похваляешься величию духа и терпением?! Или ты еще сомневаешься в этом? Разве не сказал Павел, что закон «дан... по причине преступлений»⁷⁴. Из-за дурных людей, а не из-за хороших царь носит меч⁷⁵. Было время, когда иудеи жили без закона. Разве Авраам и другие, жившие до появления законов, — Иов, царь Кир, царица Савская и прочие, не знавшие власти закона, — разве они получили меньшее воздаяние, чем те, которые были подчинены законам? Нет, по крайней мере, равное. И, с другой стороны, отвечу на твое возражение, как обещал: если бы они согрешили, то получили бы такое

же наказание? Конечно, не такое же, а меньшее. Так перестаньте же орать и возмущаться, что имеете одинаковые почести с теми, которые подвергают себя меньшему риску наказания. Перестаньте роптать на бога, ведь вы напоминаете тех людей, которые в свое время подняли крик, что последним и первым работникам выдается одинаковая плата⁷⁶. Чтобы перевести все это на дела человеческие, спросим: разве среди людей царь, который ведет безупречную жизнь, достоин меньшей похвалы, чем человек из народа, хотя первый может грешить безнаказанно, а второй не может? Конечно не меньшей, скорее, даже большей, так как добродетель воздержания труднее для царя. И за проступок наказание ему меньше, так как царю легче впасть в грех несправедливости, чем частному лицу. То же самое в делах божеских. А ты требуешь награды за то, что подвергаешься опасности. Так ведь воин должен был бы требовать награды у царя за то, что рисковал поплатиться жизнью, если бы предал лагерь врагам. На это царь ответил бы, вероятно, так: «Если ты под страхом смерти не предал лагерь, наградой тебе будет уже то, что я не убиваю тебя; довольствуйся же своим жалованьем, каким довольствуется и тот, который не из страха, а из-за верности не предал лагерь». Кто не понимает этого? Ты принял монашеское звание, чтобы иметь вечную жизнь — и вот ты получил то, чего желал разум твой. Ты имеешь то, чего требовало монашеское звание, и всем этим ты обязан опасности. Ты подверг себя риску совершить клятвopреступление, но этим риском ты спас себя от гибели. Ты часто дрожал от страха, но теперь ты радуешься. Ты боялся, что вдруг расторгнешь договор; теперь ты видишь, что иначе не мог выбраться из пучины. Итак, я не понимаю, чего еще вы можете желать от бога, кроме плодов послушания, бедности, воздержания. Вы же, не довольствуясь этим, требуете преимуществ перед другими в награду за опасность. Если ты выдвигаешь эту опасность наказания, то подумай о том, что для меня эта опасность греха больше, ибо я не связан оковами страха. Это обстоятельство делает один и тот же добродетельный поступок с моей стороны более значительным, чем с твоей. Я превосхожу тебя так же, как Марий Демосфена, как царь — воина и человека из народа. Я, правда, не стану отрицать, что некоторые монахи поднимаются до того, что гонят прочь

всякий страх; но тогда, когда они изрекают обет, они, конечно, еще не таковы. А тогда, когда они уже достигают совершенства, они удерживаются не угрозой нарушения присяги, не страхом наказания, а как свободные и несвязанные люди действуют по внушению божьему и живут так, как будто не изрекали обета. Следовательно, и вы и мы,—по выражению Павла, который сказал о тех, кто ест, и о тех, кто не ест: «Всякий поступай по удостоверению своего ума»⁷⁷,—должны действовать одинаково и прийти к выводу, что монашеское звание не делает людей лучше, точно так же, как звание дьякона, пресвитера, епископа и папы. Вы не становитесь лучше благодаря посвящению в дьяконы или священники, а хотите быть посвященными, чтобы стать лучше. Не за то, что вы клянетесь, вы заслуживаете многого, а для того клянетесь, чтобы заслужить многого. Вы хорошие люди не потому, что вам грозит наказание,—ведь вы можете быть и дурными,—а чтобы быть хорошими, вы подвергаете себя обасности наказания. Разве Лаврентий меньше по святости, чем Сикст?⁷⁸ Стефана же я не боюсь приравнять к многим апостолам. Разве Франциск⁷⁹ уступает кому-нибудь из своих братьев или сыновей оттого, что не пожелал принять на себя пресвитерство? Разве Мартин⁸⁰, хотя еще и некрещеный (catechuminus), уступает всем тем, кто образовал такое множество орденов братьев и монахов? Наконец, разве Иоанн Креститель, не будучи епископом, священником, монахом, может быть поставлен ниже любого епископа, священника или монаха? Мне неизвестны и те, которые учредили ваши сообщества; они, конечно, имели в виду предоставить вам более удобные условия для набожной жизни — намерение святое и похвальное. Недаром бог увенчал многих из них, правда, не столь многих, как это утверждаете вы. Но ведь и у других не были отняты подобные условия, да и среди вас немало таких, которые отступили от намеренного пути. Так же, как, по преданию древних, Аполлон Дельфийский отступился от предсказаний⁸¹, так и вы, братья, отказались от творения чудес; хотя и из чудес многие могут быть поставлены под сомнение. Но я не стану этого делать, ибо мое намерение выступать в этом деле в защите, а не в нападении. Я хотел только возразить, во-первых, против того, будто вы имеете больше заслуг, подвергаясь большей опасности греха и наказания;

далее, будто ваше обязательство есть обет или нечто большее, чем простая клятва; наконец, будто вы можете рассчитывать на преимущества и выгоды за то, что обязались соблюдать послушание, бедность, воздержание. Для того, однако, чтобы ты не подумал, будто я вражду с тобой, я постараюсь угодить тебе, — я скажу и хорошее о братьях. Братья — это те, которые на деле поддерживают падающий храм божий, как вы это обычно расписываете. Братья — это те, которые, обращаясь с речью к народу, что было раньше и должно быть обязанностью епископов и священников, отвращают мужчин и женщин от пороков, освобождают от ложных представлений, приводят к благочестию и знанию, и именно в этом, я считаю, они являются последователями апостолов. Братья — это те, которые удивительными обрядами, гимнами, песнопениями вселяют набожность в сердца наших. Братья — это те, которые многое творят во имя правды, добродетели и святости, — я хотел бы, однако, чтобы они исполняли все это с большим знанием дела и, следуя образцу древних, больше пользовались бы примером ораторов, чем философов. Братья — это те, которые, как знатоки, выслушивая исповедь грешников, одним отпускают грехи, других устрашают, отказав в отпущении. Братья — это те, которые рассылают повсюду знающих и испытанных советчиков, обучающих праведной жизни. Мир наш земной многим обязан братьям, но был бы обязан еще более, если бы они были лучше и, как мне кажется, если бы придерживались первоначальных основ. Впрочем, я думаю, что достаточно и вполне красноречиво сказал о ваших заслугах. Я хотел бы, чтобы ты справедливо отнесся и к тому, что я сказал не в похвалу вам; тем более, что, мне кажется, я ни в чем не погрешил перед истиной.

Тогда брат сказал, что он действительно готов отнестись терпимо к моим словам, но, тем не менее, не уступает мне победы в споре. Он хотел бы тщательнее продумать этот вопрос и, если сочтет нужным, снова возобновить обсуждение. Затем, когда все выразили согласие со мной, слово взял Павел и сказал: «В остальном, Лаврентий, я присоединяюсь к тебе, но только не одобряю заключительную часть твоей речи. По-моему, она свидетельствует не столько о достоинствах братьев, сколько о твоей трусости. Ведь по замыслу речи было

бы естественно закончить ее гневной тирадой против братьев, что ты прекрасно мог сделать. Ты же, чтобы не навлечь на себя их ненависть, предпочел закончить похвалами. Кроме того, я сочту тебя трусом и недостойным быть мужчиной, если ты этот диспут не опишешь так, как он проходил, не издашь как можно скорее и не передашь в руки людей, озаглавив его „О лживом монашеском звании и мнимых его преимуществах“».

На это я ответил, что опишу диспут, но только не под таким страшным названием, хотя оно, может быть, и справедливо. И если мой противник на седьмой день не явится в это же место, в тот же час и как бы пропустит срок явки в суд, я если и не издам мое сочинение, то во всяком случае представлю его на изучение и рассмотрение какому-нибудь ученому и мудрому человеку. Я уже заранее наметил такого человека, но и вы укажите мне, к кому мне следовало бы обратиться за советом. Тогда все в один голос назвали мне Баптиста Платамона — человека для нашего времени исключительного, всесторонне образованного и многоопытного в самых важных делах. Я сказал, что сам избрал именно его. После этих слов, когда и брат с нами согласился, все поднялись. Он же, пришедший последним, первый распротился со всеми и удалился, а в назначенный день не пришел. Поэтому я счел себя вправе передать это сочинение тому человеку, к суду которого мы решили обратиться.



ЛОРЕНЦО ВАЛЛА

РАССУЖДЕНИЕ О ПОДЛОЖНОСТИ ТАК НАЗЫВАЕМОЙ ДАРСТВЕННОЙ ГРАМОТЫ КОНСТАНТИНА¹

Много, очень много обнародовал я книг почти по всем областям знания. В этих книгах² я осмеливался выражать свое несогласие с мнением некоторых выдающихся писателей, чей авторитет был непререкаем в течение очень долгого времени. И я возбудил этим против себя негодование у немалого числа людей, которые ненавидят меня за это и называют наглецом и святотатцем. Подумать только, что будут делать эти люди теперь! Как будут они неистовствовать! И если им представится возможность, с какой жадностью схватят они меня и как поспешно повлекут меня на казнь. Ведь я выступаю не только против умерших, но и против живых, я выступаю не против какого-нибудь одного человека, но против многих, я выступаю не только против частных лиц, но и против лиц, облеченных властью. И какой властью! Я дерзаю выступать против верховного первосвященника³, который вооружен не одним лишь мирским мечом, как короли и князья, но и мечом церковным. От этого меча ни один государь не укроет тебя своим щитом, повсюду смогут настичь тебя отлучение, анафема, проклятие. А если разумно и говорил и действовал тот, кто сказал — «Я не хочу писать против тех, которые могут вписать меня в проскрипционный список»⁴, — то как уж следует мне остерегаться того человека, которому незачем даже прибегать к проскрипциям, который невидимыми стрелами своей власти сможет преследовать меня так неотступно, что мне останется только воскликнуть: «Куда пойду от духа твоего, и от лица твоего куда убегу?»⁵.

Но нельзя ли ожидать, что верховный первосвященник отнесется к этому терпимее, чем отнеслись бы другие люди? Ни в коем случае. Разве первосвященник Анания,

когда Павел сказал, что совесть его чиста, не велел ударить Павла по устам тут же в присутствии трибуна, восседавшего в качестве судьи⁶; разве Фазур, облеченный тем же саном, не бросил в тюрьму Иеремию за смелость его речей?⁷ Правда, Павла от несправедливости первосвященника захотел и сумел спасти трибун и наместник, а Иеремию спас царь. Но какой трибун, какой наместник, какой царь, даже если и пожелает этого, сможет вырвать меня из рук верховного первосвященника, если он схватит меня!

Однако ничто не может послужить причиной, чтобы двойной этот страх смутил меня и отвлек меня от моего замысла. Ибо верховному первосвященнику не позволено лишать свободы или освобождать кого-либо вопреки закону, и уж во всяком случае отдать свою жизнь в борьбе за истину и справедливость — это самый доблестный и славный поступок, достойный высшей награды. Сколь многие подвергали себя смертельной опасности, защищая свою земную родину? Неужели страх смерти оставит меня в моем стремлении достичь небесной родины (а достигают ее только те, которые угодны богу, а не те, которые угодны людям). Итак, пусть исчезнет трепет, пусть удалится страх, пусть пропадут опасения. С отвагой в душе, с твердой верой, с доброй надеждой я буду защищать дело истины, дело справедливости, дело бога!

Истинным оратором следует считать того, который не только умеет хорошо говорить, но который к тому же осмеливается говорить. Осмелимся же предъявить обвинение тому человеку (кто бы он ни был), который совершает дела, заслуживающие обвинения. Пусть того, который виноват перед всеми, за всех осудит голос одного обвинителя.

Быть может, я не должен порицать брата открыто; быть может, это следует делать с глазу на глаз?⁸ Но нет, согрешающего всенародно и не желающего слушать совета, данного наедине, «обличай перед всеми, чтобы и прочие страх имели»⁹. Разве Павел, слова которого я только что привел, не бросил перед всей церковью упреки прямо в лицо Петру, поскольку он заслужил их? Нам в поучение начертал Павел эти слова¹⁰. Но я ведь не Павел, чтобы упрекать Петра. Нет, я Павел, если я подражаю Павлу. Больше того, с богом сливаюсь я духом, если ревностно выполняю его повеления. Высокое звание

никого не ограждает от упреков, ведь не оградило же оно Петра и многих других, облеченных тем же саном: Марцелла, творившего возлияние богам¹¹, Целестина, склонявшегося к ереси Нестория¹². Уже на нашей памяти некоторые папы подвергались упрекам, а то и осуждению со стороны низших (ибо кто не является низшим по отношению к папе?)¹³.

Я не стремлюсь к тому, чтобы преследовать кого-нибудь и писать против кого-либо филиппики¹⁴. Да не буду причастен я к такому делу! Я стремлюсь только к тому, чтобы удалить из умов людских тяжкие заблуждения, чтобы с помощью советов или упреков отвратить людей от пороков и преступлений. Я не осмелился бы сказать, что цель моя заключается в том, чтобы другие люди, узнав от меня истину, железом подрезали лозы, буйно разросшиеся вокруг Христова виноградника — папского престола, — и заставили его приносить не тощие дички, а полные гроздья. А если я и делаю это, то разве найдется такой человек, который захочет закрыть либо мне уста, либо себе уши или даже сочтет меня заслуживающим смертной казни? И если такой человек найдется, как должен буду я назвать его, даже если он окажется папой, добрым ли пастырем или глухой змеей, которая не хочет слушать голос заклинателя, а стремится отравить его тело своим ядовитым укусом.

Я знаю, что люди давно уже желают услышать, какое же обвинение предъявляю я римским папам. Я предъявляю им тяжкое обвинение, я обвиняю их либо в беспечном невежестве, либо в чудовищной алчности, которая является идолопоклонством, либо в суетном стремлении к власти, которому постоянно сопутствует жестокость. Ибо уже в течение нескольких веков они либо не понимали, что Константинов дар — это подлог, либо сами этот подлог создавали, либо, следуя по стопам своих предшественников, защищали истинность этого дара, о подложности которого они хорошо знали. И этим они бесчестили величие первосвященства, бесчестили память древних пап, бесчестили христианскую веру и все смешивали с убийством, с разрушением и преступлениями. Они утверждают, что город Рим — это их собственность, что им принадлежит королевство Сицилии и Неаполя¹⁵, им принадлежит вся Италия, Галлии и Испании, германцы и британцы, им вообще принадлежит весь Запад, ибо все

это содержится в тексте дарственной грамоты. Итак, все это принадлежит тебе, верховный первосвященник? И ты намереваешься обрести это вновь? Ты хочешь отнять города у королей и князей Запада или заставить королей и князей, чтобы они платили тебе ежегодную дань?

А я, напротив, считаю, что будет справедливее позволить князьям лишиться тебя всей власти, которой ты обладаешь. Ибо, как я покажу, о том самом даре, которым верховные первосвященники обосновывают свои права, ничего не было известно ни Сильвестру¹⁶, ни Константину¹⁷.

Однако прежде, чем я перейду к опровержению дарственной грамоты, которая служит единственным оправданием их притязаний, — оправданием не только ложным, но и нелепым, — я должен, дабы все шло по порядку, начать издалека. И, во-первых, я покажу, что Константин не был таким человеком, который бы хотел даровать, который бы имел право даровать, который бы обладал над всем этим достаточной властью, чтобы передать это в руки другого. Я покажу также, что Сильвестр не был таким человеком, который хотел бы это принять, который имел бы право это принять. Во-вторых, даже если бы это было и не так, хотя все это совершенно неоспоримо и очевидно, то все же, как я покажу, Сильвестр не получал, а Константин не передавал власти над теми владениями, о которых говорят, будто они были отданы в дар, и владения эти постоянно оставались под властью цезарей¹⁸ и в их империи. В-третьих, я покажу, что Константин ничего не дарил Сильвестру и что дары, которые получил от него предшественник Сильвестра (а Константин принял крещение еще до него), были незначительны и предназначались лишь для того, чтобы доставить папе средства к существованию. В-четвертых, я докажу неправоту тех, которые утверждают, будто изложение дарственной грамоты можно найти в «Декрете»¹⁹ или будто оно извлечено из «Истории Сильвестра»²⁰. Изложение дарственной грамоты нельзя обнаружить ни в этой, ни в какой-либо другой истории, в нем содержится очень много противоречивого, невероятного, нелепого, варварского и смехотворного. Затем я расскажу о мнимых или же до смешного ничтожных дарах некоторых других цезарей. Сверх того, я покажу, что если бы даже Сильвестр и владел всем этим, то все же поскольку он

сам или какой-либо другой первосвященник был лишен этих владений, требовать их назад после столь большого перерыва во времени было бы совершенно несовместимо ни с божеским, ни с человеческим правом. Наконец, я покажу, что право верховного первосвященника на нынешние его владения не может быть обосновано никакой давностью.

Итак, обратимся к первой части нашего изложения и расскажем сначала о Константине, а затем о Сильвестре.

Нельзя допустить, чтобы о деле общественном и как бы цезаревом мы говорили не более торжественным тоном, чем об обычном частном деле. Итак, представляю себе, что я говорю в собрании королей и князей (ведь я в действительности так и поступаю, ибо эта моя речь попадет к ним в руки)²¹, обращаюсь к этим высоким лицам так, как если бы они присутствовали здесь и я видел их перед своим взором. К вам обращаюсь я, короли и князья, ибо мне, частному человеку, трудно составить себе представление о том, каков может быть дух государя, я хочу понять ваш образ мысли, хочу постичь вашу душу, прошу вашего свидетельства.

Неужели кто-нибудь из вас, если бы оказался вдруг на месте Константина, счел бы себя обязанным даровать другому человеку город Рим, свою родину, столицу всего мира, царя государств, самый могущественный, самый знатный и самый богатый город среди всех, победителя народов, город священный уже одним своим обликом; неужели кто-нибудь счел бы себя должным просто из великодушия отдать другому этот город, а самому затем отправиться в ничтожный город Византий? И вместе с Римом отдать Италию, не провинцию, а владычицу провинций, отдать три Галлии, отдать две Испании, отдать германцев, отдать британцев, отдать весь Запад и лишить себя одного из двух глаз империи? Я не могу поверить, что кто-нибудь сделает это, будучи в здравом уме.

Разве может быть для вас что-нибудь более желанным, более приятным, более сладостным, нежели присоединение новых земель к вашим империям и королевствам, нежели распространение вашей власти вширь и вдаль, насколько это только возможно? Этому, как мне кажется, вы посвящаете все свои заботы, все размышления, все труды, дневные и ночные. Именно с этим

связываете вы более всего свои надежды на славу, ради этого отказываетесь вы от удовольствий, ради этого подвергаете себя тысяче опасностей, ради этого вы со спокойной душой приносите в жертву самые дорогие вам сокровища и даже части собственного тела. В самом деле, мне не приходилось ни слышать, ни читать, чтобы потеря глаза, руки, ноги или другого члена побудила кого-нибудь из вас отказаться от стремления распространять свою власть на новые земли. Больше того, чем могущественнее государь, тем сильнее его тревожит и мучает пламенное желание господствовать над огромными просторами. Александр²² не был удовлетворен тем, что он пешком обошел пустыни Ливии, что он победил Восток вплоть до океана — предела земли, что он покорил Север, а ведь все это стоило ему многих ран, было сопряжено со множеством опасностей, ведь войны отказались уже идти дальше, проклиная столь длительные и тяжкие походы. Александру же казалось, что он ничего не достиг, он стремился еще покорить Запад, все народы хотел он сделать своими данниками силой оружия или могуществом своего имени. Мало того, он решил пересечь океан, чтобы проверить, нет ли там какого-нибудь другого мира, а если есть, то подчинить и его своей власти. В конце концов, я полагаю, он попытался бы взобраться на небо. Таковы желания почти всех государей, хотя не у всех имеется такая отвага. Я уже не говорю о том, сколь ужасающие преступления совершаются во имя того, чтобы достичь власти или подчинить ей новые страны. Братья не удерживают нечестивых рук своих от крови братьев, сыновья — от крови родителей, родители — от крови сыновей. Нигде, воистину нигде человеческое безрассудство не свирепствует с большей жестокостью. И, что самое удивительное, старики стремятся к власти с неменьшим пылом, чем юноши, бездетные — с неменьшим пылом, чем отцы семейств, короли — с неменьшим пылом, чем тираны.

И если люди с такой страстью стремятся к достижению власти, со сколь большей страстью должны они стремиться к сохранению ее. Не расширить империи еще не так постыдно, как уменьшить ее; не присоединить к своим владениям королевство другого государя еще не так для тебя позорно, как позволить другому присоединить к своим владениям твое королевство. Иногда мы

читаем, что какой-либо король или народ поставили какого-нибудь человека во главе королевства или во главе города, но этому человеку приносится в дар не первая или наибольшая, но как бы последняя и наименьшая часть империи, и делается это к тому же таким образом, чтобы человек, получивший дар, всегда видел в дарующем своего господина и себя всегда считал его слугой.

Теперь я спрашиваю, разве не вызывают гнева и презрения те люди, которые утверждают, что Константин лишил себя лучшей части своей империи? Я не говорю уже ничего о Риме, Италии и всем прочем, скажу только о Галлиях, где он предводительствовал в сражениях, где он долгое время был единственным господином, где он заложил основу своей славы и своей власти. Человека, который ради достижения власти вел войну с народами, который выступил в гражданской войне против друзей и родственников и отнял у них владения, которому приходилось бороться с еще непокоренными и несломленными остатками враждебной ему партии, который вел войны со многими народами не только из стремления к славе и к власти, но и в силу необходимости, ибо его постоянно тревожили варвары; человека, у которого было много сыновей, родственников и друзей, который понимал, что вызовет своим поступком недовольство Римского сената и народа, который знал о непостоянстве покоренных народов, поднимавших мятеж почти всякий раз, когда в Риме сменялся государь, который помнил, что подобно другим цезарям он получил власть не благодаря избранию в сенате и одобрению народа, а благодаря войску, оружию, войне,—какая же причина оказалась столь веской и настоящей, чтобы побудить такого человека пренебречь всем этим и проявить столь безмерную щедрость?

Говорят, это произошло потому, что он стал христианином. Так вот почему он отказался от лучшей части своей империи? Значит, быть царем стало уже преступным, гнусным и нечестивым делом, несовместимым с христианской верой. Те, которые живут в блуде, те, которые разбогатели благодаря ростовщичеству, те, которые владеют чужим,—все эти люди после крещения обычно отдают чужую жену, чужие деньги, чужое добро. Если ты, Константин, думаешь об этом, то ты должен вернуть городам их вольность²³, а не менять им

господина. Но не это было причиной твоего поступка, тебя побудило к нему твое стремление воздать честь христианской вере. Как будто отказаться от царства благочестивее, чем царствовать, защищая веру. Что касается до тех, которые принимают этот дар, то им он не принесет ни чести, ни пользы. Если же ты хочешь проявить себя христианином, если ты хочешь выразить свое благочестие, если ты хочешь быть защитником церкви (я имею в виду не Римскую церковь, а церковь бога), то теперь, именно теперь ты должен действовать как государь, ты должен сражаться в защиту тех, которые не могут и не должны сражаться, ты должен своей властью ограждать тех, которые подвергаются обидам и несправедливостям. Навуходносору, Киру, Агасверу²⁴ и многим другим царям бог пожелал открыть таинство истины, но ни от кого из них он не потребовал отречься от власти или подарить часть своего царства; он требовал от них только того, чтобы они возвратили свободу евреям и защитили их от враждебных соседей. Этого было достаточно для иудеев; этого будет достаточно и для христиан. Ты стал христианином, Константин? Было бы в высшей степени постыдным, чтобы теперь, будучи христианским императором, ты обладал меньшей властью, чем тогда, когда был язычником. Ибо верховная власть — это особый дар бога; полагают, что даже языческие цари избираются богом²⁵.

Но Константин был исцелен от проказы. Поэтому вполне вероятно, что он хотел воздать благодарность и воздать ее сторицей. Не так ли? Нееман-сириец, исцеленный Елисеем²⁶, пожелал преподнести только дары, а не половину своего имущества. А Константин преподнес бы половину империи? Мне крайне досадно, что я, будто достоверному рассказу, уделяю внимание этой бесстыдной выдумке, этой истории об исцелении от проказы. Она представляет собой не что иное, как подражание истории Неемана и Елисея, подобно тому как история о драконе²⁷ выдумана в подражание легенде о драконе Вила²⁸. Не буду, однако, спорить о достоверности этой истории, спрошу только, есть ли в ней какое-нибудь упоминание о даре? Нет, никакого. Но об этом уместнее будет говорить позднее.

Итак, он был исцелен от проказы? Из-за этого он проникся христианским образом мысли и, преисполнен-

ный страха перед богом и любви к богу, он пожелал воздать ему честь. Никто, однако, не сумеет меня убедить, что он пожелал даровать столь много. Ибо мне неизвестно, чтобы какой-нибудь язычник в честь богов или какой-нибудь христианин в честь бога живого отказался от власти и передал ее священнослужителям. Никого из царей израильских не удалось склонить к тому, чтобы народу было разрешено по древнему обычаю идти к иерусалимскому храму для совершения жертвоприношений, ибо цари боялись, что люди, потрясенные торжественностью богослужения и величием храма, возвратятся к царю Иудеи, от которого они раньше отложились. Но Константину приписывают нечто гораздо большее. Не тешь себя очень этой историей об исцелении от проказы. Иеровоам первый был избран богом в цари Израиля²⁹, несмотря на его весьма низменное происхождение (а это, мне кажется, позначительнее, чем быть исцеленным от проказы) и все же он не решился вручить свое царство богу. А ты утверждаешь, что Константин подарил богу свое царство, которое бог от него и не принял бы. Ведь поступив так, Константин (чего не случилось бы с Иеровоамом) обидел бы своих сыновей, унизил бы друзей, пренебрег бы близкими, оскорбил бы родину, поверг бы всех в печаль, забыл бы о себе.

Даже если бы он и стал таким, даже если бы он словно превратился в другого человека, все же нашлись бы люди, которые сумели бы его отговорить, и прежде всего сыновья, близкие, друзья. Можно ли сомневаться в том, что они сразу же обратились бы к императору? Итак, представьте их перед своим взором; они уже услышали о намерении Константина, с трепетной поспешностью припадают они, стеноя и плача, к коленям государя и обращаются к нему со словами:

«Неужели ты, который прежде был столь любящим отцом, теперь лишишь своих сыновей наследства, разрушишь и отвергнешь их? То, что ты намерен отказаться от лучшей и наибольшей части империи — это удивляет нас, но не на это мы жалуемся. Мы жалуемся на то, что ты передаешь ее чужим людям, ведь тем самым ты наносишь нам ущерб и позоришь нас. Какая причина побудила тебя лишить своих детей империи — ожидаемого наследства, — тебя, который некогда правил совместно со своим отцом? Чем мы провинились перед тобой?

Какой несправедливостью по отношению к тебе, к родине, к имени римскому и величию империи заслужили мы того, чтобы ты лишил нас главной и лучшей части владений, чтобы ты оторвал нас от отеческих ларов³⁰, от родной земли, от родных небес, от всего того, что нам издавна привычно и мило? Как изгнанники, покинем мы пенаты³¹, святилища и могилы, чтобы поселиться в неведомом нам краю земли.

Мы, твои близкие, мы, твои друзья, столько раз мы вместе с тобой стояли в боевом строю, мы видели предсмертные муки своих братьев, родителей, сыновей, пронзенных вражеским мечом, но нас не устрасила смерть других, мы и сами готовы принять смерть ради тебя. Почему же ты теперь покидаешь нас всех? Неужели всех нас, исполняющих государственные должности в Риме, возглавляющих или предназначенных к тому, чтобы возглавить города Италии, области Галлий, Испаний и другие провинции, неужели теперь ты отзываешь всех нас? Неужели ты приказываешь нам стать частными людьми? Или ты собираешься возместить нам эту потерю чем-нибудь другим? Но сможешь ли ты это сделать в соответствии с нашими заслугами и нашим положением теперь, когда ты отдал другому столь большую часть мира? Неужели того, который стоял во главе сотни народов, ты цезарь, поставишь теперь во главе одного народа? Как могло тебе это прийти на ум? Неужели тебе не жаль твоих друзей, твоих родных, твоих сыновей? Лучше уж было нам, цезарь, погибнуть на войне, сражаясь за твою честь и победу, чем узнать такое!

Ты, конечно, можешь и со своей империей и даже с нами поступать по своему усмотрению, но над одним ты не властен, и в этом мы будем упорны вплоть до нашей смерти. Мы не отступимся от почитания бессмертных богов, и эта наша преданность богам послужит примером для многих других. Тогда-то ты поймешь, какую услугу оказала твоя щедрость христианской вере. Ибо если ты не отдаешь империю Сильвестру, то мы будем христианами вместе с тобой, и многие последуют нашему примеру; если же ты отдаешь, то мы не только не согласимся стать христианами, но самое это имя будет для нас проклятым, ненавистным, отвратительным. Ты делаешь нас настолько несчастными, что в конце концов

ты сам будешь оплакивать и жизнь и смерть нашу, себя самого, а не нас будешь ты обвинять в черствости и бездушии».

Неужели Константин (если только не считать, что он был вовсе лишен человечности) не был бы тронут этой речью, пусть даже собственные размышления не побудили его отказаться от своего замысла? А если бы он не пожелал выслушать своих близких, то разве не нашлось бы других людей, которые бы стали препятствовать его намерению и словом и делом? Неужели сенат и народ римский сочли бы возможным бездействовать в таком деле? Неужели они не призвали бы оратора, «выдающегося по своей справедливости и своим заслугам», — как говорит Вергилий³², который бы произнес перед Константином такую речь:

«Цезарь, если ты забыл о своих близких и даже о себе самом, если ты больше не заботишься о наследстве для сыновей, о богатстве для родных, о почестях для друзей, если ты не стремишься более сохранить в неприкосновенности свою империю, то сенат и народ римский не могут забыть о своих правах и о своем достоинстве. На каком основании ты позволяешь себе так обращаться с Римской империей, которая создана не твоей, а нашей кровью? Ты собираешься рассечь одно тело на две части, из одного царства сделать два царства, две головы, две воли, ты как бы протягиваешь двум братьям мечи, дабы они сражались друг против друга за наследство. Городам, которые имеют заслуги перед Римом, мы даем право гражданства, их жителям — право называться римскими гражданами, ты же отнимаешь у нас половину империи и все эти города не будут более признавать Рим своим отцом. Если в пчелином улье рождается два царя, то одного из них, который похуже, убивают; ты же хочешь в улье Римской империи, где до сих пор был один и прекраснейший государь, поместить второго и худшего, притом даже не царя, а трутня. Мы умоляем тебя, император, будь благодарен. Подумай только, что произойдет, если при твоей жизни или после твоей смерти варварские народы совершат нападение на ту часть империи, которую ты отдаешь, или на ту часть, которую оставляешь себе? С помощью каких войск, с помощью каких средств дадим мы им отпор? Даже сейчас, когда мы используем мощь всей

империи, мы едва можем это делать. Сможем ли мы это сделать тогда? Будет ли одна часть империи находиться всегда в согласии с другой частью? Я думаю, что нет. Ведь Рим захочет господствовать, а другая часть не захочет ему подчиняться. Подумай только, что произойдет еще при твоей жизни в очень скором времени, когда старые начальники будут отозваны и новые назначены на их место, когда ты отправишься в свое царство и будешь находиться далеко, а здесь будет править другой? Разве не станет все новым, а значит, противоположным и враждебным? Обычно, когда царство делится между двумя братьями, души народов сразу же оказываются разьединенными, и войны возникают скорее от внутренних раздоров, чем от внешних врагов. Кто не видит, что то же самое произойдет и в этой империи. Разве ты не знаешь, что некогда именно по этой причине оптиматы заявили, что скорее погибнут на глазах у римского народа, чем позволят внести законопроект, чтобы часть сената и часть плебса переселилась в Вей³³ и чтобы два города были общими у римского народа. Если в одном городе существуют такие разногласия, говорили они, то что уже будет в двух городах?³⁴ Точно так же и в наше время, если такие раздоры господствуют в одной империи (в свидетели тому я призываю твою осведомленность и твои труды), что уже будет в двух империях?

Скажи-ка, неужели ты думаешь, что кто-нибудь отсюда захочет или сможет оказать тебе помощь, когда ты будешь вести войну? Те, которые будут здесь предводителями войска и городов, будут так же далеки от оружия и от всякого ратного дела, как и тот, кто делает их предводителями. Кроме того, разве не попытаются римские легионы или сами провинции лишить власти этого человека, столь неопытного в деле управления и легко уязвимого, ведь они будут надеяться на то, что он либо не окажет им сопротивления, либо не станет их наказывать. Клянусь Геркулесом³⁵, я думаю, что и месяца не останутся они в повиновении, а сразу же при первом известии о твоём отъезде поднимут мятеж. Что ты тогда сделаешь? Какое примешь решение, когда с двух или даже со всех сторон на тебя будут наступать вражеские войска? Народы, которые мы покорили, мы едва можем сдерживать. Как окажем мы им сопротивление, если нам придется сражаться и со свободными народами?

В отношении себя самого, цезарь, ты можешь поступать по своему разумению. Но это дело затрагивает не меньше, чем тебя. Ты смертен, империя римского народа должна быть бессмертной, и, насколько это зависит от нас, наша империя будет бессмертной, и не только она сама, но и честь ее. Подумать только, мы подпадем под власть тех, религию которых мы презираем, и, будучи властелинами мира, мы должны будем служить этому презренному человеку. Когда Рим был взят галлами, римские старцы не потерпели, чтобы победители дотронулись до их бород³⁶. А теперь столько людей сенаторского сословия, столько людей, носивших звание претора, трибуна, консула, триумфатора должны будут терпеть, чтобы над ними властвовали те, которых они еще недавно, как плохих рабов, подвергали всяческому поруганию и казням. Неужели эти люди будут назначать должностных лиц, будут править провинциями, будут вести войны, будут творить суд над нами? Неужели под их началом римская знать будет нести военную службу и от них должна будет получать почести и награды? Какая рана может быть тяжелее и глубже? Не думаешь ли ты, цезарь, будто потомки римлян выродились настолько, что спокойно перенесут это и не попытаются избежать этого любой ценой? Клянусь богом, этого не стерпели бы и наши женщины, они скорее сожгли бы себя вместе с любимыми детьми и священными пенатами, дабы никто не сказал, что женщины Карфагена были отважнее римлянок.

Если бы, цезарь, мы выбрали тебя царем, ты имел бы большую власть над римской империей, но и тогда бы тебе не было позволено даже на самую малую долю ослабить ее могущество, ведь в этом случае мы, сделавшие тебя царем, с тем же правом приказали бы тебе отречься от царства. Я не говорю о том, что тебе бы никто не позволил делить царство, лишать его стольких провинций или отдавать его столицу человеку чужому и ничтожному. Мы ставим пса во главе овчарни, но, если он начинает вести себя как волк, мы выбрасываем его или убиваем. Неужели ты, который так долго, защищая нас, служил псом в римской овчарне, теперь столь беспримерным образом превратишься в волка?

Но ты должен знать (ты сам вынуждаешь нас говорить резко, ведь мы боремся за свои права), ты должен

знать, что у тебя нет никаких прав на императорскую власть над римским народом. Цезарь захватил власть силой, Август пошел по этому же порочному пути и сделал себя властелином благодаря уничтожению враждебных партий; Тиберий, Гай, Клавдий, Нерон, Гальба, Отон, Вителлий, Веспасиан³⁷ и прочие похитили нашу свободу таким же или сходным образом. Ты также стал властелином после того, как изгнал или уничтожил других претендентов, я уже не говорю о том, что ты родился вне брака³⁸.

Поэтому, цезарь (мы не собираемся скрывать от тебя наш образ мыслей), если тебе не угодно сохранить власть над Римом, то ты имеешь сыновей, одного из которых ты мог бы по закону природы назначить взамен себя с нашего согласия и одобрения. В противном случае мы намереваемся защищать честь нашего государства и наше личное достоинство. Несправедливость, которую ты собираешься сотворить по отношению к квиритам³⁹, не меньше той, которая некогда была совершена насилием над Лукрецией. И у нас появится Брут, который поведет народ против Тарквиния, чтобы вновь завоевать свободу⁴⁰. Сначала против твоих ставленников, а потом и против тебя самого мы обнажим меч, который мы обнажали против многих императоров, имея на то даже менее веские причины».

Совершенно несомненно, что эта речь глубоко взволновала бы Константина, если только не считать его камнем или деревом. И если бы даже народ не сказал этого прямо ему в глаза, тем не менее было бы понятно, что люди говорят это друг другу и выражают свое негодование повсюду именно в этих словах. Пойдем теперь дальше и скажем, что Константин хотел угодить Сильвестру. Но тем самым Константин навлек бы на него ненависть столько людей, он подставил бы его под столько мечей, что Сильвестр, как я думаю, не прожил бы и дня после этого. Ибо люди считали бы, что, уничтожив Сильвестра и немногих других, они освободят души римлян от боли, причиняемой столь жестокой несправедливостью и обидой.

Продолжим дальше и допустим (если это только возможно), что ни мольбы, ни угрозы, ни разумные доводы не привели ни к какому результату, что Константин по-прежнему упорствует и не хочет отступить от однажды

принятого решения. Но кто не признал бы себя глубоко тронутым речью Сильвестра (представим себе, будто некогда все это действительно произошло)? А речь Сильвестра была бы несомненно такой:

«Превосходнейший государь и сын, цезарь, я высоко ценю твое благочестие, столь безмерное и самоуничтожительное, и меня не очень удивляет, что ты несколько ошибаешься в том, какие дары следует выбирать для бога и какие жертвы следует ему приносить; ведь ты все еще новобранец в воинстве Христовом. Подобно тому, как некогда священнослужитель мог принести в жертву не всякое животное, не всякого зверя, не всякую птицу, точно так же и не всякий дар может быть принят. Я священник и понтифик⁴¹, и я должен следить за тем, что подносят к алтарю, дабы к алтарю не поднесли какое-нибудь нечистое животное, а то, может быть, и змею. Ты должен знать это. Если бы ты имел право передать часть империи с царем мира Римом какому-нибудь человеку, кроме своих сыновей (а я думаю, что у тебя нет такого права), если бы наш народ, если бы Италия и другие племена согласились подчиниться власти тех, кого они ненавидят и чью религию они, привлеченные мирскими соблазнами, все еще презирают (а это невозможно), тем не менее, если бы ты что-нибудь захотел мне подарить, мой возлюбленный сын, никакие доводы не склонили бы меня принять твой дар, разве что я пожелал бы быть непохожим на себя самого, забыть свое положение и чуть ли не отречься от господина Иисуса. Ибо твой дар или, как ты говоришь, твое воздаяние запятнает и даже вовсе погубит честь, чистоту и непорочность мою и всех моих преемников; твой дар препрадит дорогу тем, которые будут стремиться к познанию истины.

Елисей, исцелив от проказы Неемана-сирийца, отказался принять вознаграждение, а я, исцелив тебя, приму? Он отверг дары, а я позволю, чтобы мне подарили царства? Он не захотел запятнать в себе пророка, а я посмею запятнать Христа, которого ношу в себе? Почему же он считал, что эти дары могут запятнать пророка? Несомненно, потому, что он не хотел, чтобы показалось, будто он продает святых, отдает в рост дар божий, нуждается в покровительстве людей, уменьшает и принижает ценность благодеяния. Он предпочитал сам творить благодеяния князьям и царям, чем быть облагодее-

тельствованием ими, он не хотел и взаимных благодеяний. „Ибо, — как говорит наш господь, — блаженнее давать, нежели принимать“⁴². Отказаться от даров меня побуждает та же причина и, пожалуй, даже более веская, ведь господь учит меня: „Больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте; даром получили даром давайте“⁴³. Неужели, цезарь, я совершу столь большую гнусность и не последую наставлениям бога, неужели я запятнаю свою честь? „Для меня лучше умереть, — говорит Павел, — нежели чтобы кто уничтожил похвалу мою“⁴⁴. Честь наша в том, чтобы перед богом славить служение наше; как говорит он же: „Вам говорю, язычникам. Как апостол язычников, я прославляю служение мое“⁴⁵.

Неужели, цезарь, я должен буду подать дурной пример и послужить причиной дурных поступков других людей, я, христианин, священник божий, римский понтифик, наместник Христов? Разве сумеют священники сохранить свою чистоту незапятнанной, если они станут владеть богатствами, занимать государственные должности, управлять мирскими делами? Для того ли мы отказываемся от мирских благ, чтобы получить их еще большею мерою? Для того ли мы отвергли личную собственность, чтобы завладеть чужим и общественным? Нашими будут города? Нашими будут подати? Нашими будут пошлины? Можно ли будет называть нас клириками, если мы так поступим? Удел наш или жребий наш (что по-гречески называется *κλήρος*⁴⁶) не земной, а небесный. Левиты (а ведь они тоже клирики) не участвовали в дележе имущества совместно с братьями⁴⁷, а ты приказываешь нам присвоить себе даже долю братьев.

Зачем мне имущество и богатство, если голос бога приказывает мне не заботиться о завтрашнем дне⁴⁸, если бог говорит мне: „Не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои“ и еще — „Удобнее верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в царство божие“⁴⁹. И поэтому он выбирал себе помощниками бедняков и тех людей, которые оставляли все свое имущество, чтобы следовать за ним, и сам он был примером бедности. Не только тогда, когда мы владеем деньгами и являемся хозяевами богатств, но даже и тогда, когда мы держим деньги и богатства в своих руках, подвергаем мы искушению свою непорочность. Один

лишь Иуда, который имел ларцы и носил с собой милостыню⁵⁰, был лицемером; и из-за любви к деньгам, к которым он привык, он оклеветал и предал учителя, господа, бога. Поэтому-то я и боюсь, цезарь, чтобы ты не превратил меня из Петра в Иуду.

Послушай, что говорит Павел: „Мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него. Имея пропитание и одежду, будем довольны тем. А желающие обогащаться впадают в искушение и в сеть [дьявола], и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу; ибо корень всех зол есть сребролюбие, которому предавшись, некоторые уклонились от веры и сами себя подвергли многим скорбям. Ты же, человек божий, убегай сего...“⁵¹ И ты мне приказываешь, цезарь, принять то, чего я должен избегать, как отравы!

И останется ли (обдумай это, цезарь, со свойственным тебе благоразумием), останется ли среди всех этих дел время для религиозного служения? Некоторые роптали на апостолов, что они не проявляют ежедневной заботы о вдовах, и апостолы отвечали, что не следует им, «оставивши слово божие, пещись о столах»⁵². Но заботиться о пище для вдов — это ведь еще совсем не то, что взимать налоги, пополнять казну, выплачивать жалование солдатам и заниматься множеством других подобных дел. „Никакой воин не связывает себя делами житейскими“⁵³, — говорит Павел. Разве Аарон и другие потомки Левия заботились о чем-либо другом, кроме как о скинии бога? Сыновья Аарона за то, что они взяли чужой огонь в кадилах, были сожжены огнем небесным⁵⁴. А ты приказываешь нам взять огонь мирских богатств, запретный и нечестивый, в священные кадилах священнических дел. Разве Елеазар, разве Финеес⁵⁵, разве другие священники и прислужники скинии или храма управляли чем-либо другим, помимо того, что относится к религии? Управляли, спрашиваю я? Да и могли ли они управлять, если хотели выполнить свой долг? А если не хотят, то пусть услышат проклятие господа: „Проклят, кто дело господне делает небрежно...“⁵⁶ Это проклятие может пасть на любого человека, но прежде всего на нерадивого первосвященника.

Сколь тяжкое это бремя — быть первосвященником! Сколь тяжкое бремя — быть главою церкви! Сколь

тяжело быть пастырем такого огромного стада овец — пастырем, с которого взыскивается за кровь каждого потерянного агнца, за каждую пропавшую овцу, пастырем, которому сказано: „Если ты любишь меня больше, нежели они, как ты говоришь, паси агнцев моих“. И снова: „Если любишь меня, как говоришь, паси агнцев моих“. И в третий раз: „Если любишь меня, как говоришь, паси агнцев моих“⁵⁷. А ты, цезарь, приказываешь, мне пасти также коз и свиней, но их не может стеречь тот же пастырь.

Ты хочешь сделать меня царем, или, вернее, цезарем, а значит, главою царей? Господь Иисус Христос, бог и человек, царь и священник, называл себя царем, но послушай, о каком царстве говорил он: „Царство мое,— говорил он,— не от мира сего; если бы от мира сего было царство мое, то служители мои подвизались бы за меня...“⁵⁸ И какое слово было его первым словом, какой призыв повторял он чаще в своей проповеди, чем этот: „Покайтесь, ибо приблизилось царство небесное“⁵⁹. Приблизилось царство бога для того, кому уготовано царство небесное. Разве этими словами он не говорил, что мирское царство не для него? Он не только не искал мирского царства, он даже не хотел принять его, когда оно было ему предложено. Однажды, когда он узнал, что народ решил схватить его и сделать царем, он бежал в уединение, в горы. И он не только дал нам, своим наместникам, этим поступком пример для подражания, но он и прямо учил: „Князья народов господствуют над ними и вельможи властвуют ими; но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом; так как сын человеческий не для того пришел, чтобы ему служили, но чтобы послужить и отдать душу свою для искупления многих“⁶⁰.

Некогда бог поставил над Израилем, знай об этом, цезарь, судей, а не царей, и он гневался на народ, требовавший себе царя. Потом из-за черствости их сердец он дал им царя, но допустив это отклонение, он отменил его в новом законе. А я приму царство, хотя и судьей-то мне едва ли дозволено быть?

„Разве не знаете,— говорит Павел,— что святые будут судить мир? Если же вами будет судим мир, то неужели вы недостойны судить маловажные дела? Разве

не знате, что мы будем судить ангелов, не тем ли более дела житейские? А вы, когда имеете житейские тяжбы, поставляете своими судьями ничего не значущих в церкви“⁶¹. И судьи только разбирали тяжбы и споры, а не взимали податей. А я буду взимать подати? Но я ведь знаю, что господь спросил Петра: „Цари земные с кого берут пошлины или подати? С сынов ли своих, или с посторонних?“ И после того, как Петр ответил: „С посторонних“,—господь сказал: „Итак, сыны свободны“⁶². А если все люди — мои дети, цезарь (а так оно в действительности и есть), то все они свободны и никто не будет ничего платить? Итак, нет мне нужды в твоём даре, он не принесет мне ничего, кроме тягостных трудов, которые я и не должен и не могу взять на себя.

Что уж сказать о том, что я должен был бы осуществлять свое право на пролитие крови, я должен был бы наказывать виновных, вести войны, подвергать разграблению города, опустошать страны огнем и мечом! А как иначе мог бы я защитить то, что ты мне передаешь? И если я буду делать все это, смогу ли я быть священником, понтификом, наместником Христа? И я услышу, как он, изливая свой гнев на меня, изречет громовым голосом: „Дом мой домом молитвы наречется для всех народов, а вы сделали его вертепом разбойников“⁶³. „Я пришел,—говорит господь,—не судить мир, но спасти мир“⁶⁴. А я, будучи его преемником, послужу причиной смертей, я, которому в лице Петра было сказано: „Возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут“⁶⁵. Нам не позволено защищать мечом даже самих себя, ведь Петр хотел защитить господя, когда отсек ухо у раба. А ты приказываешь нам взять меч для того, чтобы добывать богатства или охранять их.

Наша власть — это власть ключей. Ведь господь сказал: „И дам тебе ключи царства небесного: и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах“⁶⁶, „...и врата ада не одолеют ее [церковь]“⁶⁷. Ничто не может быть прибавлено к этой власти, к этому сану, к этому царству. Кто недоволен этим, тот требует себе чего-то другого от дьявола, который даже господу дерзнул сказать: „Все это дам тебе, если, падши поклонись мне“⁶⁸. Поэтому, цезарь, да будет это сказано с твоего позволения, не становись для меня дьяволом, не при-

казывай Христу, то есть мне, принять от тебя царства мира. Ибо я предпочитаю отвергнуть их, чем владеть ими.

Скажу несколько слов о неверующих, которые, как я надеюсь, в будущем станут верующими. Не превращай меня для них из ангела света в ангела тьмы. Я стремлюсь к тому, чтобы склонить их сердца к благочестию, а не к тому, чтобы возложить ярмо на их шею. Я хочу подчинить их себе мечом слова божьего, а не железным мечом, чтобы они не стали хуже, чем они есть, чтобы они не лягались и не бодались, чтобы они не поносили имя божье, озлобленные моей ошибкой. Я хочу сделать их дорогими сыновьями, а не рабами, усыновить их, а не купить. Я хочу вновь произвести их на свет, а не закабалить их, принести их души в жертву богу, а не тела их в жертву дьяволу. „Научитесь от меня,— говорит господь,— ибо я кроток и смирен сердцем“, возьмите иго мое на себя „и найдите покой душам вашим; ибо иго мое благо, и бремя мое легко“⁶⁹.

Напоследок, чтобы уж закончить свою речь, я приведу тебе одно изречение. В нем говорится как раз о нашем деле, как будто оно было сказано для меня и для тебя: „Итак, отдайте кесарево кесарю, а божие богу“⁷⁰. А это значит, что ты, цезарь, не должен оставлять свое, а я не должен брать кесарево; и я никогда не возьму твоего, даже если ты будешь предлагать мне тысячу раз».

Что мог бы ответить Константин на эту речь Сильвестра, достойную мужа апостольского? А раз это так, то о людях, настаивающих на подлинности «Константинова дара», следует сказать, что они клеветуют на Константина, утверждая, будто он хотел отнять имущество у своих близких и уничтожить Римскую империю; что они клеветуют на сенат и народ римский, на Италию, на весь Запад, утверждая, что народы Запада допустили эту незаконную и нечестивую перемену власти; что они клеветуют на Сильвестра, утверждая, что он принял дар, недостойный святого мужа; что они клеветуют на верховное первосвященство, утверждая, что первосвященникам можно владеть земными царствами и управлять Римской империей. Все это, однако, сводится к тому, чтобы стало ясным: Константин перед лицом стольких препятствий никогда не решился бы даровать Сильве-

стру большую часть римского государства, как утверждают эти люди.

Продолжим наши рассуждения. Мы поверили бы в то, что передача владений, о которых упоминает ваша дарственная грамота, действительно осуществилась только в том случае, если бы было известно, что Сильвестр принял этот дар. Но об этом ничего не известно. Вполне вероятно, говорите вы, что Сильвестр признал этот дар. С тем же правом я мог бы сказать: вполне вероятно, что Сильвестр не только признал этот дар, но даже домогался его, выпрашивал его, выманил его ценою униженных молений. Почему вы называете вероятным то, что противоречит здравому смыслу? Только на том основании, что в дарственной грамоте говорится о даре, еще нельзя делать вывод, что дар был принят. Наоборот, поскольку в ней не упоминается о принятии дара, то отсюда следует, что передача владений не была осуществлена. То обстоятельство, что Константин хотел принести дар, не служит еще веским доводом в вашу пользу. Гораздо существеннее то, что Сильвестр отверг этот дар, ведь нельзя же оказать благодеяние вопреки воле того, которому оно оказывается. А мы должны предположить, что Сильвестр не только отверг этот дар, но своим молчанием он показал, что Константин не имеет права предлагать этот дар, а он сам не имеет права принять его.

Но чего не совершит слепая и всегда безрассудная человеческая жадность! Допустим даже, что вы можете представить нам истинные, неподдельные документы, удостоверяющие согласие Сильвестра. Значит ли это, что упоминаемые в них владения были действительно принесены в дар? Где доказательства того, что Сильвестр вступил во владение? Где доказательства того, что Константин передал эти дары Сильвестру?⁷¹ Если Константин вручил Сильвестру только грамоту, то это значит, что он хотел не услужить ему, а поиздеваться над ним. Вполне вероятно, говорите вы, что тот, который вручает дарственную грамоту, передает и владение. Подумайте над тем, что вы говорите. Поскольку известно, что владения не были переданы, то возникает сомнение и в том, было ли передано право на эти владения. Вполне вероятно, что тот, который не передал владений, не хотел передать и свое право на них.

Неужели не ясно, что владения никогда не были переданы? Отрицать это было бы делом безрассуднейшим. Разве Константин ввел Сильвестра на Капитолий как триумфатора перед рукоплещущей толпой квири-тов⁷² (а они были язычниками)? Разве Константин усадил Сильвестра на золотое кресло в присутствии всего сената? Разве он приказал должностным лицам (каждому в соответствии с его званием) приветствовать нового царя и поклониться ему? А ведь все это обыкновенно совершается при воцарении нового государя, дело здесь не ограничивается передачей какого-нибудь дворца, пусть даже Латеранского. Разве Константин совершил позднее вместе с Сильвестром поездку по всей Италии? Посетил он с ним Галлии? Посетил испанцев, посетил германцев и другие народы Запада? Если же для них обоих было слишком обременительно посетить так много земель, то кому поручили они столь ответственное дело? Кто передавал владения от имени цезаря и кто принимал их от имени Сильвестра? Такое поручение можно было возложить только на выдающихся и высокоуважаемых людей, и тем не менее мы не знаем, кто эти люди. Сколь весомы эти два слова «передать» и «принять»! На моей памяти (примеры из древности я опускаю) всегда, когда какой-либо человек становился господином города, области или провинции, передача владений происходила именно так. Владение считается отданным другому лицу лишь в том случае, если прежние должностные лица удаляются, а новые назначаются на их место. Если даже Сильвестр и не настаивал бы тогда на этом, тем не менее для Константина было бы делом чести снять с постов назначенных им начальников и велеть Сильвестру заместить их другими лицами. Тогда бы он показал, что не на словах, а на деле передает владения. Нельзя же считать, что владение передано, если оно остается в руках тех же людей, которые управляли им раньше, и если новый господин не осмеливается их отстранить.

Не будем, однако, придавать значение этому обстоятельству и допустим, что Сильвестр действительно вступил во владение и что все это совершилось тогда таким необычным и противоестественным образом. Хотелось бы все же знать, каких людей поставил Сильвестр во главе провинций и городов, когда Константин удалился?

Какие Сильвестр вел войны? Какие воинственные народы он покорил? С чьей помощью он это осуществил? Мы не знаем ничего об этом, отвечаете вы. По-видимому, все это происходило в ночное время, и потому никто ничего не заметил.

Итак, Сильвестр обладал властью над всеми этими странами? Кто же лишил Сильвестра его владений? Ибо они не принадлежали ему постоянно, как не принадлежали они никому из его преемников, по крайней мере, вплоть до Григория Великого⁷³ (впрочем, и он не имел их в своей власти). Человек, который не владеет каким-либо имуществом и который к тому же не может доказать, что оно было у него отнято, никогда, конечно, и не владел этим имуществом. Если же он утверждает, что владел им, то он просто безумец. Видишь, я доказываю даже, что ты безумец. Если это не так, то скажи, кто лишил папу его владений? Сам ли Константин, или его сыновья, или Юлиан⁷⁴, или какой-либо другой цезарь? Назови имя того человека, который изгнал папу из его владений, укажи время, скажи, откуда он был изгнан в первый раз, во второй и в следующие разы. Сопровождалось ли это мятежами и убийствами или нет? Все ли народы в равной мере принимали участие в заговоре против папы, или один какой-либо народ выступил первым? Неужели никто не пришел папе на помощь, неужели изменили даже те люди, которых Сильвестр или другой папа поставил во главе городов и провинций? Потерял ли папа все сразу в один день, или терял постепенно и по частям? Оказал ли сопротивление сам папа, оказали ли сопротивление его ставленники, или они отреклись от власти при первых же беспорядках? Хотелось бы также знать, как поступили победители с этими подонками человечества, с этими людьми, которых считали недостойными господствовать над империей? Не подвергли ли победители казни этих людей, дабы отомстить за прежнюю обиду, дабы закрепить за собой завоеванную власть, дабы выразить свое презрение к нашей вере, дабы дать пример для потомства? Неужели никто из побежденных не пытался бежать, неужели никто не скрывался, неужели никто не боялся? Удивительный случай! Римскую империю, созданную столькими трудами, столькими кровопролитиями, христианские священники и приобрели и потеряли так мирно, так спокойно, что не

было никаких кровопролитий, никаких войн, никаких раздоров. И, что особенно удивительно, совершенно неизвестно, кто все это осуществлял, в какое время, каким образом, как долго. Можно подумать, что Сильвестр царствовал в лесах среди деревьев, а не в Риме среди людей, что его изгнали зимние дожди и холода, а не люди.

Какой человек, если он хоть немного начитан, не знает, сколько царей было в Риме, сколько консулов, диктаторов, народных трибунов, цензоров и эдилов? ⁷⁵ От нас не ускользнул ни один из такого множества людей, живших в столь глубокой древности. Мы знаем также, сколько полководцев было у афинян, фиванцев и лакедемонян. Нам известны все битвы, которые они вели на суше и на море. Мы хорошо знакомы с тем, какие цари были у персов, мидян, халдеев, евреев и многих других народов; мы знаем, как каждый из них получил свое царство; нам известно, удержал ли он царство в своих руках, или потерял его, и, потеряв, вернул ли его себе обратно. А вот о том, как Римская, или, вернее, Сильвестрова, империя возникла, как она пала, когда все это произошло и кто участвовал в этих событиях — об этом неизвестно даже в самом Риме. Я спрашиваю вас, можете ли вы указать на каких-либо авторов, как на свидетелей этих событий. Вы отвечаете — нет, не можем. И вам не стыдно после этого утверждать, что Сильвестр чем-то владел, пусть даже скотами, а не людьми.

Вы не в состоянии ничего сказать в свою пользу, я же, со своей стороны, докажу, что Константин владел Римской империей вплоть до последнего дня своей жизни и что затем ею владели один за другим все остальные цезари. И я докажу это с такой очевидностью, что вы не сможете ни рта раскрыть, чтобы привести какое-нибудь возражение. Ах, как сложно это доказать, сколько трудов придется мне затратить! Раскроем все латинские и греческие исторические сочинения, привлечем и остальных авторов, писавших об этих временах — нигде мы не увидим никаких расхождений по этому вопросу. Достаточно будет привести одно свидетельство из тысячи подобных. Евтропий ⁷⁶, видевший Константина и трех сыновей Константина, оставленных своим отцом владыками мира, писал о Юлиане, сыне брата Константина, так:

«Этот Юлиан, который был субдьяконом в Римской церкви, став императором, отступил от веры и вернулся к почитанию богов. Завладев верховной властью, он после тщательных приготовлений начал войну против парфян; в этом походе и я принимал участие»⁷⁷. Евтропий не умолчал бы о том, что западная империя была принесена в дар. И если бы это произошло, он не мог бы несколько дальше писать о Иовиане⁷⁸, преемнике Юлиана, так, как он писал: «Иовиан заключил с Сапором⁷⁹ необходимый, но позорный мир, в результате которого границы были изменены и врагу была отдана некоторая часть Римской империи. Этого не случалось еще никогда раньше со времен основания Римской империи. Даже тогда, когда Понтий Телезин⁸⁰ вынудил наши легионы пройти под ярмом в Кавдинском ущелье, когда римские войска прошли под ярмом в Испании близ Нуманции и в Нумидии⁸¹, — даже тогда границы римского государства не были урезаны!»⁸²

Здесь я хочу обратиться к вам, римские папы, и к тем из вас, которые, пусть совсем недавно, но уже умерли, и к тебе, Евгений⁸³, оставшийся в живых только благодаря милосердию Феликса⁸⁴. На каком основании вы столь громогласно заявляете о Константиновом даре, на каком основании вы столь часто грозите мстью королям и государствам за то, что они будто бы отняли у вас империю, на каком основании вы требуете выражения покорности от цезаря при его короновании и от некоторых других государей, как, например, от короля Неаполя и Сицилии?⁸⁵ Ведь этого не требовал ни один из древних римских пап. Этого не требовал ни Дамаз у Феодосия⁸⁶, ни Сириций у Аркадия⁸⁷, ни Анастасий у Гонория⁸⁸, ни Иоанн у Юстиниана⁸⁹, этого не требовали и другие святейшие папы у других превосходнейших цезарей. Папы всегда признавали, что Рим и Италия со всеми теми провинциями, о которых я говорил, принадлежат цезарям. Кроме того (я не буду ничего говорить о памятниках и храмах города Рима), имеются золотые монеты Константина, уже ставшего христианином, и почти всех более поздних императоров с надписями не на греческом, а на латинском языке; много таких монет хранится и у меня. На этих монетах под изображением креста чаще всего начертаны слова: «Concordia orbis» («Мировое согласие»). В каком множестве были бы

найлены монеты верховных первосвященников, если бы вы когда-либо правили Римом. Но мы не находим таких монет, ни золотых, ни серебряных; нет также никаких упоминаний о том, что кто-то видел подобные монеты. Между тем, в то время каждый правитель Рима должен был выпускать свою собственную монету; лапские монеты могли бы, по крайней мере, иметь на себе изображение Спасителя или Петра.

Увы, сколь безмерно человеческое невежество! Вы не хотите понять, что если Константинов дар не выдумка, то цезарю (я имею в виду латинского цезаря) не остается ничего. Какой же это император, какой же царь римский? Ведь если его царством владеет другой, а сам он не имеет другого царства, то это означает, что он вообще ничего не имеет. И если так ясно, что Сильвестр не владел империей и, следовательно, Константин ему не передавал ее, то разве можно сомневаться в том, что Константин, как я уже говорил, не передавал и прав на владение? Или вы попытаетесь утверждать, что Константин передал права на владения, хотя по какой-то причине он и не передал самой империи? В этом случае он явно отдавал такое, что (как он и сам понимал) не имело никакой будущности; он отдавал то, что не мог отдавать; он отдавал нечто такое, что могло перейти к новому владельцу не иначе, как превратившись в ничто; он приносил такой дар, который приобрел бы какой-то смысл не раньше, чем через 500 лет, а то и вовсе никогда не приобрел бы его. Только безумец может сказать такую нелепость или поверить в нее.

Но не буду многоречивым. Пришло время нанести смертельную рану делу наших противников, и без того уже поколебленному и подорванному, и сокрушить его одним ударом. Почти во всех исторических сочинениях, заслуживающих этого названия, говорится о том, что Константин принял христианство вместе со своим отцом Констанцием, еще будучи мальчиком, задолго до понтификата Сильвестра. Об этом сообщает нам Евсевий, автор «Церковной истории»⁹⁰, сочинения которого перевел на латинский язык, присоединив к ним две книги о своем времени, Руфин⁹¹, который также был не из последних ученых, а оба они были почти современниками Константина. Прибавь к этому свидетельство самого римского понтифика, который был не только участником

этих событий, но играл в них ведущую роль, который был не только свидетелем, но главным действующим лицом, который повествует не о чужом деле, а о своем собственном. Я имею в виду папу Мельхиада⁹² — непосредственного предшественника Сильвестра; он говорит следующее: «Церковь достигла того, что не только народы, но сами римские государи, владевшие всем миром, обратились к вере Христовой и к таинствам веры. Из них муж благочестивейший Константин был первым, который открыто перешел в истинную веру и дал разрешение своим подданным во всем мире не только становиться христианами, но также строить церкви; и для этой цели он постановил предоставить земельные участки. Наконец, этот же государь, о котором мы говорим, принес бесчисленные дары и начал сооружение храма, явившегося первой обителью блаженного Петра. Он даже покинул свой императорский дворец и предоставил его блаженному Петру и его преемникам». Итак, Мельхиад не говорит ни о каких других дарах Константина, кроме как о Латеранском дворце и земельных владениях, о которых Григорий очень часто упоминает в своем «Списке»⁹³. Кто же после этого может запретить нам поставить под сомнение подлинность Константинова дара, если дар был принесен еще до Сильвестра и состоял только в частных владениях?

Хотя все это ясно и очевидно, тем не менее следует обсудить вопрос о самой дарственной грамоте, на которую эти глупцы обычно ссылаются.

Прежде всего скажу следующее: не только тот человек, который хотел казаться Грацианом и который прибавил кое-что от себя к труду Грациана⁹⁴, заслуживает обвинения, а именно обвинения в нечестности, следует также предъявить обвинение и тем людям, которые полагают, что дарственная грамота имеется у Грациана — их вина заключается в невежестве; ученые этого никогда не считали, и в самых старых списках декретов дарственной грамоты найти нельзя. Если бы даже Грациан в каком-либо месте и упоминал об этом деле, то отнюдь не там, где помещают дарственную грамоту эти люди, прерывающие самую нить повествования; скорее всего, он упомянул бы о грамоте там, где говорит о договоре Людовика⁹⁵. Кроме того, в декретах имеется две тысячи мест, которые не позволяют нам отнестись с доверием к этому

месту; одно из них, содержащее слова Мельхиада, я привел выше. Некоторые говорят, что тот, который прибавил эту главу, назывался Палея, то ли потому, что так его действительно звали, то ли потому, что его добавление в сравнении с частями, принадлежащими самому Грациану, все равно, что мякина (palea) в сравнении с зерном⁹⁶. Как бы то ни было, совершенно немыслимо поверить, что собиратель декретов не знал того, что было прибавлено этим человеком, или же высоко это ценил и считал подлинным. Хорошо! Довольно! Мы победили! Во-первых, потому что Грациан вовсе не говорит того, что лживо приписывают ему эти люди, и даже больше, из бесчисленного множества мест можно понять, что он отрицает и отвергает это. Во-вторых, потому, что они ссылаются всего лишь на одного человека, безвестного и совершенно неавторитетного, да к тому же настолько глупого, что он присоединил к Грациану такое добавление, которое никак нельзя согласовать с остальными высказываниями этого писателя. Так вот на какого автора вы ссылаетесь! Значит, вы опираетесь на свидетельство лишь одного этого человека? Его жалкое писание вы противопоставляете тысяче доказательств, пытаетесь утвердить свою правоту в таком деле! А я ожидал, что вы представите золотые печати, надписи на мраморе, тысячу авторов.

Но сам Палея (говорите вы) ссылается на автора, указывает источник этой истории и призывает в свидетели папу Геласия⁹⁷ со многими епископами. Палея говорит: «В деяниях Сильвестра (относительно которых блаженный Геласий сообщает в „Собрании семидесяти епископов“, что они читаются правоверными и что в соответствии со старинным обычаем этому подражают многие церкви) можно прочесть: Константин... и т. д.»⁹⁸

Значительно раньше, где идет речь о книгах, которые следует читать, и о книгах, которые не следует читать, он также сказал: «Деяния блаженного Сильвестра — первосвященника, хотя нам и неизвестно имя того, кто их написал, читаются (как мы узнали) многими правоверными в Риме и в соответствии со старинным обычаем этому подражают церкви»⁹⁹. Чудесное подтверждение, чудесное свидетельство, неопровержимое доказательство! Согласен с вами, что Геласий, говоря о «Собрании семидесяти епископов», сказал это. Но разве он сказал, что

дарственную грамоту можно найти в «Деяниях блаженнейшего Сильвестра»? Он сказал только, что «Деяния Сильвестра» читаются, притом, в Риме, и что примеру Римской церкви следуют многие другие церкви — и я этого не отрицаю; я допускаю, я соглашаюсь, я даже готов засвидетельствовать это вместе с Геласием. Но какая вам польза от этого? Или вы стремитесь к тому, чтобы стало очевидным, что с помощью свидетелей вы хотели солгать? Неизвестно имя того, который включил это в Декреты, и только он один говорит это. Неизвестно имя человека, написавшего «Деяния Сильвестра», и только он один, и притом ошибочно, приводится в качестве свидетеля. И вы, порядочные и разумные люди, считаете это вполне достаточным и убедительным доказательством в столь важном деле? Посмотрите только, сколь велико различие между моим и вашим способом рассуждения. Если бы даже дарственная грамота содержалась в «Деяниях Сильвестра», я бы не счел ее подлинной, поскольку история эта — вовсе не история, а вымысел, да к тому же бесстыднейший, как я покажу позднее; ведь никакой другой сколько-нибудь достойный доверия автор не упоминает об этой дарственной грамоте. Даже Яков Ворагинский¹⁰⁰, который, как архиепископ, был весьма благосклонен к церковникам, в «Деяниях святых» обходит молчанием дар Константина, находя, что эта выдумка недостойна того, чтобы ее помещали среди «Деяний Сильвестра»; тем самым он как бы подал свой голос против тех, которые вздумали бы вверять эту выдумку бумаге.

Но я хочу взяться за самого обманщика, эту уж воистину мякину (а огнюдь не пшеницу), и, схватив его за шиворот, приволочу на суд. Ну, что скажешь, мошенник? Отчего это мы не находим дарственную грамоту в «Деяниях Сильвестра»? Это, видно, редкая книга, ее трудно найти, она не имеется повсюду, она тщательно охраняется подобно тому, как некогда охранялись фасты понтификами¹⁰¹ или Сибиллины книги — децимвирами!¹⁰² Она написана на греческом языке, или на сирийском, или на халдейском! Но Геласий свидетельствует, что ее читают многие правоверные; об этой книге упоминает Ворагинский; да и мы сами видели тысячи списков этой книги, написанных еще в старину; она читается вслух почти в каждой кафедральной церкви, когда приходит Силь-

вестров день ¹⁰³. И, тем не менее, никто еще не говорил, что читал там ту выдумку, которую ты присочинил, никто не слышал о ней, никто и во сне не видел. Быть может, имеется какая-то другая история Сильвестра? Какая же это история? Я не знаю никакой другой, и, насколько я понимаю, ты не имеешь в виду никакой другой истории, кроме той, о которой Геласий сообщает нам, что она читается во многих церквах. Но в ней мы не находим твоей дарственной грамоты. А если этого нельзя найти в «Жизнеописании Сильвестра», то на каком же основании ты заявил, что это можно там прочитать? Как ты осмелился шутить в столь важном деле и воспользоваться жадностью легковых людей.

Как глуп я, однако, что больше осуждаю наглость обманщика, чем безумие тех, которые поверили ему. Если бы вам кто-нибудь сказал, что это записано где-то у греков, у евреев, у варваров, разве раньше, чем поверить этому, вы не потребовали бы, чтобы вам назвали автора, указали книгу, чтобы надежный переводчик истолковал вам указанный отрывок? Сейчас идет речь о вашем языке, об известнейшей книге, и вы или вовсе не подвергаете сомнению столь невероятный факт, или же оказываетесь столь легковыми, что считаете его записанным и истинным несмотря на то, что нигде не находите о нем упоминания. И, довольствуясь этой записью, вы приводите в движение моря и земли, и как будто правота ваша не вызывает сомнений, вы преследуете тех, кто не верит вам, ужасом войн и другими угрозами. Благой Иисус, какова сила, какова божественность истины, которая сама без больших усилий защищает себя от всех хитростей и обманов! Ведь не случайно же, когда у царя Дария зашел спор о том, что является самым сильным, и одни называли одно, другие — другое, пальма первенства была отдана истине! ¹⁰⁴

Так как я обращаюсь к священникам, а не к мирянам, то мне следует приводить не мирские, а церковные примеры. Иуда Маккавей ¹⁰⁵, отправив послов в Рим и добившись от сената заключения договора и дружеского союза, позаботился о том, чтобы слова договора были начертаны на меди и принесены в Иерусалим. Я уже не говорю о каменных скрижалях десяти заповедей, которые бог даровал Моисею ¹⁰⁶. А этот столь щедрый и столь неслыханный дар Константина не может быть подтвержден

никакими документами, ни на золоте, ни на серебре, ни на меди, ни на мраморе; даже книгами он не подтверждается, а только, если верить этому человеку, бумагой или пергаментом. Иувал, изобретатель музыки (как сказано у Иосифа) ¹⁰⁷, знавший старинное предание о том, что род людской будет истреблен (один раз — водой, другой раз — огнем), начертал свое учение на двух колоннах (кирпичной — против огня, и каменной — против воды). Иосиф пишет, что обе колонны сохранились до его времени. Иувал сделал это с той целью, чтобы память о благодеянии, которое он оказал людям, сохранилась навсегда. У римлян, когда они были еще грубыми крестьянами, когда письменность их была еще слаборазвитой и редкой, законы двенадцати таблиц были все же записаны на медных плитах, и впоследствии, несмотря на то, что город был взят и сожжен галлами, эти плиты были найдены невредимыми ¹⁰⁸. Так заботливая предусмотрительность побеждает две вещи, самые опасные в делах человеческих — течение времени и жестокость судьбы.

А Константин приносит в дар целый мир и отмечает это только чернилами на бумаге. Как можно в это поверить? Ведь сам создатель этой побасенки, кто бы он ни был, влагает в уста Константина слова, из которых следует, будто Константин опасался появления людей, способных в своей нечестивой алчности посягнуть на этот дар. Ты боишься этого, Константин, и ты не заботишься о том, чтобы те люди, которые отнимут Рим у Сильвестра, не похитили также и дарственной грамоты?

Почему же сам Сильвестр ничего не делает для себя? Неужели он так беззаботен и небрежен в столь важном деле? Он нисколько не заботится ни о себе, ни о своей церкви, ни о потомках? Так вот кому ты передаешь управление над Римской империей! Посмотри-ка, ведь он погружен в дремоту и совершенно равнодушен к столь великому делу, которое таит в себе либо огромную выгоду, либо грозную опасность! А если эта бумажка будет утеряна, то спустя некоторое время он уже не сумеет доказать, что «привилегия» была ему дарована.

«Страницей привилегии» именуется это безумный человек. Так ты называешь привилегией (я буду нападать на него так, как будто он стоит передо мною) принесение в дар всего мира; и ты заявляешь, что все это написано

на странице; ты утверждаешь, что Константин прибег к такому обороту речи? Если заглавие столь нелепо, то что уже скажем мы обо всем остальном?

«Император Константин на четвертый день после своего крещения даровал привилегию первосвященнику Римской церкви, состоящую в том, чтобы во всем римском мире священники признавали его своим главою так же, как судьи признают своим главою царя». Это имеется в самой «Истории Сильвестра»¹⁰⁹; и это не оставляет никаких сомнений на тот счет, откуда документ получил название «привилегии». Но по обычаю всех тех, которые измышляют ложь, он начинает с истинного, чтобы вызвать доверие к своим последующим утверждениям, которые представляют собой чистейший вымысел, так Синон говорит у Вергилия:

Всю тебе правду, о царь, о былом я намерен поведать:
Родина мне Арголида—это скрывать я не буду¹¹⁰.

Так он начал, а затем прибавил ложь. Точно так же поступает здесь наш Синон; начав с правды, он затем говорит:

«В этой дарственной грамоте среди прочего можно прочесть: „Мы вместе со всеми нашими сатрапами и со всем сенатом, а также с оптиматами¹¹¹ и со всем народом, подчиненным власти Римской церкви, решили следующее. Поскольку блаженный Петр поставлен наместником бога на земле, то пусть понтифики вместо самого главы апостолов получают от нас и от нашей империи уступленной верховную власть еще большую, чем та, которую имеет милость нашей земной императорской светлости“».

О негодай, о злодей! Та же самая история, на которую ты ссылаешься, сообщает нам, что в течение долгого времени ни один человек из senatorского сословия не хотел принять христианство и что Константин за плату склонял бедняков к крещению¹¹². А ты говоришь, что сразу же, в первые дни, сенат, оптиматы, сатрапы, как будто они были христианами, вместе с цезарем вынесли постановление об оказании почестей Римской церкви! Что уж сказать насчет того, что ты вмешал в это дело сатрапов? Вот олух, вот пень! Разве так говорят цезари? Разве так обычно составляются римские постановления?

Кто слышал, чтобы когда-нибудь сатрапы упоминались в собраниях римлян? Насколько я помню, я никогда не сталкивался при чтении книг с тем, чтобы какой-нибудь римлянин или даже какой-либо житель римских провинций был назван сатрапом. А этот человек говорит об императорских сатрапах и ставит их выше сената, тогда как все почести, даже те, которые оказываются государю, утверждаются только сенатом или же сенатом и народом римским. Поэтому-то мы и видим на старинных каменных плитах, на медных таблицах и на монетах две буквы: S. C., то есть «Senatus consulto» (по постановлению сената), или четыре буквы: S. P. Q. R., то есть «Senatus populusque Romanus» (Сенат и народ римский). Когда Понтий Пилат (как сообщает нам Тертуллиан) написал о чудесных деяниях Христа Тиберию Цезарю, а не сенату, сенат вознегодовал по этому поводу, поскольку местные начальники о значительных событиях обычно писали сенату¹¹³. Считая оскорбленным свое достоинство и молчаливо негодуя, сенаторы воспротивились Тиберию, предложившему почитать Иисуса, как бога. И сила и значение сената были таковы, что Иисус не получил божеских почестей.

Что уж сказать о том, что ты упоминаешь об оптиматах? Под «оптиматами» мы понимаем либо знатнейших людей в государстве (но почему тогда говорится только об оптиматах, а об остальных сановниках нет никаких упоминаний?), либо тех людей, которые не являются популярями, домогающимися благосклонности народа, а выступают в качестве приверженцев и защитников «лучших» людей, «добропорядочных» слоев, как Цицерон объясняет нам в одной из своих речей¹¹⁴. Поэтому-то мы говорим, что Цезарь до падения республики был популяром¹¹⁵, а Катон был из оптиматов. Различие между ними раскрыл нам Саллюстий¹¹⁶. Нет, однако, никаких сведений о том, чтобы эти оптиматы привлекались к совещанию [с императором] в большей мере, чем популяря или другие порядочные люди.

Но разве можно удивляться тому, что оптиматы привлекаются к этому совещанию, где весь народ (если верить этому человеку) выносил решение вместе с сенатом и цезарем, притом народ «подчиненный Римской церкви»? Что это за народ? Неужели римский? Почему же тогда не сказать лучше «римский народ» вместо того,

чтобы говорить «подчиненный народ»? Что это за небывалое оскорбление квиритов, о которых прекраснейший поэт сказал когда-то:

Римлянин, помни, что властно народами править ты призван ¹¹⁷.

И народ, который правит другими народами, ты называешь народом подчиненным — что за неслыханное дело! Римский государь (как пишет во многих письмах Григорий) ¹¹⁸ тем отличается от всех прочих государей, что только он один является государем свободного народа. Впрочем, пусть будет по-твоему. Но разве другие народы не подчиняются? Или ты имеешь в виду также и другие народы? Но как могло случиться, чтобы в течение трех дней все народы, подчиненные власти Римской церкви, выразили свое согласие с этим постановлением? Неужели, однако, в решении вопроса принимали участие всякие подонки? Неужели Константин назвал бы народ подчиненным еще до того, как подчинил его римскому папе? Как же это объяснить: о тех людях, которых называют подчиненными, говорится, что они играли главную роль при вынесении постановления? Как же это объяснить: об этих людях говорится, будто они решили стать подчиненными и постановили, чтобы тот, кому они подчиняются, имел их своими подданными? Каким другим делом занят ты, несчастный, кроме одного: ты всячески стремишься показать, что у тебя есть желание соврать, но нет способностей к этому?

«Мы выбирали себе самого главу апостолов или его заместителей, чтобы были они надежными защитниками перед богом. И подобно тому, как возвеличена наша земная императорская власть, мы решили почтительно возвеличить его святую Римскую церковь и выше, чем нашу империю и земной трон, славно вознести святейший престол блаженного Петра, даруя ему силу и славу и достоинство, а также блеск и почет императорский».

Вернись к жизни хоть ненадолго, Фирмиан Лактанций, и останови этого осла, издающего такой дикий и оглушительный рев ¹¹⁹. Он так наслаждается шумом напыщенных слов, что дважды повторяет одно и то же и вновь влетает то, что прежде уже сказал. Разве так говорили в твой век писцы цезарей или хотя бы их коню-

хи? Константин выбрал себе их не защитниками, а «чтобы были защитниками». Он вставил это «чтобы были», полагая, что таким образом фраза станет более ритмичной. Основательная причина! Говорить по-варварски, чтобы речь была более изящной, если только может быть какое-нибудь изящество в такой мерзости! «Выбирая главу апостолов или его наместников», — значит, ты не выбираешь Петра вместе с его наместниками, ты выбираешь либо одного Петра без наместников, либо наместников без Петра. Римских пап он называет наместниками Петра, как будто Петр жив или как будто остальные папы по своему сану ниже Петра. А разве это не варварское выражение: «от нас и от нашей империи»? Как будто империя может иметь намерение и возможность что-либо уступать? Он не был удовлетворен тем, что сказал «пусть получают» — он добавил еще «уступленной», тогда как было достаточно употребить одно из этих выражений. А это — «надежными защитниками» — нечего сказать, весьма изящно! Он хочет, чтобы они были надежными, то есть, чтобы их нельзя было подкупить деньгами или напугать угрозами. А это — «земная императорская власть» — два прилагательных без союза! А это — «почтительно возвеличить» — или это — «милость нашей императорской светлости». Когда речь идет о власти над империей, употреблять выражение «светлость» и «милость» вместо выражений «величие» и «великолепие» — вот это уж действительно напоминает красноречие Лактанция. И во всем — какая напыщенность, какая спесь, как, например, в этой фразе: «славно вознести» с помощью «славы и власти, и достоинства, и блеска, и почета императорского!» Это, по-видимому, заимствовано из апокалипсиса, где говорится: «Достоин агнец закланный принять силу и богатство, и премудрость, и крепость, и честь, и славу, и благословение»¹²⁰. Очень часто (как я покажу дальше) Константину приписывается, что он присваивает себе звания, подобающие только богу, и что он стремится подражать языку священного писания, которого он никогда не читал.

«И решая, мы санкционируем, чтобы ему принадлежало верховенство как над четырьмя престолами: Александрийским, Антиохийским, Иерусалимским, Константинопольским, так и над всеми церквами бога во всем круге земель. Папа, который когда-либо будет стоять во главе

святой Римской церкви, пусть стоит выше всех священников и пусть будет главою всем священникам всего мира, и пусть его решением определяется все то, что относится к почитанию бога и к заботе о вере христиан или их твердости».

Я уже не буду говорить здесь о варварских оборотах речи. Он сказал «главою священникам» вместо того, что бы сказать «главою священников». В одной и той же фразе он употребил «будет стоять» и «пусть стоит». После того, как он сказал «во всем круге земель», он добавляет «всего мира», как будто хочет включить сюда что-то еще, быть может, небо, которое ведь тоже является частью мира; и он говорит так, несмотря на то, что большая часть мира не находилась под властью Рима. Он отделил заботу о «вере христиан» от заботы об «их твердости», как будто это не одно и то же. Он смешал «решать» и «санкционировать». У него получается, что Константин выносит решение только теперь, будто прежде он не совещался с другими, и одновременно санкционирует это решение, словно речь идет о наложении наказания, да к тому же санкционирует его вместе с народом.

Какой христианин мог бы это выдержать? Какой христианин не осудил бы сурово такого папу, который терпит гнусный вымысел, охотно слушает и сам провозглашает, что римский престол, принявший свое старшинство от Христа (как объявил об этом, по свидетельству Грациана и многих греческих авторов, восьмой собор)¹²¹, получен будто бы от Константина, едва ставшего христианином, словно от Христа? И это мог бы сказать скромнейший государь, и это пожелал бы выслушать благочестивейший первосвященник? Да будет столь тяжкий грех им неведом!

Что уж сказать о другой, еще более дикой, нелепости? Разве это совместимо со здравым смыслом — говорить о Константинополе как об одном из патриарших престолов в то время, когда он не был еще ни патриаршим, ни престолом, когда он не был еще христианским городом, когда он не был еще так назван, когда он не был еще основан и не был даже намечен к основанию? Ведь «привилегия» была дарована на третий день после того, как Константин стал христианином, и тогда еще был Византий, а не Константинополь. Да ведь этот глу-

пец и сам говорит о том же; пусть меня назовут лгуном, если это не так. Недалеко от конца «привилегии» он пишет: «Поэтому мы сочли уместным перенести нашу империю и царскую власть к восточным областям и в наилучшем месте Византийской провинции построить город нашего имени и там основать нашу империю».

Если он хотел перенести империю в другое место, значит, он еще не перенес. Если он хотел там основать империю, значит, он еще не основал. Если он хотел построить город, значит, он еще не построил. Итак, Константин не мог бы говорить о патриаршем престоле, об одном из четырех престолов, о христианском городе, о городе, называемом Константинополем, о городе основанном; ведь если верить истории, на которую Палея ссылается, Константин даже не помышлял тогда об основании этого города. А это чудовище, Палея ли он, или кто-то другой, кому Палея следуёт, не замечает того, что вступает в противоречие с этой историей. Ведь в ней говорится, что Константин не по собственному почину, а по велению бога, полученному им во сне, не в Риме, а в Византии, не через несколько дней после крещения, а через несколько лет принял решение основать город и дать ему имя, которое было ему указано в его сновидении. Кому не ясно, что тот, кто сочинил «привилегию», жил во времена гораздо более поздние, чем Константин, что этот человек, желая приукрасить свою выдумку, часто забывал о том, о чем говорил прежде, а именно о том, что все это произошло в Риме на третий день после крещения Константина? Вот уж к кому можно с полным правом отнести эту истершуюся от времени поговорку: «Лжецы должны иметь хорошую память»¹²².

Почему он говорит о провинции Византии, тогда как то был город, называвшийся Византий? Место отнюдь не столь просторное, чтобы на нем был основан такой большой город: ведь старый Византий заключен внутри стен Константинополя! А этот человек говорит, что в его лучшем месте должен был быть основан новый город! Почему это он помещает Фракию, в которой находился Византий, на востоке, тогда как эта страна расположена на севере! Что же Константин, видно, не знал того места, которое он выбрал, чтобы на нем основать город; он не знал, под каким небом оно находится, город это или провинция, какое пространство оно занимает.

«Церквам блаженных апостолов Петра и Павла, дабы светильники их всегда были наполнены, мы передали земли владений и одарили их различными вещами. И нашим императорским священным повелением мы отдали им в нашей щедрости владения как на востоке, так и на западе, а также на севере и на юге, а именно в Иудее, в Греции, в Азии, во Фракии, в Африке, в Италии и на различных островах. Мы передали эти владения с тем условием, чтобы все они находились под управлением блаженнейшего отца нашего Сильвестра, верховного первосвященника, и его преемников».

О негодай! Разве были в Риме церкви, то есть храмы, посвященные Петру и Павлу? Кто их построил? Кто осмелился бы их построить в те времена, когда (как сообщает нам история) для христиан нигде не было приюта, кроме как в тайниках и убежищах? И если бы даже были в Риме какие-нибудь храмы, посвященные этим апостолам, то они не были достойны того, чтобы в них зажигались такие светильники. Это были молельни, а не храмы, небольшие святилища, а не соборы, молитвенные собрания в частных домах, а не церкви, предназначенные для общественного богослужения. Так что незачем было заботиться о светильниках в храмах раньше, чем о самих храмах. Подумай над тем, что ты только говоришь? У тебя Константин называет Петра и Павла блаженными, Сильвестра, еще здравствующего, — блаженнейшим, а свой приказ Константин, который еще недавно был язычником, называет священным. Неужели «непрерывное наполнение светильников» требует таких даров, что для этого надо обобрать весь мир? И что это за земли, в особенности «земли владений»? Мы обычно говорим «земельные владения», а не «земли владений». Ты даешь земли и не объясняешь, какие это земли. Ты подарил различные вещи, но когда это произошло и какие это вещи, ты не говоришь. Ты хочешь, чтобы Сильвестр руководил странами света, но ты не объясняешь, о каком руководстве идет речь. Ты передал все это прежде? Почему же ты говоришь, что сегодня начал оказывать почести Римской церкви и сегодня даришь ей «привилегию»? Ты сегодня передаешь, сегодня одаряешь? Почему же ты говоришь «передали» и «одарили»? Что ты говоришь и о чем ты думаешь, чудовище? (Я обращаюсь так к сочи-

нителю этого вымысла, а не к превосходнейшему государю Константину).

Но с какой это стати я ищу у тебя какого-то благо-разумия, какой-то образованности? Ведь у тебя нет ни способностей, ни знаний. Ты говоришь *luminariogum* вместо *luminarium*, ты говоришь «к восточным областям» вместо того, чтобы сказать «в восточные области». Ну, а дальше? Где у тебя находятся четыре страны света? Что ты считаешь востоком? Не Фракию ли? Но, как я сказал, она расположена на севере. Или Иудею? Но она, скорее, обращена к югу, ибо она граничит с Египтом. Что ты считаешь западом? Уж не Италию ли? Но все это происходило в Италии; и какой же человек, живущий в Италии, будет называть ее западом? Мы говорим, что Испании находятся на западе, а Италия с одной стороны обращена больше к югу, а с другой — больше к северу, чем к западу. Что же ты называешь севером? Не Фракию ли? Но ты сам помещаешь ее на востоке. Или Азию? Но полностью принадлежит Азии только восток, севером же Азия владеет вместе с Европой. Что ты называешь югом? Конечно, Африку. Но почему же ты не указал на какую-нибудь провинцию особо? Разве и эфиопы были подвластны Римской империи? Во всяком случае, если мы делим мир на четыре части и перечисляем области этих частей, то мы не вправе говорить об Азии и Африке; о них можно говорить лишь в том случае, если мы делим мир на три части: Азию, Африку и Европу¹²³. Или ты называешь Азией Азиатскую провинцию, а Африкой ту провинцию, которая расположена недалеко от гетулов, но тогда я не понимаю, почему ты особо выделяешь эти провинции. Разве так говорил бы Константин, описывая четыре страны света? Разве он назвал бы только эти области, умолчав обо всех прочих? Разве он начал бы с Иудеи? Ведь Иудея считается частью Сирии, да и вообще Иудеи уже больше не существовало после того, как Иерусалим был разрушен¹²⁴, а иудеи изгнаны и почти уничтожены. Ведь едва ли кто-нибудь из иудеев оставался тогда на своей родине, которую населяли уже другие народы? Где, наконец, была Иудея? Ведь она уже больше не называлась Иудеей, и само это название, как мы видим сегодня, исчезло с лица земли? Подобно тому, как после изгнания хананеев страна перестала называться Ханааном, а получила название Иудеи от своих новых

обитателей, точно так же после изгнания иудеев и с появлением новых народов на ее территории страна перестала называться Иудеей.

Ты называешь Иудею, Фракию, острова; но ты не считаешь нужным упомянуть об Испаниях, Галлиях, о германцах; ты перечисляешь народы, говорящие на различных языках, — еврейском, греческом, варварском, — но ты не упомянул ни об одной из провинций, в которых говорят на латинском языке. Я понимаю, в чем дело: ты ничего не сказал об этих провинциях с той целью, чтобы позднее включить их в число даров. И неужели недостаточно было столько провинций запада, чтобы доставить средства, необходимые для поддержания света в светильниках, неужели для этого нужна была еще дань со всего остального мира? Я уже умолчу о том, что ты говоришь об этом даре, как о проявлении щедрости: так, значит, причина здесь не в благодарности за излечение от проказы, как утверждают твои приверженцы. Ведь в этом случае следовало бы назвать наглецом того человека, который вознаграждение считает подарком.

«Блаженному Сильвестру, наместнику [Петра], мы отныне передаем наш императорский Латеранский дворец, затем диадему, то есть корону с нашей головы, и вместе с ней тиару (*phrygium*), а также наплечную повязку, то есть ленту (*logum*), которая обычно надевается вокруг шеи императора, мы передаем также хламиду пурпурную, тунику багряную и все императорские одеяния или же символы достоинства начальника императорских всадников. Мы дарственно отдаем ему императорские скипетры и вместе с этим все знаки и знамена, и различные украшения императорские, и всю пышность императорского величия, и всю славу власти нашей.

Мы также постановляем, чтобы почтеннейшие мужи различного звания — клирики, служащие святой Римской церкви, были наделены тем величием особой власти и превосходства, славою которых кажется украшенным сиятельный наш сенат, то есть, чтобы они становились патрициями и консулами. Мы объявили также, чтобы они украшались и прочими императорскими отличиями. И мы решили, чтобы так же, как украшено императорское воинство (*militia*), был украшен и клир святой Римской церкви. И подобно тому, как императорской власти предоставлены различные службы, а именно спальники,

привратники и всяческие хранители ложа (concupitatores), точно так же мы хотим украсить святую Римскую церковь. И дабы первосвященническая слава воссияла как можно ярче, мы решили, чтобы священные клирики святой Римской церкви восседали конниками на конях, украшенных седлами и попонами, то есть украшенных ярчайшей белизной и, подобно нашим сенаторам, пользовались обувью с удоами (cum idonibus), то есть с белым полотном. Пусть же небесное, подобно земному, будет украшено во главу бога».

О святой Иисус! Неужели ты не дашь из вихря ответ этому человеку, плетущему свою невежественную речь? Неужели ты не пошлешь грома? Неужели столь неслыханное богохульство не навлечет на себя твоих мстительных молний? Неужели ты терпишь такой срам в твоём доме? Неужели ты можешь слышать это, видеть это, неужели ты можешь так долго снисходительно проходить мимо этого? Но ты терпелив, и велико твое милосердие. Боюсь, однако, чтобы это твое терпение не превратилось в гнев и осуждение, как это произошло по отношению к тем, о которых ты сказал: «И я оставил их упорству сердца их, пусть ходят по своим помыслам»¹²⁵; и в другом месте — «И как они не заботились иметь бога в разуме, то предал их бог превратному уму — делать непотребства»¹²⁶. Молю тебя, господи, вели мне, чтобы я воззвал к ним, и, быть может, они опомнятся.

О римские первосвященники, пример всех злодеяний для прочих первосвященников! О нечестивые писаки и фарисеи; вы занимаете престол Моисея, а творите дела Дафана и Авирона!¹²⁷ Разве одеяния, пышность, великолепие, конница, наконец, вся жизнь цезаря — разве это подобает наместнику Христа? Что может быть общего у священника и цезаря? Разве Сильвестр надевал на себя эти одеяния? Разве он выступал с такой пышностью? Разве он жил и царствовал, окруженный такой толпой слуг в своём доме? Эти гнуснейшие люди не понимают того, что Сильвестру скорее следовало облечь себя в одеяния Аарона¹²⁸, который был верховным священником бога, чем в одеяния языческого князя.

Но все это мы сурово осудим в другом месте. А сейчас мы поговорим с этим клеветником о его варварской речи; ведь этот нелепый вздор сам собой выдает его как бесстыднейшего лгуна.

«Мы передаем,— говорит он,— наш императорский Латеранский дворец». И так, как будто здесь при перечислении украшений было неуместно говорить о принесении в дар дворца, он вновь повторил это позднее в том месте, где говорится о дарах. «Затем диадему,— и, как будто присутствующие не видят этого, он объясняет,— то есть корону». Здесь он, правда, не добавляет «из золота», но позднее, вновь возвращаясь к этому, он говорит «из чистейшего золота и драгоценных камней». Невежественный человек не знал того, что диадема делается из ткани, иногда из шелка,— откуда это мудрое и широкоизвестное изречение царя: рассказывают, что он, взяв в руки поднесенную ему диадему, долго рассматривал ее, прежде чем надеть на голову, и, наконец, сказал: «О ткань, скорее славная, чем счастливая! Человек, познавший вполне, сколько волнений, опасностей и бед таишь ты в себе, не поднял бы тебя и тогда, когда бы ты лежала на земле»¹²⁹. А этот невежественный человек представляет ее себе не иначе, как сделанной из золота, ибо в настоящее время короли обычно присоединяют к ней золотой обруч с драгоценными камнями. Но Константин не был королем, он не осмелился бы ни назвать себя королем, ни украсить себя знаками королевской власти. Он был императором римлян, а не королем. Где есть король, там нет республики. А в республике было много императоров, и даже одновременно; ибо Цицерон часто пишет так: Марк Цицерон, император, тому или иному императору шлет привет. Правда, позднее императором назывался уже только римский государь как высочайший из них.

«И вместе с ней тиару (*phrygium*), а также наплечную повязку, то есть ленту (*logum*), которая обычно надевается вокруг шеи императора». Кто слышал когда-либо, чтобы в латинском языке употреблялось слово *phrygium*? Говоришь ты, как варвар, а хочешь, чтобы речь эта казалась мне речью Константина или Лактанция. Плавт в «Менехмах» употребляет слово *phrygio* по отношению к вышивальщику¹³⁰, Плиний называет *phrygio* платье с вышивкой¹³¹, потому что изобрели его фригийцы. Но что же такое *phrygium*? Ты не объясняешь того, что непонятно; ты объясняешь то, что и так ясно. Наплечную повязку ты называешь *logum*, но ты не знаешь, что такое *logum*. Ведь не думаешь же ты, что кожаный ремень, ко-

торый называется *logum*, надевается, как украшение, вокруг шеи цезаря. Поскольку *logum* обозначает кожаный ремень, то мы употребляем это слово по отношению к упряжке и к кнуту. А если иногда говорят *loga aurea* (золотые ремни), то имеют в виду позолоченную упряжь, которая надевается на шею коня или другого животного. Это, как мне кажется, тебе не известно, и когда ты говоришь, что *logum* надевается вокруг шеи цезаря или Сильвестра, то из человека, из императора, из верховного первосвященника ты делаешь лошадь или осла.

«А также хламиду пурпурную и тунику багряную». Так как Матфей говорит о багряной хламиде¹³² и Иоанн¹³³ о пурпурном одеянии, то он хотел соединить и то и другое в одном месте. А если это один и тот же цвет, как подразумевают евангелисты, то почему ты не ограничился одним названием, как это сделали они. Или ты считаешь, подобно современным невеждам, что пурпур — это род шелковой ткани белого цвета? *Purpura* — это рыба, кровью которой окрашивается шерсть, а краска дала название ткани, цвет которой можно принять за красный, хотя это более темный и как бы фиолетовый цвет, очень похожий на цвет запекшейся крови. Поэтому у Гомера и у Вергилия пурпурной называется кровь, а также порфирный мрамор, цвет которого очень похож на цвет аметиста; ибо греки называют пурпур порфирой. О том, что слово «багряный» употребляется вместо «красный», тебе, может быть, известно. Но я готов поклясться, что ты понятия не имеешь о том, почему он сказал *соссипепт*, тогда как мы говорим *соссит* и вовсе не представляешь себе, какую одежду называют хламидой. Однако, чтобы не выдать себя с головой, как лгуна, он не стал дальше перечислять различные виды одежды, но объединил все в одном слове, сказав «все императорские одеяния». Что ты говоришь? Неужели и те, которые император обычно носит на войне, и те, которые он носит на охоте, и те, которые на пирах, и те, которые на играх? Что может быть глупее утверждения, будто все одеяния цезаря подобают первосвященнику?

Но как изящно он добавляет «или (*seu*) символы достоинства начальника императорских всадников!» «Или (*seu*), — говорит он. Он хотел отделить одно от другого, как будто это очень сходные вещи, и от императорского костюма он нисходит к всадническому званию, болтая

невесть что. Он хочет возвестить нечто необыкновенное. но боится быть пойманным во лжи, и поэтому, надув щеки и напрягши глотку, издает звук, лишенный всякого смысла.

«И дарственно отдаем ему императорские скипетры». Какой оборот речи! Какой блеск! Какая гармония! Что это за императорские скипетры? У императора мог быть только один скипетр, а не несколько, если он вообще носил скипетр. Неужели и первосвященник будет носить в руке скипетр? Почему мы не дадим ему также и меч, и шлем, и копье?

«И вместе с этим все знаки (signa) и знамена (banpa)». Что ты понимаешь под словом signa? Signa — может означать статуи, поэтому мы часто встречаем signa и tabulae (дощечки, таблицы) в значении скульптур и картин (ибо древние рисовали не на стенах, а на дощечках); signa может означать также «знамена», откуда эта фраза: «Signa, pares aquilas» (Знамена, одинаковые орлы)¹³⁴. Sigilla употребляется только в первом смысле и обозначает маленькие статуи и скульптуры. Неужели Константин дал Сильвестру свои статуи или своих орлов? Разве может быть что-нибудь нелепее этого? Что означает банпа — этого я нигде не могу найти. Да погубит тебя бог, нечестивейший из смертных, ты приписываешь просвещенному веку варварскую речь!

«И различные украшения императорские». Сказав банпа, он, видно, решил, что этим сказано уже достаточно, поэтому все остальное он объединил в одно общее слово. И как часто он влетает слово «императорский», как будто у императора имеются какие-то особые украшения, помимо тех, которые имеются у консула, у диктатора, у цезаря.

«И всю пышность императорского величия и всю славу власти нашей».

Высокопарных речений он бурный поток изливает¹³⁵.

Царь могучий царей, небожителей кровный брат, Дарий¹³⁶,

говорящий всегда только во множественном числе. Что это за императорская пышность (processsio)? Уж не росток ли это огурца, согнувшийся в траве и раздувшийся вширь?¹³⁷ Ты, наверное, думаешь, что цезарь при каждом своем выходе из дома праздновал триумф, как это

делает теперь папа, впереди которого слуги ведут взнузданных и оседланных белых коней? Нет ничего на свете (не буду уже говорить о других нелепостях), что было бы столь суетным, что было бы столь неподходящим для римского первосвященника. И что это за «слава»? Разве латинянин назвал бы «славой» пышность и блеск великолепия? Такое словоупотребление свойственно еврейскому языку. Говорить *militia* (военная служба) ¹³⁸ вместо *milites* (воины) — мы также заимствовали у евреев. А ведь в еврейские книги ни Константин, ни писцы его никогда и не заглядывали.

Но сколь велика твоя щедрость, император. Ты не удовлетворишься тем, что наградил первосвященника, ты хочешь наградить и весь клир! «Величие особой власти и превосходства... — говоришь ты, — чтобы они становились патрициями и консулами». Кто слышал, чтобы сенаторы или другие люди становились патрициями? Можно стать консулом, но патрицием стать нельзя. Сенаторы могут быть из патрицианской семьи или, что то же самое, из сенаторской (поскольку сенаторы являются *patres conscripti*), или из всаднической, или из плебейской. Быть сенатором значит больше, чем быть патрицием, ибо сенатор — это один из избранных советников республики, а патриций — это просто человек, происходящий из сенаторской семьи. Таким образом, сенатор, или *pater conscriptus*, не является непременно также и патрицием. В смешном виде выставляют себя мои соотечественники римляне, называя своего претора ¹³⁹ сенатором. Ибо сенат не может состоять из одного человека, и сенатор должен иметь коллег; а тот, кто сейчас называется сенатором, исполняет должность претора. Но звание патриция как почетный титул встречается во многих книгах ¹⁴⁰, скажешь ты. Знаю; однако только в тех книгах, в которых говорится о временах более поздних, чем время Константина. Значит, «привилегия» написана не тогда, когда жил Константин, а позднее.

Но неужели клирики могут стать консулами? ¹⁴¹ От брака латинские клирики отказались, а консулами они станут? Произведя набор войска, они вместе с легионами и вспомогательными отрядами отправятся в провинции, которые получают по жребию? А слуги и рабы тоже станут консулами? Не по два человека, как прежде, а по сто и по тысяче человек слуги Римской церкви будут удостоен-

ны императорского звания? А я, глупец, удивлялся тому, во что он хочет превратить папу! Слуги будут императорами, а клирики будут воинами? Но разве станут клирики воинами, разве будут они носить воинские знаки отличия, если ты не наделишь всех клириков императорскими знаками отличия? Не могу понять, о чем ты толкуешь? Впрочем, кому не ясно, что эта басня придумана теми, которые хотели иметь полную свободу в выборе нарядов? Если демоны, обитающие в воздухе, играют в какие-нибудь игры, то, наверное, они подражают в этих играх нарядам клириков, их важничанию и их роскоши, и эти представления, думается мне, доставляют демонам большое удовольствие.

Что я должен осуждать больше, глупость его мыслей или нелепость его слов? О мыслях вы уже слышали. Теперь я расскажу о словах. Он говорит «сенат кажется украшенным», будто сенат не украшен на самом деле, и притом «украшенным славою». О том, что происходит в настоящий момент, он говорит как о прошедшем («объявили» вместо «объявляем»), ибо так речь звучит приятнее. Одно и то же действие он выражает и настоящим и прошедшим временем глагола: «решаем» и «решили». Повсюду он сует такие слова, как «решаем», «украшаем», «императорский», «власть», «слава». Он употребил *extat* вместо *est*, тогда как *extare* означает «превосходить» или «оставаться», *nepre* (действительно) он употребил вместо *scilicet* (то есть, а именно), *concupitores* вместо *contubernales* (товарищи, сожители). *Concupitores* означает тех, которые вместе спят и совершают соитие, то есть любовников. Он не забыл и о тех людях, которые будут спать вместе с папой (для того, наверное, чтобы папу не пугали ночные кошмары), он не забыл и о спальниках, и о привратниках.

Хотелось бы спросить (и это совсем не праздный вопрос), зачем он перечисляет все эти незначительные подробности. Он, видно, печется о мальчишке-сироте или о юном сыне, а не о старце. Словно любящий отец, он сам приготавливает все то, в чем нуждается нежный возраст, как это сделал Давид для Соломона¹⁴². Чтобы уж сделать вымысел во всех отношениях законченным, он предоставил клирикам коней, дабы они не восседали на ослах ослиным способом Христа¹⁴³. И притом им даются кони не просто с покрывами белого цвета, а «украшенные

белым цветом». И о каких покровах идет речь? Не об обычных попонах и даже не о вавилонских или каких-либо других, а о *marpulis et linteaminibus*; *marpae* (скатерти) подобают столу, а *linteamina* (простыни) подобают ложу. И как будто бы есть сомнение в том, какого они цвета, он объясняет: «то есть ярчайшей белизной». Речь, достойная Константина, красноречие, достойное Лактанция, как в остальном, так и в этом — «конниками на конях».

И хотя он ничего не сказал об одежде сенаторов, ни о латиклавии, ни о порфире, ни о чем другом, он счел нужным сообщить об обуви. При этом он говорит не о лунулах, а об удолах или «с удолами» (*cum idonibus*), и по своему обычаю этот нелепый человек объясняет: «то есть с белым полотном», как будто удоны сделаны из полотна. Я не могу припомнить сейчас, где еще встречал я слово *idones*, кроме как у Марциала Валерия, двустишие которого, озаглавленное «*Udones cilicii*» («Киликийские удоны»), я привожу:

Нет, не овечья их шерсть породила, а волос козлийый,
В кинифийском мешке будет просторно ступне¹⁴⁴.

Так, значит, вовсе они не полотняные и не белые те самые удоны, о которых этот двуногий осел говорит, что они служат для сенаторов не обувью, а знаком отличия. А в этой фразе: «Пусть же небесное, подобно земному, будет украшено во славу бога» — что называешь ты «небесным» и что «земным»? Каким образом украшается небесное? Что это за слава для бога, тебе, по-видимому, известно. А я, если хоть в чем-то уверен, то уж во всяком случае в том, что нет ничего более ненавистного для бога и для людей, чем это столь бесстыдное своеволие клириков в мирских делах. Да что я все нападаю на отдельные частности? Мне не хватило бы и дня, если бы я попытался хотя бы коснуться всего, не говоря уже о том, чтобы раскрыть подробно.

«Прежде всего мы предоставляем нашим объявлением блаженному Сильвестру и его преемникам право собственным решением назначать священником (*clericus*) и причислять к благочестивому числу благочестивых клириков (*clericorum*) того человека, кого он пожелает по своему благорасположению. И пусть никто другой не дерзает поступать своевольно».

Кто этот Мельхиседек, благославляющий патриарха Авраама? ¹⁴⁵ Неужели Константин, едва ставший христианином, предоставляет право назначать священников тому человеку, которым он сам был крещен и которого называет блаженным? Как будто прежде Сильвестр этого не делал и не мог этого делать? И к какой угрозе он прибегает, чтобы никто ему не препятствовал? «И пусть никто другой не дерзает поступать своевольно». И как изящна его речь, к тому же! «Причислить к благочестивому числу благочестивых», «clericare ...clericogum» и «объявлением» и «благорасположению».

И вновь он возвращается к диадеме:

«Решили мы также и то, что сам он и преемники его должны пользоваться в честь блаженного Петра диадемой, то есть короной из чистейшего золота и драгоценных самоцветов, которую мы пожаловали ему с нашей головы».

Он вновь объясняет, что такое диадема, ведь он обращался к варварам, да к тому же к людям забывчивым; и добавляет «из чистейшего золота», чтобы ты не подумал, что туда подмешали меди или окалины. К слову «самоцветы» он добавляет «драгоценные», дабы не возникло подозрение, что это были дешевые камни. Почему же, однако, не «драгоценнейшие», подобно тому, как золото «чистейшее»? Ведь между самоцветом и самоцветом бóльшее различие, чем между золотом и золотом. И хотя ему следовало бы сказать «усыпанной самоцветами», он сказал «из самоцветов». Кто не видит, что он заимствовал это из такого сочинения, которого языческий князь не читал? «Ты возложил на голову его венец из камня драгоценного» ¹⁴⁶. Неужели цезарь так говорил, тщеславно похваляясь своей короной (если только цезари вообще короновались) и позоря самого себя? Он, видно, боялся, что если он сам этого не скажет, то люди не будут знать, что он носил корону из чистейшего золота с драгоценными самоцветами?

Объясни же мне, почему он говорит: «...в честь блаженного Петра». Как будто величайший краеугольный камень, на котором зиждется храм церкви,— это не Христос, а Петр; и он повторяет это дальше еще раз. Если уж он хотел так почтить Петра, то почему же он посвятил епископский храм в Риме не ему, а Иоанну Крестителю?

Ну а варварские обороты речи, разве не свидетельствуют они о том, что вздор этот сочинен не в век Константина, а в более поздний век? «Мы решаем, что... они должны пользоваться»¹⁴⁷ вместо того, чтобы сказать «решаем, чтобы они пользовались»; так теперь обычно говорят и пишут невежды: «Я приказал, что ты должен прийти», вместо того, чтобы сказать «я приказал, чтобы ты пришел». И «решили» и «пожаловали», как будто все это происходило не в то самое время, а было совершено уже некогда раньше.

«Но сам блаженный папа не захотел, чтобы эта корона из золота была возложена поверх священнической короны, которую он носит во славу блаженнейшего Петра».

О, сколь беспримерна твоя глупость, Константин! Только что ты сказал, что возлагаешь корону на голову папы в честь блаженного Петра; а теперь говоришь, что ты этого не делаешь, так как Сильвестр отказывается от короны. И хотя ты одобряешь его отказ, тем не менее, ты приказываешь ему носить золотую корону, и преемникам Сильвестра ты вменяешь в обязанность делать то, чего не считает нужным делать он сам. Я уже не говорю о том, что тонзуру¹⁴⁸ ты называешь короной, а римского понтифика — папой, хотя это звание тогда еще не было присуще только ему одному.

«Тиару, ослепительным блеском сияющую, воскресение господне означающую, возложили мы руками нашими на его священнейшую голову, и в знак нашего благоговения перед блаженным Петром мы держали удила коня, исполняя для него службу конюха. И мы постановили, дабы все его преемники в знак особого отличия во время процессий носили эту же тиару в подражание власти нашей».

Разве не видно, что этот выдумщик создает путаницу преднамеренно и умышленно, а не по недомыслию. И тем не менее он дает возможность уличать себя на каждом шагу. В одном и том же месте он говорит и то, что тиара означает воскресение господне, и то, что тиара служит подражанием власти цезаря; но между тем и другим нет ничего общего. Бог свидетель, я не нахожу слов достаточно свирепых, чтобы уничтожить этого гнуснейшего негодяя. Все, что он изрыгает, исполнено безумия. Он заставляет Константина совершить дело, подобное тому,

которое совершил Моисей, по велению бога почтивший верховного первосвященника; мало этого, он заставляет Константина излагать сокровенные тайны, что является в высшей степени трудным даже и для тех, которые долго изучали священные книги. Почему ты не сделал Константина верховным понтификом (а это звание имели многие императоры), ведь тогда было бы удобнее передать его знаки отличия другому верховному понтифику? Но ты ведь не знал историю. Благодарю бога уже за то, что он не позволил, чтобы эта нечестивейшая мысль возникла у какого-нибудь другого человека, кроме как у глупейшего из людей (а об этом свидетельствует и все последующее). Ибо он выводит Моисея, исполнившего службу конюха для Аарона, когда тот восседал на коне, и сделавшего это не среди Израиля, а среди хананеев и египтян, то есть в стране языческой, где была не столько мирская власть, сколько власть демонов и народов, которые почитали демонов ¹⁴⁹.

«Поэтому, чтобы величие понтификата не было унижено, но чтобы более, чем достоинство земной власти, было оно украшено славой и силой, мы передаем и оставляем блаженнейшему понтифику и вселенскому папе Сильвестру как наш дворец, так и город Рим, а также все провинции, местности, города Италии или западных областей. И высочайшим нашим решением ¹⁵⁰ мы постановили, чтобы он и его преемники распоряжались этими владениями и чтобы владения эти оставались подвластны закону святой Римской церкви».

Об этом мы уже много говорили в речи римлян и в речи Сильвестра. Здесь следует упомянуть о том, что ни один человек не счел бы возможным объединить все народы одним словом дарственной грамоты. А тот, который раньше перечислял даже самые малозначительные подробности: ремень, обувь, попоны лошадей, не сообщил и названия провинций, каждая из которых имеет теперь своего короля или правителя, равного королю, а то и не одного. Но мошенник этот, конечно, не знал, какие провинции находились под властью Константина, а какие нет. Ибо все провинции, разумеется, не были под его властью. Мы видим, что после смерти Александра ¹⁵¹ все области, которые распределялись между полководцами, были перечислены, каждая в отдельности. Ксенофонт называет земли и князей, которые подчинились вла-

сти Кира добровольно или покоренные оружием¹⁵². Гомер в своем каталоге называет имена греческих и варварских царей, указывает их происхождение и их родину, описывает их нравы, их силу, их наружность, сообщает число кораблей и приблизительно число воинов¹⁵³. Примеру Гомера последовали многие греки, а также наши латинские поэты: Энний, Вергилий, Лукан, Стаций¹⁵⁴ и некоторые другие. Иисус и Моисей, описывая землю обетованную, перечислили все деревни¹⁵⁵, а тебе в тягость перечислить провинции? Ты говоришь только, что это западные провинции. Но каковы границы Запада, где они начинаются, где кончаются? Разве границы Запада и Востока, Юга и Севера столь же точны и определены, как границы Азии, Африки и Европы? Необходимые слова ты опускаешь, а вот ненужные слова ты нагромождаешь в избытке. Ты говоришь «провинции, местности, города». Но разве провинции и города не являются «местностями»? Сказав «провинции», ты добавляешь «государства», как будто первое не включает в себе уже второго. Нет, впрочем, ничего удивительного в том, что человек, который отказывается от столь большой части мира, забывает упомянуть названия городов и провинций и, как будто он погружен в летаргию, сам не знает, что говорит. «Италии или западных областей» — словно он предлагает на выбор одно из двух, тогда как на самом деле он имеет в виду и то и другое. Он говорит «провинции областей», хотя правильнее было бы сказать «области провинций»; вместо *regmansuram* он говорит *regmappendam*.

«Поэтому мы сочли уместным перенести нашу империю и царскую власть к восточным областям и в наилучшем месте Византийской провинции построить государство (*civitas*) нашего имени и там основать нашу империю».

Умолчу о том, что он сказал: «*civitates aedificare*» (построить государство), тогда как построены могут быть города, а не государства; умолчу и о том, что он говорит о какой-то «Византийской провинции». Если ты Константин, то скажи же тогда, почему именно это место выбрал ты для основания города? Ибо то, что ты, отказавшись от Рима, переселяешься в какое-то другое место, само по себе является не столько «уместным», сколько необходимым. Покинув Рим и оказав дурную услугу имени рим-

скому, которое ты разрываешь, ты не стал бы называть себя императором; ты не называл бы себя и царем, ибо никто не делал этого до тебя; разве что ты назвал бы себя царем именно потому, что ты перестал быть римлянином¹⁵⁶. Но ты приводишь причину вполне благовидную:

«Ибо где первый из священников и глава христианской религии поставлен императором небесным, там не подобает иметь власть императору земному».

О, глупый Давид, глупый Соломон, глупые Езекия и Иосия¹⁵⁷ и остальные цари, глупые и неблагочестивые — они жили в городе Иерусалиме вместе с верховными первосвященниками и не уступали им всего города! За три дня Константин уразумел больше, чем они за всю свою жизнь! И ты называешь папу «императором небесным», так как он принял земную империю; или ты имеешь в виду бога (ибо говоришь ты неясно), который, как ты лживо утверждаешь, установил земное господство священников над городом Римом и другими местностями.

«Мы постановили, чтобы все то, что мы устанавливаем и утверждаем этой императорской священной грамотой и другими божественными повелениями, оставалось нерушимым и незыблемым вплоть до конца мира».

Только что ты называл себя земным, Константин, а теперь называешь божественным и священным. Ты возвращаешься к язычеству и даже к чему-то худшему, чем язычество. Ты делаешь себя богом, свои слова — священными и постановления — бессмертными, ибо ты приказываешь миру, чтобы он сохранил твои повеления «нерушимыми и незыблемыми». Ты не задумываешься над тем, кто ты; совсем недавно очистился ты от гнуснейшей скверны язычества и вряд ли очистился вполне. Почему ты не добавил: «Доколе не прейдет небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не прейдет из этой привилегии»¹⁵⁸.

Царство Саула, избранного богом, не перешло к его сыновьям; царство Давида¹⁵⁹ подверглось разделу при его внуке, а впоследствии и вовсе перестало существовать. А ты своей собственной властью решаешь, чтобы царство, которое ты отдаешь без божеского соизволения, оставалось нерушимым вплоть до конца мира? Кто успел уже тебе так скоро сообщить, что миру предстоит погибнуть? Ибо я не думаю, чтобы ты в то время еще доверял

поэтам, которые также говорят о конце мира. Итак, ты не мог этого сказать, кто-то другой приписал тебе эти слова.

Однако тот, который говорит так высокопарно и надменно, вдруг начинает трусить, сомневаться в самом себе и обращается к заклинаниям.

«Поэтому пред богом живым, который велел нам царствовать, и пред страшным его судом мы заклинаем императоров — наших преемников, всех оптиматов, сатрапов, а также славнейший сенат и весь народ во всем мире, чтобы ни сейчас, ни в будущем никто из них никоим образом не дерзнул посягнуть на это или в чем-либо повредить этому».

Какое справедливое, какое благочестивое заклинание! Точно таким же образом мог бы волк заклинать своей невинностью и честностью остальных волков и пастухов; первых, чтобы они не пытались отнять у него, вторых, чтобы они не пытались вернуть себе тех овец, которых он захватил и разделил между своими сыновьями и друзьями. Чего ты так боишься, Константин? Если дело твое не от бога, оно погибнет; если же от бога, то оно не сможет погибнуть ¹⁶⁰. Впрочем, я понимаю! Ты пытаешься подражать Апокалипсису, где говорится: «И я также свидетельствую всякому слышащему слова пророчества книги сей: если кто приложит что к ним, на того наложит бог язвы, о которых написано в книге сей. И если кто отнимет что от слов книги пророчества сего, у того отнимет бог участие в книге жизни и в святом граде» ¹⁶¹.

Но ты никогда не читал Апокалипсис, и, значит, эти слова не принадлежат тебе.

«И если (во что мы не верим) появится такой человек, который осмелится осквернить это, то пусть он будет проклят вечными проклятиями, пусть он и в здешней и в будущей жизни чувствует, сколь враждебны ему святые апостолы бога Петр и Павел, и пусть он погибнет, сожженный в адской преисподней вместе с дьяволом и другими нечестивцами».

Эти устрашения и эти угрозы необычны в устах мирского князя, они могут исходить от древних жрецов и фламинов ¹⁶² или от нынешних церковников. Это не речь Константина, а речь какого-то глупого клирика, который не знает, ни что сказать, ни как сказать. Откормленный и ожиревший, с головой, разгоряченной винными парами,

он изрыгает эти суждения и эти слова, которые обращаются не против кого-либо другого, а против него самого. Сначала он говорит: «...пусть будет проклят вечными проклятиями», затем, как будто можно добавить нечто большее, он хочет добавить кое-что еще, и к вечным мукам он присоединяет муки здешней жизни. Напугав нас проклятием бога, он не останавливается на этом, но, словно есть нечто еще более страшное, пугает нас гневом Петра. Почему он присоединяет к Петру Павла и почему одного только Павла — этого я уж совсем не могу понять. А затем, погруженный в свою обычную летаргию, он вновь возвращается к вечным мукам, словно он не говорил о них раньше. Если бы эти угрозы и проклятия исходили от Константина, я бы, со своей стороны, проклял его как тирана и губителя моей страны и, как подобает истинному римлянину, пригрозил бы ему своей мезью. Но кто боится проклятий этого ненасытного человека, который, наподобие актеров, играет роль и под маской Константина пугает людей? Скрывать себя самого под чужой личиной — это, собственно, и значит быть гипокритом (если мы употребим греческое слово).

«Скрепив собственными руками страницу этого императорского постановления, мы возложили ее над досточтимым телом блаженного Петра»¹⁶³.

Бумагой или пергаменом была страница, на которой все это написано? Но страницей мы называем одну сторону листа¹⁶⁴; так, квинтерний имеет десять листов и двадцать страниц.

Неслыханное и невероятное дело! Мне помнится, что когда-то в юности я спросил одного человека, кто написал книгу Иова. Услышав в ответ: «Сам Иов», я сказал: «Но каким же образом он мог бы упоминать о своей собственной смерти?» Это же можно сказать и о многих других книгах, перечислять которые здесь было бы неуместно. Ибо действительно, как можно рассказывать о том, что еще не сделано? Как могут таблицы содержать то, что, по собственным словам их автора, совершилось лишь после, если можно так сказать, погребения таблиц? Ведь это значит, что дарственная грамота умерла и была погребена раньше, чем родилась, и что она никогда не возвращалась из плена смерти и погребения, что она была к тому же скреплена раньше, чем написана, да при этом не одной только, а сразу двумя руками цезаря. И в чем

заключается это «скрепление»? Чем же скрепил цезарь дарственную грамоту — своей подписью или перстнем-печаткой? Конечно, этим он придал ей большую силу, гораздо бoльшую, чем если бы начертал ее на бронзовых таблицах! Но в бронзовых таблицах нет необходимости, если грамота помещена над телом Петра. Почему ты здесь молчишь о Павле, который лежит вместе с Петром, ведь два тела могли бы охранять грамоту лучше, чем одно!

Во всем этом нельзя не увидеть коварных приемов гнуснейшего Синона¹⁶⁵. Представить документ, удостоверяющий дар Константина, невозможно; поэтому он говорит, что «привилегия» была начертана не на бронзовых таблицах, а на бумаге, поэтому он говорит, что она была помещена вместе с телом святейшего апостола, дабы мы не осмелились разыскивать ее в священной гробнице, а если бы даже и сделали такую попытку, то сочли бы, что «привилегия» истлела. Но где было тогда тело блаженно-го Петра? Конечно, тогда оно не было еще в храме, где находится теперь, оно не было еще в месте вполне надежном и безопасном. И поэтому цезарь не поместил бы там дарственной грамоты. Почему же он не доверил ее блаженнейшему Сильвестру, или он считал его недостаточно святым, осторожным и усердным? О Петр, о Сильвестр, о святые первосвященники Римской церкви, которым вверены овцы господни, почему не сберегли вы вверенную вам дарственную грамоту? Как могли вы позволить, чтобы ее источили черви, чтобы она истлела от долгого лежания? Я думаю, это произошло по той же причине, по какой истлели также и ваши тела. В таком случае Константин поступил глупо. И вот, в пыль превратилась дарственная грамота, вместе с тем в пыль превратились и права, основанные на этой грамоте!

Но, как мы видим, нам предъявляют список дарственной грамоты. Какой же святотатец осмелился похитить ее из пазухи святейшего апостола? Никто, я думаю, этого не делал. Откуда же тогда этот список? Здесь, несомненно, можно сослаться только на какого-нибудь древнего писателя, жившего во времена Константина. Но ссылаются не на древних, а на какого-то чуть ли не современного автора. Откуда заполучил он дарственную грамоту? Ибо тот, кто слагает историю прежних времен, либо вдохновлен святым духом, либо следует указаниям древ-

них писателей, и тех именно, которые писали о своем времени. Поэтому человек, который не следует указаниям древних, по всей видимости, относится к числу тех, которым сама древность событий придает наглости писать о них всякую чушь. А если в каком-то месте и можно прочесть об этом деле, то это согласуется с древностью в такой же мере, в какой нелепый рассказ глоссатора Аккурсия¹⁶⁶ о римских послах, будто бы отправленных в Грецию за получением законов, согласуется с Титом Ливием и другими выдающимися писателями.

«Дано в Риме за три дня до апрельских календ¹⁶⁷ в четвертое консульство Константина Августа и в четвертое консульство Галликана»¹⁶⁸.

Он указал один из последних дней марта, чтобы мы почувствовали, что все это происходило в святые дни, которые большей частью совпадают с концом марта. И в четвертое консульство Константина и в четвертое консульство Галликана! Нельзя не удивиться тому, что и тот и другой уже три раза были консулами и в четвертое свое консульство оказались коллегами! Но еще более удивительно, что Август, страдавший слоновой болезнью, которая настолько же страшнее всех других болезней, насколько слон крупнее всех других животных, пожелал принять консулат! Ведь царь Азария сразу же, как заболел проказой, удалился от государственных дел, поручив управление царством своему сыну Иофаму¹⁶⁹, и подобным образом поступали все больные проказой. Одного этого довода достаточно, чтобы опровергнуть, опрокинуть и полностью сокрушить всю эту «привилегию». И чтобы не возникало сомнений по поводу того, что Константин раньше заболел проказой, чем стал консулом, надо учесть следующее: медики говорят нам, что болезнь эта развивается постепенно, знатоки древности, со своей стороны, рассказывают, что в должность консула вступали в январе и что магистрат этот был годичным, а все эти события произошли в ближайшем марте.

Я не умолчу здесь и о другом. Только в письмах принято писать «дано» (*datum*), в других документах этого никто, кроме невежд, не пишет. О письмах говорят, что они передаются или кому-либо или для кого-либо; «кому-либо», то есть тому, который переносит письмо как, например, посыльный, чтобы передать и вручить его человеку, которому оно посылается; «для кого-либо», то есть

для того, которому оно должно быть вручено посылным, иными словами, для того, которому оно посылается. Что же касается так называемой константиновой «привилегии», то, поскольку ее никому не следовало передавать, о ней и не надо было говорить, что она «дается». Таким образом, становится ясным, что тот, который так говорил, говорил неправду, и к тому же оказался неспособным выдумать что-нибудь такое, что могло бы походить на слова и поступки Константина. Поэтому те, которые считают, что этот человек сказал правду и защищают его, делают себя сообщниками и сотоварищами этого лжеца в его глупости и безумии. Ведь у них нет ни одного довода, которым они могли бы благопристойным образом извинить свое мнение, я уже не говорю о том, чтобы защитить его.

Что может достойным образом извинить твое заблуждение? Видя неприкрытую истину, ты не желаешь признавать ее только потому, что некоторые значительные люди думали иначе. (Когда я говорю «значительные», то я имею в виду их сан, а не их мудрость или их добродетель). Откуда ты только знаешь, что люди, по стопам которых ты следуешь, продолжали бы придерживаться своих прежних взглядов, если бы услышали то, что слышал ты? Быть может, они изменили бы свое мнение? И уж во всяком случае, постыдное это дело — воздавать человеку большее, чем истине, то есть богу. Некоторые люди, истощив все свои доводы, говорят мне: «Почему же столь многие верховные первосвященники верили в истинность дара?» Я призываю вас самих в свидетели, что вы зовете меня туда, куда я не хочу идти, и против моей воли вы вынуждаете меня дурно говорить о верховных первосвященниках, проступки которых я скорее желал бы скрыть! Но будем же и впредь говорить откровенно, так как иначе вести это дело нельзя.

Допустим даже, что они верили в это искренне и не поступали нечестно. Да и можно ли удивляться, если они искренне верили в то, что сулило им столь громадную выгоду, ведь благодаря своей редкой невежественности они верят и во многое такое, в чем не заметно ни малейшей выгоды. Разве у Ара Цёли¹⁷⁰ в столь изумительном храме, в месте самом священном мы не видим изображения, воспроизводящего небылицу о Сибилле и Октавиане — небылицу, целиком опирающуюся, как говорят, на авто-

ритет сочинений Иннокентия III ¹⁷¹, который оставил нам также писание о разрушении храма Мира перед рождением Спасителя во время родов Девы? ¹⁷² А ведь это служит не столько к укреплению веры благодаря своей поразительности, сколько к умалению ее. Ибо это ложь. Неужели наместник истины осмеливается лгать ради видимости благочестия, неужели он сознательно впутывает себя в этот грех? Или он не лжет? Но разве он не видит, что, рассказывая об этом, он противоречит мужам святейшим? Умолчу о других, скажу только о Иерониме ¹⁷³, который приводит свидетельство Варрона ¹⁷⁴ о том, что Сибилл было десять (а этот свой труд Варрон написал еще до Августа). Тот же Иероним ¹⁷⁵ пишет о храме Мира так: «Веспасиан и Тит ¹⁷⁶, построив в Риме храм Мира, торжественно освятили в его святилище сосуды храма [иудейского] и всевозможные дары, как сообщает нам греческая и римская история». И один этот невежда желает, чтобы его книжке, написанной к тому же по-варварски, доверяли больше, чем надежнейшим сообщениям древних и мудрейших писателей.

Поскольку я уже упомянул о Иерониме, то я не умолчу о таком нанесенном ему оскорблении, как это. В Риме по велению папы выставлен на обозрение список Библии, окруженной, как реликвии святых, постоянно горящими свечами,— об этом списке говорят, что он начертан рукой Иеронима. Ты требуешь доказательств? Изволь, эта книга, как говорит Вергилий, «обильно украшена росписью и золотом» ¹⁷⁷; но это как раз свидетельствует о том, что книга не написана рукой Иеронима. Тщательно осмотрев эту книгу, я узнал, что она написана по приказанию короля, по всей вероятности Роберта ¹⁷⁸, рукой человека невежественного.

Или вот нечто подобное (впрочем, в Риме имеются тысячи вещей такого рода): среди священных реликвий выставлено напоказ изображение Петра и Павла, нарисованное на табличке, которую Сильвестр передал Константину, внимавшему во сне наставлениям этих апостолов, в подтверждение его видения. Я не хочу сказать, что эти изображения не являются изображениями апостолов (о, если бы столь же истинным было письмо об изображении Христа, посланное от имени Лентула ¹⁷⁹, но письмо — это такая же бесстыдная выдумка, как и опровергнутая нами «привилегия»), я говорю, что табличку эту

Константин не получал от Сильвестра; вспоминая об этой нелепости, я не в силах сдержать свое удивление.

Скажу кое-что по поводу истории Сильвестра, поскольку и обсуждаемый нами вопрос тесно с ней связан, и мне, обращающему свою речь к римским первосвященникам, подобает говорить преимущественно о римском первосвященнике, чтобы из одного примера можно было сделать вывод и обо всем прочем. Из множества небылиц, которые там рассказываются, я коснусь только одной — небылицы о драконе¹⁸⁰, и я сделаю это для того, чтобы показать, что Константин не был болен проказой. Деяния Сильвестра написаны, по свидетельству переводчика, неким Евсевием-греком¹⁸¹, а народ этот всегда был в высшей степени склонен к обмену, как об этом говорится в сатирическом приговоре Ювенала:

Все, что так нагло в истории наврано Грецией лживой...¹⁸²

Откуда явился этот дракон? В Риме драконы не рождаются. Откуда у него был яд? По рассказам, ядовитые драконы водятся в одной только Африке благодаря ее знойному климату. Откуда у него взялось столько яда, чтобы поразить чумой столь обширную страну? И это становится особенно удивительным, если учесть, что дракон находился в очень глубокой пещере, в которую вело 150 ступеней. Змеи, за исключением, может быть, василиска, вводят яд и убивают не своим дыханием, а укусом.

Катон, спасавшийся бегством от Цезаря и скитавшийся с большим отрядом среди песков Африки¹⁸³, не замечал, чтобы в пути или во время сна кто-либо из его спутников был умерщвлен змеиным дыханием. Туземные народы не считают воздух этих стран ядовитым из-за дыхания змей. И если хоть сколько-нибудь верить преданиям, то люди много раз видели и химеру, и гидру, и цербера¹⁸⁴ и даже прикасались к ним, не причинив себе никакого вреда.

Пойдем дальше. Почему же римляне не убили этого дракона? Не могли, говоришь ты? Но Регул убил в Африке на берегу Баграды еще более громадную змею¹⁸⁵. А того дракона (что был в Риме) можно было убить легко; для этого достаточно было завалить отверстие пещеры. Или римляне не хотели его убивать? Наверное, они,

подобно вавилонянам, почитали его, как бога. Даниил, как гласит легенда, убил [вавилонского] дракона¹⁸⁶, почему же Сильвестр не уничтожил римского дракона, которого он перевязал конопляной нитью и род которого погубил навеки? Но тот, кто сочинил эту небылицу, не хочет, чтобы дракон был убит; ведь тогда было бы очевидно, что он просто воспроизводит рассказ Даниила. А если Иероним, муж ученейший и переводчик надежнейший, если Аполлинарий, Ориген, Евсевий¹⁸⁷ и некоторые другие утверждают, что сказание о Виле является вымыслом, поскольку иудеи в подлиннике Ветхого завета не знают этого сказания; иными словами, если все ученейшие латиняне, большинство греков, некоторые из евреев отвергают сказание [о драконе], как вымысел, то неужели я не отвергну эту историю, которая является лишь подражанием предыдущей, которая не опирается на авторитет какого-либо писателя и которая по нелепости своей значительно превосходит свой образец?

Ибо кто построил для чудовища подземное жилище? Кто поместил его там и велел, чтобы оно не выходило и не улетало (ведь некоторые утверждают, что дракон умеет летать, другие же отрицают это)? Кто выдумал этот род пищи? Кто приказывал женщинам, и к тому же девам непорочным, чтобы они спускались вниз, и притом только в календы?¹⁸⁸ Да разве дракон знал, что это за день — календы? Разве мог он довольствоваться такой скудной и редкой пищей? Неужели девы не боялись столь глубокой пещеры, неужели они не боялись столь громадного и столь голодного чудовища? Я думаю, дракон к ним ласкался как к женщинам, как к девам, как к приносящим пищу. Я думаю, он даже беседовал с ними. А почему бы ему (извините за выражение) и не сходиться с ними? Ведь рассказывают же об Александре и о Сципионе, что они родились от соития их матерей с драконом или змеей¹⁸⁹. Почему же позднее, когда ему отказали в пище, он не вышел наружу или почему он не умер?

О, сколь удивительна глупость людей, которые верят этим бабьим бредням! Как долго это продолжалось? Когда началось? До пришествия Спасителя или после? Ничего об этом не известно. Пусть же будет нам стыдно, пусть же будет стыдно за эти побасенки, за это легкомыслие, более чем вредоносное. Пусть же христианин, на-

зывающий себя сыном истины и света, постесняется говорить то, что не только не является правдой, но даже и не похоже на правду.

Некоторые говорят, что демоны получили такую власть над язычниками, чтобы издеваться над ними за их служение богам. Молчите, невежественнейшие (чтобы не сказать, преступнейшие) люди, вы всегда прикрываете свои небылицы такой завесой! Христианская чистота не нуждается в покровительстве обмана; она прекрасно сама защищает себя своим собственным светом и истиной без ваших выдумок и лживых бредней, столь оскорбительных для бога, для Христа, для святого духа. Неужели бог отдал род людской во власть демонов, чтобы люди были совращены столь явными и столь поразительными чудесами? Ведь тогда его можно было бы чуть ли не обвинять в несправедливости, как того, который вверил овец волкам, и люди имели бы основательное извинение своим заблуждениям. А если некогда демонам было позволено так много, то теперь у язычников им было бы позволено еще больше; но мы этого не видим и язычники даже не рассказывают подобных небылиц.

Я не буду говорить о других народах, скажу только о римлянах. Римляне рассказывают об очень немногих чудесах, которые к тому же относятся ко временам весьма отдаленным, да и вообще сомнительны. Валерий Максим сообщает ¹⁹⁰, что пропасть в середине Форума, когда Курций на коне с оружием в руках бросился в нее, снова сомкнулась и на Форуме тотчас же все стало по-прежнему. Этот же автор рассказывает, что после взятия Вей какой-то римский воин в шутку спросил статую Юноны Монеты, хочет ли богиня переселиться в Рим, и та ответила, что хочет ¹⁹¹.

Тит Ливий, более ранний и более серьезный автор, не подтверждает ни того, ни другого. Он сообщает, что пропасть осталась на своем месте, что возникла она не вдруг, а была там издавна, еще во времена до основания города, что называлась она Курциевым прудом по той причине, что Курций Меттий, сабинянин, скрывался там, спасаясь от римлян ¹⁹². Тит Ливий сообщает также, что Юнона не ответила, а только кивнула, что лишь позднее к сказанию было прибавлено, будто она подала голос ¹⁹³. Но совершенно очевидно, что о кивке они тоже солгали, Либо они истолковали движение статуи (а они стаскива-

ли ее с места) как произведенное самой статуей, либо, задав шутки ради вопрос вражеской и побежденной каменной богине, они шутки ради и придумали, будто она кивнула. Да Ливий и не говорит, что она кивнула, он говорит только, что воины воскликнули: «Богиня кивнула». Хорошие писатели не защищают подлинности этих событий, они только извиняют сказание. Ибо, как говорит тот же Ливий: «Древности дозволяется делать более величественным начало городов, примешивая божеское к человеческому»¹⁹⁴. И в другом месте: «Но раз дело касается таких отдаленных событий, мне, полагаю, остается только признать несомненным то, что лишь похоже на правду; а подтверждать или опровергать подобные легенды, которые больше годятся для сцены, интересующейся диковинами, чем для достоверной истории, не стоит труда»¹⁹⁵.

Теренций Варрон более ранний и более ученый и, как я полагаю, более значительный автор, чем оба предыдущие, говорит, что имеются три истории о Курциевом пруде, сообщаемые тремя авторами¹⁹⁶: одна из них, передаваемая Прокулом¹⁹⁷, гласит о том, что пруд этот был так назван по имени Курция, который в него бросился; другая история, восходящая к Пизону¹⁹⁸, рассказывает, что пруд назван по имени Меттия, сабинянина; третья история восходит к Корнелию¹⁹⁹, единомышленником которого по этому вопросу Варрон называет Луктация²⁰⁰. Эта история сообщает, что пруд был назван по имени консула Курция, коллегой которого был Марк Генуций²⁰¹.

Я не скрою, что Валерий [Максим] не заслуживает безусловного осуждения за то, что так говорит, ибо несколько дальше он добавляет серьезно и основательно: «Я не упускаю из виду того, сколь большие сомнения вызывают рассказы о движениях и речах бессмертных богов, которые были восприняты глазами и ушами людскими. Но поскольку я не сообщаю ничего нового, а только повторяю предания, то пусть за истину этих рассказов отвечают их авторы»²⁰².

Говоря о речах богов, он имел в виду Юнону Монету и статую Фортуны, о которой измышляется, будто она дважды повторила такие слова: «По обряду вы меня, матроны, видели, по обряду освятили»²⁰³.

А наши сказочники повсюду выводят говорящих идолов, чего не делают даже сами язычники и почитатели

идолов. Поступая более честно, они отвергают то, что христиане утверждают. У язычников имеются сказания лишь об очень немногих чудесах, и сказания эти повторяются не из доверия к их авторам, а из некоего как бы священного и религиозного уважения к древности. У христиан же повествуется о каких-то новейших чудесах, о которых и не ведали люди тех времен.

Я не хочу умерить восхищения святыми, я не отрицаю их божественных деяний, ибо я знаю, что даже «вера с горчичное зерно» способна горы сдвинуть с места²⁰⁴. Наоборот, я защищаю и оберегаю это, я не позволяю, чтобы это смешивали с небылицами. Я убежден в том, что эти писаки являются либо язычниками, поступающими так в надежде, что христиане будут посрамлены, если эти вымыслы с помощью людей коварных попадут в руки невежд и будут признаны истинными, либо христианами, но такими, у которых хотя и есть рвение послужить богу, но нет знаний для этого, христианами, которые не страшатся писать гнусные измышления и псевдоевангелия не только о деяниях святых, но и о матери божьей и даже о Христе. И верховный первосвященник называет эти книги апокрифическими, как будто нет никакого зла в том, что автор их неизвестен, как будто то, что в них повествуется, заслуживает доверия, является священным и способствует укреплению веры. Но тот, кто одобряет зло, виноват не меньше, чем тот, кто это зло выдумал. Поддельные монеты мы обнаруживаем, отделяем и выбрасываем, а поддельное учение мы не будем обнаруживать, мы оставим его себе, мы смешаем его с истинным и будем защищать его как истинное учение?

Выскажу свое мнение откровенно: я не считаю «Деяния Сильвестра» апокрифическим сочинением, ибо, как я уже говорил, их автором называют некоего Евсевия, но я считаю, что это сочинение является лживым и не заслуживает того, чтобы его читали, и это относится как к остальным его частям, так и к тем, где говорится о драконе, о быке²⁰⁵, где сообщается история о проказе, для опровержения которой я привел столько доводов. Если Нееман был прокаженным, то это еще не дает нам основания говорить, что и Константин был прокаженным. О Неемане сообщают многие авторы, а о Константине, владыке целого мира, даже из его подданных никто не

написал, что он был болен проказой. Об этом пишет только какой-то чужеземец, заслуживающий доверия в такой же мере, как тот, кто писал об осах, гнездящихся в ноздрях Веспасиана, и о жабе, рожденной Нероном²⁰⁶, откуда, как говорят, местность получила название Латеранской, ибо там жаба (gapa) скрыта (latere) в своей могиле. Этого не сказали бы даже сами осы и жабы, если бы умели говорить. Разве что отнести все это на счет Капитолийских богов, будто те имели обыкновение говорить и будто они приказали, чтобы так было.

Но следует ли удивляться тому, что первосвященники этого не понимают, ведь они не имеют понятия и о своем собственном имени. Они говорят, что Петр называется Кефас потому, что он был главою апостолов; как будто это слово связано с греческим κεφαλή (голова). На самом же деле это еврейское или, вернее, сирийское слово, которое греки пишут κηφῶς и которое переводят как камень (petrus), а не как «голова»²⁰⁷, ибо petrus и petra — это слова греческие; глупо поступают те, которые объясняют слово petra, исходя из латинского языка, как pede trita (задетая ногой). Они отличают «митрополита» от «архиепископа» и выводят первое слово из выражения «размер города»²⁰⁸, тогда как по-гречески говорят не μετρόπολις, а μητρόπολις, то есть город-мать, или большой город. «Патриарх» они объясняют, как pater patrum (отец отцов); «папа» они возводят к восклицанию «rare»; слово «ортодоксальный» они объясняют, исходя из слов «истинная слава»²⁰⁹. Они произносят Simonem с кратким средним слогом, тогда как это слово следует читать с долгим средним слогом, как Platonem и Catonem. Я опускаю много подобных примеров, чтобы не показалось, будто вину некоторых пап я хочу возложить на всех верховных первосвященников. Я рассказал все это с той целью, чтобы никто не удивлялся тому, что многие папы не могли заметить подложности «Константинова дара». Впрочем, я считаю, что этот вымысел обязан своим происхождением одному из них.

Но вы говорите: «Почему же сами императоры, потерпевшие из-за этого ущерб, не отрицают „Константинова дара“, почему они признают, подтверждают и отстаивают его?» Основательный довод! Замечательная защита! О каком императоре ты говоришь? Если о гре-

ческом, который был истинным императором, то я не согласен с тем, будто он признавал этот дар; если о латинском, то я охотно соглашусь с тем, что он признавал его. Ибо кому не известно, что латинского императора создал по своей доброй воле верховный первосвященник, вероятно, Стефан, ограбивший греческого императора за то, что тот не оказал помощи Италии, и создавший латинского императора²¹⁰. Таким образом, император получил от папы больше, чем папа от императора. Вот уж поистине Ахилл и Патрокл²¹² одни поделили между собой на каких-то условиях троянские богатства! Об этом, как мне кажется, говорят также слова Людовика: «Я, Людовик, римский император, Август, устанавливаю и этим скрепленным нами договором тебе, блаженному Петру, главе апостолов и через тебя твоему наместнику господину Пасхалию, верховному первосвященнику, и преемникам его навеки вверяю владения, которые вы имели от наших предшественников вплоть до настоящего времени в своей власти и в своем подчинении, а именно: Рим с его герцогством, со всеми окрестностями и деревнями, с горными местностями, с морским побережьем и с гаванями, а также со всеми городами, крепостями, укреплениями и деревнями в областях Тосканы»²¹².

Значит, ты, Людовик, заключаешь договор с Пасхалием? Если все это принадлежит тебе, то есть Римской империи, то почему ты отдаешь это другому? Если это принадлежит ему и он владеет этим, то зачем понадобилось твое подтверждение? Сколь мало останется у тебя от Римской империи, если ты потеряешь столицу империи? Ведь римский император называется так по городу Риму. Ну, а остальное, чем владеешь ты, твое это или Пасхалия? Я думаю, что ты назовешь это своим. Значит, дар Константина не имеет никакой силы, если ты владеешь тем, что Константин даровал первосвященнику. Если же дар этот имеет силу, то по какому праву Пасхалий отдает тебе обратно все прочее, оставляя за собой лишь то, чем он владеет? Что означает эта необычайная щедрость, твоя ли по отношению к нему, его ли по отношению к тебе; что означает эта щедрость за счет Римской империи? Итак, ты с полным основанием называешь это «договором», то есть как бы сговором,

«Но что мне делать? — скажешь ты. — Силой оружия отобрать то, чем папа владеет? Но он уже стал более могущественным, чем я. Потребовать на основании своего права? Но правом я обладаю лишь в такой мере, в какой он этого пожелал. Ибо я получил империю не по наследству, а по договору; если я желаю быть императором, я должен, со своей стороны, обещать папе то или иное возмещение. Заявить, что Константин ничего не отдавал от своей империи? Но в этом случае я защищал бы интересы греческого императора и вовсе лишил бы себя императорского звания. Ибо папа говорит, что делает меня императором только на том условии, чтобы я был как бы его наместником; и если я не обещаю, то он не сделает меня императором, и если я не буду повиноваться, то он лишит меня престола. Пусть только он даст мне престол, и я соглашусь со всем, пойду на все условия. Поверь мне, что если бы я владел Римом и Тосканой, я не стал бы делать того, что делаю теперь, и тщетно Пасхалий пел бы мне свою песенку о „даре“, в подлинность которого я не верю. Теперь же я отдаю то, чем я не владею и чем не надеюсь овладеть. А ставить под сомнение право папы — это уж не мое дело, а дело константинопольского Августа».

В моих глазах ты невиновен, Людовик, как невиновен и любой другой государь, подобный тебе. Чего только не подумаешь о соглашениях других императоров с верховными первосвященниками, если знаешь, что сделал Сигизмунд, государь вообще-то превосходнейший и могущественнейший, но с годами утративший свою былую силу? Мы видели его в Италии, окруженного немногочисленными телохранителями, мы видели, как он перебивался изо дня в день в Риме²¹³; и он погиб бы там от голода, если бы его не поддерживал Евгений²¹⁴ (впрочем, Евгений делал это не бескорыстно, ведь ему удалось вырвать дар у Сигизмунда)! Когда Сигизмунд прибыл в Рим, чтобы короноваться римским императором, папа дал свое согласие короновать его только на том условии, чтобы он признал «Константинов дар» и вновь подарил все то же самое. Что может быть более противоречивым: короноваться римским императором, отказавшись от самого Рима; принять корону от того человека, которого признаешь и, насколько это в твоих силах, делаешь владыкой Римской империи; подтверж-

дать дар, который, оказавшись он истинным, не оставляет императору от империи ничего! Я думаю, этого не сделали бы и дети. Что же тут удивительного, если папа присваивает себе право короновать цезаря — право, которое должно было бы принадлежать римскому народу.

Если ты, папа, можешь лишить греческого императора Италии и западных провинций, если ты создаешь латинского императора, то почему ты заключаешь соглашения, почему подвергаешь разделу владения цезаря, почему присваиваешь империю себе?

Пусть же знает тот, кто называется императором римлян (кто бы он ни был), что, по моему мнению, он не является ни августом, ни цезарем, ни императором, если он не владеет Римом; а если он даже не стремится вновь обрести город Рим, то он просто клятвопреступник. Ибо те прежние цезари, первым из которых был Константин, приводились не к той присяге, которую приносят цезари теперь; прежние цезари клялись в том, что они не уменьшат Римской империи и, насколько это в человеческих силах, будут ревностно ее расширять.

Но августы были названы так не потому что они должны были увеличивать (*augere*) империю, как полагают некоторые люди, плохо знающие латинский язык²¹⁵. «Август» означает как бы «священный», и название это произошло от «испытания птиц» (*avium gustus*)²¹⁶, которое производилось во время ауспиций²¹⁷. Об этом же свидетельствует греческий язык, в котором *augustus* переводится как *σεβαστός* (священный), откуда произошло название Себастеи²¹⁸. Было бы уж правильнее, если бы августом от *augere* (увеличивать) назывался верховный первосвященник, только вот увеличивает он лишь мирское, а духовное-то он уменьшает. Совершенно очевидно, что худшие из римских первосвященников с наибольшим рвением защищали «Константинов дар». Взять хотя бы Бонифация VIII, который обманул Целестина с помощью труб, вставленных в стену²¹⁹. Этот и о «Константиновом даре» писал и короля Франции лишил его владений²²⁰. Будто бы, отстаивая «Константинов дар», Бонифаций объявил, что франкское королевство было подчинено Римской церкви и принадлежит ей; но преемники его, Бенедикт и Клемент²²¹, сразу же отказались от этого притязания, как от несправедливого и нечестивого.

Что, однако, означает это ваше беспокойство, римские понтифики? Почему вы от каждого императора требуете подтверждения «Константинова дара»? Уж не сомневаетесь ли вы в своем праве? Решетом вы воду черпаете ²²², как говорится. Ибо дара этого никогда не было, а чего нет, того и подтвердить нельзя; и что бы цезари ни отдавали, они делают это, введенные в заблуждение мнимым примером Константина, и отдать империю они не могут.

Ладно же, допустим, что Константин принес дар и Сильвестр некогда владел им, а позднее либо у самого Сильвестра, либо у какого-то другого первосвященника эти владения были отняты. (Я говорю сейчас о том, чем папа не владеет; позднее скажу о том, чем он владеет). Могу ли я пойти на большую уступку? (Ведь я признаю совершившимся то, чего не происходило и не могло произойти). И все же я заявляю, что ни по божескому, ни по человеческому праву вы не можете требовать этих владений назад. В старом законе запрещалось, чтобы еврей служил еврею больше шести лет ²²³, и каждый пятидесятый год всякое имущество возвращалось к своему прежнему хозяину ²²⁴. Неужели теперь, во времена благодати, христианин будет находиться в вечном рабстве у наместника Христа — Христа, выкупившего нас из нашего рабства. Да что я говорю! Неужели он будет вновь обращен в рабство после того, как стал свободным и долгое время пользовался свободой?

Умолчу о том, сколь жестоким, сколь свирепым, сколь варварским часто бывает господство священников. Если раньше это не было известно, то недавно мы узнали об этом благодаря уроду и чудовищу Иоанну Вителлески ²²⁵, кардиналу и патриарху, обогрившему кровью христиан меч Петра, которым апостол отрубил ухо у Малха ²²⁶; от этого меча погиб и сам Иоанн. Народам Израиля по причине чрезмерной тяжести поборов было позволено отложиться от дома Давида и Соломона, которых помазали пророки, посланные богом; и бог одобрил действия этих народов. Неужели нам не будет позволено по причине столь великой тирании отложиться от этих людей, которые к тому же не являются царями, да и не могут ими быть, которые из пастырей овец, то есть из пастырей душ, превратились в воров и разбойников?

Обратимся к человеческому праву. Кто не знает, что не существует права, порожденного войной. Если о каком-то праве и может идти речь, то оно имеет силу лишь до тех пор, пока ты владеешь тем, что приобрел на войне. Если же ты утратил владения, то ты утратил и право на них. Поэтому никто не подает в суд на бежавших военнопленных. Никто не предъявляет претензий на военную добычу, которой вновь завладели ее прежние хозяева. Если пчелы или какие-либо другие крылатые улетели далеко от моих владений и поселились где-то в другом месте, то я не могу на них притязать. А ты притязаешь на людей, которые являются не только свободными существами, но становятся владыками других, если обретают свободу силою оружия; и ты стремишься вернуть их себе не силою оружия, а на основе права, как будто ты человек, а они овцы.

Ты не можешь сказать: «Римляне поступали справедливо, совершая нападения на другие народы и лишая их свободы». Не втягивай меня в спор на эту тему, чтобы я не был вынужден говорить что-либо против моих римлян. Как бы то ни было, ни одно преступление не могло быть столь тяжким, чтобы за него народы заслуживали вечного рабства; кроме того, очень часто они вели войны по вине своего государя или по вине какого-нибудь значительного гражданина в государстве, и рабство было незаслуженным наказанием для побежденных. Примеры этому имеются повсюду.

Закон природы не допускает того, чтобы один народ поработал себе другой народ. Мы можем советовать другим или убеждать других, но мы не имеем права повелевать другими и силой навязывать другим свою волю, если мы не хотим отказаться от человечности и уподобиться диким зверям, обладающим кровавой властью над более слабыми существами, как лев над четвероногими, орел над птицами, дельфин над рыбами²²⁷. Но и эти звери присваивают себе власть не над подобными себе, а над низшими. Сколь более обязательным является это для нас! Человек должен быть святыней для человека, ибо, как говорит Марк Фабий, нет на земле столь свирепого зверя, для которого не было бы священным свое подобие²²⁸.

Войны начинаются обычно по четырем причинам: или из желания отомстить за обиду и защитить дру-

зей, или из боязни потерпеть ущерб позднее, если другие будут беспрепятственно наращивать свои силы, или в надежде на добычу, или из стремления к славе; первая причина вполне уважительна, вторая уже в меньшей мере, две последних отнюдь не уважительны. На римлян нападения совершались неоднократно, но после того, как римляне отстояли себя, они сами начали совершать нападения на своих прежних противников и на другие народы. Ни один народ не подчинился власти римлян иначе, как будучи побежденным и покоренным в войне; было ли это справедливо и какова была причина войн — пусть судят они сами. Я не хотел бы осуждать римлян, говоря, что они совершали нападения несправедливо, и не хотел бы оправдывать их, утверждая, что они действовали справедливо; скажу только, что римляне совершали нападения на других по тем же причинам, что и остальные народы и цари, а те народы, которые подвергались нападению и терпели поражение в войне, имели такое же право отложиться от римлян, как и от других повелителей. Ведь в противном случае всю власть (а с этим не согласится никто) следовало бы передать тем древнейшим народам, которые были первыми повелителями, то есть тем, которые первыми начали захватывать чужое.

И все же у римского народа гораздо больше прав по отношению к народностям, побежденным на войне, чем у цезарей, уничтоживших республику. Поэтому, если племена имели право отложиться от Константина и даже, что гораздо важнее, от римского народа, то они, конечно, имеют право отложиться и от того, кому Константин передал свое право. Скажу смелее: если римляне были вправе или изгнать Константина, как Тарквиния, или убить его, как Юлия Цезаря, то в гораздо большей мере римляне или жители провинций вправе убить того, кто каким-то образом занял место Константина.

Хотя это и правда, но это выходит за пределы моей темы и поэтому я сдержу себя²²⁹. Пусть из того, что я сказал, не делают никаких иных выводов, кроме одного: нелепо ссылаться на словесное право там, где сила принадлежит оружию; ибо то, что оружием приобретено, может быть и отнято оружием.

Все это становится еще более очевидным, если вспомнить, что другие, новые племена (как мы слышали о го-

тах), которые никогда не были под властью Рима, захватили Италию и многие провинции, изгнав оттуда прежних жителей. Справедливо ли возвращать эти народы к рабству, в котором они никогда не были? Справедливо ли делать победителей рабами, да к тому же рабами тех, которые, быть может, являются побежденными? А если в то время некоторые города и народы, покинутые императором перед нашествием варваров (а мы знаем, что так оно и произошло) были вынуждены избрать себе царя, под предводительством которого они одержали победу, то неужели позднее они должны были лишиться его власти? Неужели только для того, чтобы вновь стать подданными римского государя, они должны были лишиться власти его сыновей, снискавших себе народную любовь как благодаря заслугам отца, так и благодаря собственной доблести, а народ ведь постоянно нуждался в их поддержке, ведь ни от кого другого он не мог ожидать помощи? Если бы сам Цезарь, вновь оживший, или Константин, или даже сенат и народ римский позвали бы эти народы на общее судилище, каким был в Греции суд амфиктионов²³⁰, то сразу же на первом судебном заседании истцу было бы отказано в его требовании возвратит к рабству и неволе людей, им же самим некогда покинутых на произвол судьбы, людей, долгое время находившихся под властью другого государя, людей, которые никогда не были подчинены царю-чужеземцу, наконец, людей, рожденных для свободы и призванных к свободе самой мощью своего духа и своего тела. Итак, совершенно ясно, что если Цезарю, если народу римскому отказано в их требовании, то гораздо решительнее будет отказано в нем папе! И если другим народам, находившимся под властью Рима, позволено или выбрать себе царя, или сохранить республику, то в еще большей мере позволено это народу римскому, особенно перед лицом этой новой тирании пап²³¹.

Потерпев поражение со своей защитой «дара» (так как его никогда не было, а если бы он и был, то за давностью он утратил бы свою силу), наши противники прибегают к другому способу защиты; они как бы сдают город и отступают в крепость, которую они вскоре также должны будут сдать из-за недостатка съестных припасов. «Римская церковь,— говорят они,— приобрела право давности на все то, чем она владеет». Почему же

тогда она требует себе того (а эта часть большая), на что она не приобрела права давности и на что приобрели права давности другие? Или ей позволено по отношению к другим то, что не позволено другим по отношению к ней?

Римская церковь приобрела право давности! Почему же тогда она столь часто проявляет заботу о том, чтобы императоры подтвердили ее право? Почему же она похвально даром цезарей и их подтверждением этого дара? Если достаточно одного этого, то ты совершаешь несправедливость по отношению к этому, говоря о каком-то другом праве. Почему же ты не молчишь о другом праве! Очевидно, потому, что этого недостаточно.

Римская церковь приобрела право давности! Как могла она приобрести право давности там, где ни о каком праве и речи быть не может, где имеется лишь нечестное владение? Если ты не согласен с тем, что это нечестное владение, то уж во всяком случае ты не сможешь отрицать того, что оно основано на глупой вере. Неужели в столь важном и в столь очевидном деле следует извинить незнание закона и незнание факта! А именно, незнание того факта, что Константин не отдавал Рима и провинций (не знать об этом допустимо для частного человека, но не для верховного первосвященника), а также незнание того закона, что все это не могло быть подарено и не могло быть принято (не знать об этом едва ли допустимо для христианина). Так неужели глупое легкоеверие дает тебе право на то, что никогда бы не было твоим, если бы ты был умнее? Ну хорошо! А теперь, по крайней мере, когда я показал, что ты владел всем этим по невежеству и глупости, неужели теперь ты не утратишь этого права, пусть даже прежде оно и было у тебя? Неужели знание в благой час не отнимет у тебя того, что в недобрый час принесло тебе незнание? Неужели имущество не возвратится от незаконного владельца к законному и, быть может, еще с платой за пользование? А если ты все еще продолжаешь владеть этим, то незнание превращается в обман и коварство, а ты уже, безусловно, становишься нечестным владельцем.

Римская церковь приобрела право давности! О невежды, не имеющие понятия о божеском праве! Годы, сколько бы их ни прошло, не могут уничтожить истин-

ного права. Представим себе, что я был взят в плен варварами и сочтен погибшим; неужели, вернувшись на родину после ста лет плена, я буду лишен права на отцовское наследство? Что может быть бесчеловечнее этого? Приведу другой пример. Разве Иеффай, вождь Израиля, когда сыновья Аммона потребовали себе землю от границ Арнона вплоть до Иавока и Иордана, сказал им в ответ: «Израиль приобрел право давности на эту землю, владея ею уже в течение трехсот лет»? ²³² Он показал, что земля, которую они требуют себе, никогда не принадлежала им, а была землею амореев. И в доказательство того, что аммониты не имеют отношения к этой земле, он сослался на тот факт, что в течение стольких лет они никогда не требовали ее назад.

Римская церковь приобрела право давности! Молчи, нечестивый язык! Право давности, которое возникает по отношению к вещам бессловесным и неразумным, ты переносишь на человека. Но чем дольше владеют человеком как рабом, тем более гнусным становится это владение. Птицы и звери не признают над собой права давности. Сколь бы долго они ни находились у своего владельца, они уходят от него, когда им захочется и когда представится случай. А человеку, которым владеет другой человек, не позволено будет уйти?

Послушай теперь о том, в чем проявляется уже не столько невежество, сколько подлость и коварство римских первосвященников, избравших себе судьей не закон, а войну (я полагаю, что нечто подобное совершали и первые первосвященники, захватившие Рим и другие города). Незадолго до моего рождения (я призываю в свидетели современников этих событий), благодаря неслыханному коварству, в Риме была установлена папская власть, или, вернее, папская тирания, тогда как до этого Рим долгое время был свободным. Папой был тогда Бонифаций IX ²³³, подобный восьмому как по имени, так и по коварству, если только можно называть Бонифациями тех, которые совершают столь гнусные дела ²³⁴. Поскольку римляне, уличив Бонифация в вероломстве, выражали друг другу свое возмущение, добрый папа по примеру Тарквиния стал сбивать палкой все те маковые головки, которые были повыше ²³⁵. Когда позднее этому попытался подражать его преемник Иннокентий, то он был изгнан из города ²³⁶. Я не хочу

говорить о других первосвященниках, которые постоянно держали Рим в своей власти силой оружия; правда, всегда, когда это было возможно, Рим восставал. Так, шесть лет тому назад, когда римляне не могли добиться от Евгения мира и не могли противостоять врагам, осаждавшим город, они сами осадили папский дворец, решив не выпускать оттуда папу прежде, чем он не заключит мир с врагами или не передаст в руки граждан власти над городом. Но папа предпочел, переодевшись в чужое платье и взяв с собой только одного спутника, покинуть город, лишь бы не пойти навстречу законным и справедливым требованиям граждан²³⁷. Кто не знает, что если бы им был дан выбор, то они выбрали бы не рабство, а свободу?

То же самое можно предположить и о других городах, которые папа держит в рабстве, хотя он должен был бы скорее освободить их от рабства²³⁸. Было бы слишком долго перечислять, скольким городам, захваченным у врагов, римский народ некогда предоставил свободу. Мало этого, Тит Фламиний дал свободу и право пользоваться собственными законами всей Греции, которая прежде была под властью Антиоха²³⁹. А папа, как мы видим, с редким упорством строит козни против свободы народов. И поэтому народы, со своей стороны, всякий раз, когда представляется возможность, встают против него (посмотри хотя бы на Болонью)²⁴⁰. А если иногда народы по своей воле выбирают папское правление, что может случиться только тогда, когда какая-либо опасность угрожает им с другой стороны, то не следует думать, будто они делают это с тем, чтобы превратить себя в рабов, чтобы никогда не иметь возможности сбросить с себя это ярмо, чтобы и потомки их не могли распоряжаться собою; ведь это было бы в высшей мере несправедливым.

«По своей воле пришли мы к тебе, верховный первосвященник, чтобы ты управлял нами; теперь мы по своей воле уходим от тебя, чтобы ты более не управлял нами. Если тебе что-либо от нас причитается, то давай произведем расчет отданного и полученного. Но ты хочешь управлять нами вопреки нашей воле, как будто мы сироты, хотя и тобой мы могли бы, пожалуй, управлять более разумно, чем ты сам. Прибавь сюда несправедливости, которые постоянно совершаются по отноше-

нию к нашему государству тобою или твоими магистра-
тами. Бог свидетель, твоя несправедливость вынуждает
нас восстать, как некогда Израиль восстал против Ро-
воама ²⁴¹. И какую же несправедливость творил Ровоам?
Платить тяжкие подати — сколь малая это доля на-
шего бедствия. Что следует делать нам, если ты разо-
ряешь наше государство? А ты разорил его. Если ты
грабишь храмы? А ты ограбил их. Если ты бесчестишь
дев и матерей семейств? А ты обесчестил их. Если ты
заливаешь город кровью граждан? А ты сделал это. Не-
ужели мы должны сносить все это? Ты перестал быть
отцом для нас. Не лучше ли было бы и нам забыть о
сыновнем долге? Наш народ призвал тебя, верховный
первосвященник, как отца или, если тебе это боль-
ше нравится, как господина, а не как врага и как пала-
ча. Но ты не хочешь быть отцом или господином, ты хо-
чешь быть врагом и палачом. Будучи христианами, мы
не станем подражать твоей жестокости и твоему веро-
ломству, хотя мы могли бы сделать это по праву оби-
женных; мы не обнажим мстительный меч над твоей го-
ловою, но, свергнув и изгнав тебя, мы изберем себе
другого отца или господина. Сыновьям позволено бе-
жать от дурных родителей, которые произвели их на
свет, а нам — не позволено бежать от тебя, хотя ты не
настоящий отец нам, а лишь приемный и обращаешься
ты с нами очень плохо? Ты же заботься о том, что
является долгом священника, и не вздумай переселяться
на север, чтобы оттуда с оглушительным громом метать
сверкающие молнии на наш народ и на другие наро-
ды» ²⁴².

Нужно ли мне продолжать свою речь о деле, столь
очевидном? Я утверждаю не только то, что Константин
не даровал стольких владений и римский первосвящен-
ник не мог приобрести на них права давности, а утверж-
даю также, что если бы и то и другое имело место, тем
не менее, всякое право на владение было бы утрачено в
результате преступлений, совершенных владельцами, ибо
мы видим, что разорение и бедствия всей Италии и мно-
гих провинций происходили из одного этого источника.
Если источник горек, то горек и ручей; если корень не-
чист, то нечисты и ветви; если начаток не свят, то не
свято и целое ²⁴³. И наоборот, если ручей горек, то сле-
дует завалить источник; если ветви нечисты, то порок

исходит из корня; если целое не свято, то начатком следует пренебречь. Можем ли мы признать законной самую основу папской власти, если мы видим, что папская власть является причиной столь страшных преступлений, столь громадных и столь разнообразных бедствий?

Поэтому я громко возглашаю, ибо я полагаюсь на бога и не боюсь людей: в наш век на папском престоле не было ни одного честного или разумного правителя. Вместо того, чтобы питать семью бога, они ее пожирали, как пищу, как кусок хлеба. Папа и сам совершает нападения на мирные народы и разжигает вражду между государствами и государями. Папа жаждет чужих богатств и поглощает свои собственные; его можно назвать, как Ахилл назвал Агамемнона *Δημοβόρος βασιλεύς*, то есть, царь — пожиратель народа²⁴⁴. Папа обогащается не только за счет государства, чего не осмелились бы сделать ни Веррес, ни Катилина²⁴⁵, ни другие казнокрады; он извлекает доход из церкви и из святого духа, а этим гнушался бы сам Симон-маг²⁴⁶. И когда папе напоминают об этом, когда некоторые порядочные люди упрекают его, он не отрицает, а открыто признает это и хвастливо заявляет, что он вправе любым образом вырывать у похитителей имущество, подаренное церкви Константином. Как будто возвращение этого имущества послужило бы на благо христианской вере; как будто христианская вера не была бы тогда еще более унижена всяческими пороками, излишествами и вожделениями, если только ее можно унижить еще больше, если только осталось еще свободное место для преступления!

Но папа хочет вернуть себе остальные части «дара», и деньги, гнусным образом похищенные у порядочных людей, он тратит еще более гнусным образом; он кормит и поит несметные полчища конных и пеших войск, которые отравляют существование всем, и делает это тогда, когда в стольких тысячах нищих Христос умирает от голода и холода. И папа не понимает (о, отвратительное преступление), что в то время, как он сам стремится отнять у мирян их имущество, миряне, в свою очередь, или введенные в соблазн гнуснейшим примером, или принужденные необходимостью (пусть даже это и не подлинная необходимость), стремятся отнять то, что принадлежит церковникам. Итак, нигде нет ни веры, ни святости, ни страха божьего, ибо (я содрогаюсь, говоря

об этом) нечестивые люди в папе находят оправдание всем своим преступлениям. Ведь папа и его приближенные являют пример всяческих злодеяний, так что вместе с Исайей и Павлом мы можем воскликнуть, обращаясь к папе и его окружению: «Имя божие ради вас хулится у язычников. Уча других, вы не учите самих себя. Проповедуя не красть, крадете; гнушаясь идолов, святотатствуете. Хвалитесь законом и первосвященством, а преступлением закона бесчестите бога — подлинного первосвященника»²⁴⁷.

А если римский народ из-за чрезмерного богатства утратил истинную римскую доблесть, если Соломон по той же причине дошел до идолопоклонства в своей любви к женщинам²⁴⁸, то разве не это же самое, как мы видим, происходит с верховным первосвященником и другими клириками? Неужели после всего этого мы будем считать, что бог позволил бы Сильвестру принять этот дар, порождающий столько грехов? Я не потерплю, чтобы эта несправедливость совершалась по отношению к мужу святейшему; я не позволю, чтобы это оскорбление наносилось превосходнейшему первосвященнику, чтобы о нем говорили, будто он принял империи, царства, провинции — все то, от чего обычно отказываются люди, желающие стать клириками. Немногим владел Сильвестр, немногим владели и остальные святые первосвященники, один вид которых был священным даже для врагов. Ведь один вид Льва устрасил и сломил свирепый дух варварского царя, которого не могла сломить и устрасить мощь Рима²⁴⁹. Но верховные первосвященники последних времен, утопающие в роскоши и наслаждениях, стремятся, по-видимому, только к тому, чтобы быть настолько же нечестивыми и глупыми, насколько древние папы были мудрыми и святыми, чтобы славу о прекрасных деяниях древних пап затмить своими позорными делами. Какой человек, называющий себя христианином, может вынести это со спокойной душой?

Но в этой первой нашей речи я не хочу побуждать государей и народы к тому, чтобы они остановили папу, несущегося в необузданном порыве, чтобы они заставили его вернуться в свои пределы, я хочу только, чтобы они подали ему добрый совет.

Быть может, узнав истину, он по своей воле перейдет из чужого дома в свой собственный и возвратится в га-

вань, уидя от опасных течений и лютых бурь. Если же он откажется сделать это, то тогда мы приступим ко второй речи, которая будет гораздо более грозной. Увижу ли я когда-нибудь (ничего другого не жду я с таким нетерпением, в особенности, если это произойдет по моему совету), увижу ли я когда-нибудь, что папа будет только наместником Христа, а не наместником цезаря. Наступит ли время, когда не будут слышны устрашающие восклицания: «Партия сторонников церкви», «Партия противников церкви»²⁵⁰, «Церковь сражается против жителей Перуджии», «против жителей Болоньи»?²⁵¹ Не церковь сражается против христиан, а папа; церковь сражается против «духов злобы поднебесных»²⁵². Тогда папа и по названию и на деле будет святым отцом, отцом всех, отцом церкви; он не будет возбуждать войн между христианами, а войны, начатые другими, он будет прекращать своим апостольским судом и папским авторитетом.



ЛЕОНАРДО ТЕРУНДА

МЕМОРИАЛ¹

Почтеннейшему господину своему, славнейшему кардиналу Святого креста² смиренный раб его Леонардо Терунда шлет уверения в своей преданности и верности. Когда я наблюдаю нынешнее тягостное положение дел во всем мире и в самой церкви Христовой, то мне кажется, что наступили те злые дни, которые предвещал господь в своем евангелии. Там он говорит: «Услышите о войнах и о военных слухах..., ибо восстанет народ на народ... и будут глады, моры... по местам»³, и там же он, для которого ничто не было неведомым, учил, когда это можно будет увидеть. Он говорил: «Когда увидите мерзость запустения, реченную чрез пророка Даниила, стоящую на святом месте — читающий да разумеет»⁴. Кто же не понимает, что ныне наступили эти дни, ведь всякий видит, что в великом смятении дела человеческие и по волнам посится сама церковь Христова и в ней, которая есть место святое, мерзость кровей?

Думая лишь об этом, я решил, если только смогу, последовать совету бога и бежать куда-нибудь прочь от вихря или туда, где он меньше свирепствует, и скрываться там доколе не пройдет яростный порыв бури. Ибо порыв этот пройдет быстро, как учил он сам: «И если бы не сократились те дни, то не спаслась бы никакая плоть»⁵. И я уже обратился бы в задуманное бегство, если бы не воспрепятствовала мне суровая зима. Из-за этой помехи застрял я в Ферраре у славных господ моих маркизов⁶, ожидая лучшего времени для странствий. И хотя они относятся ко мне со свойственным им радушием, я пребываю здесь неохотно, напуганный лицами злых людей, оглашающих все вокруг шумом, и памятуя о том совете, который дал своим близким наш Спаситель, говоря о бегстве: «Молитесь, чтобы не

случилось бегство ваше зимою или в субботу»⁷. Обратившись в бегство глубокой зимою, от которой он предостерегал нас, я страдаю вполне по заслугам, как тот, кто мало молился или молитвой не снискал спасения тому, что хотел спасти. Но стремясь постичь, откуда на земле это смятение церкви Христовой, встревоженный опасностью и исполненный надежды на спасение, я решил разбудить папу, сладко спящего на носимом по волнам суденышке⁸, ибо в папе, как я полагаю, в нем одном все наше спасение; в нем одном, который наподобие господа, будучи его наместником, может повелевать ветрами и морем. Ему самому написал я взволнованное письмо, дабы он пробудился, дабы он избавил от опасности встревоженную церковь Христову, вместе с ним несущуюся по волнам. Но поскольку я не очень-то уверен в умишке своем и **вовсе** не считаю, что благодаря каким-то достоинствам слов и речей моих я в состоянии выполнить этот труд, то я пожелал передать его прежде в твои руки, чтобы ты рассмотрел его и вынес свое мудрое решение, и если твоей мудрости (что я считал бы величайшим для себя счастьем) он понравится, то я молю тебя, заклинаю тебя, господин мой, чтобы ты соизволил взять на себя труд передать это письмо твоему господину.

Что ты любишь меня, любезнейший отец, я знаю уже давно; уповая на это, я пользуюсь здесь твоей благосклонностью. Прощай, господин мой, и меня и моих сыновей, то есть всех Терунда, соблаговоли считать преданными тебе. Дано во Флоренции 6 ноября 1435 г.

Блаженнейшему отцу и господину своему, святейшему папе Евгению IV⁹ смиренный раб его Леонардо Терунда шлет уверения в своей верности и преданности.

В нынешние времена столь велико людское тщеславие, что ни для кого не приемлема речь, в начале которой не было бы льстивого вступления¹⁰. Оратор, который осмелится выступить без него, непременно будет отвергнут, как прубиян или недоброжелатель. Благодаря такому соблазну этот порок лести настолько вошел в силу, что быть лишенным его стало уже пороком.

Однако не из угодливости пожелал я назвать тебя блаженнейшим, ведь я честно сообщаю тебе истину, но по той причине, что считал своим долгом быть правди-

вым. Ибо когда я вижу тебя восседающим на святом престоле, высоко вознесенным, наместником бога на земле, преемником апостола Петра, пастырем и вождем народа христианского, дарителем божественного милосердия и благодати, посредником в человеческом спасении¹¹, то мне кажется, что я должен без колебаний назвать тебя блаженным и блаженнейшим.

Но когда я смотрю на тебя, швыряемого яростными волнами, объятаго вихрями, встревоженного волнениями, осыпаемого ругательствами, осажденного бедствиями, подверженного опасностям, беглеца, изгнанника, почти погибшего¹², то я не знаю, как может подобать тебе имя блаженного.

Но могу ли я не назвать себя блаженным?

Обратившись к папе — господу Христу, я по справедливости сказал «блаженный», и в том, что я сказал искренне, в этом я не могу раскаиваться. Ибо я незираю на лик мирской. Долю бога, величайшего благоговения достойную, я, всецело преданный, решил постоянно славить, а мир и долю его нечистую и жалкую — осуждать, ибо от мира проистекает всяческая низость и все твоё несчастье.

Не осуждай меня, молю тебя, господин мой, за то, что я, ничтожный, решаюсь на столь огромное, что я возлагаю на себя заботы о великих делах, чуждых человеку незначительному, воззри на преданного человека со свойственным тебе милосердием, с кроткой человечностью. Да позволено будет мне вместе с теренциановым Хреметом сказать, что ничто человеческое, то есть ничто, свойственное человеку, свойственное Христу, я не считаю чуждым мне¹³, христианину, да и не осмелился бы считать, сознавая как человек свой долг перед человеком, и как христианин свой долг перед господом Христом. И поскольку ты, отец, пастырь всех, данный нам богом, не можешь один попасть в беду, но неизбежно все мы будем ей сопричастны, то мы должны заботиться о твоём спасении, ведь тебе вручена забота о спасении всех, мы должны печься о тебе, когда ты подвергаешься опасности, воистину преемник апостола Петра за которого некогда по несправедливому обвинению брошенного в темницу, вся церковь, глубоко встревоженная, непрерывно молилась господу. Следуя этому примеру, мы должны избавить и освободить тебя от беды,

оказывая такую помощь, на которую мы только способны, и подавая советы, которые только сможем придумать

И я не перестаю удивляться тому, что люди, о святости которых можно судить по благочестивой наружности, а о воздержанности по хмурой худобе, люди, опру-белые члены которых и жесткая щетина на руках говорят о суровой душе, люди, которые называют себя руководителями святых орденов и поводырями слепых, которые назойливой толпой окружают тебя, пользуясь твоей дружбой и благосклонностью, которые заявляют, что они далеки от злого мира, что они ограждены от него орденским уставом и образом жизни ¹⁴, — я не перестаю удивляться тому, что эти люди, видящие, как ты сломя голову устремляешься в бездну, не подают тебе в своей любви непритворной тех благих советов, которыми руководствуются сами. Ибо я не могу поверить, чтобы ты был настолько отравлен этим ядом, настолько расслаблен этой злой болезнью, чтобы чувства твои были настолько притуплены, что ты отвернешься от врача, дружески предлагающего тебе горький, но целебный бокал, чтобы слух твой был настолько изнежен, что ты не пожелаешь выслушать неприглядную и суровую, но святую и полезную истину, хотя эту милость обычно оказывают тем, кто предлагает совет.

Боюсь только, что эти люди совсем не такие, какими они кажутся, что в душе их погас огонь истинной любви, что равнодушные к тебе и пламенно страстные, когда дело касается их самих, они пренебрегают тобой; соединившись с толпой окружающих тебя льстецов и будучи сами еще более вредными льстецами, они лишь усугубляют твои бедствия.

И то, что должны были бы сделать все христиане, вся церковь и те самые подобия святых, которые, как я сказал, окружают тебя, попытаюсь сделать этим письмом я, ничтожный Терунда. Не умеющий говорить искусно, но исполненный преданности и веры, я подам тебе обдуманый и целительный совет. И если ты, уже наученный горьким опытом, задавленный такими бедствиями, сочтешь нужным оставить мир и царство земное — худшую часть мира, которое проклинаят, отвергают и осуждают все писания божеские и человеческие, преступлениями которого исполнены все трагедии ¹⁵, в котором ни один человек не может оставаться справед-

ливым, а священник бога не может не быть дурным и жалким, если ты найдешь нужным оставить это царство, отказаться от него, бежать от него, то я исполню для тебя обязанность верного слуги и, осмелюсь сказать, долг мудрого советчика.

Я не могу, господин мой, не могу не сострадать твоим бедствиям, не могу больше молча взирать на твои несчастья, мне кажется, что я, как верный слуга, должен позаботиться о тебе, насколько это в моих силах, дабы ты более не подвергался таким опасностям, я должен это сделать, ведь если погибнешь ты, то и я погибну вместе с тобою.

Итак, к господину моему преданный раб, к Моисею — бога вестнику, мирскими делами обремененному, вместо Иофора, тестя его, обращусь; к тебе, господин мой, словами Иофора буду говорить. «Не хорошо,— говорю я,— это ты делаешь: ты измучишь себя..., ибо слишком тяжело для тебя это дело: ты один не можешь исправлять его; итак, послушай слов моих..., и будет бог с тобою: будь ты для народа посредником перед богом и представляй богу дела его; научай их уставам и законам божьим, указывай им путь его, по которому они должны идти, и дела, которые они должны делать»¹⁶. Дело бога — это твое дело, благой отец, твои заботы, твои труды. Почему ты возлагаешь на себя чужое дело и обременяешь себя им, воистину Моисей, данный народу божьему, ведь ты не сможешь нести сразу и свое и чужое бремя?

Нет ничего удивительного в том, что тебя одолевают столь многие тревоги и волнения. Ибо от чего другого происходит, что ты, законный владелец святого престола, так плохо сидишь на нем, как не от того, что ты не можешь хорошо сидеть сразу на двух креслах?¹⁷ Ведь старая пословица гласит: «Кто на двух скамьях сидит, у того зад скользит». В одном кресле ты сидишь на небесах, в другом на земле: как же ты можешь не скользить и не шататься? Подумай только, господин мой, и посмотри на себя самого, кем бы ты был, сколь великим, сколь блаженным, если бы ты сидел в своем кресле, сколь более значительным казался бы ты, чем ты есть; и откуда это у тебя, как не от святого престола, на котором ты сидишь, высоко вознесенный и к богу ближайший? Если бы было иначе, если бы ты не сидел на

святом престоле, каким бы ты был и каким бы казался самому себе?

Обдумай сам с собой, отец, как удобно, как хорошо сидишь ты в своем кресле, когда вершишь свое дело, свое и бога, когда в храме бога верховным его священником и в святилище его служителем служишь, божественное творишь, когда о стаде господнем, как добрый пастырь, заботишься, пасешь его, хранишь и направляешь, а все верующие благочестиво дивятся тебе и почитают тебя; когда ты распределяешь и вручаешь почетные награды, прелатуры, должности, приходы святой церкви, как истинный и законный даритель того, что по праву принадлежит тебе, а люди смиренно принимают и блюдут твоё распределение и твоё поручение, неусыпно следуют твоим повелениям и подчиняются тебе, никто не восстает, никто не упрямствует. Короли, государи, все народы чтут тебя, как самого бога, как того, кто замещает бога на земле, благоговеют пред тобой, поклоняются тебе и боятся, ибо считают, что по праву должны тебя бояться. Они боятся тебя больше, чем тех, перед которыми препещет несчастный мир, хотя эти могущественные люди и могут убить смертные тела, самой природой своей обреченные на погибель, но ничего большего они сделать не могут. Ты же, могущественнейший в боге, можешь и убивать и оживлять смертные души, потому-то твоё благословение и твою милость они считают божеским даром, боясь ненависти, проклятия и суда гневного бога, мечущего молнии с неба. Итак, когда ты сидишь как папа на высочайшем престоле, ты находишься впереди всех, как царь царей и господин господствующих, нет никого, кто был бы больше тебя, выше тебя и блаженней тебя.

Когда же ты силичишься сидеть на другом престоле, то есть на престоле царства мирского, скольким бедствиям, о господи, ты подвергаешься; там ты не выглядишь столь блаженным, сколь несчастным выглядишь ты здесь; ты уже не кажешься тем, кем был, ты становишься совсем непохожим на себя самого, и лицо твоё омрачается от бедствий мирских, о которых я только что говорил. И если мы даже видим, что ты, папа, восседаешь на святом престоле Петра, как на своем престоле, будучи законным преемником первого из апостолов, мы едва можем поверить этому зрелищу, ибо, задавленный

столькими бедствиями, ты восседаешь на нем так неуклюже, что кажется, будто ты сидишь не на своем святом и блаженном престоле, а на чужом, жалком и гибельном сидении.

Ибо, о господи, сколь тягостные заботы тебя на нем волнуют, какие труды тебя утомляют, какие опасности тебя повергают в страх в этом коварнейшем царстве мирском, в котором хозяин должен опасаться гостя, а тесть — зятя, в котором редко встречается дружба между братьями, в котором муж жаждет погубить жену, жена — мужа, отец — сына, сын — отца. Что будешь ты делать среди таких козней? Не знающий спокойствия, сверх меры возбужденный, взволнованный, объятый смутением, подобно льву в коварных лесных ущельях, подстерегаемому тысячью опасностей, ловимому западнями, поражаемому копьями, со всех сторон подвергаешься ты нападению, отсюда тебя тревожат разные крики, оттуда в тебя вонзаются нежданные стрелы, на каждый звук, на каждый стук ты оборачиваешься, никогда не чувствуешь себя в безопасности, никогда не бываешь свободен. Ты готовишь войны, собираешь войска, водишь в бой когорты¹⁸, упражняешь воинов, распределяешь охрану, устанавливаешь прикрытия, возводишь башни, строишь осадные орудия; то обращаешь в бегство других, то сам бежишь, одних одолеваяешь, другими сам одолеваяешься; подчиненных мучаешь, друзей утомляешь, врагов преследуешь¹⁹. Разве то, что ты творишь, кажется тебе твоим делом или делом священническим? О, гнусные деяния, далекие от господа Христа! Совращенный веком, ты принадлежишь к тем, о которых пророческий приговор гласит: «Совращающихся на кривые пути свои да оставит господь ходить с делающими беззаконие»²⁰. Ибо из-за дел мирских у тебя постоянное общение с полководцами, воинами²¹, с разбойниками и, более того, с убийцами, гладиаторами, с нечестивыми гуляками. С этими людьми способными на любую гнусность, ты ежедневно совещаешься об опустошениях и убийствах, без которых не осуществимы дела царства мирского; совращенный этими людьми, ты не можешь заниматься теми добрыми делами, которые подобают тебе, ибо для этого у тебя не остается ни времени, ни места. Общение же с лучшими людьми, со слугами Христа для папы ненужно, да он и не общается

с такими людьми, уделяя свое внимание только сенату бесчестия²² и слугам преступлений. Я уже перестаю удивляться тому, что те внешне благочестивые люди о которых я только что говорил, не оказывают тебе содействия своими советами, ведь для тебя нет никакой пользы в этих советах. Окружающие тебя нечестивцы приносят тебе и другой немалый вред: ты никогда не можешь довериться столь близким тебе людям, ибо, как сказал один автор исторических поэм: «Нет никакой чести и уважения к праву у тех, кто проводит свою жизнь в лагерях»²³. И эти люди, отличающиеся от священника божьего не только юрденским уставом и образом жизни, но и своим нравом, о господи, с помощью каких только хитростей они тебя не обманывают, какими только кознями не опутывают тебя, простодушного и неопытного. И если эти козни не приносят им пользы, они обращаются к оружию. Там, где они не добиваются своего хитростью, они применяют силу; будучи не менее враждебными по отношению к тебе и твоим близким, которых они должны защищать, чем открытые враги, они еще более опасны тем, что они более опытные и могут напасть неожиданно. И, тем не менее, как будто ты обязан им давать жалование, награды, займы, даровать им обещанное, заслуженное и незаслуженное, они насильно отнимают у тебя все деньги, все имущество, нагло разоряют тебя, выжимают все, что могут, и убегают. Ты же наносишь ущерб не только провинциям, городам, народам, обременяя их тяжелыми налогами, но даже церкви, монастыри и святые места непрерывными поборами истощаешь, отсюда ты похищаешь средства, необходимые для содержания слуг и нищих Христовых и посвященные благочестию и религиозному служению, себя, наконец, превращаешь в святотатца, вора и разбойника, чтобы удовлетворить нечестивцев. Свершаешь грех еще более пагубный, чем эти люди.

Но для тебя еще более печальным является другое: в боге ты не имеешь равного себе, не имеешь большего, не имеешь высшего, в мире же ты находишь людей, более великих, чем ты, и множество людей более могущественных. В мире ты становишься ничтожнейшим, да и вообще никем. Ты не цезарь, ты не царь; пусть, кто может, скажет, кто ты есть; ибо не подобает называть папу царем или чем-нибудь в этом роде, воздавать бо-

жеские почести нечестивым утехам света — это уж дерзость гнуснейшая. Итак, нет тебе в мире чести, нет тебе почета, нет тебе звания; занимаясь чужим делом, ты неизбежно лишаешься того, что принадлежит тебе, ты приобщаешь себя к тем, о которых пророк сказал: «Горе тому, кто без меры обогащает себя не своим — надолго ли? — и обременяет себя залогами»²⁴. Заботясь о чужом, ты лишаешься своего, более могущественные презируют тебя, равные нападают на тебя, ты уже подвластен законам мира. Нет такого ничтожного разбойника, такого жалкого слуги, который не дерзнул бы тебе противодействовать, над тобою глумиться, и эти гнусные люди нападают тем наглее, чем более они видят в тебе, как им кажется, свое подобие. Поскольку миру полностью открыт лик суеты, то исчезает уважение к святости. Они говорят тебе вместе с пророком: «И ты сделался бессильным, как мы! И ты стал подобен нам!»²⁵ Не видя пастухов, они идут по следу волка. Недавно на Базельском соборе²⁶ ты на собственном опыте убедился, что, имея ты даже много противников, которых сделала тебе враждебными только злоба мирская, ты не должен бояться их натиска, пока ты восседаешь на святом престоле. В нем тебе град крепости твоей и Сион спасительный²⁷. Он тебе был оплотом, твердыней защиты, башней мужества, убежищем спокойствия, приютом спасения. Нечестивцы могли на тебя лаять вне святых стен, но внутри этих стен, государи, народы, верующие христиане и сама церковь защитили тебя. В царстве же мирском, никем не охраняемый, всеми отвергаемый и презираемый, всем ненавистный и враждебный, ты беззащитен перед ударами, ты, как труп гнилой, диким зверям отданный на растерзание.

В то время, как ты видишь себя на том твоём высочайшем престоле столь вознесенным, столь блаженным, на другом же мирском сидении столь ничтожным, слабым и жалким, ты почему-то, хотя и можешь, не понимаешь этого без советчика. В то время, как одно твоё сидение вознесено к небу, а другое опущено в бездну, как можешь ты пытаться одновременно сидеть всем телом на обоих сидениях, столь неравных, столь различных, столь далеко друг от друга отстоящих, ведь ты поступаешь вопреки непогрешимому изречению истины Христовой: «Никто не может служить двум господам:

ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть»²⁸.

Подумай сам, отец благод, что можешь ты, плененный и возвращенный миром, сделать божеского, апостольского, благочестивого, составляющего твой долг, ведь ты не можешь дать святилищу ничего неиспорченного, честного, прочного, чистого, незапятнанного и непопорченного, будучи развращенным пороками мира и надменной пышностью церковных торжеств. Хорошо ли ты, слуга Христов, из этого святилища заботишься о стаде, пастырем которого ты поставлен? Мало того, что ты, расточительный за счет церкви Христовой, в слепом пренебрежении своем по несправедливому обыкновению своему осыпаешь богатствами, почестями, одаряешь должностями людей недостойных, тебе не известных, для священнослужения не подходящих, на любую подлость готовых, — ничего лучшего ты сделать не можешь. Ты не можешь в церкви пользоваться своим правом, ибо ты не в состоянии ничего сделать без людского на то соизволения или, что еще гнусней, без вручения платы и предоставления должностей, которые у тебя вымогают. Ты, связанный с мирской гнусностью раб, всегда лишь по принуждению почитаешь бога и служишь ему, перед ним ты всего лишен, по праву можешь ты себя назвать слугой слуг²⁹, только вот богу ты слуга неверный.

Поскольку ты не можешь заботиться о стаде господнем, занятый делами маммоны³⁰, ты пренебрегаешь делом божьим, ничего не выведываешь, ничего не направляешь, ничего не исправляешь, ничего не очищаешь, никого не наказываешь. Добившись твоего покровительства, люди могут грешить, ибо свободны они от суда власти апостольской.

Действительно, если ты испытываешь страх перед богом, если ты сознаешь себя христианином, ты должен был бы бояться пришествия господня, ведь он потребует от тебя отчета о своем стаде, вверенном тебе, а ты не сможешь дать отчет, ибо ты пренебрег стадом и погубил его, ты собирался осуждать ангелов, а будешь осужден и проклят разгневанным богом, и ты услышишь, как он будет уличать тебя словами пророка: «От обширности торговли твоей внутреннее твое исполнилось неправды», и снова — «Множеством беззаконий твоих в неправедной торговле твоей ты осквернил святилища твои»³¹.

Итак, ты пытаешься сидеть на обоих престолах, но вскоре, как я уже говорил, в позорном падении свалишься с верхнего престола на нижний, в бездну бедствий, где ты, отвергнув бога и последовав за маммоной неправды, ничего не сможешь совершить благого, а сможешь лишь терпеть и творить зло.

Но еще опаснее то, что ты, прельщенный медом злого духа, как бы не замечаешь зла и постыдно стремишься к нему; ибо чувства твои поражены болезнью, и недуг, которого ты не ощущаешь, нравится тебе. О, господи, сколь великим недугом ты поражен, если ты предпочитаешь неразумное разумному, горькое сладостному, отвергая свое спасение, ты стремишься к тому, чтобы быть больным, а не здоровым, несчастным, а не счастливым, злым, а не добрым. В своем ослеплении ты поступаешь как те, о которых говорил пророк, зло называешь ты добром, а добро — злом, тьму считаешь светом, а свет — тьмою³², радуешься своему несчастью, наслаждаешься своими бедами. И все же я помню, что некогда, будучи молодым (а в этом возрасте менее разумных привлекает сладость богатств), ты поступил мудро; получив огромное отцовское наследство, ты продал его и все вырученные деньги раздал нищим, тем самым ты последовал трудноисполнимому, но превосходнейшему совету господина, ты последовал за самим господом и явил столь замечательный, столь удивительный пример добродетели. И если я вижу, что теперь ты обратился к миру, от которого ранее ты благоразумно бежал, если я вижу, что теперь, когда ты, вознесенный к высочайшей вершине, поднявшись на гору господню, находишься в святом месте его — там, где тебе следовало бы особенно остерегаться соблазнов мира, если я вижу, что теперь ты глубоко погряз в мире, я с ужасом дивлюсь этому и кажется мне, что я вижу человека с другим лицом. И когда я с душевным волнением думаю о твоих нынешних дурных поступках, я все же не могу считать тебя совершенно погибшим, памятуя о твоей прежней добродетели. Не теряя надежды на твое спасение, я не допускаю мысли, что какая-то новая страсть влечет тебя к миру, который ты некогда презрел и отверг. Но ты считаешь себя обязанным заботиться о римской церкви, епископом и верховным священником которой ты являешься, ты считаешь себя

обязанным защищать и возвеличивать ее, к этому ты прилагаешь все усилия, и все, что ты испытываешь и совершаешь во имя этого, представляется тебе не дурным, а благочестивым и справедливым, похвальным и славным; обманутый видимостью справедливости и благочестия, ты впадаешь в ошибку. Да разве удивительно, что ты заблуждаешься, ведь ты имеешь своими предшественниками столько римских первосвященников, которых я не назвал бы ни святыми, ни благими, но которых хвалит лживый свет, ведь ты добросовестно следуешь их примеру. А это заблуждение уже давно свойственно многим верующим. Итак, благой отец, ты не погряз в пороке, но ты введен в заблуждение.

Для того, чтобы освободиться от этого заблуждения, чтобы избавиться от лукавого (о чем ты ежедневно просишь бога в молитве господней)³³, чтобы возвратиться к господу богу своему, который вознес тебя на место свое, чтобы быть священником в его храме и пастырем его стаду, недоступным для рук маммоны надменности, ты должен сделать одно: ты должен узнать, по закону или вопреки закону притязают священники на царство мирское, а затем, полагаясь на лучшие свидетельства, памятуя о боге и о себе, ты должен понять, что на престоле апостольском не можешь ты быть причастен ко злу. Священники скажут, полагаю я, что царством они владеют по праву, пусть же ответят они, если могут, по какому праву? По праву войны или наследства, по праву завещания или дара, или по какому-то другому праву; хотя счастливыцы многое приобрели благодаря нечестивой и губительной войне, ни на что более благовидное они сослаться не могут.

Не зная стыда и зазрения совести, эти люди часто позволяют себе и войны и убийства, но они говорят еще и о наследстве господа Христа. Как же могли они увидеть царство мирское в наследстве Христа, когда сам господь избегал царства и отвергал его, ибо в евангелии от Иоанна сказано, что когда народ хотел сделать его царем, он убежал. И он прямо говорил, что царство мирское не принадлежит ему. Итак, сказал господь: «Царство мое не отсюда»³⁴. А в евангелии от Луки он показал, что не только царства, но и власти не имеет он на земле. Когда один человек попросил его: «Скажи брату моему, чтобы он разделил со мною наследство»,

Христос ответил ему: «Кто поставил меня судить или делить вас?»³⁵ Но священники домогаются наследства не нищего и распятого Христа, а Христа богатого, того Христа, кому, как написано, — сказал отец: «Проси у меня, и дам народы в наследие тебе и пределы земли во владение тебе»³⁶, кому отец обещал в царство весь мир. И к этому они добавляют свидетельство апостола, который говорит, что бог поставил Христа наследником всего мира; и к этому они еще присоединяют изречение пророка, где он говорит: «Господня — земля и что наполняет ее, вселенная и все живущее в ней»³⁷, и в своей неимоверной жадности юни считают, что должны вступить во владение этим столь богатым наследством.

Для того, чтобы присвоить себе все то, что принадлежит Христу, они делают из этих предпосылок прекраснейший вывод, заключая из этого, что царская власть над всем миром по праву наследования принадлежит церкви — невесте господа и священнику — наместнику и сонаследнику его. Так приспособливают они писание к своим страстям, как будто между сыном бога и ими нет никакого различия, как будто равны они ему и в праве, и во власти, и в величии. Что может быть суетнее этого? Ослепленные жадностью, они не видят, что великое обещание, данное отцом своему сыну, — передать ему весь мир в наследство и безграничное владение — надо понимать не в плотском, а в духовном смысле. Иначе ведь оказались бы лжецами и апостол, и пророк, и сам господь бог.

Ибо не всем царством мира и не всем, что есть в мире, владеет церковь и папа, и нет у папы прав даже на то, что осталось ему. А отец, истину возвещающий, что обещал своему сыну о царстве и владении, то и сделал; не желая, чтобы пророк и апостол оказались обманщиками, он целиком и полностью выполнил это на земле через слуг своих, святых апостолов, распространителей слова и благодати святого духа, которые совершили порученное им, чтобы «по всей земле прошел звук их и до пределов вселенной слова их»³⁸. Став уловителями людей, бесчисленное множество народа собрали они в сети свои святые и так с помощью Христа установили повсюду святую церковь Христову, в духе святом обретенную, а она и есть царство Христово, которому нет предела и не будет конца, тогда

как глупцы устанавливают царство во плоти, узкими пределами ограниченное и обреченное на скорую погибель. Разве не знают наследники и названные братья господа о том, что сказано в псалме: «Небо небес — господу, а землю он дал сынам человеческим»? ³⁹ А раз не дал бог землю господу, то и священнику, его наследнику, не подобает земное наследство. Но что другое есть небо небес, как не святая церковь, которую дал отец сыну своему в наследство и в царство, ибо небу она подобна, на котором вершится воля его. И во главе церкви он поставил своих священников слугами, заместниками и пастырями, а не господами. Землю же он дал царям, государям и народам сынов человеческих; как дождь свой он изливает на правых и виноватых, так он и землю отдал без разбора хорошим и дурным и тем, кто непричастен церкви, чуждым и неверующим, ибо сам он есть тот, которым «цари царствуют» ⁴⁰. Им отдал он землю на разграбление и растерзание, как труп гниющий воронам, птицам и зверям нечистым. Именно по этому праву тираны, разбойники, воры, всяческая нечисть домогаются земли, захватывают ее и овладевают ею (этим полна история всех веков), но мне никогда не приходилось читать, чтобы святые священники господа искали ее или имели ее, чтобы они не избегали ее, не презирали, не отвергали, ибо они знали, что никоим образом не может она им принадлежать. И до сих пор священники бога, церковь Христова не имеют этого наследства, и они не могут указать, что имеют на него право, они не посмеют заявить, что царство дано им в дар господом, ибо он не дал бы им не свое.

Неужели то, что господь столько раз осуждал, как зло, что он порицал, что называл «богатством неправедным» ⁴¹, обвинял, проклинал, неужели он отдал бы это в дар своей невесте возлюбленной? Неужели ученикам своим, из мира избранным, он отдал бы мир, который он велел им ненавидеть и который ненавидел он сам? Неужели он отдал бы им столь злосчастное владение, которое отдалило бы их от него? Ведь если бы ученики его возлюбили мир, они стали бы чужими для него? Послушай теперь, благой отец, что говорит господь устами пророка Иезекииля церкви своей царствующей: «И была ты чрезвычайно красива и достигла царственного величия. И пронеслась по народам слава твоя

ради красоты твоей, потому что она была вполне совершенна при том великолепном наряде, который я возложил на тебя,—так сказал он.— Но ты понадеялась на красоту твою и, пользуясь славой твоею, стала блудить»⁴². Послушай, господин мой, как господь упрекал ее, ставшую блудницей, за царство.

Послушай, как хорошо господь в другом месте упрекает царствующих за обман: «Поставили царей сами без меня, ставили князей, но без моего ведома»⁴³. Откуда же священники получили царство? Да будет это сказано с твоего позволения, святой отец: Пипин⁴⁴ и его сын Карл Великий⁴⁵, овладевший Римом, покинутым на произвол судьбы греками, даровали власть, а Захария⁴⁶, первосвященник, принял ее, и от них проникла в святую церковь эта зараза. На пашне господней, где сам благой он сеял благое зерно, злой Захария, человек враждебный, посеял куколь⁴⁷; не св. Сильвестр, а этот злодей был первым, кто допустил эту заразу⁴⁸. Затем другие первосвященники — его преемники, уже соvrащенные, получили города и государства королевского и императорского права в Италии и в других странах от Роберта Гюискара⁴⁹ и прочих князей и тиранов, большей частью галлов, людей религиозных, но очень уж щедрых в своем глупом благочестии; впрочем, отданные в дар владения не принадлежали этим князьям, а были захвачены ими силой. Но священники были не настолько благодарны своим дарителям, чтобы открыто провозгласить, что от них получили они эти владения (впоследствии, правда, они сочли, что галльские государи достойны называться христианнейшими)⁵⁰; прекрасно понимая, что ни даровавшие, ни принявшие не обладают достаточным авторитетом, они придумали, будто основателями их царства были св. Сильвестр, который принял его, и Константин Август, который подарил его. Нечестивцы, бесстыдно отрицающие Христа, пытаются смягчить свой грех тем, что ссылаются на пример апостола Петра; точно так же и эти люди, жаждущие царства, не колебались вовлечь в свое преступление если не господя Христа, то святых и вопреки правде истории позорным образом запятнать их славнейшие имена. И этим людям, развращенным своей жаждой царства, нравится обман, они не устыдились подтверждать его на своих собраниях, соборщах, соборах и

включить эти законы, направленные против святой истины, в свои книги, выставить этот срам на всеобщее обозрение. Пусть же перестанут эти негодяи оправдывать свои пагубные страсти авторитетом господина Христа, который «не сделал никакого греха, и не было лести в устах его»⁵¹; пусть не осмеливаются они вовлекать в свое преступление святых апостолов, святых первосвященников. Ибо сами они, плохие преемники славных праведников, отравили святую церковь этим ядом, от которого она так страдает. То, чем они ныне несправедливо владеют, они не получили в дар, а приобрели благодаря хитростям и козням, благодаря силе, умноженной злоупотреблением церковным авторитетом, они захватили это у владельцев вопреки их воле, они вырвали это у законных хозяев. Но они никоим образом не могли так поступать, ведь закон бога, пример и учение господина Христа и апостолов запрещают им так действовать. Ибо своих учеников (а они ведь были предшественниками этих людей в служении церкви) господь удерживал от заботы о земных благах вплоть до необходимых, он возлагал на них только одну заботу — проповедь слова евангельского. «Не смейте, — говорит господь, — заботиться о том, что вам есть, что пить, во что одеться»⁵². Он не сказал «не заботьтесь», он сказал «не смейте заботиться». Если он запрещал своим ученикам заботиться о необходимом, то насколько строже запрещал он им заботиться об излишнем и бесполезном? Но что может быть бесполезнее для священника божьего, чем царство мирское? Для чего оно ему, как не для надменности, пышности, разврата. В нем он не может не быть дурным. Если царь или тиран иногда может быть справедливым в мире и в крови, то священник божий не может никогда. Царством нельзя управлять без убийства и крови, а священник для того восходит на гору господню, для того стоит на месте его святом, чтобы руки его были чисты. Священнику нельзя делать того, что он не может делать, не впадая в грех, ибо церковь и клир — это жребий праведных, доля и наследие господина, мирское же царство — скипетр и жезл нечестивых; «не оставит господь жезла нечестивых над жребием праведных, дабы праведные не простерли рук своих к беззаконию»⁵³. Вот потому-то царство и не является уделом церкви, потому-то господь и ограждал от него

своих священников, дабы сохраняли они руки свои незапятнанными беззаконием, а в царстве они не могли бы этого делать. Прибавь к этому, что господь поручил апостолам своим, которых поставил себе слугами и священниками, заботу и попечение о евангелии святом и о стаде своем, об этом гласит вся его история. Если верить евангелию, он никогда не поручал им царства или какого-либо дела мирского; он хотел, чтобы они были не господами, а слугами.

Апостолы же святые передали то, что поручил им господь, священникам, которых они поставили преемниками себе. Поэтому Петр хотел, чтобы те, которых он поставил предводителями в церкви, были не господами в клире, а пастырями стада господня. Ибо святой и по примеру господина смиренный, он знал о себе, что Кифа — слуга⁵⁴, а не господин, как об этом свидетельствует и Павел; и потому в смирении своем он не выделял себя. Климента, которого он назначил своим преемником⁵⁵, которому завещал свое епископское звание, Петр всячески удерживал от мирских дел. И он осуждал тех, кто занимается мирскими делами. В этом же и ученый Павел наставлял воинов божьих, говоря: «Никакой воин бога да не связывает себя делами житейскими»⁵⁶. Итак, не могли священники господни заботиться о царстве мирском — тягчайшем житейском деле. Но в ненасытном своем стремлении к царству начали они усердно заниматься делами мирскими, предпочли отвергнуть, исказить и осмеять божеские и апостольские примеры и учения. Когда же люди ученые уличают их в том, что творят они недозволенное, то в ответ они говорят, что поручают эти дела другим. Но разве это не смешно? Разве вправе они осуществлять с помощью других то, чего не вправе делать сами? Разве могут они поручать другим то, что им не разрешено? Делать что-либо самому или поручить это дело другому — есть ли в этом большое различие? В своей неправедности они дошли до того, что порицают Павла за его физический труд, которым он занимался с одобрения клириков, а сами они, отвергая царство мирское, безбожное, нечестивое, проклятое, им недозволенное, исполненные лжи, пекутся о нем, обманывая бога и самих себя.

Прежние первосвященники до Захарии этого «добраго» были, отец благой, людьми святыми, они не за-

ботились о царстве, ибо они считали, что должны чуждаться его, что должны служить одному богу, что должны идти вслед за господом Христом и святыми апостолами. Но почти все первосвященники после Захарии были заражены этой гибельной чумою; отвергнув бога, позабыв о своем долге, они душой и телом погрязли в мире, они стали совсем непохожими на прежних святых первосвященников, они превратились в тиранов, разбойников и воров, они начали подражать всяческим дурным примерам.

И эти люди (да не будешь ты подобен им) кажутся тебе, благой отец, порядочными и достойными подражания. Закон бога, божеские указания, священные догматы, извратив и исказив их смысл, подчинили они своим страстям, своим измышлениям, своим намерениям. Сама церковь святая жалуется на этих людей словами пророка: «На хребте моем орали неправедные и проводили борозды несправедливости своей»⁵⁷. Приведя их на святую пору, искустель показал им все царства мира и славу их, обещав их тем, кто поклонится ему, и они, соvrащенные, вскоре пали ниц и поклонились Захарии, отвергнув бога, хотя одному ему должны были они поклоняться и служить.

Какие гнусности, о, господи, они совершали — эти добрые твои предшественники. Пламенно стремясь достичь мирского царства, увеличить его, защитить, удержать за собой ради надменности, могущества, пышности и разврата, они не считали нужным воздерживаться ни от какой несправедливости, ни от какого обмана, ни от какого насилия, ни от какой жестокости, ни от какого преступления. Они освящали войны, благословляли сражения. Грабежи, убийства, поджоги, всяческие гнусные преступления объявляли они не только дозволенным, но даже благочестивым и похвальным для божьего священника делом. Они прославляли эти преступления как совершаемые во имя церкви, как священные и божественные. Они непрестанно твердили (как сказано у пророка): «Здесь храм господень, храм господень, храм господень»⁵⁸; полагаясь на свой обман, они превращали смирение, благочестие, веру в надменность, жадность и поношение. Церковь, прекрасную невесту Христову, прежде сиявшую, чистую, не имевшую ни пятна, ни морщины⁵⁹, они осквернили всяческой грязью,

святую они обесчестили, основанную на горах святых, на вечной скале Христовой, на недвижимом основании, которое нельзя перенести, они превратили ее своими гнусными делами в «трость, ветром колеблемую»⁶⁰, они бросили ее на произвол яростных бурь мирских. Преемники Христа, сыновья, предназначенные к тому, чтобы наследовать мир и согласие, они предпочли предаться на волю вихрей и смерчей, «нечестивые, они бушевали как море взволнованное, которое не может успокоиться»⁶¹, «они сеяли ветер и пожнут бурю»⁶², и поэтому путь их, «как скользкие места в темноте»⁶³; «пути мира они не знают, и нет суда на стезях их; пути их искривлены, и никто, идущий по ним, не знает мира»⁶⁴, они «зачинают зло и рождают злодейство»⁶⁵.

Послушай, отец, что совершили эти люди, осквернившие священные обряды благочестия и религии, опозорившие старинный ритуал богослужения. Вступив в этот мир суетный, им совершенно неведомый, они всего боятся и никогда не чувствуют себя в безопасности, но, желая казаться грозными и внушать страх, они признали справедливым и каноническим, чтобы папа восходил в «святыя святых» для богослужения, для принесения искупительной жертвы за народ, как гордый царь или тиран в окружении вооруженных воинов креста. Так ли священник должен приносить искупительную жертву? Не кажется ли, что это разбойник в маске появился для того, чтобы надругаться над богом, чтобы похитить святыни? Но это не игра, не маскарад, это страшное зрелище, ибо здесь во время богослужения в окружении святых опней излучает свой устрашающий блеск железо, рядом со священнослужителями ты увидишь здесь преступников, рядом с крестами — копья, рядом со священническим одеянием — панцири, рядом со священной утварью — мечи, рядом с орудиями благочестия — орудия человекоубийства. Но священники, предававшиеся миру, совершили также и другие несправедливости по отношению к богу; плохие пастыри, они не только покинули стадо господне, но старались погубить его. Вместо того, чтобы выполнять свою обязанность и превращать дурных людей в праведников, они, забыв о долге, начали превращать праведников в дурных людей и признали это законным и каноническим. Священников и клириков — часть тела господня — они оторвали от

исполнения долга и призвали к мирским делам, побуждая их с помощью почестей и даров ко всяческому бесчестию. Одних они сделали судьями, преторами, стряпчими, поручили им ведение судебных дел, решение тяжб и споров, хотя апостол призывал священников не заниматься этими делами; других они превратили в должностных лиц, в сборщиков податей, в откупщиков и вверили им дела неправедных, хотя господь удерживал своих учеников от этого. Иных они сделали епископами, а некоторых и кардиналами, особо почитаемыми за свою близость к престолу апостольскому, иных они поставили начальниками в их орденах, префектами и наместниками в провинциях и городах, которые папы покоряют для себя и для церкви. Но разве тем самым папа-царь и апостол-цезарь не превращает Христа в Пилата, не поручает слугителям света служения мраку?

Но еще отвратительнее другое: папы поставили священников командирами стражи в крепостях и укреплениях, принудили их к тесному общению и дружбе с презреннейшими людьми⁶⁶, — мало этого, они поставили их во главе воинских когорт и наемных легионов трибунами, центурионами и (употребляя современное слово) капитанами.

Может ли христианин без содрогания взирать на то, как господь Христос выступает в военном лагере среди вооруженных воинов, сам вооруженный, опоясанный мечом, восседающий на коне, с жезлом в руке, надменный, грозный, устрашающий? Не покажется ли тебе, что ты видишь перед собой Антихриста, пришествие которого предсказано? Что могут думать верующие о добрых наместниках Христа, которые превратили Христа в Антихриста? Запятнанные человекоубийством и свежей кровью, опозоренные громким преступлением, опираясь на дарованную им папой власть, эти люди, как будто они невинны и даже прославлены своим благочестием, смело, без страха божьего вступают в священные алтари, оскверняя храм, святилище и самые святыни себе на погибель, если только сохранилась еще вера христианская и есть в ней еще какой-то смысл, богу в обиду, а церкви и званию своему на позор и посрамление.

Возри сам, господин мой, на то, что совершали твои предшественники. Они осмелились даже подкрепить это своими законами, не поколебались причислить тех, кто

пострадал, защищая царство мирское и богатства (если были такие люди), к лику святых, они дерзнули приравнять их к святым мученикам, они поставили их даже выше тех славных праведников, которые погибли, защищая веру.

Папы предались земным делам с такой страстью, что, вопреки указанию апостола Петра, решили связать своих преемников, епископов и священников, поставленных прелатами в церквах, торжественной клятвой, чтобы заботились они о мирских делах и богатствах, а клятву эту они увековечили, записав ее в своих книгах. В остальном же они предоставили всем полную свободу пренебрегать исполнением долга благочестия; ты не найдешь у них ни одного упоминания о боге. Удалившись от бога, они пожелали (о, дерзость гнуснейшая!), чтобы церкви и священники даже по названию были не религиозными, а светскими. Можно ли не называть эти церкви кабаками и публичными домами, можно ли не называть этих людей торгашами и разбойниками, папы же называют их «светскими»⁶⁷. Я не знаю, какого названия достойны эти люди, осквернившие нечистотами церковь божью, но лживый свет, как я уже говорил, хвалит этих людей и ставит этих богачей и счастливых выше святых первосвященников, выше святых, ныне презираемых, апостолов. Все это прославляется не только невежественным народом, но и теми лживыми льстецами, которых народ считает учеными, которым верят тем упорнее, чем громче премит слава об их мудрости, которые, как мухи на мед, стекаются в дома к власти имущим, в храмы, в журии, на площади, которые все заполнили собою. В поисках почестей и богатств эти гнусные люди дни и ночи, весь свой век, все старания прикладывают к тому, чтобы научиться коварным приемам и ухищрениям могущественных людей, в том числе и пап — твоих предшественников, и тем самым вооружить свой ум хитростями, наострить язык свой для лжи, — вот этих-то людей и чтит наш век, осыпая их благами мирскими⁶⁸. Эти люди, рекомендуемые университетами как ученые, украшенные золотыми одеждами, первые в собраниях, словоохотливые, надменные, такие видные на своих кафедрах, в длинных и наглых речах своих придумывают какие-то новые и неслыханные чудеса, все обращают в

тот первоначальный хаос, который был дикой и неупорядоченной громадой⁶⁹, смешивая небо с землею и море с небом, земное — с небесным, божеское — с человеческим, священное — с нечистым, преступления — с добродетелями. Мне кажется, будто они воскрешают приемы древних поэтов, которые, соединяя человека и коня, создавали кентавра, соединяя женщину и рыбу, создавали сирену, ибо я вижу, что из-за их выдумок появились в церкви божьей какие-то двуобразные чудовища: папа и одновременно цезарь, священник и разбойник, святой и хулитель, человек и зверь. Своей ложной мудростью они приводят в неистовство грубый народ божий, они являются теми, которые, как сказано у пророка, окружают святых путями смерти⁷⁰.

Можно ли удивляться тому, что произошло с тобой? Имея перед собой пример стольких предшественников, так прославляемых, окруженный столькими болтунами, столь влиятельными, что им трудно не верить, ты, будучи прямым и честным, мог совершить ошибку; с чистой совестью последовав за первосвященниками, восседавшими на святом престоле и столь прославляемыми, ты впал в заблуждение, в котором уже давно пребывают обманутые толпы верующих. Но когда-нибудь нужно и оглянуться, нельзя всегда упорствовать в слепом заблуждении, надо, наконец, взглянуть на все открытыми глазами, пора остановиться, чтобы не упасть в пропасть.

Поскольку ты так плохо себя чувствуешь в мире (ведь ты же не каменный) и видишь все без судей и без свидетельств (ведь не слепец же ты), нельзя тебе дольше предаваться осознанному злу. Неосознанная ошибка смешна, но заслуживает извинения, если же ты осознаешь ее и продолжаешь поступать по-прежнему, то это уже не ошибка, а отвратительное преступление. Начиная с первосвященника Захарии, который первый (да не обвиню я ложно св. Сильвестра) впустил в святую церковь эту чуму, ты ни в одном историческом сочинении не найдешь никого, кто бы мог казаться порядочному человеку не дурным и проклятым, а добрым, святым и достойным подражания. Следуй по пути господа Христа, святых апостолов, святых первосвященников, восседавших на святом престоле до этого негодяя. Они сами, святые писания и святые мудрецы, — луч-

шие для тебя судьи, лучшие свидетели. Ты имеешь перед собой прекрасные примеры многих царей, князей мира и тиранов, которые отвергли царства и власть, поняв их тяготу и гнусность и как бы спасаясь от опасных пучин и бурь морских, пришли в гавань покоя и спасения, заслужив себе славу мудростью своей. Поскольку ты теперь сам знаешь, как это гнушно, как тягостно, как вредно, то, если ты даже считаешь это в привычном заблуждении своем принадлежащим церкви или тебе, все же брось это, отвергни, мудро избегай этого, увещаваемый детской книжкой, в которой мальчик говорит тебе: «Выбрось то вредоносное, что держишь в руках своих, как бы дорого оно тебе ни было»⁷¹. Ибо какой человек в здравом уме не сбрасывает змеи жалящей с лона своего? Некогда ты разумно отказался от своего наследства, которым мог владеть без греха, никому не причиняя несправедливости, и сделал это ты с той целью, дабы не оставалось у тебя ничего в этом грешном мире. Почему же теперь ты упорно и бесчестно стремишься к чужой собственности? Кажется, что ты обратился ко злу, как пес на блевотину свою⁷², что ты расквашиваешься в совершенном тобою добром поступке; «никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для царствия божия»⁷³. Ты отверг мир и последовал за господом, почему же теперь, став ключником господним, ты смотришь назад и возвращаешь себя миру, подражая глупой и челепой жене Лота, которая, восходя на гору спасения, обернулась и оставила соляной столп вечным памятником о себе?⁷⁴ Ведь от господа, за которым ты следовал, ты жалким образом обратился к миру.

Более, чем кто-либо из твоих предшественников, должен ты отказаться от мирского царства. Ведь из-за тебя все верующие, доверявшие твоей прежней добродетели и обманутые тобою, страдают сильнее, поэтому тебе предъявят они более суровые обвинения, как тому, который некогда являлся праведником среди стольких негодяев, а теперь оказался осквернителем святости, ловким притворщиком, для видимости благочестиво подарившим свое, чтобы приобрести чужое, хитрым купцом, отдавшим мало, чтобы получить много. Итак, почему ты не отказываешься от мирского царства? Ты не можешь считать, что ты привязан к нему какой-то клят-

вой. Не думаешь же ты, что человек, ради которого господь дал распять себя, что слуга господень, на которого он возложил заботу о спасении всех, обречен на погибель. Не думаешь же ты, что слуге господню может быть дано такое поручение, из-за которого он лишится всякой надежды на спасение и погибнет. Можно ли придумать что-либо более суетное? Клятвы не могут обязать человека к тому, что лишит его спасения. Кто этого не знает? Или ты, подобно Августу, боишься опасных для себя последствий, если откажешься от царства? Об Августе известно, что он дважды задумывал восстановить республику, но он боялся, что, сойдя с ненавистной вершины и превратившись в частного человека, он подвергнется козням своих врагов, и потому он предпочел не отказываться от царства⁷⁵. Но ты ведь всегда останешься наместником господина Христа. Отказавшись от царства мирского, в котором ты — ничто, ты не станешь несколько меньше; наоборот, ты возвратишь себя богу, церкви и самому себе свободным от тяжкого бремени, огражденным от опасностей, великим и славным. И ты не должен бояться, что из-за этого обеднеет церковь Христова, обеднеешь ты — ее слуга.

Бедность хвалят все, хотя многим она ненавистна, но в церкви самой и без царства нет нищего, никогда не было и быть не может. Слуга господень не может в ней испытывать в чем-либо недостаток, даже если лишен он царской пышности. Ибо верующие христиане, памятуя о бесчисленных, постоянно совершаемых проступках и преступлениях плохих слуг церкви, теперь уже не из страха, но из благочестия и преданности будут приносить церкви господней ежедневно все новые дары, по доброй воле будут они богато одарять праведных слуг церкви. Ведь церковь Христова всегда богата, имеет золото, имеет сокровища и будет всегда иметь в изобилии, несколько не заботясь об этом, но она не будет жадно хранить богатства; как благочестивая мать, будет она отдавать слугам Христовым столько, сколько им нужно, а остальное будет она дарить бедным на пропитание, бережливая и недопускающая роскоши, но щедрая в удовлетворении нужд насущных. Для этих целей и господь имел ларцы; но, поручив их разбойнику и вору⁷⁶, он явил своим ученикам пример, как следует о них заботиться. Быть может, мудрее

поступают нынешние его священники, которые так бдительно хранят богатства церкви, но они хранят их только для себя; отогнав нуждающихся, они все присваивают себе,— эти воры и разбойники, еще более гнусные, чем сам Иуда. Итак, церковь, как я уже сказал, богата, и богат в ней слуга и наместник господень, со всех сторон притекают к нему богатства⁷⁷, хотя он не заботится и не беспокоится о них. И, напротив, церковь, царствующая в мире, всегда бедна, всегда во всем нуждается, ибо тогда она не может иметь ничего своего; не может радоваться своему: все похищают ненасытные нужды царства мирского; адскую пасть свою раздвигает оно вплоть до пределов земли, всякий доход, всякую прибыль и то, что даровано, и то, что захвачено, все, что можно приобрести, скопить, собрать — все поглощает жадное, никогда не насыщающееся чрево. Никак не могу понять, для чего неправедные стремятся к ненужному, бесполезному, пагубному, тягостному, тревожному, тяжкому, опасному, вредному, гибельному, к тому, что нельзя сохранить, нельзя уберечь, нельзя удержать никакой заботой, никакими трудами, никакими силами, стремятся к ненадежному, непостоянному, к тому, наконец, что вообще должно будет погибнуть. Эти глупцы хотят обладать всяческими богатствами, чтобы быть надменными и устрашающими, чтобы иметь власть тиранов и разбойников, чтобы кичиться гнусностью, чтобы быть могущественными в несправедливости.

Сколько бы ни кичились они вещами ничтожными, сколько бы ни говорили: «Своею силою приобрели мы себе могущество», Гесиону подобны они, несчастному, которого, как сказано у Вергилия, видел в преисподней Эней, странствовавший там под водительством Сибиллы. Гесион этот в труде непрерывном вкатывал в хижину камень, и пока камень рос, заполняя собой хижину, Гесион радовался своему труду, когда же дом переполнялся и камень начинал уменьшаться, Гесион предавался печали и оплакивал свои страдания⁷⁸. Так эти тщеславные люди стремятся к тому, чтобы всегда быть озабоченными, чтобы всегда подвергаться опасностям, чтобы никогда не принадлежать себе, чтобы никогда не быть свободными, чтобы от счастья непрерывно переходить к горю, наслаждаясь собственными бедствиями. Но ты, господин мой, ставший умнее и благо-

разумнее, открой свои глаза, посмотри, сколь крут, сколь неровен, сколь опасен тот путь, по которому ты идешь, сколь отвратительны те предводители, за которыми ты следуешь. Вернись, отец благой, не следуй за дурными людьми по пути гибели. Разве ты не знаешь, что путь мирской — это путь неправедных? Разве ты не знаешь, что «путь нечестивых погибнет»? ⁷⁹ Остановись, а то упадешь в бездну вместе с нечестивыми. Вернись к господу, истину возвещающему, тебя зовущему, к господу, который никого не обманывает, в котором никто не обманывается. Следуй за ним, ибо он — свет истины, подражай тем, кто последовал за ним — святым апостолам, святым первосвященникам, иди по пути спасения, дабы вместе с ними царствовать в небесах.

Восседай на своем престоле, на котором ты, высочайший и блаженнейший, являешься отцом и господином для всех, повелеваешь царями, государями, народами, и тебя, как святого наместника господа, все верующие христиане боятся, чтут и славят. Спокойный, ничем не обремененный, свободный, господин нам всем, ты можешь делать все, что ты хочешь. Но не восседай больше на том зачумленном сидении царства мирского, на котором ты становишься ничтожнейшим или вовсе никем. Погрязшего в мире суетном, тебя все покидают, все презирают, все над тобой смеются и, потеряв всякое к тебе уважение, оскорбляют тебя. Обеспокоенный, тяжело обремененный, взволнованный, ты подвергаешься всяческим бедствиям, ты становишься жалким человечешкой, ибо могуществен ты только в боге. Неужели ты не стыдишься того жалкого положения, в котором ты оказываешься в мире? «Уклоняйся от зла и делай добро» ⁸⁰, делай то, что ты должен богу, делай то, что составляет твой долг, делай то, чего ты не можешь делать во зле. Золото, врученное тебе уходящим господом, ты как верный слуга преумножай выгодной торговлей в небесах, и господь, вернувшись и получив от тебя отчет, восхвалит тебя как доброго и верного слугу и поставит тебя над многими; не скрывай это золото в земле, ибо так ты не принесешь господу никакой прибыли и будешь отвергнут им, как слуга негодный ⁸¹. Ибо, как говорит поэт Теренций, чего ты копаешься в земле, зачем пахешь, зачем работаешь на земле, ты — небесный земледелец, имеющий столько рабов, столько

рабынь? ⁸² Как будто никто из них не может должным образом выполнять свои обязанности? Разве цари, государи и народы на земле — не преданные тебе рабы? А обрабатывать землю — это рабский труд. Почему же ты, будучи господином, возлагаешь на себя труды рабов, почему ты не предоставляешь рабам заниматься этим, почему ты не поручаешь им этого? Если бы те усилия, которые ты тратишь на совершение этого труда, ты тратил бы на обучение слуг своих, ты добился бы большего; предоставь им землю, чтобы они работали на ней как рабы. Помни, господин мой, что ты преемник не Цезаря, не великого мирского князя, что Петра-рыбака ты в боге преемник, помни, что в этом море мирском невелик челн Петра, оставленный тебе апостолом.

Это не грузовой корабль, это не торговое судно, не корабль аргонавтов, на котором Ясон с воинами плыл в Колхиду за золотым руном ⁸³, это не такой корабль, который выходит в открытое море, где ничего нигде не видно, кроме воды и неба. Как я уже сказал, это маленький рыбачий челн, который никогда не вверяет себя бурному морскому течению, никогда не видит чужих берегов. Он никогда не уходит в открытое море так далеко, чтобы потерять из вида своего господина, стоящего на берегу, он не берет на себя больших грузов, не ищет прибыли в чужих странах, удовлетворяется своим ежедневным уловом рыбы, но он достоин возить самого господина. Беспечные моряки, неумелые, занимающиеся чужим делом, жадные до наживы, вывели этот челн в открытое море, где яростные бури уже почти сокрушили его. Теперь ты, как более опытный кормчий, попытайся избавить свой челн от опасных бурь мирских и привести его к спокойному берегу, куда господь призывает тебя и где он тебя ожидает. Выбрось товары, которыми неправедные напрузили твой челн, ибо он слишком мал, чтобы выдержать их тяжесть. Облегчи челн, обремененный чужими грузами, чтобы не подвергнуться опасности в бурю. Ведь для того, чтобы избежать опасности, ты выбросил бы даже свое (и поступил бы мудро), тем охотнее выбросишь ты чужое. Итак, освободись, господин мой, от зла (а ты можешь это сделать), освободи святую церковь, которую ты возглавляешь как наместник Христа, сделай кнут из

веревки и властью, дарованной тебе богом, изгони из храма господня менял и торгашей, опрокинь треножки и скамьи этих людей, которые дом бога, дом молитвы сделали вертепом разбойников⁸⁴. Не ходи, господин мой, в собрание нечестивых, не ступай по пути неправедных, не восседай на сидении гибельном, и мы сможем без лживой лести назвать тебя блаженным и блаженнейшим за великие твои заслуги и прежде всего за ту самую большую из всех, что ты избавил церковь Христову от столь опасной и столь длительной болезни и возвратил церковь господу, жениху ее, свободной и невредимой. Величайший и славнейший, будешь ты сопричислен к апостолам и святым первосвященникам, и святейшее имя твое, как имя того, кто совершил столь великое добро, будет вечно памятно, и в религиозном благоговении люди будут славить его на земле.



БАРТОЛОМЕО ПЛАТИНА

МНИМЫЙ ЗАГОВОР ПРОТИВ ПАВЛА II¹

...Уладив все дела, Павел предался праздности². Он устроил римскому народу по образу и подобию древних великолепнейшие игры и роскошнейшее пиршество. Управлял всем этим делом Вианезий Болонский, вицекамерарий папы³. Разыгрывалось восемь призов, которые каждый день во время карнавала выдавались состязающимся в беге. Состязались старики, юноши, подростки, иудеи и отдельно еще люди, до отвала накормленные лепешками, чтобы это мешало им бежать. Бежали жеребцы, кобылы, ослы, буйволы. Толпа так развеселилась, что люди от смеха едва могли держаться на ногах. Беговая дорожка вела от арки Домициана до собора св. Марка, откуда сам папа с великим наслаждением обозревал всю картину. От щедрот своих он одарял мальчиков, забрызганных грязью от быстрого бега, и вручал каждому по карлену (род серебряной монеты)⁴.

Но вот среди всеобщего ликования внезапный страх охватил Павла. Ему сообщили, что какие-то юноши под предводительством Каллимаха вступили в заговор против него⁵. Едва успел папа перевести дыхание от первого испуга, как новость какими судьбами новое страшное известие обрушилось на него. Принес его какой-то человек по прозвищу Философ⁶, человек преступный, в свое время изгнанный из города, но вымоливший себе сначала жизнь, а потом и возвращение на родину. Он сообщил — все это был вымысел, — будто видел в Велитернских лесах Луку Тотия, римского гражданина, жившего в изгнании в Неаполе⁷, а с ним еще многих других изгнанников. Со дня на день они должны появиться здесь. Тут Павла еще сильнее обуял ужас и трепет. Он боялся, что его настигнут дома или на улице. В городе многие были арестованы, как придворные, так и горо-

жане. Вианезий старался нагнать на него еще больше страху. То же самое делали и другие его родственники, которые пытались в этой суматохе открыть для себя лазейки к большим почестям и богатой наживе; врывались в любой дом без разбора. Тащили в тюрьму всякого, кого подозревали в заговоре. И меня не миновала эта напасть. Дом, в котором я жил, среди ночи окружила толпа папских телохранителей; взломали двери и окна, силой ворвались в покой, схватили моего родственника Деметрия Луккского⁸. Узнав от него, что я обедаю у кардинала мантуанского⁹, они тотчас же прибежали туда, взяли меня прямо в опочивальне кардинала и сразу притащили к Павлу. Тот, как только увидел меня, спросил: «Итак, ты участвовал в заговоре Каллимаха против нас?» Но я, уверенный в своей невинности, отвечал так спокойно, что не дал ему уловить во мне ни малейшего признака нечистой совести. Он сидел предомной бледный, распоясанный и настойчиво требовал, чтобы я сознался, грозя то пытками, то казнью. А я, видя, что все вокруг полно беготней и звоном оружия, стал опасаться, как бы в страхе и гнев действительно не сотворили над нами жестокую расправу. Я стал приводить доводы, доказывающие, что Каллимах никак не мог затевать, даже замышлять не мог такого предприятия, будучи начисто лишен проницательного ума, острого языка, твердой руки, власти, войска, клиентов, оружия, денег, умения подстрекать и, наконец, зоркого глаза¹⁰. Это ведь подслеповатый человек, еще более сонный, чем Публий Лентул¹¹, и более медлительный, чем Луций Красс¹². Я уже не говорю о том, что он даже не римский гражданин, который мог бы стремиться к освобождению своего отечества, и не прелат, который мог бы после убийства Павла захватить папский престол. Что мог сделать Каллимах? На что он мог решиться? Разве есть у него быстрота в словах и действиях? Разве имеет он для такого дела верных, отобранных и организованных людей, услугами которых он мог бы пользоваться? Не Главка ли и Петрея¹³, бежавших вместе с ним, считают за новоявленных Габиниев и Статилиев?¹⁴ Тогда Павел, свирепо взирая на меня, сказал, обращаясь к Вианезию: «Вот этого нужно пыткой заставить говорить правду. Он-то прекрасно знает все тонкости заговора». О, если бы только Павел поступил

со мною более обдуманно и не послал меня сразу на пытку! Ведь когда ведется следствие по подозрению и ничего подлинно не известно, стараются установить, что происходило до этого поступка и что после него; особенно, когда речь идет о заговоре. Рассматривают жизненный путь заговорщика, его нравственный облик, насколько он честолюбив, жаден до денег и до почестей; не говорил ли он раньше, не писал ли, не совершал ли чего-нибудь такого, что могло бы иметь какое-то отношение к заговору. Павел и не подумал обо всем этом — он бросил нас в тюрьму. Только после того как некоторые благородные люди, разведавшие, что Лука Тотий и шагу не ступал из Неаполя, стали убеждать Павла, чтобы он не поднимал такой паники в связи с этой мнимой опасностью, он на третий день отменил эдикт, в котором обещал награду тому, кто передаст в его руки виновного в оскорблении величия Луку живым или мертвым. Но он все-таки не отпустил братьев Квадратиев ¹⁵, которых схватили и пытали в связи с этим подозрением. Создавая видимость, будто есть на то какая-то скрытая причина, он хотел тем самым избежать упрека в легкомыслии. Убедившись, что эта опасность миновала, он тотчас же принялся за нас. В замок Адриана ¹⁶ он послал Вианезия с Иоганном Франциском Сангой из Клузней ¹⁷ и с ними одного из телохранителей, который должен был любыми пытками заставить нас признаться в том, о чем мы и понятия не имели. В первый и в следующий день пытали многих, большинство из них в пытках умерли от мучений. Можно было подумать, что гробница Адриана превратилась в быка Фаларида ¹⁸ — так оглашались ее высокие своды воплями несчастных юношей. Пытали Луцида, невиннейшего из всех людей, пытали Марса, Деметрия, Августина, Кампана ¹⁹, превосходного юношу, украшение нашего века, если учитывать ум и литературное дарование. Эти пытки и душевные страдания, я думаю, и послужили впоследствии причиной его смерти. Палачи утомились пытками, но не насытились ими. Почти 20 человек подверглись такому допросу за эти два дня. Вот и меня зовут на муку. Палачи принимаются за дело, готовят орудия пытки, с меня сдирают одежду, меня терзают, мучают, как бродягу и разбойника. Вианезий сидит, словно Минос ²⁰, на разостланных коврах, как будто он где-нибудь на свадь-

бе или скорее на пиру Атрея и Тантала ²¹. И это человек, облеченный священным саном, человек, которому священные каноны запрещают вести следствие над мирянами, чтобы в случае смерти (что обычно и происходит) его не сочли бы неблагочестивым и, как они сами выражаются, «отклоняющимся от правил». Но этого еще было ему мало. В то время, как я висел, несчастный, в ужасных муках, он прикоснулся к ожерелью Санги из Клузней и стал спрашивать его, от какой девицы он получил этот дар любви. Так, поболтав о любовных делах, он повернулся ко мне и стал требовать, чтобы я раскрыл весь ход заговора или, вернее, подтвердил эту выдумку про Каллимаха; чтобы я сказал, по какой причине Помпоний, бывший тогда в Венеции, в письме ко мне называл меня святейшим отцом ²². «Тебя, значит, все заговорщики избрали папой?» — говорил он. Он допытывался, давал ли я Помпонию письмо к императору или к какому-нибудь христианскому государю с целью вызвать раскол или добиться созыва собора. Я отвечал, что никогда не участвовал в каких-либо замыслах Каллимаха, тем более, что между нами всегда царила немалая вражда. Мне неизвестно также, почему Помпоний называл меня святейшим отцом. Об этом пусть спросят его самого — ведь сказали, что вскоре и его приведут в оковах. О папском престоле они могут не беспокоиться, так как я всегда довольствовался жизнью частного человека. К императору я никакого письма не посылал и не пользовался в этих делах услугами Помпония, — это они тоже могут узнать у него самого. Наконец, немного утолив свою жестокость столькими моими мучениями, но еще не насытившись вполне, он велит оставить меня, чтобы вечером предать еще более страшным истязаниям. Меня уносят в камеру полумертвым, а через некоторое время снова требуют к расследователям, успевшим между тем хорошо поесть и подвыпить. Среди них находится и Лаврентий, архиепископ спалатский ²³. Спрашивают, какие разговоры я имел с Сигизмундом Малатестой ²⁴, бывшим тогда в городе. Я отвечаю: мы говорили о литературе, о военных делах, о выдающихся умах древности и нашего времени — в общем, о том, о чем обычно беседуют между собой люди. Вианезий грозит и обещает более страшные пытки, если я не признаюсь. Он вернется завтра. Мне следует подумать, где я

нахожусь и с кем мне предстоит иметь дело. Меня снова отводят в камеру, где я вдруг почувствовал такие невыносимые боли, что охотно променял бы жизнь на смерть. От холода боли в моих перебитых и истерзанных членах становились все сильнее. Но смягчала мои страдания доброта Анжело Буфало, римского всадника, брошенного Павлом в тюрьму год назад в связи с убийством Франческо Каппочи его сыном Марчелло. Павел утверждал, что это было сделано по наущению Анжело. Итак, Анжело и его племянник Франческо, с которыми я очутился в одной камере, не дали мне умереть от боли и голода²⁵. Они своими руками врачевали меня и подавали мне пищу.

Через два дня ко мне пришел Христофор Веронский, пекарь Павла²⁶, и сказал: «Павел приказывает тебе не падать духом и надеяться на лучшее. Скоро ты будешь на свободе». Я стал спрашивать, когда, он думает, это будет. Тогда этот человек открыто, при всех, кто был в камере, сказал, что это будет не так-то скоро: папа опасается, как бы его не обвинили в легкомыслии и жестокости, если тех, кого он с таким шумом арестовал и подвергал пытке, вдруг отпустит как невинных. К тому же, Павлу этого мало. Недавно он обвинил людей в заговоре и оскорблении величия. Теперь, когда все поняли, что это легенда, он придумал другую и обвиняет их же в ереси. Везут в Рим Помпония, схваченного в Венеции, везут через всю Италию на суд, как новоявленного Югурту²⁷, того Помпония, который столь простодушен и не причастен ни к заговорам, ни к какому другому преступлению. Его допрашивают, зачем он менял юношам имена. Тот ответил открыто: «Какое дело вам или Павлу до того, что я назывался Фоеникулом, если в этом нет хитрости и обмана?» Ведь он из любви к античности возродил славные имена древних, как некий стимул нашей молодежи для подражания их доблестям. Везут в город, будто государственного преступника, и Луцилла, который вел столь суровую жизнь в Сабинии²⁸. В письме к Кампану, которое потом было перехвачено, он порицал любовные дела некоего Гелиогабала²⁹, притом так инсказательно, что раскрыть это мог только посвященный человек.

Вианезий, этот усердный пастырь, часто возвращался и пытал нас. Пытали Петрея, который сопровождал

Каллимаха, когда тот бежал из города. Но Петрей не признался ни в чем и утверждал, что какие-то слова, сказанные Каллимахом спяну, ничего не значат. Виа-незий тщательно осматривал все углы, вероятно, опасаясь, как бы мы не взломали стены и, как Дедал³⁰, не улетели бы с высокой башни. Наконец, он придумал подземную темницу и тотчас же поместил нас к кузнецам, работающим в подземелье. Туда же он бросил Франциска Ангиллара³¹, Гатталузца, Франциска Альвиана³², Якова Птоломея³³, которые уже четыре года томились в тюрьме. Об освобождении нашем, между тем, не говорилось ни слова. В то время в городе как раз был император³⁴. По обету он прибыл с большой свитой, и Павел, не скупясь на расходы, устроил ему роскошную встречу,—она стоила 18 тысяч золотых. Из гробницы Адриана я видел, как оба под одним балдахином возвращались из Латерана в сопровождении почетной свиты. Павел стоял на мосту, пока император производил несколько человек в рыцари³⁵. С отъездом императора, когда он совсем успокоился после пережитого страха — ведь он стянул в город большую часть своей конницы и пехоты, опасаясь, как бы римский народ не поднял восстания в присутствии императора,—на десятый месяц после нашего ареста он пришел в тюрьму. Чтобы видно было, что он все-таки не попусту поднял такую шумиху, он предъявил нам всякие обвинения и более всего обвинял в том, что мы вели споры о бессмертии души и придерживались теории Платона, теорию которого божественный Августин³⁶ считал очень близкой к христианской религии. Он говорил: «Аврелий³⁷ и Цицерон справедливо называют Платона богом среди философов, ибо он несомненно всех их превосходит талантом и мудростью; его я избираю собеседником в моих спорах, ибо он лучше других рассуждает о высшем назначении человека и о божественной природе»³⁸.

Павел сказал, что мы в своих спорах ставим под сомнение бога³⁹. Но ведь в этом можно обвинить всех философов и богословов нашего времени, которые нередко ради спора и выяснения истины ставят под сомнение и душу, и бога, и все духовные сущности в отдельности. К тому же еретиками, как сказал Августин, являются те, которые, зная, что нечто ложно, все же это защищают. Мы же никогда не отвергали здравого учения, что

делают обычно «учителя заблуждения», как назвал их Лев⁴⁰, то есть люди, думающие отлично от церкви, которых, по свидетельству Иеронима⁴¹, справедливо называли еретиками. Я могу рассказать вам всю свою жизнь со времени, когда у меня пробуждалось сознание, до сегодняшнего дня. Меня не могут упрекнуть ни в каком преступлении, ни в краже, ни в разбое, ни в святотатстве, ни в хищении, ни в отцеубийстве, ни в грабеже, ни в симонии. Я жил, как подобает христианину, не пропуская исповеди и причастия, по крайней мере в год раз. Никогда уста мои не произносили ничего такого, что было бы противно символу веры и отдавало бы ересью. Я не подражаю ни симонианам, ни карнократинам, ни офитам, ни северианцам, ни алогиям, ни паулинцам, ни манихеям, ни македонианцам или какой-нибудь другой еретической секте. К тому же Павел обвиняет нас в том, что мы слишком любим язычество⁴². Но ведь никто не был привержен к язычеству больше, чем он сам. Не он ли разыскивал статуи древних по всему городу и снес их в свои хоромы, которые построил под Капитолием⁴³. Он увез даже гробницу блаженной Констанции из Санта Агнезе, невзирая на протесты местных монахов. Только после смерти Павла они получили обратно у папы Сикста эту порфиновую гробницу⁴⁴. Мало того, он по образу древних поместил в фундаменте своих построек огромное множество золотых, серебряных и медных монет со своим изображением и делал это без сенатского постановления⁴⁵. В этом он скорее подражал древним, чем Петру, Анаклету или Лину⁴⁶.

Наконец, наше дело разбирали палатинские епископы⁴⁷ и два монаха⁴⁸, из которых один был францисканец, другой доминиканец, и почти все пришли к единому мнению, что ничего в нас нет такого, что отдавало бы ересью. Один только Леонард Перуджинский из ордена проповедников, желая угодить Павлу, осмелился выступить против нас⁴⁹. Все его доводы опроверг и разбил Франциск Ассизский из ордена миноритов⁵⁰. Но когда в тюрьму пришел Павел, то Франциска, нашего защитника и поборника истины, не допустили к обсуждению, чтобы Леонард мог говорить свободнее. И он говорил то же, что накануне.

Потом спросили мнение присутствующих. Они же, хотя в какой-то мере и поддакивали словам папы, одна-

ко старались смягчить нашу вину и умиловить папу. Один только Лелий Валле, римский гражданин и конси-
сториальный адвокат, открыто и смело защищал нас⁵¹. Он опровергал все, что говорил Леонард и что частич-
но подтверждал другой адвокат, Андреас из Санта
Крус⁵². Среди разговоров упомянули об Академии. Тог-
да М. Барб, кардинал св. Марка⁵³, закричал, что мы не
академики, а осквернители Академии. Но я не вижу,
чем, собственно, мы опозорили Академию:⁵⁴ ведь мы не
воры и не разбойники, не поджигатели и не расточи-
тели. Мы следовали древним академикам и не признава-
ли новых, ибо они и в вещах не видят ничего определен-
ного. Павел же объявил еретиками всех тех, кто хоть
дважды, всерьез или в шутку, произнесет слово Акаде-
мия. «Ведь она — истинный позор для Платона», — гово-
рил он, заботясь о себе. Ведь Павел хотел в любом деле
показать себя ученым, проницательным, даже остроум-
ным. Он высмеивал и презирал почти всех. Он как-то
спросил с насмешкой Помпония, какое имя получил он
в младенчестве от родителей. Помпоний ответил, что у
него два имени. Пораженный этим новшеством, Павел
прекратил дальше расспрашивать насчет имени. Когда
же он принялся за меня, он обрушился на меня с всевоз-
можной бранью: мало того, что он обвинял меня в загово-
ре, в ереси, в окорблении величества — все это было уже
опровергнуто, — он еще упрекал меня в неблагодарно-
сти и говорил, что он мне, несмотря на мою неблаго-
дарность, оказывал милости. Если по неизвестной при-
чине у человека отбирать все, принадлежащее ему, бро-
сать его в тюрьму, пытать, позорить и поносить его —
если все это благодеяние, то тогда, конечно, мож-
но сказать, что Павел облагодетельствовал меня и осы-
пал милостями; я же, неблагодарный, не затаил в памя-
ти все эти злодеяния и не ушел из города, послушный
его повелениям, хотя столько раз бывал обманут его
обещаниями.

После этого он ушел, изрекая всяческие угрозы, и был
так разгневан, что продержал нас до истечения целого
года. Я полагаю, он дал такую клятву, когда нас схва-
тил и бросил в тюрьму, и не хотел показаться клятво-
преступником. По освобождении он еще задержал нас
на 20 дней в своем доме, не разрешая ни шагу ступить
за порог. После этого только нам позволили ходить по
Ватикану. И, наконец, утомленный просьбами кардина-
лов, он отпустил нас на свободу.

ДЖАН ДЖОВИАНО ПОНТАНО

ХАРОН ¹

Беседа Миноса и Эака ²

Минос. У должностных лиц, Эак, никогда не бывает полного отдыха ³.

Эак. Это ты, Минос, сказал разумно и справедливо. И во время отдыха приходится думать о занятиях, и тогда, когда душа немного освобождается от забот. Ибо именно тогда она лучше всего видит истину. Нужно совершенствовать свой дух, и особенно это относится к старикам, которых должны занимать не игры в мяч и обруч, как юношей, а изучение и познание всего наилучшего ⁴.

Минос. Конечно, если бы ты дни и ночи спал или пьянствовал, боги не исполнили бы твое желание и не создали бы мирмидонян; ⁵ они сделали это за то, что ты совершенствовал свой дух, что ты мудро и справедливо управлял народами.

Эак. За все то, о чем ты говоришь, Минос, я всегда благодарил бессмертных богов. Это было их благодеянием, что нас признали добрыми и мудрыми. И я старался приобрести их благосклонность не столько фимиамом и жертвенными животными, сколько правильными поступками, разумными решениями и справедливым управлением.

Минос. Конечно, ты прав, это милость богов, богов, которым угодны не кровь козлят и не первые плоды, а невинность, правдивость, чистота, верность, воздержанность. Все это дары божьи, и тем, кто пользуется этими дарами, боги открывают свои мысли и позволяют им увидеть себя. Притом они, как нам известно, не только призывают к себе на небо людей, которых они знают как воздержанных и благоразумных, как это подо-

бает богам, но проявляют милость и благосклонность даже к тем, которые жили необузданно, а потом раскаялись и вернулись на правильный путь. Ведь бог всемилостивейший и всемогущий не столько карает за проступки, сколько жалеет и прощает. Он любит род человеческий и когда собирается наслать на людей болезни и бури, разгневавшись за их преступления, он предупреждает об этом, посылая то рождение уродов, то чудесные предзнаменования, а когда он особенно рассержен, он посылает хвостатые кометы⁶, чтобы люди позаботились об искупительных обрядах, от которых он добреет и меняет свое решение. Действительно, я предвижу, что придут на землю страшные раздоры и бедствия: ты помнишь ведь, как недавно сотрясалась земля, какие сильные и частые толчки раздавались из самых глубин. Кажется, они возвещают людям нечто очень недоброе, и душа желает это знать. Поэтому, если ты не прочь (ведь день у нас свободный и со службой сегодня справится один коллега наш Радамант)⁷, пойдём на берег, присядем немного под сладостной тенью кипарисов, пока придет к нам кто-нибудь из жителей земли; к этому склонить нас могут и легкое течение вод и наше желание узнать, что подельывают люди, чтобы вынести правильное суждение об их поступках.

Э А К. Правильно, Минос, это очень кстати. Ведь и разум предсказывает, что людям грозит что-то недоброе и опасное, хотя я и не знаю, что именно; и сам ты не забыл, как недавно, когда ты, помнишь, судил тех священников, они жаловались и горько сетовали на то, что Италию терзают раздоры и что в ней собираются огромные войска⁸. Поэтому, если тебе так угодно, спустимся на ту лужайку.

Минос. Спустимся и, если ты не против, позовем Харона, ведь он тоже сегодня без дела.

Э а к. Да, он свободен, и к тому же речь его исполнена учености и серьезности.

Харон, Минос, Эак

Харон. Я, право, считаю положение людей несчастным хотя бы потому, что все они живут надеждами. А что может быть более пустым, чем их надежды?

Минос. О чем ты говоришь, Харон?

Харон. Что это за речь? Кого я вижу там вдалеке? О, справедливейшие судьи душ человеческих! Приветствую вас. Но, клянусь Стиксом⁹, откуда у вас столько досуга от судилищ и приговоров?

Минос. Мы бездельничаем сейчас по той же причине, что и ты. Ты ведь знаешь, что за последние три дня не перебросил к нам ни души.

Харон. Я сам тому удивляюсь и даже возмущаюсь. Я так обманут в своих надеждах, что за все три дня ни гроша не внес в плутонову казну¹⁰. Итак, что за жизнь может быть у смертных среди такого множества и разнообразия всяческих тягот? Надежда ведь так часто обманывала людей и насмеялась над ними! Я считаю это едва ли не самым большим их заблуждением, что они причисляют Надежду к богиням, хотя на самом деле она лишь служанка человеческой судьбы, изменчивая, непостоянная, лживая, исполненная всех добрых и дурных соблазнов. Это сказал как-то один тиран, который уповал в душе на царскую власть, но был обманут в своих надеждах и, наконец, едва добрался до этого берега, голый, жалкий, хромой, спотыкаясь, имея при себе из всего своего огромного богатства, злом приобретенного, одно только колечко¹¹.

Эак. Мы рады, перевозчик, что ты стал учение, и, клянусь Эребом, философствуешь ты отлично¹².

Харон. Мне ли не философствовать, если я столько лет слышу разговоры ученых людей, которые остались без погребения и бродят здесь по берегу¹³. Их споры доставляют мне необычайное удовольствие, и, когда есть у меня время, я становлюсь слушателем и получаю от их речей огромное наслаждение и большую пользу. Но некоторые из них смешны и вызывают у меня раздражение и отвращение. Встречаются среди них то слишком хитрые и лживые, то пустые и изворотливые, как тот парижский софист, который недавно столкнулся со мной и, о, Плутон, как он нагло кричал: «Ты умрешь, Харон!»¹⁴ Я же, не будучи смертным, говорил, что не умру. Но он вопил: «Умрешь!» Когда же я спросил, как же это произойдет, он поднял брови и ответил: «Ты — Харон, то есть саго — мясо, но всякое мясо подвержено смерти, следовательно, ты умрешь. А так как ты живешь уже долго, то умрешь скоро». Тут я, возмущенный его глупостью едва сдержал себя, чтобы не сбросить его в

реку. А другой, который чуть не до смерти насмешил меня? Он сказал: «Рем был братом Ромула, а ты имеешь здесь много весел (гемі), значит у тебя здесь много братьев Ромула». Услыхав такое, Эак, я так расхохотался, что боялся, как бы мне не лопнуть. Или еще третий, видя, как я отвязываю лодку, сказал: «Слушай, Харон, и учись». Я ответил: «Ты, гость, правильно говоришь. Учиться никому не лишне». «Учись,— повторил он,— ибо это ново. Ты едешь по болоту — palus, но palus — кол, дерево, значит, ты едешь не по воде, а по дереву». Едва только он кончил, как появился четвертый, недовольный тем, что говорил тот, предыдущий, и сказал мне: «Послушай и меня, ты, перевозчик, работаешь тремя руками. Ибо ведь лопасть весла — palma — тоже рука, значит ты и гребешь тремя руками и работаешь тремя лопастями»¹⁵. Ну, можно еще, пожалуй, стерпеть такое, если бы это говорили мальчики, упражняющие свой ум. Но кто выдержит, когда такую чепуху несут старики, да к тому же еще такие, которые рассуждают о природе и о боге? А недавно один суеверный человек, когда я спросил его, что нового на земле, сказал, что многие из умерших снова ожили. Поэтому я очень хотел бы узнать у вас — ведь вы ведете учет всех душ, — случалось ли, что какие-либо души сами убегали или были похищены у вас? Я-то точно знаю, что ни одну душу обратно не перевозил.

Эак. Нет, Харон, и тем, что говорилось вначале, пожалуй, не следует пренебрегать. Ведь это относится к изысканию истины. А то, что сказано в конце, уже вовсе нельзя отвергать, ибо оно укрепляет веру. Многие вещи по самой своей природе нам неизвестны.

Харон. Пусть будет по-твоему, раз это никакого отношения к нам не имеет¹⁶, и оставим это пока. Мне сейчас на ум пришло другое, чему я беспрестанно удивляюсь. Если по вашим законам дозволяется об этом спрашивать, я хотел бы узнать у тебя, почему ты, когда вынес смертный приговор тому самому тирану, не поместил его среди преступников и злодеев, а переправил на тот берег, где он бродит один?

Эак. Вопрос твой вполне уместен. Но правильнее будет спросить тебе об этом Миноса. Ведь это он так присудил.

Харон. Конечно, это очень интересно узнать, как

и вообще все другое, что связано с Миносом. Поэтому добрейший Минос, не соблаговолишь ли ты открыть нам это, чтобы мы могли понять замысел судьбы, приговором которого мы восхищаемся.

Минос. На вопрос твой ответить легко, и я охотно это сделаю. Вопрос этот относится к философии, и я весьма радуюсь и хвалю, что ты сделался таким усердным ее ревнителем¹⁷. Итак, чтобы ты мог понять мое решение об отсылке этого тирана, знай: мало того, что он был изменчив, неверен, жесток и невероятно жаден, это был еще самый коварный человек среди смертных, и в этом он сам признался, даже без применения пыток. Итак, этот враг мира и покоя дни и ночи только тем и занимался, только о том и думал, как бы затеять ссоры, как бы поднять мятеж, вызвать войну или еще больше разжечь ее, если она уже велась. Этого человека, чтобы не подвергать его искушению, чтобы он не поднял в один прекрасный день мятежа среди душ умерших, я велел выгнать из нашей республики, из города и вообще из земли, омываемой Летой, и оставить на том берегу, среди блуждающих теней. Более того, я даже решил издать закон, чтобы никто не смел подойти к нему или увидеть ближе, чем за десять верст.

Харон. Это ты, Минос, сделал справедливо и мудро. Но почему он на седьмой день превратился в жабу, целый день проквашал, вечером исчез в пасти змеи, а утром снова возродился тенью?

Минос. Что сам он делал, то сделали с ним. Привык пожирать других, а теперь самого сожрали.

Харон. Как справедливо, как заслуженно! О, если бы смертные знали об этих наказаниях! Я надеюсь, они были бы скромнее, менее честолюбивы и не так жадны до чужого.

Минос. Что ты, разве ты забыл о Пифагоре? Конечно, ты должен это помнить. Ведь он пришел к нам с обожженным лицом, опаленными волосами, обгорелыми ноздрями. И все почему? За то, что он пророчествовал это среди смертных, что напоминал им об этих будущих наказаниях, негодные юноши бросили огонь в его дом и загубили его¹⁸.

Харон. О, добрый Плутон! Что за страшная неблагодарность и жестокость! И это награда за науку и наставление!

Минос. Род людской ужасно неблагодарен и необуздан. Я не говорю уже о поэтах, которые первыми сказали правду о подземном царстве, а этой правдою сейчас все пренебрегают. Сократа, мужа превосходнейшего и мудрейшего, они отравили; и, конечно, ты знаешь, что они сделали с Христом. Мы сами трогали его раны на боку и на ногах и никак не могли поверить, что люди осмелились совершить такое злодеяние.

Харон. А он ведь говорил правду¹⁹.

Минос. О, Харон, Харон! Ты, кажется, не знаешь, что правда всегда была ненавистна людям. Ведь она была выброшена из общества людей и томилась в изгнании, а когда Христос попытался ее восстановить, то сам знаешь, что он за это получил.

Харон. Откуда же, Минос, у людей такая нечестность? Ведь ты сам был человеком и властвовал над жителями Крита, управляя их делами.

Минос. Больно ты скор. Сначала посмотри и подумай о том, что прежде всего может открыть пред тобою их нечестность.

Харон. Хотел бы я знать, что это такое?

Минос. Слушай и трепещи. Ведь сами смертные теперь — я это точно знаю — ужасаются от того, что Христос был зверски убит теми людьми, которых учил, с которыми столько лет вел невинные споры, а мы и толпы людей, вовсе не знавших его, как только увидели его, тотчас же стали поклоняться ему и молиться.

Харон. Да, об этом злодействе я всегда думаю с ужасом и не могу достаточно понять его причину.

Минос. Ты перестанешь удивляться, если обратишь мысли твои к философии. Ведь кто философствует, должен и память иметь хорошую. А тот день, конечно, был памятным для духов усопших, когда перед судом предстал тот Стагирит²⁰, назвавший себя перипатетиком, тот самый, который дурно думал о своем учителе и был к нему неблагодарен²¹. И вот, в тот самый день, когда он отдавал отчет о всех своих суждениях и делах, он, как я помню, как будто в начале своей речи говорил: человеческая природа двойственна, одна разумна, другая лишена разума, а та, которая лишена разума, тоже двойственна, одна вовсе оторвана от разума, другая обычно привязана к разуму и ему подчиняется. Итак, страсти и желания, сильные и неудержимые, если их не

обуздать, обычно так расстраивают ту часть природы человеческой, которая послушна разуму, что никакими средствами невозможно удержать ее на правильном пути. Отсюда, он считает, берут начало пороки, возникают раздоры, войны и другие человеческие бедствия. Отсюда и ненависть людей к правде, и по той же причине они не хотят ни слушать, ни терпеть тех, которые учат их справедливости и чести. Именно от этого брошен в огонь Пифагор, отравлен Сократ, Христос распят на кресте. Итак, человечество слепо и подвластно страстям своим, и, приведенное в ярость, оно не знает и не хочет знать, кого убивает. А если находятся и такие, которые этого человека хорошо знают, они не могут его защитить, потому что их немного. Ведь благочестие редко. А вот души усопших, не обремененные телами, узнали его, и те, которые были вовсе чисты и свободны от причастности к телу, последовали за ним ²².

Харон. Да еще сколь многолюдной толпой и с каким восхищением! Итак, начало и причина всех тех зол в теле, а не в душе?

Минос. Начало, действительно, в теле, но и душу не следует оправдывать, если она позволяет себя покорить, хотя должна властвовать. Счастливый ты, Харон, что всегда был лишен телесных оков и свободен, что тебя никогда не тревожили щекочущие желания, властители над телом, и не толкали тебя в пропасть страстей, которые у людей бывают бесконечны и ненасытны. Но мы, кажется, слишком затянули беседу и разговором своим мешаем тебе делать твое дело, не допускающее перерыва.

Харон. Да нет, разве можно считать потерянным время, посвященное философии? Если бы только почаще выпадали такие минуты! Ведь все время, сколько позволяет мне моя работа, (а ее, как вы знаете, нельзя покинуть никогда), я отдаю философии. Она — утешение в трудах моих и спутница моя, не покидающая меня в одиночестве, она отделяет от толпы, которая меня постоянно окружает ²³.

Эак. Посмотри-ка, Минос. Пока ты разговаривал с Хароном, на западе появилось какое-то облако. Сначала оно казалось легким, но, если зрение не обманывает меня, оно понемногу начинает сгущаться.

Харон. С какой стороны?

Э а к. С запада. Немного левее.

Х а р о н. А видно ли впереди слабое сияние?

Э а к. Да, видно.

М и н о с. Очень хорошо. Узнаю сандалии Меркурия²⁴. Подгони-ка, перевозчик, лодку туда, к тому берегу, там лучше будет нам подождать Меркурия.

Минос, Эак

М и н о с. Подумай только, Эак, какая сила в учении! Вот мы видим сейчас философа, который сначала был гребцом,— что ему еще делать в свободное время? А что было бы, если бы он с малых лет слушал философфов?

Э а к. Если есть желание, ничто не трудно, и учиться не поздно в любом возрасте, ибо хотя юношеству цветы несут большие надежды, плоды, однако, достаются зрелому возрасту.

М и н о с. Это очень правильно. Однако, что касается нашего детства, то почему-то в юности более сильный порыв влек нас к доблести и славе, а к старости все стремления ослабли и увяли.

Э а к. Порывы у юношей сильнее, но разум менее совершенен. У стариков же, поскольку разум у них совершенен, и жизнь также совершеннее. Юноши стараются ради славы, а добродетель стариков бескорытна.

М и н о с. Так уж устроила природа. Она с самого начала так заботится и печется о человеке, чтобы из юношеской неосторожности и неопытности вырастала старческая мудрость, как вырастают плоды из цветов. Ты ведь помнишь, как мы учились в детстве, с какой неохотой шли в школу или к учителю грамматики: орехи занимали все наши мысли, и все радости были в собачонке, перепелке, галке. Но хотя мы и начинали так, смотри, какие успехи сделали мы оба. И на земле еще мы диким народам диктовали законы правильной жизни, а теперь мы волей своей судим души еще раньше, чем бог. Итак, с возрастом растет и мудрость, дети же не могут ее постичь, так как нет в них ничего зрелого. Если всякий возраст стремится к мудрости, то дальше всего отстоит от нее детство, настолько нежное, что его надо приучать лишь постепенно.

Э а к. Природа была в этом деле мудрейшей искусницей и с удивительным умением устроила свою мастер-

скую. Но, кажется, слишком малые были даны ей сроки, слишком коротка жизнь человека, рожденного для столь многого и столь великого²⁵. Ведь мы сами знаем, как некоторые люди, когда отчитываются нам в делах своих, вызывают у нас удивление: до достижения совершенной мудрости им недоставало только одного — времени.

Мин о с. Подумай, Эак, о том, что ты говоришь, и загляни в это дело глубже. Все, что создано природой, помещено в известные пределы. Вот этим кипарисам есть куда протянуть свои верхушки, но и они имеют предел своему росту. Имеют свои границы и зѣмли и моря; и тело человека отмерено и его познание. Более того, сама сила природы тоже ограничена. Впрочем, если б человек прожил и 800 лет, он понимал бы тогда не больше, чем теперь, когда ему 80, так как это зависит не от числа дней, а от природы человеческого тела. Ведь тот 800-летний, пусть даже была у него намного дольше молодость, не достиг большего познания вещей, чем этот 80-летний, молодость которого была куда короче. И растения, и животные, те, которые дольше живут, позднее приносят плоды и потомство. Скорее созревают те, у которых короче пределы жизни. Да и сами мы часто видим, что дети, которые слишком быстро развиваются, или рано умирают, или же, если и делаются взрослыми, то обычно заметно теряют свои способности и усердие. Но ведь род человеческий горд, и люди, вечно недовольные своей участью, сетуют на краткость жизни, а того не понимают, что те, кого они вспоминают, как долголетних, не превзошли добродетелью и мудростью Солона²⁶ и Катона²⁷. Если бы нам пришлось послушать этих мужей, как они защищаются на суде, мы, наверное, очень пожалели бы, что Плутон не дал нам этих двоих мужей в товарищи. Ну, а, может быть, ты считаешь, что не хватило времени для познания истины у тех, которые наукой своей даже небо измерили и пытаются узнать, четное ли или нечетное число звезд на небе? Этим, мне кажется, и досуга и жизни было вполне достаточно. А что по-твоему можно сказать о тех, которые, собирая вместе разные соки и смеси всяких веществ, плавят их на сильном огне, чтобы добыть золото, тратят на это дни и ночи и всю жизнь?²⁸ Вот это значит злоупотреблять природой и временем. Что сказать о тех, которые при-

думывают, будто боги ведут войны между собой, и описывают всякие их раны и другие несчастья? Разве не справедливо, что людям, которые занимаются таким вздором, скорее нужно было бы сетовать на свое легкомыслие, чем на краткость жизни? ²⁹

Э а к. Ты изобразил природу вещей и пустоту человека и сделал это правильно и открыто. В самом деле, так обычно бывает, что того, кто хочет понимать слишком много, люди считают понимающим меньше других. Но пора кончать разговор. Нужно посмотреть, почему Меркурий никак не может выбраться из такого скопления людей.

М и н о с. Ты прав, в самом деле, он окружен многочисленной толпой. А, может быть, он пытается выделить отдельные тени из этого человеческого сброда и выжечь у них на лбу клеймо, чтобы мы легче могли распознать их род, занятия и образование?

Меркурий, Пирихальк ³⁰

М е р к у р и й. Отойди туда, Пирихальк, с этой жалкой чернью и выжги у них иудейские знаки.

П и р и х а л ь к. Род их я знаю, но не знаю занятий.

М е р к у р и й. Все они ростовщики. А вы уйдите на левый берег. Идите за ним, сводники, поспешите. Ты знаешь, кто они такие и какие знаки нужно у них выжечь.

П и р и х а л ь к. Занятие их я узнал, но, как я вижу, рода они разного. Этот из Фландрии, тот германец, в этой группе частью иллирийцы, частью итальянцы, много тут и испанцев, много и греков, и уж, конечно, у тех народов, откуда здесь больше сводников, немного найдется целомудренных женщин. Эй, прислужники, подайте ту раскаленную бляху.

М е р к у р и й. И этим выжги поскорее. Эти пираты сардиняне, сицилийцы, кельтиберы ³¹.

П и р и х а л ь к. Наверное, всем им нужно заклеить лбы и обрезать ноздри?

М е р к у р и й. Возьми-ка нож. Вас всех направо. А эти галлы — колбасники, трактирщики, повара, флейтисты, азартные игроки. Все они пьяницы и олухи.

П и р и х а л ь к. Если я не ошибаюсь, им нужно наколоть горло и в мозг забить гвоздь

Меркурий. Но так как у галлов мозга нет, забей лучше в живот³². А остальной толпе прикажи, кузнец, чтобы разошлись по группам сообразно с родом и занятиями каждого, а я тем временем отберу из этого народа некоторых наиболее примечательных. Кто такой вот этот дерзкий негодяй? Узнаю его лицо. Это был тот самый преступник Петр Бизулдунский, кельтибер³³. А те двое, которые прячутся за ним, в пурпурных шапочках,— эти были негоднейшими из всех священников, один из них Людовик, патриарх аквилейский, другой кардинал самарийский³⁴. Пирихальк, отпечатай у них на лбу бронзовый парик³⁵. Смотри прежде всего, чтобы он был блестящий. А тому бизулдунцу проткните уши. Сделайте это. Я вижу, Харон ждет меня там в гавани и давно подает мне знаки руками и головой. Подойду к нему и узнаю, зачем он зовет меня.

Харон, Меркурий

Харон. Я рад, Меркурий, что ты прибыл цел и невредим.

Меркурий. Где же, Харон, философия, которую ты проповедуешь? Ты радуешься, что бог пришел невредим, как будто что-нибудь может повредить богу.

Харон. И богу немало доставалось от людей, пока он был среди них, и на небе, я боюсь, не так уж безопасно при таких разногласиях между богами: ведь один из них, говорят, посылает святой огонь, другой обещает здоровье, один радуется войнам, другой заботится о мире; есть и такой, который насылает слепоту, и такой, который возвращает зрение; многие поражают, а некоторые лечат. Что может быть различнее?³⁶ Поэтому, среди такого разнообразия и несогласия, я недаром считаю жизнь богов небезопасной; тем более, что кое-кто из богов, говорят, был вовсе сброшен с высших областей небесных, да и не один, а довольно большое число богов. Так что не следует тебе отвергать такое мое приветствие, ибо я действительно рад, что ты избежал и всяких других опасностей, но особенно я доволен тем, что ты не поддался женским чарам, которые и теням усопших вечно не дают покоя.

Меркурий. Этого боги могут теперь уже не бояться с тех пор, как перестали похищать девиц.

Харон. Отчего же, или состарились небожители?

А, может быть, какой-нибудь закон приказал им стать скопцами?

Меркурий. Были такие дела в давние времена, когда спартанцы позволяли голым девицам состязаться вместе с юношами у Эвроты³⁷. А небожители, смотревшие на эти игры, а иногда и бывшие гостями на пирах, естественно, возгорались страстью. Теперь женщины или сидят взаперти, или выходят закутанные во множество покрывал и не возбуждают богов. К тому же издан закон, который и боги все подписали, закон, предусматривающий, что бессмертный не смеет познать какую-нибудь смертную.

Харон. По какой же причине был издан такой закон?

Меркурий. Случилось так, что Юпитер, полюбил девушку из Гарента и, обратившись в юношу, очень уж сильно целовал ее уста, которые были изрядно накрашены, и получил от этого болезнь³⁸, а немного позднее, после этих поцелуев и несколько зубов потерял. Тогда боги, рассердившись, что царь их стал беззубый, предложили издать такой закон.

Харон. Что же, значит, Юпитер теперь без зубов?

Меркурий. Вовсе нет. Но так как у бога, уже немолодого, не могли зубы снова вырасти, он велел сделать себе слоновые³⁹. И женщинам приказано, чтобы не смели больше приходить в объятия к богам. Но зато священникам, слугам богов, дозволено занять их место⁴⁰.

Харон. Поэтому-то, я думаю, и принято жить долго, что каждый день узнаешь что-то новое. Однако чтобы наши встречи не мешали каждому из нас исполнять свои обязанности, я думаю, мы достаточно хорошо обсудим многое и в лодке. Знай и то, что я хочу от тебя, и то, что тебе следует делать. Оба судьи, Минос и Эак, ждут тебя вот там на берегу и очень хотят с тобой поговорить. Уже чуть не три дня никто с земли не приходит. Они многого боятся. Итак, я думаю, будет хорошо, если ты угодишь их желанию и поскорее сядешь в лодку. Этим ты сделаешь дело, и для них весьма приятное, и тебя достойное, и дашь время Пирихальку переклеймить всех этих, что должно быть главной твоей заботой. Конечно, кто может разобраться в таких толпах, если не придет каждый со своим знаком?

Меркурий. Ты прав. Нужно исполнить их желание. Если угодно, распусти парус, ибо в спину подул легкий ветерок.

Харон. С удовольствием. Так мы быстрее прибудем в гавань, и прести мне будет легче.

Меркурий. Мы несемся на всех парусах.

Харон. Да, солнце усилило ветер, который в летние дни обычно поднимается в одно и то же время.

Меркурий. Какие же ветры дули у вас последние дни? На земле Борей⁴¹ сильно повредил виноградникам, а еще больше маслинам и цитрусовым.

Харон. А у нас Ахеронтий⁴², и к тому же слабее обычного.

Меркурий. Харон, Харон, что я вижу? Какой-то человек питается сырой рыбой?

Харон. Не удивляйся, это киник Диоген⁴³.

Меркурий. Почему, скажи мне? Разве он живет в реке?

Харон. Именно так. Ведь берега, как ты видишь, очень высокие, а у него нет ничего такого, чем он мог бы зачерпнуть воду. Поэтому он предпочитает жить здесь, где он имеет вдоволь и рыбы и воды, а не в других местах подземного царства.

Меркурий. Ну и здоровый же у него желудок. А кто это, скажи мне, тот водяной, вот там рядом, будто гагара, то нырнет, то вынырнет? Подобного я нигде ни видал.

Харон. Да ты его прекрасно знаешь. Это фиванец Кратет⁴⁴. Он все ищет золото, которое когда-то выбросил.

Меркурий. Верно, его я знаю. Помню, когда я был однажды в Афинах в день праздника Панафиней⁴⁵, над ним ужасно смеялись перипатетики, во-первых, за то, что он не знает цели вещей и не понимает ни того, какова польза от вещей, ни того, что вещи могут быть хорошими,— а ведь деньги добываются для использования, и, хотя сами по себе они не хороши и не плохи, в руках разумного и честного человека они, будучи использованы, становятся благом,— во-вторых, что он плохо думает о философах,— ведь кто может использовать деньги более справедливо, честно и свято, чем философы? И, наконец, если он презирает богатства, то разве не лучше было отдать их в пользование другим, чем са-

тому так глупо выбросить их в море, где ни людям, ни рыбам нет от них никакой пользы?

Харон. Право, недаром над ним смеялись. Но скажи мне, Меркурий, поскольку мы уж вспомнили Афины, как думаешь ты, почему афинский народ не принял законы, предложенные Платоном? ⁴⁶ Сам я весьма восхищен его красноречием и ученостью — ведь я много дней имел его своим собеседником.

Меркурий. На это были у них важные соображения. Ибо когда в греческие календы законы эти обсуждались с народом, плебс рассуждал так: поскольку государство, задуманное Платоном, есть у германцев, то пусть он идет к варварам, ведь у них в самом деле есть государство убиев, которое соблюдает эти законы ⁴⁷. Но афинскому народу пусть он позволит жить теми законами, которые народ принял от предков, мудрейших людей. На этот счет было даже издано специальное постановление сената: поскольку греки все объединились, чтобы отнять Елену и возратить ее мужу, и, пойдя войной на троянцев, понесли огромные расходы, истощили почти всю свою знать и имели такие большие потери, то нельзя принять законы Платона, по которым жены — общие, никто не имеет определенной супруги и в государстве не остается стыдливости — единственной или по крайней мере главной добродетели женщины. Я сам помню, как читалось это постановление сената в Афинах и во многих других городах Греции. Ученик его, Аристотель, тоже немало убавил его славу. Он был хитрее своего учителя и не отступал так далеко от обычаев народа.

Харон. Да, причины веские и уважительные. Итак, его книги многими осуждаются, а учеников его читают?

Меркурий. Отчего же нет? Они в большом почете даже у варваров.

Харон. Я был, наверное, тогда очень утомлен работой, и голова была другим забита. Но Аристотель показался мне слишком пуганым и осторожным, когда я спрашивал его кое о чем в этой самой лодке. Больше того, хотя при разговоре со мной он был свободен от телесных оков, он не мог даже сказать мне ничего определенного о бессмертии души. Что же, выходит, как я вижу, что даже через столько веков этот глубокий и тонкий писатель очень труден для понимания!

Меркурий. Тебя, конечно, рассмешит, Харон, если я расскажу тебе, как недавно ловкий оратор осмелел одного философа, когда тот слишком извратил какое-то положение Аристотеля. Оратор сказал: «Слушатели, знайте, я веду спор не с философом, а с сапожником. Ведь это сапожники имеют привычку зубами вытягивать кожу, а этот делает то же самое с высказываниями Аристотеля. Поэтому смотри, философ, как бы тебе зубы свои в этой коже не оставить». Отсюда, Харон, уже стало избитым выражение, что теологу нужно быть зубастым⁴⁸.

Харон. Остроумный человек этот оратор. Но, может быть, запутанность самого предмета извиняет философа и теолога?

Меркурий. Совсе не в запутанности дело. Мне кажется, тут есть две причины. Во-первых, те, которые сейчас занимаются философией, не знают словесности, в которой Аристотель был одним из серьезнейших начинателей. Во-вторых, дело в том, что испорчена диалектика сначала германцами и французами, а потом и нашими⁴⁹. А в наше время ее губят совершенно.

Харон. С этими штучками ко мне тут недавно подступился один софист.

Меркурий. Наверное, он был из их числа, возможно, из ордена так называемых братьев.

Харон. Да, в самом деле, у него было прозвище «брат»⁵⁰.

Меркурий. Ты должен быть очень осторожен и изворотлив, когда попадет к тебе кто-нибудь из них. Нет ничего такого, чего они не добиваются и не вымогают своими рассуждениями. Да еще как! Хочешь — не хочешь, а тебе придется согласиться, и они таким образом сделают тебя из Харона ослом.

Харон. Не может быть ничего смешнее, чем думать так. Неужто от их уловок я превращусь в осла, как Апулей от любовного напитка?⁵¹ Помню, я едва узнал его, когда он пришел сюда, ведь уши и брови у него еще остались ослиные. Но он прекрасно рассуждал о философии, был приятнейшим собеседником. А я над ним посмеялся как за многое другое, так и за то, что он предпочел овсяный хлеб пшеничному — все-таки остались у него следы ослиных вкусов, да к тому же он немного ревел. Но, возвращаясь к софистам, скажу, что

мне нечего их так уж сильно бояться. Если, глубоко изучив основы, я буду хорошо логически расчленять, правильно давать определения, то они никак не смогут меня поймать. Но скажи, Меркурий, умоляю тебя, какой род людей теперь на земле живет веселее и свободнее других?

Меркурий. Веселее живут священники. Ты слышал, конечно, что они и на похоронах поют. А свободнее — медики, которым позволено безнаказанно убивать людей⁵².

Харон. Разве для них убиство не считается преступлением, караемым смертью?

Меркурий. Все нет. Наоборот, закон не только не карает медиков, но даже устанавливает им вознаграждение.

Харон. Как это несправедливо!

Меркурий. Нет, справедливо закон их оправдывает. Ведь по существу убивает не медик, а тот, который пользуется советом и трудом медика, хотя бы он даже и заплатил за это дорогой ценой.

Харон. Значит, гражданские законы это учитывают?

Меркурий. Учитывают. Те, которые впервые внесли эти законы, были ведь мудрейшими из смертных. Они как нельзя лучше знали все гражданские дела, и государственные и частные. Они не упустили ни одной стороны жизни, ни одной профессии, предусмотрели все возможные случаи. Никакой отец семейства не беспокоится и не заботится так о своих домашних делах, как позаботились они о человеческом обществе. Но те, которые теперь толкуют эти законы, обратили мудрость в коварство: они торгуют правом, оскверняют законы, отличают дозволенное от недозволенного только по тому, сколько им заплатили⁵³. Нет большего несчастья в жизни человека, чем нуждаться в их покровительстве. Отсюда появилась поговорка: «Горе — спутник тяжбы».

Харон. Недаром глашатай недавно, когда созывал их к преторам, назвал их судейскими гарпиями⁵⁴. Но уже пора нам, Меркурий, стягивать канаты. Время сходиться на берег. Итак, хотя я никогда не могу вдоволь наслушаться твоих речей, тем более, что ты и красноречив и мудр в делах человеческих и божеских, мы должны смотреть, однако, чтобы наши беседы не отрывали нас

от нашего дела и чтобы не слишком долго томить верховного правителя, который ждет с нетерпением твоего прихода.

Меркурий. Я и сам очень рад, что нас уже привел сюда попутный ветер. Я уже поднимаюсь. Если тебе угодно, сойдем вон там, где дно не такое грязное. Оттуда мы пройдем пешком к преторам через прелестные луга, вдоль того ручейка, который так нежно журчит, и не ради меня (я ведь, если надо, могу надеть свои сандалии⁵⁵, да к тому же я чуть не каждый день бываю в разъездах и прогулках), а ради тебя — тебе за весь год только раз удастся выйти из лодки и хоть немного погулять.

Харон. Ты прав и доставляешь мне большое удовольствие. Итак, причалим вон там, где берег зеленее, где течет ручеек. О, Плутон, как он прозрачен! Ухватись, Меркурий, покрепче за тот сук.

Меркурий. Ухватился. Чудесно, мы на твердой земле.

Харон. Теперь можешь выходить. Подожди немного на травке, пока я привяжу лодку к этому столбу.

Харон и Меркурий гуляют

Харон. Как приятен бывает перерыв среди серьезных занятий! А если при этом можно получить еще удовольствие, то что может быть приятнее! Я всегда считал, что удовольствие должно быть редко и оно тем более радует, чем более оно благородно. Сам по себе отдых я никогда не ценил, если он не служит к подъему сил телесных и душевных. Уже целых два года я не получал такого удовольствия, какое получаю сейчас. Как ласково журчит этот ручей! Смотри, как он красив, как чисто русло, где он течет!⁵⁶

Меркурий. Точно так же несется Клитумн в Умбрии⁵⁷, но хотя та река намного полноводнее, этот ручей, не образующий водоворотов и везде бегущий плавным течением, имеет берега покрасивее и больше радует взор. А как тебе нравятся эти луга, Харон?

Харон. Какие прелестные цветы! И как их много! Как благоухают эти фиолетовые цветочки!

Меркурий. Смертные называют их фиалками и плетут из них себе венки, примешивая к ним много крушины.

Харон. А что такое, скажи мне, крушина?

Меркурий. Вот те белые цветы, которых множество белеет там на опушке.

Харон. Наши называют их альбикантием. Как мне нравится эта тропинка!

Меркурий. А этот цветок в большой цене у всевышних. Его называют розой.

Харон. Ты говоришь об этом душистом цветке?

Меркурий. Да, о нем. Но дальше, посмотри вот туда. Найдешь ли ты на всех этих лугах что-нибудь прекраснее этого гиацинта?

Харон. Ты знаешь, наверное, Меркурий, что этот цветок по утрам проливает слезы. Поэтому огородники называют его «плакунчиком».

Меркурий. И смертные говорят, что на нем есть какой-то отпечаток горя.

Харон. Среди такого разнообразия цветов мы даже не почувствовали трудности пути. Я не знаю, сколько нам идти осталось, но думаю — немного, и нам тем более следует поспешить.

Меркурий. Таков мыслящий человек, даже среди удовольствий он не хочет зря терять времени.

Харон. Среди удовольствий и труд не в тягость и всякое дело само по себе приятно. Но вот мы прошли луга и очутились в тени. Если не обманывают меня глаза мои, под тем высоким старым кипарисом восседают судьи. Поэтому, чтобы не заблудиться в роще, направимся к ним, не упуская из виду этот кипарис.

Минос, Эак

Минос. Как приятно была нам обоим эта легкая прогулка! И как сладко после нее посидеть здесь, вдали от судилища, вдали от суеты форума. Этот день нужно белым камешком отметить (так делали критяне, да и я так делать привык). Однако и самый переход не был ни утомительным, ни скучным.

Эак. Больше всего очаровала меня тишина и птиц многоголосый хор, который так отвлекает душу от всяких забот, что мы ни о чем другом не тревожились и не говорили. Какая сладостная тень! Как ровно посаже-

ны молодые деревца, как красиво бегут ручейки среди прелестных цветущих и зеленых берегов! Хорошо, что прибыл Меркурий и избавил нас от тревоги ожидания. Хорошо, что плаванье прошло столь благополучно. Если уши не обманывают меня, я, кажется, слышу в кустах шум шагов их обоих, Харона и Меркурия. Клянусь Плутоном, вот они там, в кустах невысокого можжевельника. Они уже подходят.

Минос. Как я счастлив их видеть! Как я рад прибытию Меркурия! Кажется, нам в нашем блаженстве только этого не доставало, теперь оно стало полным. Но почему Меркурий ступает медленнее, чем обычно?

Эак. Не бойся, это он идет потише, чтобы не обгонять Харона. А тот плетется еле-еле. У лодочников ведь, конечно, сильнее развиты руки, чем ноги.

Минос, Эак, Меркурий, Харон

Минос. Долгожданный, ты приходишь, желанный для меня и товарища моего, мудрейший бог и прилежный вестник.

Эак. Ты приходом своим доставляешь нам большое удовольствие и сделаешь его еще более полным своею речью.

Меркурий. Я рад, что мой приход доставляет вам удовольствие. И мне это весьма приятно. А если я могу еще больше развлечь вас своею речью или ответами, то это в нашей воле. Я буду говорить, если прикажете, или, если вам больше нравится, спрашивать, буду отвечать. Я знаю, что предводители вы добросовестные и приказы ваши будут справедливы. Ведь каждый из вас может иметь требования лишь самые благочестивые, особенно к Меркурию. Но, судьи, больше всего мне хотелось бы говорить здесь о том, как я зол на род человеческий, считающий меня главарем воровства и мошенничества. А я ведь, наоборот, жестоко караю воров, а мошенников так ненавижу, что преследую их все более с каждым днем. Но люди в этом, как во многом другом, грешат, делая богов зачинщиками и даже учителями своих преступлений. А ведь у меня и у остальных богов нет большей заботы, чем забота о чести. Мы так ненавидим всякое бесчестие, что закрываем уши для просьб даже людей благочестивых, если в просьбах этих кроется ка-

кая-то бесчестная цель. Ты, Минос, назвал меня богом, и притом мудрейшим, но сделал ты это из уважения и почтения ко мне, оставшихся у тебя с тех времен, когда ты был среди людей. Но знай, что я бог и небожитель тогда, когда брожу на небе или на земле. А здесь, в подземном царстве, я исполняю обязанности то служителя, то ликтора⁵⁸, но только не бога. Мудрейшим же ты не называй ни меня, ни кого другого из богов, да боги и не нуждаются в таком названии, ибо они не могут ошибаться, заблуждаться, обманываться или чего-нибудь не знать. Ведь это люди, объятые таким мраком и туманом, придумали слово «мудрый», чтобы отличать от невежды и глупца того, кто что-то понимает, хотя поистине мудрого среди них еще не было никого. Итак, я пришел к вам ликтором и служителем, готовый исполнить вашу волю.

Минос. Но мы, Меркурий, по справедливости почитаем тебя как бога и называем мудрейшим, ибо не имеем более почетного имени, которым могли бы украсить тебя, когда ты исполняешь службу ликтора. Разве ты не знаешь, что среди людей ликторы великих царей повелевают даже самыми высшими чиновниками? Поэтому законно и справедливо, если ты будешь нам приказывать. Ибо это ведь для нашей пользы, чтобы мы тебе повиновались и старались набраться учености у тебя, изобретателя наук и толкователя самых таинственных вещей.

Эак. Не в обиду тебе, Минос, будь сказано; но не стоит тебе дальше спорить с Меркурием, ведь он первый преподал нам основы мудрости и красноречия. Чтобы нам не растягивать больше наше ожидание, лучше будет и полезнее, если мы поскорее откроем ему причины, почему мы здесь так давно его дожидаемся.

Меркурий. Мне, как богу, которому и помыслы людей известны, не следует дожидаться ваших объяснений. К тому же и Харон поведал мне о ваших тревогах. Прежде всего, Италия, откуда сам я теперь пришел, великий урон потерпела от сильных землетрясений, и многие города лежат в развалинах. Многие источники изменили русло или пересохли. Можно видеть, как высокие горы осели, как хребты сдвинулись, сорванные какой-то могучей силой со своих оснований, как образовались большие трещины, огромные болота⁵⁹.

Минос. Позволь нам, прошу тебя, Меркурий (ведь мы любопытны), по ходу изложения узнавать кое о чем и спрашивать у тебя причины.

Меркурий. Пожалуйста, сколько угодно.

Минос. Так скажи же, придумали ли люди и применяют ли в таком несчастье какое-нибудь спасительное средство, чтобы не обрушились все их дома?

Меркурий. Придумали, не очень надежное, но иногда оно помогает. Они скрепляют стены прочными бревнами и связывают их цепями. О, если бы они точно так же связывали разумом свои страсти и не давали бы так разбредаться мыслям своим, насколько лучше были бы все их действия! Все так заботятся о предотвращении того, что случается едва ли раз в 100 лет, а тем опасностям и несчастьям, какие несут им чуть ли не каждый миг их собственные греховные страсти, они покоряются охотно и даже с радостью. То, что несколько веков назад в одну ночь около 20 тысяч человек были задавлены под собственной крышей,— это всех пугает, за это упрекают и корят природу,— не могу понять, как она их все еще терпит. А войны, которые каждый час в течение многих лет уносят много тысяч людей, иногда стирают с лица земли целые царства и большие народы — как только они их не ищут, как в них не изощряются! Это им забава, это им удовольствие! Высшей красотою считают принести голову врага, наколотую на копье.

Эак. Я вижу, они несколько не изменились к лучшему. Поэтому-то мы и перестали быть людьми.

Меркурий. Разве только в одном изменились.

Эак. В чем же?

Меркурий. Во времена вашего правления мужья разводились с женой-изменницей, а теперь убивают ее ножом⁶⁰.

Минос. Зачем ты докучаешь Меркурию вопросами о том, что ты сам хорошо знаешь? Разве нам недостаточно известно, что люди становятся хуже с каждым днем?

Меркурий. Но пойдем дальше. Появилась комета, которая обычно предвещает жестокие войны и свержение царств. Она поразила умы всех боязнь будущих бедствий. Очень правильно поступает с ними величайший из всех богов, что мучает их не только действительными

несчастиями, но и страхом перед будущими бедами. Эта кара особенно тягостна для тех, которые слишком уж стараются узнать будущее.

Минос. Почему, скажи мне, Меркурий, богу угодно, чтобы люди не знали исхода вещей? А ведь все так стремятся узнать это.

Меркурий. Роду человеческому знать будущее совершенно бесполезно.

Минос. Почему же может быть бесполезно, если они узнают, что будет? Ведь, зная о несчастиях, они могли бы или вовсе избежать их или по крайней мере как-то смягчить? И счастье, наоборот, прежде чем оно придет, уже самой надеждой и ожиданием доставило бы душе великую усладу.

Меркурий. Всякий вопрос о намерениях и повелениях великого бога нечестив, и нам, богам, никак не дозволяется говорить об этом народу. Но так и быть уж, скажу вам. Все, что бывает или происходит случайно, или назначено судьбой, то есть божеским промыслом и порядком. Если что происходит случайно, то нелепо желание людей постичь смысл там, где нет никакого смысла; если же по назначению судьбы, то хотя в человека вселена жажда познания, природа, однако, сделала его мало способным к тому, чтобы познавать будущее, познание которого выходит за пределы возможностей человека. Пусть душа будет божественной, но телесная масса, которая держит душу, будто в темнице, закованной в кандалы, делает ее менее способной к восприятию божества. А поскольку будущее бывает или хорошим, или дурным, то если человек наперед узнает о дурном, это повергнет его в горе и тревогу, а иногда и в отчаяние. Но ведь бог не для того создал человека, чтобы сделать его еще более несчастным, чем он есть по своей природе, от познания будущих бед, которых он, как это известно богу, все равно не может избежать. Что же касается хорошего, то хотя ожидание его сделало бы жизнь более приятной, но ведь тот, кто знал бы, что это хорошее непременно к нему придет, сделался бы праздным и беспечным, будучи уверенным, что оно придет к нему, если даже он будет спать непробудно. А бог ведь создал человека для действия, для того, чтобы он трудом создавал добродетель, и бог не любит, когда человек бездельничает больше, чем это необходимо для

подъема душевных сил или восстановления телесных ⁶¹. Чтобы человек не становился праздным и беспечным, бог дал ему в спутницы нужду во всем и заставил его работать в неведении будущего, была бы только у него всегда определенная работа. Но вы, может быть, недовольные этим, скажете, что бывает и нечто среднее, не являющееся по своей природе ни хорошим, ни дурным. Это среднее, случайно ли оно, или обусловлено судьбой, недурно было бы знать людям наперед, чтобы каждый мог обратить это в свою пользу, насколько возможно, или по крайней мере сделать так, чтобы оно не повредило его близким, или, если и это невозможно, то хотя бы, чтобы оно принесло поменьше вреда. Следовательно, как я уже говорил, случай и судьба, не связанные с разумом, неопределенны и непостоянны, да и может ли разум сделать определенным то, что по природе своей неопределенно, и сделать непостоянное прочным? И каким разумом может смертный проследить то, в чем нет никакой определенности? Каким образом может он избежать того, что ни познать, ни разумом понять не может прежде, чем это случится? Итак, какая же будет польза роду человеческому от познания будущего? Ведь уклониться от своей судьбы он все равно не может, ибо то, что судьбою назначено, непременно случится, а если что уже случилось, значит, оно неизбежно должно было случиться. Но ведь воля человека свободна. Пусть будет так, но именно при свободе воли прежде всего бесполезно смертным знать будущее; что пользы могло бы быть в таком знании, если бы люди по своему желанию могли либо изменить ход событий, либо предоставить им идти своим чередом? И, конечно, может ли вообще быть заранее у человека определенная воля в отношении событий далекого будущего? Ведь мы хорошо знаем, что и о настоящем он часто колеблется, в один момент принимает то одно решение, то другое, и даже совершенно противоположное, то одобряет, то осуждает, и часто бывает так, что пока он примет какое-то определенное решение, теряется и сама возможность. Впрочем, Минос, о предопределении и о судьбе — довольно. Уж лучше бы те, которые называют себя философами, не вводили этого вопроса в университетские диспуты, лучше бы им готовить себя к тому, чтобы мужественно переносить превратности судьбы и напрасно не тратить время и не

напрягать свои силы на такие поиски ⁶². Кто может быть глупее человека, который не желает исполнять человеческий долг? Кто может быть неразумнее человека, который, пренебрегая своими обязанностями, хочет проникнуть в будущее (то есть во владения одного только бога)? Поэтому вернемся к комете. О, если бы люди, потрясенные ею, в такой же мере стремились познать ее, в какой они удивляются ей! Все боятся ее, но все при этом предвещают дурное царям, как будто личные беды царей не обращаются несчастьем для народа. Был я как-то однажды в Риме на играх в честь Кибелы ⁶³, и представляли в театре деяния греков и троянцев. Помню, среди представления кто-то из ученых мужей воскликнул, причем в благородной форме гексаметра: «Ведь за безумство царей всегда достается ахейцам!» ⁶⁴ И в самом деле, так устроен мир, что за грехи царей обычно расплачиваются народы ⁶⁵.

Э а к. Это мы сами испытали, еще задолго до нынешнего дня, когда от тебя это услышали. И, размышляя об этом, мы установили причину: цари имеют такую же власть над народами, как душа над телом. И точно так же, как неуравновешенность души вредит телу, так и пороки царей губят народы. Однако, раз уж мы вспомнили о царях, скажи нам, мудрейший Меркурий, как живут сейчас правители государств, каковы их нравы, занятия, как управляют они, что делают в мирное время? Несколько дней назад, когда мы слушали царей, которые предстали пред нашим судом, мы убедились, что от их преемников можно ждать не очень много хорошего.

Меркурий. Я думаю, не стоит говорить сейчас об этом. Ведь и там, у смертных, говорить об этом не совсем безопасно. А здесь, у нас, мне кажется, в этом нет большой нужды. Достаточно сказать, что некоторые из них частью негодуют на свои народы, частью сами вызывают негодование народа.

Есть еще третье знаменье, которое их страшно пугает: много дней солнце не посылало лучей, воздух весь казался синим, и это обратило души к суеверию.

Харон. Прошу вас, справедливейшие судьи, позвольте мне кое-что спросить у Меркурия.

Минос. Пожалуйста, это твое право. К тому же (скажу и за товарища моего) очень интересно послу-

шать, какой вопрос задашь ты, такой большой философ.

Харон. Очень вам признателен, и теперь и впредь буду вам благодарен. Итак, Меркурий, поскольку это и им, как ты слышал, весьма интересно, прошу тебя объяснить, насколько вам, богам, приятно это суеверие?

Меркурий. Да что ты, нет ничего отвратительнее!

Харон. Почему же, скажи?

Меркурий. Поскольку суеверие смешно, то тот, кто суеверен в отношении к богам, делает и их смешными.

Харон. Удивительно. Почему ты называешь суеверие смешным?

Меркурий. Оно не только смешно, оно губительно. Бедь тот, кому оно вселилось в душу, становится несчастнейшим из людей, он всего боится и, что еще хуже, дни и ночи донимает богов своими поклонами. А ведь богов трогают не длинные речи, не трепетный шепот, не слезы, вызванные подчас пустячными причинами, а честные, возвышенные поступки и благородные стремления. Неужто ты, Харон, думаешь, что боги могут радоваться человеческим слезам? Бог любит благочестивых, справедливых и скромных, но не плаксивых. Собственно, какая польза богу или честь от того, что кто-то ходит в храмы босиком?⁶⁶ От этого выгода разве только врачам. А с какой же стати бог будет радоваться болезням людей, если он сам создал для них столько целебных трав? Так вот, чтобы вы знали правду, скажу вам, что нет худшего зла для человека, чем суеверие, чем этот пустой и холодный страх перед богами. Богу даже не столь приятна истинная вера, сколь отвратительно суеверие. Насколько оно мерзко, можно судить хотя бы по тому, что для нас, как будто мы питаемся убийством и кровью, человек убивает человека и даже проливает собственную кровь.

Харон. Ужаснейшее преступление! Но, скажи мне, разве и священники и понтифики не борются с этим? Хотя из всех людей, которых я сам каждый день перевозжу, я не видел никого, кто был бы отмечен более безобразным клеймом.

Меркурий. Да они меньше всего беспокоятся об истинной вере. Они стараются только пополнить свое состояние, накопить денег и насытить утробу, и при всей

своей жадности они едят всех роскошнее и одеваются всех наряднее. Как-то недавно один кардинал всяческими ругательствами поносил своего повара за то, что тот пожалел денег на покупку щуки (а стоила она 60 золотых). Он чуть не прогнал его из дому, как человека, который мало заботится о его жизни. При этом имей в виду, Харон, что «жизнью» теперь называют то, что раньше называли «пузом». Другой священник из той же коллегии своему любовнику завещал 30 тысяч золотых.

Харон. Да отсохли бы лучше у меня уши, которыми я это слышу! Неужели остальные смертные не оставляют безнаказанным такое преступление?

Меркурий. Их удерживает суеверие.

Харон. Теперь я вижу, что нет ничего хуже суеверия.

Меркурий. Это еще что! Они даже в святую кровь подмешивают яд⁶⁷.

Харон. Уж лучше бы мне не знать философии. Стыдно должно быть богу пользоваться такими слугами. Но, мудрейший Меркурий, оставь священников и продолжай говорить о суеверии, которое держит всех смертных в своей страшной власти.

Меркурий. Больше всего оно распространяется среди женщин. Я уж не стану говорить о том, как они обращаются с мольбами к каждой встречной иконе и многое другое. Случись какая-нибудь болезнь у гусенка или у цыпленка, с какими только просьбами и слезами не кланяются они иконе, да к тому же еще учат этим глупостям мальчиков и девочек, которым нет еще и семи лет. Но что я говорю о старухах и девчонках, если я знаю, что и первейшие мужи каждый день беспокоят богов: то сокол слишком далеко полетел, то лошадь повернула ногу, как будто боги сокольников, надзирающие над охотничьими птицами⁶⁸, или кузнецы, лечащие увечья и болезни лошадей, и от этого заработка увеличивают свое состояние. Посмотри на этих серебряных соколов или лошадей, или говорящих птиц, которые в таком изобилии висят в храмах.

Харон. Действительно, ты прав, нет никого глупее человека.

Меркурий. Бывают еще поглупее этих. Ведь некоторые подвешивают в храмах не только восковые или металлические ноги и руки, но и срамные части тела,

которые даже врачу не могут показать, не краснея. И это не стыдно им помещать перед изображением бога! Но чтобы ты еще больше мог посмеяться над этими ничтожествами, услышь еще об одной невероятнейшей и мерзейшей глупости. Французы, испанцы и германцы так почитают Мартина, что считают позорным в его праздник не быть пьяным⁶⁹. Итак, на земле никогда не бывает столько пьянства и безобразия, сколько в этот день. В одном германском городе, когда настает день Мартина, горожане носят его статую по всем общественным местам, и если она была чистая и белая, то каждый считает нужным обрызгать ее вином, да еще как можно более сладким. Все улицы заполнены всякими сосудами, каждый плетется за Мартином с бутылкой, и так он, весь мокрый от вина, шествует по улицам, портикам, храмам. А если пойдет дождь, Мартин имеет вид самый жалкий, весь обрызган грязью, как будто вылили на него нечистоты со всех улиц и сточных ям. В Неаполе, славном городе Кампании, в мае месяце священники шествуют по городу, украшенные венками, как будто влюбленные юноши. Но все это пустяки. Послушай еще достойную историю, которую мудрые мужи должны слушать только с закрытыми ушами. Когда весь народ собирается в храме, с потолка, с самой высокой балки, спускают на веревке поросенка, обильно обмазанного мылом. Тут стоят крестьяне, которых позвали для этой игры, и между ними поднимается страшная свалка: все хотят поймать поросенка. Но те, которые держат его на привязи, ловко выхватывают его из рук крестьян, то натягивая веревку, то ослабляя; пока все это происходит, толпа поглощена игрой и рукоплещет то тем, то другим, в это время с крыши, сразу во многих местах, ливнем выливают множество воды, а еще больше испражнений и мочи, и уйти от этих людских нечистот можно не раньше, чем крестьяне поймают поросенка; как это тебе нравится, Харон?

Харон. Скажу не в обиду тебе, Меркурий, я не вижу, что в этом такого уж позорного?

Меркурий. Ты шутишь, наверное?

Харон. Нет, я говорю серьезно. Те ведь исполняют свой долг перед Мартином, то есть, когда они пьяны, они поступают именно так, как этого требует вино и человеческая природа. А те, которые гонятся за поросен-

ком, показывают этим, что так же, как свиньи в луже, весь род человеческий купается в грязи и мерзости суеверия.

Меркурий. Признаюсь, твоими доводами я побежден.

Харон. Вот что значит мыслить философски. Но ты не представляешь себе, Меркурий, как ты только что встревожил мою душу, когда упомянул кампанцев. Я страшно испугался, что ты станешь говорить о сапрапае (колоколах)⁷⁰, а я ненавижу не только их звук, но даже и название. Я поражаюсь, как могут люди их терпеть, если они даже меня здесь иногда оглушают. Трезвон их доходит вон до того дерева, отстоящего от нас на семь тысяч шагов. Ты знаешь, о каком дереве я говорю? О смоковнице Тимона. Эти судьи помнят, как Тимон, когда ему был вынесен приговор, попросил, чтобы ему дали эту смоковницу и веревку вон на том уединенном месте. Ведь ему ненавистно общение с людьми, и он хочет там исполнять службу палача⁷¹. Эта смоковница будет приносить каждый год большие сборы Плутону, с тех пор как приняли закон⁷², что без суда можно вешаться только на ней.

Меркурий. Но ты, пожалуйста, не смейся над людьми, что они так часто звонят в колокола!

Харон. Хочешь сказать, что я ничего не смыслю.

Меркурий. Наоборот, хочу помочь тебе узнать больше, чем ты знаешь, хотя ты и сейчас знаешь много. Все люди, Харон, хотя имеют много в желудке и мало в голове, даже это небольшое не хотят иметь. Поэтому они долго думали, каким образом от этого избавиться, и изобрели колокола.

Харон. Превосходно. Ты дал достойный ответ, но я слишком много задал вопросов и боюсь, что этим мудрейшим преторам, которые зря времени не теряют, моя речь покажется, если не тягостной, то во всяком случае слишком длинной. Поэтому я закончу разговор. Но если вы позволите мне, судьи, я спросил бы у Меркурия еще одну вещь, которую страшно жажда узнать, не потому, что это меня касается (ведь что общего может быть у Харона с легкомыслием людей), а только для того, чтобы люди стали мудрее.

Минос. Труд здесь твой, а мудрость наша. Клянусь Стиксом, та речь, которую произнес здесь бог о суеве-

рии, вполне соответствует положению вещей. Однако, не знаю почему, когда мы сами были людьми и повелевали и управляли народами, то суеверие казалось необходимым и даже трудно было иметь дело с теми государствами, в которых нет никакого суеверия. Ведь откуда может быть столько добра в жизни людей, чтобы простой народ мог знать истинную веру? Но продолжай, Харон, не будем тебе мешать.

Харон. Воспользуюсь вашим позволением, но скоро я дам возможность и вам говорить. Итак, да не затруднит тебя, бог, сказать мне и им, если бы тебе по какому-нибудь случаю пришлось стать человеком и жить смертным среди смертных, какому среди стольких племен людских ты хотел бы принадлежать?

Меркурий. Для бога ничто не может быть обязательным. А я уже хотя бы потому, что являюсь вестником бога и разбираю дела человеческие, могу более чем достаточно судить о жалком положении людей. Я знаю труды людей, знаю их горести. Что может быть несчастнее? Итак, я имею все основания не только не желать подвергнуться человеческим страстям, волнениям, болезням тела и не меньше души, но я имею сострадание к жизни людей и считаю ее во всех отношениях несчастной. Знай же, Харон, что блага, от природы данные роду человеческому, вообще очень невелики, но даже это немного (это ведь самая малость) люди, охваченные страстями, неразумные в своих действиях и в своем выборе, так портят, что, не умея использовать данные природой блага, обращают их на свою гибель. Но среди такого разнообразия людей есть некоторые, которых я особенно ненавижу и проклиная ⁷³.

Харон. Кто же это такие?

Меркурий. Особенно неприязненно я отношусь к иудеям ⁷⁴.

Харон. Видно, ты боишься быть обрезанным и стать ростовщиком?

Меркурий. Вовсе не потому. Ведь обрезание делают и турки, и мавры, и сирийцы, а ростовщицеством занимаются все. Я боюсь другого, как бы суеверие не сделало меня несчастнейшим человеком.

Харон. Значит, у иудеев нет ничего такого, что ты одобряешь?

Меркурий. Разве только одно.

Харон. Что же это?

Меркурий. А то, что они не заботятся о погребении, хоронят и на лугах и под открытым небом. А христианам приходится больше о могиле беспокоиться, чем о доме. А что если бы ныне здравствующие люди, строящие себе при жизни гробницы или заботливо завещающие сделать это, как бы объявив войну мертвым, выбросили бы мертвецов и силой захватили гробницы, так что ни у живых, ни у мертвых христиан не было бы упокоения или своего приюта? ⁷⁵

Харон. Я хорошо знаю, что ни христиане, ни другие люди ничего не могут долго считать своим. Поэтому, я думаю, правы те, которые завидуют мертвым. Но мне уже пора уходить, а тебе возвращаться к ним. Как жаль, что я не могу слушать вашу беседу! Но надо приниматься за работу. Я вижу, что в гавани уже ждет меня большая толпа. Нельзя нам, наслаждаясь познанием, уклоняться от своих обязанностей. Это и есть необходимость.

Харон, Диоген, Кратет

Харон. Здравствуй, Диоген, как поживаешь?

Диоген. Как герой, и даже более того. Герои ведь питались говядиной, хотя и плохо прожаренной, а я питаюсь рыбой, да еще сырой. Это привело к тому, что я чуть ли не целиком превратился в рыбу. Ибо людям ведь свойственно ходить, а я ходить вовсе разучился и только плаваю.

Харон. Ты доставишь мне большое удовольствие, если будешь плыть рядом и о чем-нибудь со мной серьезно говорить, пока я доеду туда, в гавань. Труд мой будет легче от такой беседы.

Диоген. Но только не называй меня собакой ⁷⁶.

Харон. А что, если рыбо-собакой?

Диоген. Это мне нравится.

Харон. Итак, скажи, пожалуйста, рыбо-собака, было ли в твоей жизни что-нибудь такое, о чем тебе теперь приятно вспомнить?

Диоген. Было много, но больше всего одно.

Харон. Что же это, скажи?

Диоген. Скажу: однажды, когда я был голоден и замерзал, и я не мог придумать ничего лучше, я разжег

огонек из какого-то деревянного бога и на нем сварил себе пищу ⁷⁷.

Харон. Неужели тот бог не пронзил тебя стрелой и не отомстил за себя?

Диоген. Он сразу пустил мне дым в глаза, но я стал дуть на него, махать шапкой и тотчас его разогнал.

Харон. Но это поступок скорее гладиатора, чем философа.

Диоген. Что же удивительного? Я учился гладиаторскому искусству. Ведь когда я однажды был в Афинах и преподнес Платону, обучавшему в своей школе, двуногого пернатого, он сказал: «Друг Диоген, у тебя такие сильные руки, прошу тебя, прежде чем уйти от нас, поупражняйся несколько дней в гладиаторской школе». И я тогда научился владеть мечом, и рубить и колоть.

Харон. Но если ты применил это искусство против бога, каким же образом ты улизнул от кары, установленной законом для тех, кто оскорбляет святыни?

Диоген. А очень просто. Когда, что нередко бывало, выступали против меня в толпе народа, я сказал: «Претор, ты ведь знаешь, что я собака, и сам я это признаю. А законы карают человека, но не собаку. Значит, ты вообще не можешь поступать со мною по закону». Все присутствующие согласились с этим, и претор меня отпустил.

Харон. Как прелестно! Что же есть еще такое, о чем тебе приятно вспомнить?

Диоген. Да, это в самом деле радует меня. Когда пришел ко мне Александр и я отдыхал в бочке, я опасался, что по его приказу воины, которых он привел с собою (а это были отъявленные негодяи), покатают меня с холма. Тогда я принял решение, судя по его успеху, превосходное: с вечера я наелся ячменной каши, капусты с луком и пареной репы. Итак, я натужил свое брюхо и протрещал изо всех сил. Тут они, сраженные, зажав носы, сразу обратились в бегство ⁷⁸.

Харон. Значит, ты этой выдумкой так легко победил тех, которые разбили силы Востока?

Диоген. Не удивляйся, ведь из этого моего изобретения произошли нынешние бомбарды, которыми разрушают стены городов и даже крепости ⁷⁹.

Харон. Но раз ты так независимо презрел царя, я думаю, ты умер в бедности?

Диоген. Что ты, никто из философов не оставил большего наследства. Ведь я за несколько дней перед смертью позвал к себе огромное множество собак всех пород и отписал им по завещанию дома всех знатных особ и государей. Я позаботился, чтобы последние не тратили дни в безделье и наслаждениях, а проводили бы их в охоте, и ночью чтобы не спали спокойным сном, так как собаки будут беспокоить их своим лаем и воем. Но прошу тебя, философ Харон, не мешай мне, я вижу рыбку-краснобородку. Хочется мне поймать ее к ужину, ведь уже вечереет. Итак, прощай.

Харон. Этот человек и живой и умерший все презирает. И правильно делает. Но вот я вижу Кратета⁸⁰. Подъеду к нему. Здравствуй, Кратет, желаю тебе удачи.

Кратет. Тот не может здравствовать, кто должен каждый день оплакивать свою глупость и расплачиваться за нее. И не может иметь удачи тот, кто сам потерял ее по своему неразумию.

Харон. Но есть еще надежда найти денежки?

Кратет. До сих пор никакого следа.

Харон. Оторвись немного от своей работы и посмотри со мною вместе на тех, что стоят там в гавани, печальные и рыдающие.

Кратет. Довольно мне своих печалей, чтобы еще о чужих думать. Но отпусти, пожалуйста, Харон. Я вижу вдаль какие-то ларчики несутся на воде, это важная примета.

Харон. Этот бедняга своим несчастьем легко и других несчастными сделает. Поэтому лучше избегать встреч и дружбы с ним, да и со всеми неудачниками. Ведь они и сами не получают ни облегчения, ни разумного совета и другим налагают на душу отпечаток горя. Так пусть он уходит со своей бедою, а мне лучше надо нажать на весла, ибо ветер уже не гонит парус.

Минос, Меркурий, Эак

Минос. Что означают эти знаменья?

Меркурий. Они предвещают чуму и войну.

Минос. Войну? Кто ее начнет?

Меркурий. Священники⁸¹.

Минос. Те самые начнут войну, которым более всего надлежит заботиться о мире?

Меркурий. На словах они стремятся к миру, а на деле к войне.

Минос. Какая же причина войны?

Меркурий. Страсть к расширению владений.

Минос. Значит, жадность причина этих несчастий?

Меркурий. Она самая. А как велика она у этого рода людей, и сказать невозможно.

Минос. Наверное, они забыли о справедливости?

Меркурий. Какая, скажи мне, может быть справедливость там, где царствует жадность?

Минос. Как же так? Разве цветущие города Италии не объединились для защиты свободы?

Меркурий. По названию у них есть свобода, но на деле — это чистая тирания. Каждый старается урвать от государства, один другого больше, каждый день каких-то граждан изгоняют. Города живут не разумом и законом, а страстями и борьбою партий.

Минос. О, свобода, скоро ты погибнешь! Что же государи? ⁸²

Меркурий. Они удивительно несговорчивы, ищут только мимолетных наслаждений, нисколько не тревожатся и не видят, что очень скоро сами они и их города окажутся в чужом владении. Головы их пусты, души и нравы испорчены и не воспринимают они ничего, что было бы достойно государей, достойно людей Италии ⁸³.

Минос. Погибла доблесть римская! Право же, Меркурий, хотя сам я был грек, тем не менее, когда я думаю, что никакой другой народ, никакое племя не имело граждан более храбрых, более справедливых, — они ведь передали добрые правила жизни всем другим народам, — я очень огорчаюсь тем, что не только Рим, но и вся Италия так обеднели талантами и великими мужами.

Меркурий. Да, доблесть обычно не имеет наследников, и если другое добро можно охранить завещанием, то доблесть, увы, не входит в опись наследства. Ведь и у царств и у государей есть конец. Как день, они имеют восход и закат. Могуущественно в умах людей время, но еще сильнее твердо установленный ход вещей. Впрочем, всем управляет и руководит небесный порядок и круговорот мироздания ⁸⁴. Ведь и твоя Греция, Эак, не-

когда столь славная и знаменитая, как страдала, видя падение стольких славных городов, стольких умов великих! Я говорю «страдала», а ведь сейчас она уже превратилась в ничто. Смотрю я на тебя, Эак, и вижу, что ты уже стонешь и с трудом сдерживаешь слезы. Где твой род? Где твои славные потомки? Но это все в далекой древности. Где те аттические музы? Да что я спрашиваю о музах, когда от самих Афин почти не осталось следа, и они вместе со всей Грецией погрузились в сон? Всем владеет победитель варвар⁸⁵, и если бы владел! Но города разрушены, знать уничтожена, искусства и науки погублены, и самая свобода превратилась в печальное и несчастное рабство. Поэтому-то, я думаю, Минос так огорчался недавно тем, что Италия поражена тяжелой войной; он боится, чтобы не было уничтожено воспоминание о греческой учености, которое там еще сохраняется, как дорогая реликвия⁸⁶.

Э а к. Это было бы хорошо, если бы меня не печалили истребление моего рода и гибель отечества. Конечно, это печалит меня. Ибо хотя после смерти это нас несколько не касается, у всякого благородного человека, однако, и после смерти остается и сознание добрых дел и какая-то сила той естественной любви, которая заставляет нас беспокоиться о делах живых, тех, кого мы любили. Но меня утешает то, что всякое начало имеет конец, всякий восход имеет закат (все ведь подчинено необходимости, которая и есть закон природы и воля божья), и я предвижу, что Италия, внутренние раздоры которой так огорчают тебя, Минос, через немного столетий, подчиненная единой власти, снова обретет величие империи⁸⁷.

Минос. Эта надежда и для меня была бы очень радостной, если бы не пугало меня то, что недавно об италийских делах сообщил нам бог.

Меркурий. И многое другое вполне может пугать тебя. Ведь ты, кажется, плохо представляешь себе, какой короткий переход из Македонии и Эпира в Апулию и Калабрию и как легко попасть также в Венецию и Далмацию. Ведь несколько дней назад турки совершили большой налет на границы Либурнии⁸⁸.

Э а к. Хотя этого следует бояться, но если вспомним древность, Италии всегда грозила опасность не из Азии или Греции, а от галлов и германцев⁸⁹.

Меркурий. Многое приносит с собой время, и хотя повсюду рок неодолим, сложный путь его обычно обманывает умы людей, думающих, что повороты судьбы всегда одинаковы.

Эак. Мы слишком долго, Минос, оплакиваем несчастья Греции и бедствия Италии. Нужно нам успокоиться и подумать, что приличествует должностным лицам. Поскольку мы знаем, что всем миром правит мудрость божья, зачем нам так уж беспокоиться о делах человеческих, которые сам бог улаживает? ⁹⁰

Минос. Ты очень мудро говоришь. Поэтому, если ты не прочь, поспешим к товарищу,— вот Харон уже отчаливает от гавани,—ведь ему, как мы знаем, всегда очень тягостно было одиночество.

Эак. Есть и другая причина, которая тем более заставляет нас спешить. Если, как объяснил нам бог, Италии предсказана чума, нам важно позаботиться, чтобы нас не застигло врасплох столь огромное и разнообразное множество покойников.

Меркурий. И я думаю, что вам нужно это сделать. Ведь от меня вы уже узнали то, что хотели. Чтобы вы не сомневались, скажу вам, что гибель множества людей предвещают не только пути блуждающих звезд на небе. Многие знаменья частью на воде, частью на земле и в воздухе именно это означают.

Минос. Итак, мы пойдем и будем ждать тебя вместе с толпою перед трибуналом.

Меркурий. Идите, а я здесь подожду Харона.

*Меркурий, грамматики Педан, Теан,
Меницелл ⁹¹*

Меркурий. Та лодка слишком перегружена пассажирами, и весла с трудом двигают ее. Это то самое, о чем смертные говорят: «Кто слишком спешит, тот поздно приходит». Но что это за тень носится тут в одиночестве? Эй, ты, чей это призрак?

Педан. Педана грамматика.

Меркурий. Что тебе надо одинокому?

Педан. Я тебя ищу, сын Майи ⁹².

Меркурий. За какой надобностью?

Педан. Я пришел просить, чтобы ты передал кое-что от моего имени ученикам моим. Я сильно надеюсь,

что ты, изобретатель и покровитель наук, исполнишь это.

Меркурий. Это будет нетрудно. Итак, говори, что хочешь ты, чтобы я передал?

Педан. Скажи, что я недавно повстречался с Вергилием, и когда я спросил его, сколько бочек (cados) вина дал Ацест Энею, покидающему Сицилию, он ответил, что ошибся, что это были не бочки, а амфоры, ибо в то время бочки в Сицилии не употреблялись; что он разделил семь амфор на отдельные триремы и добавил еще секстариол кислого вина, и все это Вергилий узнал от Ойнозия, хранителя вин у Энея⁹³. А от математика Гиппарха⁹⁴ он узнал, что сам Ацест жил 124 года, 11 месяцев, 29 дней, 3 часа, 2 минуты и полсекунды.

Меркурий. Мне помнится, что я слышал то же самое от Ацеста.

Педан. Он ошибся также, сказав, что Кайета была кормилицей Энея. На самом деле она была матерью флейтиста Мизена. И местность названа по ней не потому, что она там похоронена, а потому, что там сошла на берег, чтобы собрать овощей, и была изнасилована Сильваном. И кормилица Анхиза была схвачена Паламедом, когда тот опустошал троянскую землю, и умерла она 120 лет, и звали ее Пси. Она имела какой-то знак на лбу, и отсюда Паламед начертил и так назвал букву ψ⁹⁵.

Меркурий. Это, книжник, очень важно и достойно изучения.

Педан. Ты услышишь еще более важное и куда более достойное, чем это.

Меркурий. Видать, одни только книжники и после смерти так стремятся к знаниям.

Педан. Конечно, только они. Я хотел еще разузнать, левой ли сначала, или правой ногой Эней вступил на италийскую землю, сходя с корабля. На это ответил мне сам поэт: он точно знает, что Эней ни той, ни другой ногой не вступил первой на землю, а был поднят под локти гребцом, которого звали Науцис, и, поднесенный к берегу, прыгнул на песок сразу обеими ногами. Это ему известно от самого гребца.

Меркурий. О, какое исключительное усердие!

Педан. И еще, Атлантиад⁹⁶, если будешь ты так любезен, поскорее сообщи слушателям моим в Кампании, что Гораций был трезвеник. Это я узнал от него самого. А вино он так хвалил в честь своего отца, гла-

шатая, который, если не голосом, то уж уменьем пить вино превосходил всех глашатаев своего времени. Одно-го только я так и не смог узнать даже от самого Цезаря, в его описании Галлии, написал ли он, что она разделена на tres (три) или на tris части⁹⁷.

Меркурий. Удивительно, ведь он был так аккуратен и образован⁹⁸.

Педан. Я думаю, это он сделал со зла, рассерженный обвинениями грамматика Теана, который осмелился его упрекать за то, что он сказал *carros* — колесница, а не *carrus*. Но зато Альбий Тибулл⁹⁹ принял меня любезно, и когда я сказал, что зовусь Педан, он подпрыгнул от радости, подумав, что я родом из Педума¹⁰⁰, где была его деревня; и ради этого он сообщил мне, что слово *senex* у древних латинян было общего рода — «старик» и «старуха», поэтому он, говоря о старушке, сказал: «*Merito tot mala ferre senem*»¹⁰¹.

Меркурий. О, это достойно знаменитого грамматика!

Педан. Лукреций¹⁰² тоже весьма польстил мне, как свой человек. Он сказал, что должен любить грамматиков, как людей, страдающих одной с ним болезнью: ведь каждый из них одержим каким-то безумием. Поэтому он научил меня, что слово *rotis* у его предков имело также форму среднего рода, и привел пример:

*Nec potis est cerni quod cassum lumine fertur*¹⁰³.

(Нам же не видно оно, ибо мчится, лишённое света).

А Ювенал сильно ругал меня за мои слова, что я привык сечь мальчиков оливковой розгой (*oleagina virga*), а нужно их пороть лозой (*ferula*). Поэтому, аркадец-бог, передай мои слова грамматикам, пусть пользуются лозой¹⁰⁴.

Меркурий. Охотно исполню это, о, аркадский учитель¹⁰⁵. Кто это там усмехается за твоей спиной?

Теан. Я — Теан-грамматист.

Педан. Ты допустил ошибку. Ты должен сказать не «я — грамматист», а «я — грамматик». Итак, учись (*addisce*).

Теан. Сам ты ошибся. Никто еще не говорил *addisce*. Нужно было сказать *disce*, а не *addisce*.

Педан. Ты снова ошибся. Нужно не «сказать» (*dixisse*), а «говорить» (*dicere*).

Т е а н. Это ты снова ошибся. Следовало говорить не «нужно» (oportebat), а «нужно было» (oportuit).

П е д а н. Ты Присциану¹⁰⁶ голову проломил, «Следовало говорить», ведь ты должен был сказать не *dicendum erat*, а *dicendum fuit*.

Т е а н. А ты ноги переломил Присциану, «Должен был», ведь *debuisti*, а не *debueras*.

П е д а н. Нет, *debueras*, а не *debuisti*.

Т е а н. Нет, *debuisti*, а не *debueras*.

П е д а н. Нет, так.

Т е а н. Нет, этак.

П е д а н. Нет, я.

Т е а н. Нет, ты.

П е д а н. Нет, хорошо.

Т е а н. Нет, плохо.

П е д а н. Ах, я!

Т е а н. Ах, ты!

М е р к у р и й. Поприличнее, грамматики! Можете спорить словами, но не руками, бог вам судья. Отныне ведите спор о филологии в красивых и приличных словах¹⁰⁷. Но, кстати, я вижу тут еще третьего судью или, наоборот, тяжущегося.

М е н и ц е л л. Я не могу, грамматики, дольше слушать ваши нелепости.

Т е а н. А я сегодня не намерен дальше терпеть твою наглость. Так вот, раз уж ты так мнишь о себе, Меницелл, скажи, почему мы о камне говорим «он», а о скале «она».

М е н и ц е л л. Наверное потому, что камень имеет активную силу, ведь он ударяет по ноге, а скала, она попирается ногой и переходит в пассивный род.

М е р к у р и й. Нет никого глупее грамматика. Право же, они ничего не смыслят. А ведь «скала» (*petra*) греческое слово, а «камень» (*lapis*) — от *labo* с изменением третьей буквы, потому что на нем спотыкаются (*labent*) прохожие.

Т е а н. Если ты так думаешь о камне и скале, то что ты думаешь о руке?

М е н и ц е л л. Но разве она, занятая работой, не терпит всегда что-нибудь, то есть пассивна?

Т е а н. А теперь она активна, когда я тебя бью; вот тебе!

М е н и ц е л л. О, горе мне!

Теан. Что, горе тебе? Ты должен привести доводы, почему руку, хотя она превращается в кулак, хотя она бьет, нельзя называть «он».

Меницелл. Ничего у меня с тобой не получится. Хочу просить тебя, Меркурий, как только прибудешь в Неаполь к оскам¹⁰⁸, в том собрании, которое в праздничные дни происходит у замка¹⁰⁹, разыщи Джовиано Понтано¹¹⁰ и убеди его моими словами, чтобы он впредь был осторожнее и выводил слово «бегать» (*curso*) от «бежать» (*curgo*), а не от «часто бегать» (*cursito*). А Панормита Антония¹¹¹ как следует отругай за то, что он образовал слово *epistolutia* в уменьшительной форме.

Меркурий. Но я, Меницелл, отвечу тебе в защиту Антония. Итальянский язык создал не только новые уменьшительные формы, но и дополнительные звуки, придающие словам низменный, презрительный оттенок. Поэтому, от имени Антония, я приказываю тебя называть только «прамматикишкой»¹¹². Ну, а ты, Педан, имеешь сказать еще что-нибудь, достойное твоей учености?

Педан. Одно только: Бозций назван так не от Бозции,¹¹³ в которой он не родился, но это прозвище было у него от бычьего (*boem*) мяса, которым он питался. Это сообщил мне повар самого Бозция.

Меркурий. Клянусь Юпитером, удивительное прозвище! А ты что скажешь на это, Теан?

Теан. Нужно отнять наследство у детей Педана, продать с торгов их имущество и возратить слушателям деньги, которые Педан с них получал.

Меркурий. А я думаю, не твоим ли детям больше всего следует опасаться такого приговора.

Харон, разные тени

Харон. Поднимайтесь, несчастные тени. Что, горемычные, плачете с утра? Как будто мало будет вам горевать, когда придет беда. А ты, нарядная и бесстыдная тень, кто ты такая?

Тень. Кипрская блудница.

Харон. У каких народов ты промышляла?

Тень. В Риме.

Харон. А что у тебя за спутник?

Тень. Священник — кардинал, мой бывший любовник.

Харон. Удивительно, как могла девица забавляться со стариком, а священник — с блудницей.

Тень. Его прельстила моя красота, а меня его золото.

Харон. Значит, для него красота дороже религии, а тебя денежки заставили забыть о старости и вот этаким лице?

Тень. Золото мне всего милее было, и им он часто искупал и уродливое лицо и старость свою. Да что там, он хотя и стар, а такой похотливый! Если бы только одной меня ему хватало!

Харон. Удивительно, что такой старец был так сладострастен!

Тень. Когда меня впервые позвали к нему, я думала, что буду иметь дело с юношей. А тут, увидев этого старца и безобразное лицо, я стала сетовать и кричать, что сводник обманул меня. Но тот сказал: «Не плачь, душечка, сейчас ты бежишь от его морщинистого лица, но скоро ты узнаешь, каков он другим местечком». Так оно и было. Не знала я раньше ничего такого крепенького.

Харон. Идите, горемычные, там, в огне, будете сходитья и влачить там свой жалкий век. А ты, в капюшоне, кто такой?

Тень. Брат.

Харон. Какого ордена?

Тень. Я не раз из ордена в орден переходил.

Харон. По какой причине?

Тень. Чтобы легче обманывать. Днем я выслушивал женщин, каящихся в своих грехах, а ночью греческим распутством занимался по трактирам.

Харон. Откуда у тебя денег хватало на это?

Тень. От жульничества и воровства; я обманывал бабенок, воровал святыни.

Харон. И обман и святотатство на огне искупишь. А ты кто такой, с лоснящейся кожей и утиной походкой?

Тень. Епископ.

Харон. Удивляюсь твоему откормленному брюху!

Тень. Ничего удивительного. Ведь я ради него только и старался и на него истратил весь доход моей церкви. Да к тому же я еще деньги в рост давал.

Харон. Значит, не хватало тебе того, что ежедневно поступало от церкви?

Тень. Для брюха этого хватало, а проценты шли на то, что пониже. Ведь я кормил не одну любовницу, да и замужних женщин охотно за золото покупал.

Харон. Несчастный ты, что приходится тебе носить такое брюхо на таких слабых ногах, но еще хуже, что душа была для тебя обузой, а брюхо и то, что пониже, богами. А всего хуже то, что себя самого ты не знал, а бога, которому служил, тем более познать не мог. Так уходи же, несчастный, поздно пришло к тебе раскаяние. А это кто, с опущенной головою и лицом таким стыдливым?

Тень. Несчастливая девушка.

Харон. В чем же причина такой горестной печали?

Тень. О, лучше бы мне не помнить ничего!

Харон. Бедняжка, не теряй надежды. Если ты решилась по принуждению, легче будет наказание.

Тень. Я, несчастная, обманута была,

Харон. Что же ты, обманутая, потеряла?

Тень. Девственность, о, горе мое.

Харон. Кто же тебя обманул?

Тень. Старый священник.

Харон. Каким образом?

Тень. Я часто приходила в храм божий, молилась об удачном замужестве, чтобы достался мне супруг такой, какого мне хочется. Тут священник хвалил меня, обнадеживал и обещал свое содействие. В общем, выслушав много раз мою исповедь и узнав простоту мою, он сказал: «Перестань, дочь моя, просить супруга у господ. Он велит тебе быть незамужней». Тогда я говорю: «Если ты это велишь, отец, и говоришь, что так угодно господу, я отдаю и посвящаю богу свою девственность». Тогда он с похвалою: «То, что ты дала богу, дочь моя, ты должна посвятить какой-нибудь церкви». Тогда я говорю: «Какой же еще церкви, отец, я посвящу, если не твоей?» А он отвечает: «Но право принимать приношения от имени моей церкви дано мне, и чтобы дар твой богу был удобнее, ступай, дочь моя, и возвращайся ко мне утром. Я в эту ночь буду молить господ, чтобы он принял как чистосердечное и праведное это посвящение. Ты же после того, как помоешься, новое белье надень и приходи ко мне. Только чистое дозволено нам преподносить, а главное, смотри, приходи одна и без свидетелей. В том ведь, что принимает господь рукою своею, не

должно быть свидетелей». И вот, когда я утром пришла к нему, он повел меня в келью, где стояла статуя — изображение бога всевышнего, а вокруг нее горело множество свечей. Мы помолились оба, и он сказал: «Дочь моя, сними и платье и белье, ведь бог и небожители все наги и подношения хотят иметь нагими». Когда я встала перед ним, раздетая, он потрогал эти соски, приговаривая: «Они церкви моей». Потом погладил рукой подбородок: «И он церкви моей». Потом пощипал кончиками пальцев щеки и сказал: «Дочь моя, уста можно в дар принять только устами», и, трижды поцеловав меня, приговаривал: «И эти губы церкви моей». И так, объявив и грудь и живот собственностью церкви своей, он приказал мне лечь. И я легла, несчастная. А он, встав на колени и поглаживая мои бедра, говорил: «Боже, который сотворил так прекрасно и нежно эти пышные бедра, этот упругий животик, эти точеные ручки, воззри на деву твою и дару этому возрадуйся». Трижды он это пропел, а потом, чтобы все завершить, посмотрел на то, чем мы женщины отличаемся, и сказал: «И это, дочь моя, нужно в собственность принять. Но как уста устами принимались, так и то твое этим моим должно быть принято». О, если бы мне, горемычной, умереть тогда! ¹¹⁴

Харон. А как ты поняла потом, что обманута?

Тень. Он довольно старательно обрабатывал владения свои, я сделалась беременной и, наконец, в родах умерла.

Харон. Неужели он не отпустил тебе грехи умирающей?

Тень. Отпустил.

Харон. Будь довольна. И судьи тебя оправдают. А ты там, эй, несчастный, что смеешься? Поверь мне, здесь не место для смеха.

Тень. Нет у меня денег, чтобы их тебе поверить.

Харон. Вот ты какой, ты вздумал говорить Харону колкости?

Тень. Причем тут кол да кости? ¹¹⁵ Я в кости не играл никогда.

Харон. Да этот малый, видать, шутник. Но, говоря я тебе, через часок ты другие речи заговоришь, когда придешь на Форум.

Тень. Часок? А ведь на форуме в самом деле продают чеснок ¹¹⁶.

Харон. Я вижу, ты приятный человек. Скажи, а чем ты занимался?

Тень. Нет, не служил я Марсу¹¹⁷, но Марс был не в ладах со мной.

Харон. Да ты остряк, словами своими заставляешь меня хохотать, как хохотал я редко.

Тень. Редьку, друг мой, я никогда не ем¹¹⁸. Я больше лук и порей люблю.

Харон. Видать, у каждого вкусы свои.

Тень. Но я ни разу не вкусил свиньи¹¹⁹. Разве мог я наслаждаться таким грязным животным? Помилуй, Харон, я был деликатнее, чем ты думаешь. Я шутил с знатными мужами, их я высмеивал, а не животных.

Харон. Значит, был ты актер, гистрион?

Тень. Этрурия¹²⁰ моя родина была, а не Истрия¹²¹. И не было у нее большей заботы, чем о том, чтобы я никогда не печалился и не сердился. Женился ли кто-нибудь, я смеялся, женил ли кто сына, я смеялся; сходил ли кто с ума от любви, я смеялся. Я смеялся над теми, кто слишком роскошно одевался, слишком богатые возводил постройки, слишком большие поместья покупал. Я все осмеивал. Однажды только за всю свою жизнь, помню, я плакал, когда мать умерла, и, чтоб ее похоронить, нужно было землю у церкви купить. Тогда я горько горевал о человеческом ничтожестве и сетовал на религию. Но уже очень скоро я подавил в себе это горе, обрел свою прежнюю натуру и даже сам над собою начал смеяться за то, что не посмеялся и в тот раз¹²².

Харон. Под этим смехом скрывается мудрость.

Тень. Что ты там про себя говоришь? Смелее говори, что хочешь. Я не стану больше вышучивать тебя.

Харон. Ты доставишь мне большое удовольствие, если расскажешь мне по порядку жизнь свою.

Тень. Я сделаю это с радостью. Ничто не может и не должно быть приятнее, чем вспоминать свой жизненный путь и не находить ничего, о чем стоило бы по праву пожалеть. Уже с самого начала, увидев, что наша республика управляется негодными и мятежными гражданами, я стал уклоняться от государственной службы, посвятил себя частной жизни и занимался лишь тем, что возделывал свое поле. Торговлей заниматься я не хотел, чтобы не иметь дела с ростовщиками и не бояться по-

стоянно неожиданностей судьбы. И другие рабские промысли я также не испробовал. Жил я за городом и в город ходил редко, а когда приходил туда, давал себе строгий зарок никого не задевать, никому не причинять вреда и от других не принимать обид ни словом, ни делом. Со смехом входил я в город и со смехом покидал его. Если видел я кого-нибудь из друзей или знакомых, я приветствовал его и старался, чтобы встреча наша была как можно приятнее. Если же он начинал говорить что-нибудь о государстве нашем или об Италии, я тут же говорил ему: «Будь здоров»; храмы я посещал смиренно по утрам, но со священниками не хотел водить близкой дружбы: как только они начинали богослужение, я тут же уходил. Из ученых я некоторых любил, тех, которые были не так остры умом, как благоразумны, и я с удовольствием слушал их диспуты. Если кого-нибудь из знакомых или друзей, которых я старался иметь не слишком много, постигала какая-нибудь неудача, я утешал его и советовал следовать моему примеру: ведь над игрою судьбы нужно смеяться и ни в коем случае не горевать о том, что неизбежно по природе. Совершив все это, я возвращался за город. Там я проводил свои дни в чтении, прогулках и каких-нибудь работах в поле, а по ночам, если еще оставалось время, сверх того, что должно отдавать отдыху, я проводил его в размышлениях. Иногда я выходил на улицы и в праздничные дни, когда крестьяне толковали о видах на погоду, о природе почвы, о посевах, о семенах, об орошении и других деревенских заботах, я слушал их разговоры и старался от них набираться ума-разума. А так как я знал, что дела людей подвержены бесчисленным и самым разнообразным опасностям, то если в поле или дома случалась какая-нибудь беда, я смеялся над ничтожеством человека и пытался умением и старанием беду поправить. От тяжб и от форума я всегда стремился быть подальше и пиршеств избегал. Питался я весьма скромно не для того, чтобы обманывать природу, а для того, чтобы поменьше иметь дело с врачами. В общем, чтобы сказать тебе короче, я старался вести себя всегда так, чтобы не я покорялся делам человеческим, а они покорялись мне ¹²³.

Харон. Итак, ты высмеивал все. Но неужели не испытывал ты никогда страха перед смертью?

Тень. Однажды только за всю жизнь я подумал о смерти, хотя каждый день имел ее перед глазами, подумал, что нужно ей от меня и как я могу от нее защищаться; и одно только у меня осталось в душе, что я должен прожить свой век честно и спокойно.

Харон. Какое средство ты нашел против бедности?

Тень. Считать, что тот не беден, кто живет по законам природы.

Харон. А против гордыни и тщеславия?

Тень. Сознание, что самое тяжелое падение бывает именно с высокого места.

Харон. А против клеветы?

Тень. Чистую совесть.

Харон. И тебя никогда не одолевало суеверие?

Тень. Когда я познал бога, я закрыл свои уши, чтобы не слышать вранья священников.

Харон. А как ты зависть поборол?

Тень. Если я ни о чем не горевал и все высмеивал, как я мог завидовать?

Харон. И ты ни разу не рассердился?

Тень. Один раз за всю жизнь, да и то не за себя, а когда я увидел, как невинного человека несправедливо наказали; тогда я ругал своих сограждан, что они не обжаловали несправедливый приговор. Но когда я убедился, что они про себя ворчат и боятся силы тиранов, я тотчас же подавил свой гнев и стал смеяться.

Харон. Был ли ты когда-нибудь на военной службе?

Тень. Однажды я слышал звук сигнала.

Харон. И что же? Ты не последовал за королем или хотя бы за каким-нибудь корольком?

Тень. Нет, я считал, что рожден для себя, а не для королей.

Харон. А были у тебя дети?

Тень. Их я очень скоро похоронил и считал, что это к лучшему, и благодарил бога.

Харон. Значит, ты был женат.

Тень. Да, но не по своей воле, а ради родителей. Жена прожила со мной три года и умерла. С тех пор я жил вдовцом.

Харон. Почему ты не женился в другой раз?

Тень. Я знал, что в рискованном деле не всегда везет, и раз уж с той все обошлось благополучно, я боял-

ся второй раз испытывать судьбу и решил остаться свободным.

Харон. Часто ты с нею ссорился?

Тень. Никогда, ибо и она была девочка ласковая, и я дома обычно смеялся так же, как и везде вне дома.

Харон. А что ты думал о делах человеческих?

Тень. Что все это суета и глупость.

Харон. Счастливец ты, что это познал.

Тень. Не называй меня ни счастливецом, ни мудрецом. Сколько бы кто ни имел благ, еще больше ему недостает; никто не мудр настолько, чтобы не считать, что для истинной и совершенной мудрости ему еще много не хватает. Ибо раз уж все дела человеческие несовершенны, то что в них может быть совершенным? И так как нет в них ничего постоянного, то кто может быть счастлив, если каждое мгновение на него могут обрушиться всякие беды?

Харон. Я назвал тебя не счастливецом, гость, а счастливым тем, что ты это познал.

Тень. Счастье происходит не от познания благ, а от владения и пользования ими.

Харон. Но я тебя потому счел счастливым, что ты так жил, хотя и понимал, что счастлив быть никто не может; а мудрым — потому, что среди человеческой суеты и невежества ты не хотел казаться более мудрым, чем мог им быть по твоему мнению. Но кто это такой, этот гнусный нахал?

Тень. Не сердись на него, прошу тебя, это мой близкий друг.

Харон. Удивительно, какая может быть дружба между людьми столь непохожими?

Тень. Если друг должен быть полезен другу, то этот для меня, как для друга, сделал очень много. Он мой земляк, а так как он каждый день ссорился с женой, то этим он сразу научил меня остерегаться второй женитьбы. Дальше, поскольку он постоянно без всякого повода надоедал мне и другим соседям, он сделал меня терпеливейшим из всех людей. А ведь может ли друг оказать другу большую услугу, чем если он научит его чему-нибудь хорошему? Вот поэтому я его любил и считал своим другом.

Харон. Во всем проявляется твоя мудрость. А ты, гнусный человек, чего ты добивался таким своим поведением?

Тень. Того, чего я добился.

Харон. А чего именно?

Тень. А того, чтобы, как я был мушкой, меня бы ею все и считали.

Харон. Ты, наверное, об одном только очень жалел, что не было у тебя жала?

Тень. Жалом были мне слова, и ими я даже комаров сражал.

Харон. Значит, поделом тебе доставалось и от комаров и от шершней. Но, гость-этруск¹²⁴, расспрашивать каждого отдельно, работая веслами, очень трудно; к тому же я вижу, что судьи уже отошли от берега. Ты сам назови из этой толпы тех, кого знаешь.

Тень. Будь по-твоему. Вот этот, который вышел первым, был самый лживый из всех, кого я встречал. Но сам он считал, что больше всего лгал (как я слышал от него однажды), когда говорил, будто никогда не ссорится со своей женой. Тот, который следует за ним, в молодые годы имел огромные богатства, а к старости дошел до крайней бедности, потому что занимался тем, что делал из меди дым, а из дыма металл¹²⁵. И пока он искал золото в печи, он свое все спустил в трубу. Третий, тот был не только большой развратник, но доходил до уродства и не брезговал даже животными. Из тех двоих один был опаснейший льстец, другой коварный сводник. Они своим искусством проложили себе путь к королям и папам. А тот, другой, нажил себе огромные богатства доносами. Ничто не было ему так сладко, как обвинять и клеветать, и этим ремеслом он занял у государей первое место. Я знаю все это не потому, что старался узнать, а потому, что мне рассказывали мои земляки. Но вон тот с суровым и печальным лицом мне знаком хорошо, и я думаю, что из всех, кого я знал, он был самый непорочный и явно рожден для того, чтобы наставлять души на правильный путь. Он был философ и в речах своих и в поступках, и то, что проповедовал, подтверждал делом и своим примером. Его стоило бы послушать.

Харон. С превеликим удовольствием; но где его родина?

Тень. Он происходит из Умбрии¹²⁶.

Харон. Гость-умбриец, приветствую твое прибытие в царство теней, и потому что здесь ты совсем освобо-

дишься от забот, которые так обременяют смертных и потому, что я очень хочу тебя послушать. Я знаю, что ты большой философ, поэтому начни так, как тебе самому заблагорассудится, и дальше говори о добродетели, пока мы не приедем в гавань.

Тень. То, что ты требуешь, я сделаю с удовольствием и без труда. Раз уж ты хочешь, чтобы я говорил о добродетели, то я думаю, больше всего ты желаешь услышать, в чем ее сила и какие от нее плоды. Ведь поскольку, как всем известно, боги так далеки от людей, и не только по расстоянию, но и по природе, то не есть ли в этом удивительная сила добродетели, что она приближает людей к богам при жизни и после смерти присоединяет их к сонму богов? Ибо добродетель есть какая-то середина, избегающая всего, что кажется в действиях крайностями, и в этом величайшая ее хвала, и в этом ее высшая сила, что она, эта самая добродетель посредничает между богом и людьми, и если убрать эту посредницу, не будет никакого доступа к богу, никакой дороги, ведущей к нему. Сама она прежде всего бога познала и тех, кто жил по ее законам, к богам привела. Все остальное быстротечно и хрупко и может быть уничтожено в любую минуту, а добродетель есть прочное и стойкое благо. Она не нуждается ни в чем из вещей внешних, а все другое без нее бессильно, носится в смятении туда и сюда. Итак, счастлив тот, кто добрыми поступками и правильными понятиями постиг добродетель, кто, подавив страсти и как бы поставив себя вне опасностей, жил свободно и беспечно, будучи сам себе законом, не боялся законов, и как бы имея все распротертым под ногами, выступал бесстрашно против молвы народной, против страстей тиранов и так противостоял ударам судьбы, что успешно отбивал ее удары и не протягивал ей руку, когда она подходила с лаской¹²⁷.

Харон. Как справедливо и как великолепно ты говорил о добродетели. Твоя речь, клянусь Плутоном, прекрасно разъяснила, в чем счастье людей. Но ведь они душою так мало понимают и в слепоте своей несутся к гибели больше добровольно, чем по принуждению. Среди множества перевозимых мною каждый день много ли было таких, которые не винили бы самих себя, не сетовали бы, хотя и поздно, на свою глупость? Тем более, добрые гости, я приветствую вас обоих, вас, которые по-

знали и постигли добродетель в поступках и взглядах своих, которые дальше всего ушли от невежества толпы¹²⁸ и, кажется, более всего приблизились к счастью. Но, как видите, мы уже завершили свой путь, мне нужно возвратиться, чтобы перебросить остальных, и вам пора слезать. Идите, счастливые, так же как провели жизнь, примите и смерть, через которую вы уже вступили на путь бессмертия. Ты же, мудрейший Меркурий, собери эту толпу и, когда нужно будет, гони к судьям. Меркурий. Я пойду, а вы следуйте за мною.

*Хор грешных теней*¹²⁹

Мы идем увидеть скорбные тени,
Плача, рвемся к выси небесной,
Плача, с жизнью земной мы распростились,
Реку скорби, плача, проплыли.

И остаток пути тоже мы, плача,
Совершим, несчастные тени,
Наш удел терпеть пасть Минотавра¹³⁰
И Эака тень с ужасом видеть,

На себе испытать гнев Радаманта,
Повстречаться с Цербера лаем¹³¹,
Там, где гидра живет с множеством глоток
И лев свирепый с черною пастью.

Хор бегрешных теней

Нам дыхание Зефира¹³²
И луга в цветах и травах
И поля благоуханны
Сладостно дышат всегда вечной весной.

Нам искрятся соты медом,
И вино ручьями льется,
И текут молочны реки,
Сладостно ветви дерев дышат бальзамом.

Джана Джовиано Понтано
диалог, называемый
«Харон»,
счастливо окончен.



АНТОНИО ГАЛАТЕО

ОТШЕЛЬНИК¹

**М. Антонию Птоломею, епископу лупийскому²,
медик Антоний Галатей**

Прошли времена, преподобный епископ, когда христианство процветало. Правильно говорил Аристотель, что небо не утомляется и не старится. Тем самым он как будто хотел сказать, что все, находящееся под Луной, подвержено рождению и порче, стареет и умирает.

В древние времена, когда рождалась церковь, велико было почитание бога: столько было тогда святых, столько мучеников, что их едва вмещает дворец небесный. Почти весь мир поклонялся Христу. После того, как Христа признал Рим, владыка мира, и все земли, подвластные Римской империи, приняли правоверное христианство, мы начали уже стареть: и вот мы во имя веры Христовой ведем гражданские войны и разжигаем внутренние раздоры; ту веру, которую святые мужи добыли для нас кровью, мы своей кровью запятнали; ту веру, которую мы получили от отцов наших чистой и девственной, мы загадили ересью и бесполезными словопрениями. Греческая вера расходится с латинской; и сами мы во многом не согласны друг с другом. Неделимая вера на столько частей растерзана, что язычникам кажется, будто она сама себе противоречит. Стоит посмотреть, как много развелось разных правил жизни, разных облачений. В войсках и в лагерях ты не увидишь столько знаков отличия, сколько найдешь ты их в церкви божьей. Василий и Бенедикт³ некогда охватывали весь мир, а теперь людям нравятся только святые поновее; те, как видно, уже одряхлели.

Непостоянные и падкие до новизны смертные находят новые правила, создают новые ордена. Кажется, сами

апостолы и евангелисты, основатели веры, отступают перед новыми людьми. Ведь на новых празднествах мы слышим целых три дня непрерывный звон множества колоколов, видим в церквах столько украшений, столько свечей, а на праздниках апостолов едва зажигается тоненькая свечка. Монахи живут в золоченых кельях, пожирают жирных гусей, фазанов и изысканных рыб. Многие из них перебрались в монастырь, чтобы спастись в нем от преследования за свои преступления; другие, рожденные в убогой хижине, как сказал божественный Иероним, с трудом заполняли свою утробу ячменным и просыным хлебом⁴. А теперь им не по вкусу даже калачи да мед. Древние не вкушали вина, не ели мяса, а питались, кроме редких праздничных дней, лишь постным маслом да мелкой рыбкой. А нынешние посещают города и княжеские дворцы; каждый день приветствуют богатых матрон. Те, древние, оставив все свое имущество, искали уединения, ибо действительно уходили от мира; наши же, хотя твердят, что покинули мир, на самом деле захватили весь мир, из бедных стали богатыми, из безвестных — знатными, из тощих — жирными. Те действительно ушли от мира: на островах Далмации, знойных землях Египта, в пустынях Нитрии и Фиваиды⁵, подолгу находясь в пещерах или в шалашах, они вели блаженную и уединенную жизнь; они были спутниками диких зверей, одевались в мешковину или пальмовые ветви; из кореньев и трав состояло простое их пропитание; но именно они были ближе всего к богам, они блаженны, они избрали жизнь героев. Этих-то отшельников, которые по своей воле, а не по какой-то нужде ушли жить в пустыню, Аристотель назвал богами⁶. И в те времена, когда, как было сказано, мир был поистине христианским, большое множество людей, и притом не безродных, а знатных и богатых, и среди них также знаменитые женщины, оставили все, что имели, из Испании, Галлии, Германии, Италии, Греции и других римских провинций удалились на острова Далмации и Эгейского моря, в знойные земли Египта и Ливии.

Среди них был некий человек, добрый, или уж во всяком случае не злой. Родился он у почтенных родителей в одном из уголков Италии. Отец его, дед и прадед были знатоками греческой и латинской литературы, да и сам он не был неучем. Этот человек не из бедности,

не из-за преступлений — ибо грехи у него были лишь самые малые, — но потому, что не мог переносить столь испорченные человеческие нравы, ушел в пустыню, чтобы жить непорочно для себя и для богов, чтобы не видеть — это было для него невыносимо, — как притесняют честных людей, как злодеи поднимаются к славе и несметным богатствам. Там, в пустыне, он жил свято и, наконец, умер в глубокой старости. Душу его, уходящую из тела, тотчас же схватил демон, заботой которого было учитывать грехи человека. Но она стала отбиваться и звать на помощь доброго духа, или, как мы говорим, ангела: «Почему ты мучаешь меня, злой дух? А ты, добрый дух, почему меня не защищаешь?»

Злой дух. Потому что ты грешил, потому что жил преступно, да еще при таких тяжких грехах сам себе казался святым.

Добрый дух. Что же это за грехи?

Злой дух. Разве ты, всегда бывший при этом, их не знаешь?

Добрый дух. И все-таки я не знаю.

Злой дух. Не знаешь?

Добрый дух. Не знаю. Каковы же они?

Злой дух. Позволь, я возьму книжку.

Добрый дух. Возьми, но пока отпусти его.

Злой дух. Не отпущу. Вот, посмотри, в начале первой страницы: еще юношей, когда он уходил в пустыню, он увидел старца, который клевал носом, изнуренный молитвой и долгим постом, и он громко рассмеялся.

Добрый дух. Продолжай. Это действительно большой грех перед богом!

Злой дух. Я найду и побольше. Когда он увидел бегущих по берегу сарацин, он, чтобы не быть схваченным и спасти свою жизнь, убежал и спрятался в какой-то дыре.

Добрый дух. Но это только проявление слабости, а не греховный поступок. Переходи дальше на вторую страницу.

Злой дух. Когда он размышлял и молился, то среди молитвы погрузился в глубокий сон.

Добрый дух. Ну, а дальше?

Злой дух. Пропустим остальное. Назову самый тяжкий грех: когда какой-то священник совершал таинство евхаристии, величайшее в церкви божьей, он сплюнул.

Добрый дух. Но это порок природы, а не человека.

Злой дух. Ты шутишь? Все это кажется тебе мало-важным? Ну, тогда я назову самый большой грех. Когда он видел, как старика-отшельника бьют палками сарацины (старика схватили 500 всадников), он, хотя был вооружен пальмовым посохом, не бросился к вопиющему о помощи.

Добрый дух. Нападать одному слабому человеку на 500 всадников?

Злой дух. Да, 500. Но человек, посвятивший себя богу, не должен бояться смерти.

Добрый дух. Я никогда не считал греховным страх, который может напасть иногда и на стойкого человека. Я видел многих людей, которые заявляли, что готовы умереть, но когда приближалась смерть, она вытряхивала из них все высокопарные слова, и они со слезами, как женщины, умоляли врагов не убивать их. Ты найдешь людей, готовых ради друга идти на любые опасности, но никто не пойдет на верную смерть. Не подобает говорить, но я скажу, ибо это правда: сын божий, творец жизни и покоритель смерти, кажется, тоже спасал свою жизнь, когда спрятался и вышел из храма со словами: «Да минует меня чаша сия»⁷. Так отпусти же лучше этого беднягу, ни в чем он не грешен. Не обвинения это, а пустые наветы. Ты просто клеветник.

Злой дух. Смотри, не затевай со мной ссоры, мне поручено следить за дурными словами и дурными поступками людей. Божеская справедливость велит нам наказывать виновных и защищать невинных. Если отнять у меня право обвинять, то я отказываюсь и от должности моей и от книжки. Ты вот защищаешь дурных людей, но если бог рассердится, он обрушится на тебя. Как могут жить добрые люди, если злых не наказывать?

Добрый дух. Ах, откуда взялась у тебя этакая неожиданная доброта? Ну, что же дальше?

Злой дух. Вот я опять беру книжку. Когда этот твой добрый человек вошел в пещеру, где находился святой отшельник, он нашел много посохов, которые тот изготавливал, чтобы не грешить бездельем и праздностью. Он прихватил один из них, и как раз тот, которым святой отшельник обычно поддерживал свое старческое

тело. Если ты не хочешь назвать это святотатством, то во всяком случае должен признать кражей. Ибо он сделал это без ведома хозяина, и не только никогда хозяину в этом не признался, но даже перед смертью не раскаялся в столь тяжком преступлении. Он не вернул краденое, не искупил вину, потому должен быть осужден на вечную смерть.

Добрый дух. Дело-то ведь пустячное. За такое даже государственные законы не осуждают на смерть.

Злой дух. Но разве этот добрый человек не читал у Цицерона: «Малая вина — то же самое, что большая»?⁸ Одни законы у нас, другие — у императоров. Как большая вина, так и малая ведет людей в преисподнюю. Наши законы суровы и неумолимы, и даже богам не дано их отменять. Законы же императоров часто бывают гибки сообразно со временем, с личностью осуждаемого, с местом, а подчас и с деньгами. То, что постановили наш Радаманф, наш Эак или Минос, остается неизменным. Конечно, справедливы те судьи, перед которыми все равны: их не могут склонить ни любовь, ни ненависть, ни страх, ни мольбы, ни золото, ни возраст, ни красота, ни сила телесная, ни знания, ни даже власть.

Добрый дух. Хитер ты в споре. Умеешь острый ум свой во зло обратить. Я не могу сопротивляться. Веди его, куда хочешь.

Отшельник. О, я несчастный! Так ты меня покидаешь?

Добрый дух. Что же мне делать? Я не могу побороть его, хотя считаю тебя хорошим человеком. Не по порокам и добродетелям оценивают людей, а по удаче⁹. Более того, злые люди гораздо сильнее, чем добрые. Правду везде притесняют и прячут. Все люди лжецы, все раболепствуют и пресмыкаются. Иди, добрый человек, по-хорошему в преисподнюю и будь доволен, ибо везде найдется местечко для добродетели. Истину часто затапывают в грязь и топят в море, но в конце концов она сама выплывает и поднимает голову к звездам.

Отшельник. А я, несчастный, между тем иду в преисподнюю; кто вырвет меня оттуда? Что принесла мне моя добродетель? Что — моя вера? Что — благочестие? Что — справедливость? Что — многолетние лишения? Что — пост, молитвы, одиночество и душа, сильная в вере и преданная богу? Что — ожидание Спасителя

нашего и надежда на будущую жизнь? Что — столь пламенная любовь к делам божественным, ради которой я самого себя и все на свете оставил? Теперь вот малые, даже отсутствующие грехи, или, вернее, словесные хитросплетения, повергают меня в преисподнюю. Верно то, что я читал у Аристотеля, что ложь подчас бывает правдоподобнее истины, и уже во всяком случае сильнее.

Д о б р ы й д у х. Не падай духом.

О т ш е л ь н и к. Идя в преисподнюю?

Д о б р ы й д у х. Сам бог тебе поможет и твоя невинность, так как я не могу тебя выручить.

О т ш е л ь н и к. А ты, злой дух? Если есть у обитателей преисподней капля жалости в груди, прошу тебя, дай хоть раз мне взглянуть на рай, о котором я всегда мечтал, ради которого пролил столько слез, столько перенес труда, столько терпел голод, жажду, жару и холод.

З л о й д у х. Что ж, это я сделаю, и даже с радостью. Ведь когда ты увидишь рай и блаженную жизнь, которой лишился за свои грехи, еще тягостнее будет тебе спускаться в преисподнюю. Пойдем, следуй за мной. Да дай мне руку, чтобы мне держать тебя покрепче. Кажется мне, ты не прочь сбежать.

О т ш е л ь н и к. Нет, я не таков.

З л о й д у х. Странно. Кто бы не сбежал от меня?

О т ш е л ь н и к. Ах, я чую сладостные ароматы, дыхание Зефиров.

З л о й д у х. Это и есть ароматы рая.

О т ш е л ь н и к. Что за чарующая песнь наполняет слух мой! Я слышу плеск бегущего потока и птичий хор.

З л о й д у х. Это радости блаженных духов, в которых бог мне отказал.

О т ш е л ь н и к. Вот я вижу те блаженные рощи, чувствую, несчастный, запах цветущих трав и аромат яблок, красных, как пламя.

З л о й д у х. Чтобы тебе лопнуть от зависти и мучиться вечно.

О т ш е л ь н и к. Эти серебряные стены, зачем они?

З л о й д у х. Это ограда рая, за которую нас вышвырнули так несправедливо.

О т ш е л ь н и к. А эти алмазные ворота, украшенные еще разными драгоценными камнями?

З л о й д у х. Это врата рая.

Отшельник. А есть еще другие?

Злой дух. Нет.

Отшельник. Почему? Ведь царство это большое.

Злой дух. А потому, что дорога к блаженной жизни одна: добродетель.

Отшельник. Но почему они такие узкие?

Злой дух. Потому что узка дорога к жизни. Зато к нам дорога очень широкая. Поистине, «ночью и днем открыта дверь мрачного подземного бога»¹⁰.

Отшельник. Почему же ворота закрыты?

Злой дух. Потому что доступ к блаженству труден и открыт лишь немногим, которых возлюбил бог.

Отшельник. Молю тебя, уж раз ты сжалился надо мною: подождем немного, пока кто-нибудь войдет или выйдет, чтобы мне заглянуть, что делается внутри.

Злой дух. Я и это сделаю, чтобы ты еще больше мучился. Но, поверь мне, мы только зря стоим. Посмотри, здесь не видно никаких следов, и порог не стоптан. Очень немногие входят в эти ворота: редка добродетель, редко открываются эти двери. Пожалуй, кроме нас, несчастных, никто не выходил отсюда. И немало протечет веков, пока войдет кто-нибудь. Но подойдем поближе к порогу и посмотрим.

Отшельник. Скажи, пожалуйста, что это за толпа следует за нами? О, чистые, о, блаженные души! О, святые нравы! Что за приятная речь! Что за степенная поступь!

Злой дух. Ты, старик, счастливчик.

Отшельник. Тем, что ты тащишь меня в преисподнюю?

Злой дух. Да нет, что тебе повезло так быстро увидеть кое-кого из тех, кто внутри. Я думаю, эти души сейчас подойдут сюда. Пока дверь будет открываться и закрываться, ты смотри во все глаза. Ибо, как ты часто слышал, «царство небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его»¹¹.

Отшельник. Я так и сделаю. Но кто они такие?

Злой дух. Меня ты спрашиваешь? Разве ты не знаешь, что я не вожу знакомства с блаженными и не имею никаких дел с добрыми людьми? Посмотри лучше, не знал ли ты их, когда вращался среди людей.

Отшельник. Постой, пусть подойдут поближе.

Злой дух. Но вот они уже здесь.

Отшельник. Я узнаю их.

Злой дух. Кто они?

Отшельник. Те, что впереди — это лучшие из государей, Фердинанд-отец и Альфонс-сын¹², добрые и прекрасные. Они при жизни любили друг друга и в смерти остались неразлучны. Тот, что следует за ними, юноша необычайной красоты, в блестящих доспехах, с печальным лицом и потупленным взором — это Фердинанд, сын Альфонса. Он завоевал себе королевство, победив и изгнав галлов, но вскоре умер, горько оплакиваемый всеми¹³. Дальше идут философы, знатоки богословия и гуманистических наук, Ермолай Барбар, венецианец¹⁴, и Павел Атталд, неаполитанец¹⁵. А тот, который ступает так медленно и тяжело — это слава церковных декламаторов, Роберт Лупийский¹⁶, мой земляк.

Злой дух. По Ахеронтову болоту, по Коциту и Флегетонту, по Терebinиту и Кипрессу¹⁷ — повсюду они известны, как герои, достойные вечного счастья. Хотя я никогда не имел над ними никакой власти, но, помню, много славного слышал о них. Но вот они входят. Смотри в оба, чтобы нам поскорее закончить свой путь.

Отшельник. Я смотрю. Но сначала я пинком собою тебя со ступеней и силой прорвусь в дверь, согласно евангельскому учению. Вот я уже попал в сени.

Злой дух. Ай, да ты мне, несчастному, шею свернул, ай, ай! Вернись, мой старичок, милая головушка, ты ведь моя добыча; у нас будет тебе хорошо.

Отшельник. Не вернусь. Сам бог и невинность моя вырвали меня из твоих рук.

Апостол Петр¹⁸. Усыпьте порог цветами, блаженные духи, чистые души¹⁹. Идут герои. Все поднимитесь, встаньте, Хариты, вы и Пиериды²⁰; спой благородную песнь, спой, Полимния²¹; играйте флейты, звените бубны; пойте, мальчики, пойте, девочки, сладкие песни, хвалебные песни, славу знаменитым мужам. Идут герои, все поднимитесь, герои, каких не видали мы много всков. Ибо и святые все, как ясное солнце, сияют, увенчанные после триумфа при ликовании всеобщем. И врагов в бою повергнув, в вечной безмятежности, не знают бед и поражений, кровавых войн не ведают; стало плотское духовным, дух и разум торжествуют, долгим миром наслаждаясь, меж собою не враждуют; сбросив то, что преходяще, к началу возвращаются, истину видя пред

собою, лицом ее любят; здесь, источника живого сладостью живительной обретают навсегда от воды целебной бодрость, свежесть, красоту, не боясь случайностей и болезней, всегда здравы и не знают старости. Здесь и вечной жизни тайна, что проходит, то прошло; сильны, молоды, цветущи — все что тленно, то ушло; вечный цвет у мрачной смерти смог права ее отнять. Кто всеведущего знает, разве может что не знать? Проникают в тайны сердца, знают чаянья друг друга, мысли все у них едины, хоть и разны их заслуги. Всех любовь соединяет, каждый другом дорожит; что имел отдельно каждый, всем теперь принадлежит. Ангелы, святые души, пеньем улаждаются, вечно новою гармонией мелодии слагаются; и органы слух ласкают песнею ликующей, о победах о великих славно повествующей. О, счастливая душа, сам царь небесный пред тобой, а внизу ты видеть можешь, как вертится машина вселенной.

З л о й д у х. Что за деревенскую и нескладную песню он поет! И как безобразно вертит своими членами, как неприлично отбивает такт ногой этот слабоумный старик. Так вот кому вручены ключи царства небесного.

А п о с т о л П е т р. О, счастливый день, какое доброе сегодня пополнение! Идите, счастливые души, идите под тени блаженных рощ, в уединенные уголки рая, на солнечные луга, на Елисейские поля²², наши будущие вечные жители. А ты, добрый человек, кто такой?

З л о й д у х. Это, Петр, моя добыча. Он сбежал от меня. Выбрось-ка его из рая.

А п о с т о л П е т р. Кто же ты, добрый человек?

О т ш е л ь н и к. А ты кто таков?

А п о с т о л П е т р. Ну и негодный же ты старик, как я посмотрю. Даже седины не научили тебя уму-разуму. Я — апостол Петр, наместник Христа. Вот и ключи. Эта рука открывает и закрывает небо и преисподнюю.

О т ш е л ь н и к. А я — раб божий.

А п о с т о л П е т р. Ты раб дьявола. Вон он ждет тебя. Пошел отсюда, плут, не оскверняй рая.

О т ш е л ь н и к. Потихе-ка, Петр. Не пришлось бы тебе узнать такое, что тебе вовсе не по вкусу.

А п о с т о л П е т р. Ах ты, бессовестный наглец. Да я ключами тебе все кости переломаю. Ты разве не знаешь, кто такой Петр и как он скор на расправу? Ты не слышал, как ловко я отрубил ухо тому рабу?²³

Отшельник. Клянусь Геркулесом, великий и памятный подвиг! О вы, счастливые духи, спутники божьи, все жители рая, заклинаю вас верою вашей, не дайте ему выбросить меня из рая. Что сделал я плохого? Еще юношей я избрал жизнь и образ действий философов, никого не оскорбил, причиненные мне обиды переносил великодушно и терпеливо, никогда не брал слишком большой платы за свое искусство. Родился я в маленьком городке, не знавшем никогда другой веры, кроме христианской; и я, и отец мой, и все предки мои были христиане, всей душой преданные неделимой Троице, хотя и других святых, как подобает, почитали; идолов и чужих богов не знали. В пустыню я ушел, чтобы бежать от самого себя и от людей, и там я столько бедствий терпел, что и рассказать невозможно. Разум мой всегда презирал все земное и обращался к небу, и пред рабами божьими я всегда преклонялся всей душой. Правда, смелых подвигов я, признаться, не совершал, ибо эти невоинственные руки созданы для того, чтобы служить, а не для того, чтобы людей убивать. Другие деяниями богу угождали, а я — сердцем и речью своей, что ему всего милее. Ибо разные деяния бывают вызваны различными причинами, сердце же праведное никогда от истины не отклонится²⁴, никого не обманет, никогда не сфальшивит, всему поверит, все стерпит. Другие, те, кого мы зовем лицемерами, совершают показательные добрые поступки, но для себя, не для бога, чтобы считаться святыми и благочестивыми, чтобы получать милостыню, чтобы добиться бенефиций и епископата. От сердца же, которое ведомо одному богу, исходят только добрые дела, хотя и добрые дела не всегда служат признаком праведного сердца. Вы, блаженные, добрые души, не гоните меня из сонма своего, хотя вот этот и поставил мне в вину какие-то ничтожные грехи. Я не отниму у вас места. Мне достаточно лишь крохотного уголка. Огромны поля ваши, но мало у вас пахарей; «жатвы много, а делателей мало»²⁵. А тот привратник рая выгоняет меня, осуждает меня, слова не дает сказать в защиту. Послушай сначала, Петр, кто меня винит, в каких грехах меня он упрекает, какие приводит доказательства, каких свидетелей. Послушай, с другой стороны, как я буду себя защищать, как буду обвинения опровергать. Если сумею опровергнуть кле-

вету, если докажу невиновность свою, то только позволь мне хотя бы бродить здесь, по самым окраинам рая, я уж не прошу пустить меня ко дворцу самого Громовержца²⁶. Если же не сумею защитить себя, тогда осуди меня, как виновного, и бросай прямо в самые страшные печи преисподней.

Апостол Петр. Нет у меня времени для судебных разбирательств.

Отшельник. Что же, так и осудишь меня, не выслушав?

Апостол Петр. А мне какое дело?

Отшельник. Ну, вот, а люди говорят, что правосудие с земли сюда улетело. Видать, и здесь оно зачало так же, как и там.

Апостол Петр. Нет, тут правосудие живет и торжествует, когда я тебя выгоняю вон.

Отшельник. Сегодня тебе меня не выгнать. Ты и так уже, Петр, довел меня до белого каления, кажется, ты забыл уже, что происходишь из незнатного и низкого рода, что ты простой рыбак и не имел ничего, кроме драных сетей, да и за них ты так нахально упрекал Христа, давшего тебе ключи от царства небесного. Потому-то ты все и оставил, как ты похвалялся, и последовал за ним. Ведь ты рассчитывал на крупную награду. Ты даже в присутствии Христа устроил скандал и назван был Сатаной²⁷. Надменность и наглость твоя, из-за которой Христос нажил себе столько врагов, причинили ему больше вреда, чем несправедливость и коварство фарисеев²⁸.

Апостол Петр. Но разве я не оставил все мое добро?

Отшельник. Какое? Утлый челн, дырявые сети и рыбацкий хлеб? Но зато потом ты стал постоянным гостем на роскошных обедах; вместо посоха и сумы получил золоченые кресла и богатейшие ларцы, везде для тебя были накрыты столы, одежды твои некуплены, и все не трудом заработано. Все тебя обнимают, все тебя почитают, все обожают, все ноги твои святые целуют, к порогу твоему цари, оставив уборы свои, приходят; вся Иудея, да и весь мир, как гостя тебя принимает. А раньше ты не имел даже крыши над головою, и жалких грошей от продажи мелкой рыбешки едва хватало тебе на покупку ячменного хлеба. Не ты за Христом

пошел, а он последовал за тобою. Из добрых дел Христа и трудов его, из чудес, которые он творил, ты себе получил немалую выгоду. Ключи эти, которые ты носишь, были железные, теперь они золотые²⁹. Они поднимают войны, они мутят весь наш христианский мир; они, как все говорят, веру нашу вконец разрушают; даже весь мир для них — малая добыча. Рыбачьки были у тебя одежды, а теперь пурпурные и золоченые. Едва ли имел ты войлочную шапку, чтобы голову покрыть, а теперь украшаешь себя короной, усыпанной драгоценными камнями. Обедал ты, бывало, овощами без масла, только солью посыпанными, а теперь ароматы яств твоих до небес поднимаются.

Апостол Петр. Я это заслужил верой и добрыми делами своими.

Отшельник. Конечно, это заслужено верой; ведь прежде, нежели пропел петух, ты трижды отрекся от Христа, который избавил от голода утробу твою; ведь ты, нетвердый в вере и непостоянный старик, чуть не утонул в морской пучине; ведь ты бежал из тюрьмы; в Антиохии, а потом в Риме ты прятался в пещерах, чтобы не умереть за того, который за тебя умер, сделав тебя господином над всеми. В твоём бегстве он явился тебе и сказал, что пойдет в Рим, чтобы снова распятым быть на кресте. Этим хотел он упрекнуть тебя за неблагодарность твою, если не сказать, за предательство³⁰.

Апостол Петр. Меня ты предателем называешь?

Отшельник. Отчего же нет, если ты таким был? Здесь такое место, где я могу откровенно и свободно говорить правду.

Апостол Петр. Если правда то, что ты говоришь, то за что мне такие большие награды и такая власть?

Отшельник. Ты хочешь знать? А потому, что так дано судьбою людям: ³¹ у кого преступления самые тяжелые, того и считают наиболее великим. Ведь и сам господь наш сказал, что пришел не из-за праведников, а из-за грешников³².

Апостол Петр. Да ты врешь.

Отшельник. О, если бы врал!

Апостол Петр. Отпущу его, пожалуй, а не то он выпалит еще что похуже. Кажется, он читал ветхий и новый завет. Ты, Павел³³, умен и в законах сведущ и в

драке горяч; попробуй, если сможешь, выжить его из наших мест хитростью, угрозами или пинками.

Павел. Если он виновен, тотчас же в бегство его обращаю этим мечом; если же невиновен, трудно победить невиновного. Сделать это силой или коварством — преступление тяжкое и нас, населяющих эти места, недостойное. Но поговорим с ним. Пойди прочь.

Отшельник. Не пойду, хотя бы ты даже пронзил меня этим мечом.

Павел. Уйди, негодяй.

Отшельник. Сам уйди, фарисей, сикофант³⁴. Это ты выпросил у наместника грамоты, чтобы христиан в оковах вести в Иерусалим. Хороша работа для доброго мужа, работа палача! Я тебя, Павел, хорошо знаю.

Павел. Признаюсь, я преследовал христиан. Но ведь потом я стал учителем язычников и принял смерть за Христа.

Отшельник. Правда, но лишь после того, как лишился глаз. Выходит, ты уверовал как бы поневоле, по принуждению.

Павел. Но ведь я умер за Христа.

Отшельник. Ты и вот этот ключник, пока вы могли, вы избегали опасностей, опасностей в море и на земле, опасностей от коварных братьев. Ты выдал себя за римского гражданина и спасся в корзине. Куда больше? Наконец, когда это было угодно богу, вы покорились своей судьбе, и так как не могли больше уклониться от опасности, пали от римского меча.

Павел. Ты плохо знаешь Павла Тарсийского³⁵, учителя язычников, «избранный сосуд».

Отшельник. А еще прекрасного гладиатора и преследователя христиан.

Павел. Довольно. Я ухожу.

Апостол Петр. В моей власти находятся ведь и ангелы. Подойдите, блаженные духи, вышвырните его и бросьте головой вниз прямо в Тартар.

Ангелы. Кажется, человек этот мягкий духом, он не станет меряться с нами силою. Убирайся.

Отшельник. Я вам всем приказываю убираться.

Ангелы. Нам-то?

Отшельник. Вам, чтобы не подняли вы снова войны против вашего Создателя, по примеру брата вашего Луцифера³⁶.

Ангелы. С ума ты спятил. Мы ведь во всем приняли сторону Создателя нашего; мы войны вели, мы подняли оружие против врагов бога, мы защищали это небо; мы, наконец, вручили богу корону этого царства.

Отшельник. Тот, кто правду говорит, тот с ума не сошел. Вас я считаю не в своем уме, если вы думаете, что мне дела ваши неизвестны, и осмеливаетесь открыто говорить такое. Недавно я слышал кое-что от этого вот злого духа, который в той битве был предводителем второго легиона. Он рассказывал мне об этом, когда мы шли с ним вместе, и рассмешил меня, беднягу. Ведь когда тот вождь, называвшийся Луцифером, поставил в строй вооруженные полчища и самих гигантов и стал вызывать на бой небо и вас, беспечных, он видел, как вы при первых же призывах к оружию разбежались по уголкам и запутанным тропинкам небес, искали, где бы спрятаться, позорно бросали оружие. Тогда, взяв все дело на себя, «отец всемогущий молнией горы обрушил»³⁷ и заговорщиков братьев ваших сбросил с небес. Вы вели войны, но не за бога, а за самих себя, чтобы, изгнав врагов, занять их место. К чему нужна была богу ваша помощь? Разве не мог он, сотворивший вас из ничего, снова обратить в ничто и вас, и тех преступных демонов? Какие же эти ваши ужасные войны? Какое ваше славное воинство? Где ваши раны? Где шрамы? Где могилы? Да вы с ветрами сражались, страшный гром вызывали, от ударов его звери в бегство обращались и страх проникал в смертные сердца робких людей. Не врагов вы поражали, а горные вершины и зверей на земле, что же вы оглушаете уши мои такими пышными словами? Уйдите, прошу вас, проворные и легкие духи — ведь вас не обременяли ни жены, ни дети, ни имущество. Вы жаждали войны, но такой, в которой ничего не теряли, а зато многим могли поживиться. Многие из ваших братьев примкнули к вожаку заговора, а вы по какой-то случайности присоединились к другой стороне, победа которой казалась вам более вероятной. Если бы вы чуть-чуть дольше повоевали и увидели изменчивость судьбы, то вряд ли было бы такое множество ангелов, какое у вас тут сейчас. Узнав это и видя непостоянство ваших умов, бог, всеобщий творец и управитель, сковал тесными оковами ваши мысли, прежде

свободные, чтобы вы никогда больше не могли грешить³⁸.

Ангелы. О, какая ложь! И в свидетели ты призываешь этого лживого демона, который не умеет вообще говорить правду. Мы уходим, Петр. Займись-ка им сам.

Апостол Петр. Позовите ко мне родоначальника людей, первого предка нашего, Адама.

Адам. Я — первый предок рода людского, я сотворен рукой божьей и по его образу и подобию, а не из простого семени, как прочие люди; я, мудрейший из людей, дал названия всем вещам; мой сын тот, кто и богу сын; моим трудом это царство существует; о, сыновья и дочери, вы чада мои, под моим руководством пришли вы к свету жизни. Это тело — рассадник рода человеческого. И меня не послушается сын неблагодарный? Я вмиг его выброшу отсюда. Где ты, несчастный?

Отшельник. Какие слова изрыгает этот мудрейший из людей? Что случилось? Что тебе надо? Вот, я тут. Или ты думаешь, я на тебя похож? Ты ведь, когда согрешил, спрятался в терновых кустах, в густых лесах, а бог кричал: «Адам, Адам, где ты?» Я же тут. Если я в чем согрешил, то это по твоей вине, ибо ты первый уже очень скоро после своего сотворения презрел веление бога, ты послушался совета нахальной бабенки, которая пообещала тебе обожествление. И это твоя хваленая мудрость? О, братья и сестры, его нужно прогнать из рая, за то что он своей надменностью и наглостью сделал нас непокорными богу; он запятнал нас вечным позором; он отметил нас неизгладимым клеймом. Ты был под башмаком у жены и предпочел слова женщины божескому наставлению; ты, негодяй, заполнил Тартар; ты хуже Луцифера и его соратников. Те грехами своими себе лишь вредили, а ты вредишь и себе и всем своим потомкам, ни в чем не погрешившим. Ты все свое потомство заразил, ты род человеческий загубил, и если бы сын божий не выкупил нас своею кровью, Плутон завладел бы всем миром и никто не населял бы эти Елисейские поля. Эта дерзкая и вздорная женщина, рожденная из твоего ребра, сбросила тебя в бездну. Из двух людей, рожденных от тебя и от нее, один другого убил³⁹; все грешили по твоему примеру; ты был рассадником всех зол, ты открыл дорогу греху, от тебя пошла гнусная зависть, от тебя — гордость, от тебя — гибельная

жадность, от тебя — слепое вожделение. Хочешь больше услышать? Все, что совершается греховного, нужно относить к тебе одному, как к источнику. Ты осмеливаешься гнать меня отсюда, откуда самого тебя изгнали и из-за тебя гонят и нас? Твоя гордость, твоя наглость сделали нас непокорными богу. Человек ведь — животное, своей надменности не сознающее, но к чужой — нетерпимое. Многие сами впадают в большие грехи, а чужих грехов переносить не могут. Бык часто терпит огонь и раны, но не покоряется ярму; благородный конь, не стерпев обиды от седока, бросается стремглав в пропасть; многие животные умирают от голода, чтобы не быть рабами человека. И человек на все может решиться, чтобы только не быть рабом человеку. Еще Платон говорил, что трудно обуздать человека.

Апостол Петр. Уже солнце к западу клонится. Ты пускаешься в длинные словопрения и задерживаешь нас своими разговорами; ждешь, когда наступит ночь и меня, старика, сон одолеет, или рассчитываешь измором чего-нибудь добиться? Как там сказано? «Один человек промедлением уладил нам дело»⁴⁰. А ты хочешь тем временем укрыться среди этих лесистых долин, чтобы мы не могли найти тебя. Ты никого не обманешь. Я предвижу будущее. Я ведь знаю его милосердие. Ведь он исцелил того, кого я поразил, и предателю дал возможность раскаяться; он просил ведь даже за тех, которые убили его.

Отшельник. О, бесчеловечность человеческая! Хорошо сказано: «Щедрый хозяин и жадный раб»⁴¹. Последний страдает от доброты своего хозяина. То есть: дурной раб страдает от того, что хозяин добрый. Кто же из рабов больше испытал милосердие своего хозяина, чем ты, о, Симон Бариона⁴², столько раз отрекавшийся от веры христовой?

Апостол Петр. Молчи. Ты изрыгаешь ужасные гадости. Все это мне прощено и ушло в прошлое. Вот ты, патриарх, заставь его убраться отсюда поскорее.

Авраам. Я ведь халдей⁴³.

Отшельник. Значит, ты умеешь предсказывать будущее⁴⁴.

Авраам. Умею.

Отшельник. И обманывать, не так ли? Ибо предсказывать будущее — это не что иное, как не

знать прошлого и настоящего и обманывать людей. Настоящего ты не знаешь — того, что я допропорядочный человек, и будущего тоже — того, что я никогда отсюда не уйду.

Авраам. В твоих словах я чую греческое остроумие; но прорицать я умею.

Отшельник. Это чудовищно, чтобы смертный знал божественное, а себя самого и человеческое не знал. Какой-то грек сказал: «Ты смертен и о смертном как следует заботься»⁴⁵.

Авраам. Я презрел халдейское безумие, я признал одного бога, создателя всего, я разбил идолов; я учил, что человеческие жертвоприношения, обычные у некоторых народов, нечестивы. Я бежал от огня халдеев; чтобы подчиниться божеской воле, я готов был предать смерти единственного сына.

Отшельник. Это действительно великие дела, и действительно ты божественный муж. Я человек очень совестливый и никогда не грешил против правды. Все установления твои святы, но одного только я понять не могу: зачем ты велел обрезать людей?

Авраам. Чтобы могли отличать благородный и древний народ иудеев от язычников.

Отшельник. Но почему ты не приказал обрезать какую-нибудь открытую часть тела, допустим веко, нос или ухо? Ведь тогда легче было бы различать иудея и язычника.

Авраам. Я сам не знаю, почему. Бог так велел.

Отшельник. Тогда у меня больше нет вопросов. Но есть нечто другое, в чем я мог бы обвинить тебя, если бы хотел.

Авраам. Ты — меня?

Отшельник. Я — тебя. Разве ты не знаешь, что большим добродетелям обычно сопутствуют и большие пороки?

Авраам. Ты можешь обвинить Авраама, патриарха?

Отшельник. Нет, не его, а того, который из-за любви к служанке так много горя причинил своей жене, что она даже жаловалась богу; того, который взял в жены сестру и, наконец, выгнал служанку с ребенком, чтобы угодить разгневанной жене. А после смерти жены он, уже старик, завел целую ватагу любовниц⁴⁶.

Авраам. Что ты говоришь, полоумный старик? Ведь в те времена это было дозволено.

Отшельник. О, святые времена, когда преступления даже дозволялись, не то что не карались! Но я понимаю, почтенность твоя и старость служат тебе защитой. Мы вынуждены многое прощать предкам нашим за давностью лет. Приходится поклоняться времени.

Авраам. О, Исаак⁴⁷, послушный сын мой!

Исаак. Перестань, отец, разговаривать с ним. А тебе не стыдно так отвечать отцу многих народов?

Отшельник. Стыдно, конечно, ибо я по природе человек. Но ваше бесстыдство (с вашего дозволения, назовем это так) приводит нас в ярость. Ваша надменность тому причиной. Вы слишком нравитесь сами себе, а остальных вы презираете. Все вы себе присваиваете, ни капли не боитесь ни бога, ни людей. Я не на святых нападаю, а на преступления. Ведь святые сами, как и мы, были людьми, могли грешить. Что я должен по-твоему делать? Ты хочешь, чтобы я, без всякой вины, ушел отсюда? Или, чтобы я не отвечал на его несправедливые обвинения, даже если он макушкой касается неба? Ведь в правом деле лучше потерпеть насилие, чем малодушно уступить. Но ты, видать, хочешь защищать своего отца, который знает, что есть, что было и что скоро будет?

Исаак. Ведь он стар и почти не помнит себя.

Отшельник. Ты ошибаешься, если думаешь, что слова и советы у безумного старца не лучше, чем у мудрого юноши.

Исаак. А ты почему презираешь нас, старейших патриархов, по древности ближайших к богу, стоящих у самых истоков, богом избранных, живших свято?

Отшельник. Вовсе я не презираю. Не так я высокомерен и горд, чтобы презирать тех, кого весь мир столько веков по праву почитает. Наоборот, я дивлюсь им и поклоняюсь. Верить всему могут только легкомысленные и суеверные люди, но ничему и никому не верить, все презирать — это было бы слишком сурово и бесчеловечно. Я думаю, что вы были добропорядочными людьми, хорошими пастухами и хорошими земледельцами, но грубыми и неотесанными. Ведь ты сам говоришь, что вы недалеко отстоите от истоков, что вы древ-

нейшие из людей. И жизнь ваша была деревенская, и нравы мужицкие.

И с а а к. Но мы могли запросто разговаривать с богом. С нами бог заключал договоры. А с вами не происходит ничего такого.

Отшельник. Вот эти-то как раз два обстоятельства меня больше всего удручают: первое, что ученейших людей невежды обучают христианской вере; второе, что хороших людей в рай ведут дурные⁴⁸. Приходят мужики и захватывают небо, а нас с нашими познаниями свергают в преисподнюю. Это мы разговариваем с богом, мы новейшие люди, размышляющие о делах божеских и человеческих; а ваша забота была стричь овец, обмывать коз, сажать виноградники.

И с а а к. Это и есть безгрешная, блаженная жизнь.

Отшельник. Согласен. Но не без наук.

И с а а к. Науки губят.

Отшельник. Верно, когда они попадают к человеку дурному по природе. У добрых же все ведет к благу.

И с а а к. Но мы жили свято и без наук.

Отшельник. А если были бы знакомы с науками, жили бы еще более свято.

И с а а к. А чем тебе помогли твои ничтожные науки, если тебя не пускают в рай и сейчас ты отправишься в преисподнюю?

Отшельник. Я-то не отправлюсь. А ты столько веков был в преисподней. Я ведь знаю тебя и вот этого, и твоего отпрыска, всю святую семейку. Отцу твоему было мало красавицы-жены, он еще изнасиловал служанку. Постыднее всего еще то, что невоздержанный старец-патриарх имел столько полюбовниц и наложниц. Так что ваша древняя простота была не без пороков. Сын твой Иаков, сам один из трех патриархов, еще не успел родиться, а уже готовил козни своему брату. А родившись, он опутал его обманом, откуда и имя его происходит. Он захватил себе благословение благодаря хитрости и выдумке своей умницы, или вернее плутовки, жены. Он отнял у брата честь перворождения. Сын предал отца, брат — родного брата, жена — мужа и первого ребенка, который за дешевую похлебку потерял наследство⁴⁹. Вот она, ваша древняя простота и чистота! Тот самый Иаков, который имя свое получил от лжи и

хитрости, хотя он разговаривал с богом и назывался Израилем, не был лишен варварской похоти. Дважды семь лет он, воспламененный страстью, упорно служил своему тестю. Он сделал беременными двух жен и столько же наложниц. Первоклассный он был производитель, если народил такую ораву сыновей. А они недалеко ушли от своего отца и совершили разные преступления. Этот запятнал ложе отца, тот назывался змеем, другой львенком, третий сосудом несправедливости. Отец, умирая, проклял их замыслы. Все они вместе продали брата своего в Египет. Удивительно, что в таком племени не нашлось ни одного, кто сжалился бы над маленьким братом⁵⁰...

Моисей. Если правда то, что я говорю, отнесись спокойно к словам моим. Если ты пострадал, будь ты виновен или невиновен, не противься судьбе насилем. Мудрец подчиняется силам судьбы, злым и добрым, и не выставляет против нее гордый и непокорный дух свой. Нужно покоряться необходимости, ибо даже боги, как вы говорите, не могут от нее уклониться, особенно когда они клятвенно что-нибудь утверждают и клянутся вечным и неизменным порядком вещей⁵¹. Язычники про своих богов повествуют, что те клялись Стигийским болотом⁵² и водами преисподней. А клятвы бога отцов моих я сам слышал, ибо господь часто говорил: «Я живу».

Отшельник. О муж, творивший чудеса, ты говоришь, что бог покоряется необходимости? Разве разум божий не свободен и действует по необходимости, а не по своей воле?

Моисей. Может быть, в этом и состоит высшая свобода божья — всегда желать именно того, что есть наилучшее; ибо куда несется разум божий волею своей, туда и зовет необходимость. Мы, наверно, не ошибемся, если волю божью назовем необходимостью, судьбой или предопределением. В боге всевышнем — высшая сила, высшая мудрость и свободная воля, или всепроникающая любовь. То, что бог понимает, то он может и хочет. Мудрость божью вы называете «сыном», или «глаголом», от чего произошло все на свете⁵³. Ее, может быть, и называли душою мира, в которой заключены идеи всех вещей, божья мудрость породила все вещи, так же как наша порождена вещами⁵⁴. Если же всему необходимому свойственно быть вечным, нетленным,

и оно не может быть иным, то насколько более необходимой, неизменной и вечной должна быть мудрость божья! Что бог понимает, он непременно хочет, а что хочет, то может. Поэтому все, что он хотел, он сделал. То, к чему он стремится с высшей свободой и необходимостью, то есть очевидное и истинное благо. Другие боги желают хорошего и красивого, как любимого и желанного⁵⁵. И только бог богов связал все это прочными узами и сделал неразделимым. Не то, что мы, часто обращающие во зло свободу воли нашей, свободу, делающую нас рабами. Иногда наш разум двигает надежда на истинное благо, но чаще всего это благо кажущееся, и это заблуждение служит причиной всех зол, ибо сказал господь: «Как небо далеко от земли, так далеки помыслы ваши от моих помыслов»⁵⁶. Бог понимает самого себя и все прочее гораздо глубже, чем понимают другие умы, значит, он всегда знает, что поистине хорошо и прекрасно, и этого хочет, и это может, имея к тому и свободу и могущество. Возможно, что по велению истинны язычникам во сне являлись богини судьбы, Парки, дочери Необходимости. Но каковы причины взаимосвязи вещей, почему всевышний бог, другие божества и тела, им управляемые, всегда действуют с неизменной необходимостью — об этом речь была бы слишком длинной и для этого жреца утомительной. Он и так из того, что мы говорили, решительно не понял ничего. Он ведь больше предается чревоугодию, чем созерцанию.

Апостол Петр. Ты, мудрейший, выступал в пустыне перед невежественной толпой, а я, несведущий, в Риме, господине всей земли, убеждал ученейших мужей и в Греции. Те, кто живут по твоему закону, служат рабам рабов, а те, кто по моему, господствуют над господами господ.

Отшельник. Продолжай, мне так же приятны слова твои, как эти желанные места блаженных. А его не задевай, он всегда приходит в ярость от любого словечка.

Апостол Петр. Выгоню я тебя сегодня. Никак не помогут эти длинные словопрения.

Отшельник. Продолжай.

Моисей. Что мне сказать? Я не убежден, действительно ли верно то, что я говорил. Один только бог богов точно знает себя самого и все остальное через себя.

Другие боги знают лишь себя через себя, а остальные вещи через их образы. А наш ум, самый низкий из умов, часто заблуждается и даже себя познает не через себя, а через другое, внешнее. Хотя я разговаривал с богом, как с другом, лицом к лицу, леденящий страх охватывает все мое тело, когда я говорю или думаю о божественных делах. Перед божественным светом разум наш темен, и величайшее наслаждение, даже счастье,— познавать все божественное издали, светом едва озаренного разума нашего и затуманенными очами, а не докучными рассуждениями. До нас дошла молва, что люди вашего века так небрежно толкуют о божественном на перекрестках и в тавернах, будто познали все помыслы бога. Божественные дела они сводят к таким софизмам и словесным хитросплетениям, которых не понимают даже те, кто их придумывает. Этим они преступают и презирают закон и божеское величие. Когда мы произносим что-нибудь о боге всевышнем и о других богах, то если не хотим провиниться в бесстыдстве и дерзости, мы должны говорить с величайшей почтительностью, смущением и страхом и непременно при этом просить прощения у отца всемогущего.

Отшельник. О, муж мудрейший и древнейший! Твое пылающее лицо, окруженная сиянием голова твоя, эти два блистающих луча, которые мне, невежде, раньше казались рогами — все это знаки твоего благочестия и истинной славы. Ибо это высшее счастье — видеть бога и познать божественное, насколько это позволяет бренность человеческая. Но скажи, прошу тебя, почему ты спрятался, когда бог проходил мимо тебя?

Моисей. Скажу без лишних слов. Разве я не говорил тебе, что о божественном нужно говорить с почтением и страхом и не открыто, а лишь среди знатоков, и то среди немногих, блистающих не только ученостью, но и талантом? Ведь и Энний, твой земляк⁵⁷, велит предаваться философии среди немногих, по обычаю египтян, догматы которых мне хорошо известны. Божественные дела нужно совершать втайне. Египтяне показывают эти таинства лишь людям, посвященным в мудрость философии, и царям, да и то не всем, а только проверенным.

Отшельник. О, прекрасные правила! О, превосходнейший и древнейший род людей! Но только скажи

мне, пророк, почему ты созерцал бога сзади, а не спереди?

Моисей. Ты, глупец, и этого не знаешь? Ведь все, что мы знаем о боге, мы знаем с оборотной стороны, то есть по последствиям.

Апостол Петр. Поди-ка сюда, евангелист, историк и знаменитый лекарь.

Отшельник. А, Лука, добрый человек, врач из Антиохии!⁵⁸ Я ведь тоже, когда жил среди людей, занимался медициной и был не последним в искусстве врачевания. Еще в пятнадцатый день до ноябрьских календ⁵⁹, перед моим уходом в пустыню, я так свято отпраздновал твой день, приготовив двенадцати беднякам и себе роскошный стол. Я часто чувствовал твою помощь и твои исцеляющие руки, когда тяжелая болезнь одолевала меня или тех, кого я лечил. Но теперь я в большой опасности и больше, чем когда-либо, нуждаюсь в твоей поддержке.

Лука. Потому я сюда и подошел.

Отшельник. Ты подошел, Лука, потому что тебя позвали. А я хотел бы, чтобы ты пришел сюда по собственному побуждению. Не настоящий друг и не добрый человек тот, кто ждет, чтобы его просили, когда нужно помочь товарищу.

Лука. Хотя, свидетель бог, я поднялся выше всякой вражды, но я все же боюсь людской клеветы, боюсь, как бы губители-смертные не расправились с этим моим жалким телом, с моими останками, хотя душа моя блаженна и находится в безопасном месте.

Отшельник. Ты боишься оказать покровительство честному и невинному человеку, который был так предан тебе?

Лука. Если ты честен, то мне надлежит поддерживать друзей, но в пределах деяний, угодных богу.

Отшельник. Ты родился в греческом городе, писал евангелие по-гречески и на этом языке говоришь. Но все же позволь мне говорить по-латыни, то есть открыто.

Лука. Я говорю так, чтобы они нас не поняли.

Отшельник. Но скажи прямо, что случится, если все поймут? Я ни в чем не провинился, я прошу твоего заступничества в добром, а не злом деле. Ведь давит меня ложь, а не мои преступления.

Лука ⁶⁰

Отшельник. Говори по латыни, а не то они, чего доброго, не поняв, вообразят бог знает что. Я говорю миру открыто, а если что дурно говорю, пусть они мне это докажут. Если же я говорю хорошо, за что они бьют меня? Я порицаю не людей, а пороки. Речь моя свободна, как свободна моя душа ⁶¹.

Лука. Какая же причина такой свободы?

Отшельник. Причины две.

Лука. Какие?

Отшельник. Бедность и невинность. Ведь как раз противоположные этим качества более всего устрашают людей.

Лука. Хочешь, чтобы я говорил по-латыни? Ты был нетверд в вере, вел себя то как философ, то как христианин ⁶²; то казался благочестивым, то презирал благочестие; ты подлаживался к сарацинам ⁶³, врагам Христа.

Отшельник. Действительно, я даже ел за одним столом с хозяевами жизни. Я, несчастный, покорялся злобе дня, чтобы сохранить жизнь. Но ведь мягкому и доброму человеку, хорошему гражданину, не бунтарю, полагается покоряться победителям. Не только опасно, но и безумно спорить с силой вод и ветра. В этом упрекают нас франки и готы и произносят о нас гневные речи, но сами они нередко падают на колени от малейших ударов судьбы, и, как мы видим, близкая смерть вытряхивает вон все красивые слова. О, сколько раз я сам видел, как в минуту опасности у этих говорунов слова застревают в горле от трусости и страха и они забывают, что только что обещали! Разве было когда-нибудь такое храброе войско, которое, потерпев поражение, не обратилось бы в бегство? Мы знаем по опыту, что варварские народы, неистовые по натуре и неукротимые, пока побеждают, после поражения делаются безрассудными и слабыми. Какая польза была бы Христу от смерти бедного отшельника? Тот, кто не сумел покориться превратностям жизни и судьбы, разве должен умереть? Ну, что ж, пусть жестоким мужам примером будет этот наместник Христа, который клялся бесстрашно принять смерть, но вскоре в ту же самую ночь, застигнутый служанкой, отрекся от Христа. И все-таки у него не отняли ключи от царства небесного.

Лука. Ты должен, во всяком случае, в сердце почитать Христа, спасителя твоего.

Отшельник. О, если бы открылись тайны человеческого сердца; сколько людей оказались бы честными, которые считаются преступными. Клянусь этими божественными источниками, этими священными деревьями, этой сосной, этим платаном, этим кипарисом, что в этом деле я был выше всех. Один я любил Христа только потому, что он достоин любви; почитал, потому что он достоин почитания; я боялся его, потому что его нужно бояться, а не из страха перед загробной карой, не из-за каких-то наград, а лишь потому, что того требует порядок мироздания. Ведь те, низшие, должны повиноваться этим, должны почитать богов. Сама природа и древность научила тому, что отрицать богов, пренебрегать благочестием, презирать установления древних, чтобы казаться выше других,—это нечестиво и низко. Добропорядочному человеку надлежит не презирать и не менять три вещи: закон, царя, жену. Те, которые поступали иначе, приходили к плохому концу.

Лука. Говоришь-то ты правильно. Но кто может засвидетельствовать, что у тебя на уме?

Отшельник. Сам бог.

Лука. Бог слышит, видит, чувствует все, но ничего не говорит.

Отшельник. Тогда я приведу в свидетели людей, отшельников, которых я посещал; я всегда проповедовал им о нравах сарацин, о благодати Христа, о том, какие он принес нам милости; я возвещал пришествие Спасителя во славе; я ждал дня суда; каждый день казалось мне, что я слышу зов трубы: «Восстаньте, мертвые!»

Лука. Если все это правда...

Отшельник. Как долго ты еще будешь дразнить меня словами и своим недоверием, глупый человек? А ведь ты, когда увидел Христа мертвым, увидел такое быстрое крушение великих дел, ты отчаялся, ты тотчас бежал в Эммаус⁶⁴ и по дороге произносил слова сомнения, нечестивые слова. Господь посмеялся над твоим неверием и вернул тебя в веру переломлением хлеба, чего не мог сделать свидетельством писания.

Лука. Человека, познавшего философию, медицину и историю, не так легко в чем-нибудь убедить, как простолудина⁶⁵.

Отшельник. Так вот какая ваша мудрость — отрицать то, что все признают, думать не так, как все другие смертные, верить в преломление хлеба, пренебрегать священным писанием! Разве это не есть крайняя гордость или безумие — не верить святым мужам, пророкам, мученикам и мудрейшим учителям святой церкви?

Лука. Мы не допускаем ничего без точного обоснования.

Отшельник. А в философии сколько есть неточного и сомнительного.

Лука. Нет, этого вовсе нет.

Отшельник. Если угодно, я скажу, что там все неточно. Почти все частные вопросы сомнительны и толкуются как в одну, так и в другую сторону. К примеру, имеется ли на границе вселенной некая сфера, являющаяся материей неба или субстанцией или чем-то под каким-то другим названием (философы ведь не очень-то заботятся о названиях); существуют ли эксцентрики и эпициклы; вечен ли мир; бесконечны ли миры (были ведь такие, которые считали, что миры бесконечны в бесконечной пустоте); каковы формы элементов, сколько их и как они приходят в соединение; каким образом происходит зарождение, разрушение, разрастание, изменение; движется ли что-нибудь (были ведь некоторые философы и даже многие, и довольно известные, которые отрицали такую очевидную вещь, как движение); все ли едино, есть ли пустота, есть ли бесконечность; что такое душа, бессмертна ли она, каковы ее силы и способности; где начало ощущений; имеется ли в каждом теле своя душа, или у всех людей одна общая (ведь и эта нечестивая, непонятная, фантастическая теория имеет своих создателей и своих защитников). Конечно, нет ничего столь невероятного и трудного, что на словах не стало бы возможным; нет ничего яснее света, но и о нем имеются разные мнения! Как ни удивительно, но мы даже ощущениям своим не доверяем; мы сомневаемся в том, как мы видим, как слышим, как обоняем, как чувствуем вкус, как осязаем; в том, каковы орудия ощущений, каковы их объекты и как передаются нашим ощущениям образы этих объектов, как они существуют в среде. Повсюду высказывают самые разные и противоположные мнения, притом с обеих сторон выступают та-

кие славные мужи, что ты не знаешь, кого же тебе одобрять и кого осуждать. Кроме этих, есть еще бесконечное множество других частных вопросов, но я уж о них не говорю, если мы сомневаемся даже в первоосновах, в том, что яснее ясного. Одни называют основой основ огонь, другие — воду, иные — бесконечность, атомы и так называемые четыре элемента и вражду, и дружбу, и подобие, и всякое другое. А другие еще говорят, что ничего нет истинного, а если оно и есть, то нам оно не видно. Некоторые отвергают критерий ощущений; некий весьма авторитетный муж сказал, что снег черный и что Луна — это земля с множеством городов; другой — имя его вышибло у меня из памяти отшельничество в пустыне — полагал, что Земля движется, а небо неподвижно⁶⁶; третий, что звезды — это животные, которые питаются влагой земли⁶⁷. Все недостоверно, достоверно лишь то, что нет ничего достоверного. Единственная спасительная пристань, единственная правильная мудрость — это евангелие Христово. Поэтому некоторые весьма известные философы обратили все свое старание на моральную философию, которая учит людей хорошей и блаженной жизни; и отказались от бесполезных обсуждений вещей небесных и природных, которые находятся в постоянном течении.

Лука. Слова твои, добрый человек, кажутся мне настолько соответствующими разуму, что я не посмел бы на них возражать, хотя они и расходятся с общепринятым мнением. Однако, в священном нашем богословии бывают диспуты очень тонкие.

Отшельник. О, почтенный Христов евангелист! О, честный человек, если бы только я мог говорить с тобой без свидетелей!⁶⁸

Лука. Но разве и в теологии бывают такого рода бредни?

Отшельник. Не осмеливаюсь сказать.

Лука. Говори прямо! Богу милее всего сущая правда. Ведь сам он — истина и начало всех истин.

Отшельник. Есть бредни еще похлеще.

Лука. Какие же?

Отшельник. Это спрашиваешь меня ты, написавший житие Христа и деяния апостолов?

Лука. Разве есть там что-нибудь, что режет твой слух?

Отшельник. Нет, ничего, клянусь этими блаженными полями, этим чистым и ясным небом.

Лука. Все же, какие эти бредни?

Отшельник. Я скажу, Вы были первыми, вы передали нам веру, чистую и простую. Последователи ваши, чтобы казаться умнее, испортили ее, пытаясь доказать то, что недоказуемо. Они искали смысла в том, в чем смысла нет, в том, что выше нашего разума, что поистине свидетельствует об отсутствии разума. Но ведь в богословии разумнее всего не вносить другого разумения, кроме воли божьей и авторитета святых мужей, не знать больше, чем это нужно для хорошей и блаженной жизни. Вот истинная, вот христианская философия — безмятежность тех прославленных душ, которые, презрев человеческие дела, презрев суету, богатства, наслаждения, кровью своею создали для нас это отечество. А спрашивать, каким образом что-то возникает из ничего, в чем состоят тайны евхаристии или Троицы, как одно человеческое тело прошло через закрытые двери, что такое проникновение измерений; как может одно и то же тело быть в разных местах; как происходит невообразимое воскрешение умерших; почему бог принял человеческую природу — все это не доступно нашей науке и означает только испытание бога.

Лука. Неужели у христиан столько досуга, чтобы размышлять над вещами, от которых — никакой пользы делу? Довольствовались бы Ветхим заветом и евангелиями.

Отшельник. К этому приводит безделье и чужой хлеб, полученный в подаяние, не заработанный трудом.

Лука. А в других науках в нынешнее время тоже такие напасти?

Отшельник. Еще пострашнее. Ты вот медик, есть ли что-нибудь точное в твоём искусстве? О каком-нибудь маленьком прыще есть столько разных и противоречивых мнений медиков, что бывает куда лучше предоставить человека милости природы, чем сомнительному и нетвердому искусству и спорным мнениям медиков. Каждого уносит куда-то его собственное вдохновение. Все почитают за высшую мудрость, как сказал Гален, царь медиков⁶⁹, забраться на высокую кафедру, чтобы быть заметным. Никто в наше время не служит истине и пользе человека. Все гоняются только за прибылью и славой.

Никто не соглашается с мнением другого. Плодотворнейшее искусство из-за нечестности его служителей стало вызывать отвращение. Раньше его считали божественным, а теперь считают самым лживым из всех искусств. А законы, которые были когда-то святыми? Разве они не стали теперь убежищем для разбойников, ловушкой для бедняков, унижением и обманом человеческих душ? Жизнь адвокатов — это сущий театр. Иные из них то Дава изображают, то Памфила⁷⁰, защищают то ту, то эту сторону, то вопят, то раскаляются, то смеются, то играют, то бросаются в драку. А в книгах столько показного, столько всяких толкований и споров о каплях воды и о самых незначительных вещах, что порой даже в самом малом и важном деле невозможно узнать, где правда. Законы ведь дело рук человека, создание его разума, они были ясны и понятны даже простому народу, а теперь излишняя мудрость комментаторов так их замутила, что нет ничего в жизни более туманного и непонятного. Меня они — поверь мне, евангелист божий — так запутали, что я удалился в пустыню, пожалуй, не столько из-за испорченных нравов людей, сколько из-за разных мнений и споров по любому поводу и из-за лживых наук.

Лука. Мне кажется, ты прав и судишь обо всем без пристрастия. Поэтому не за что изгонять тебя из сонма блаженных. Этот старик несговорчив и делает все, как ему заблагорассудится. Никто не дал ему такой власти, чтобы он делал все по-своему и не признавал старших. Я попрошу за тебя мать истины, которая открыла смертным врата рая. Она защитит тебя, она часто внемлет моим мольбам и просьбам.

Отшельник. Но вот идет второй евангелист. Да будут ко мне сегодня милостивы боги! Бедный я, бедный. Доколе же вы будете меня мучить? Я ведь, несчастный, когда вырвался из телесной тюрьмы, думал, что больше никаких бедствий терпеть не буду, что у этого-то судьи все должно быть спокойно. Оказывается, везде притеснения. А ты, евангелист, за что меня преследуешь?

Матфей.⁷¹ За то, что ты дурной человек.

Отшельник. А если это не так?

Матфей. Тогда за то, что тебя называли дурным человеком.

Отшельник. А если несправедливо?

М а т ф е й. Кто в этом разберется? Дурным считают того, кого когда-то обвинили справедливо или ложно; дурным считают того, кого когда-то назвали преступником. А где правда, узнать нелегко. Сколько есть тут святых, которые попали на небо только благодаря влиятельным друзьям? А сколько в преисподнюю отправилось таких, которые занимали бы здесь первые места, если бы только нашлись у них добрые друзья и покровители?

Отшельник. Боюсь, что правду сказал Демокрит: ⁷² «Всем управляет случай»; и что, как бы это ни было несправедливо, когда нет свидетелей, всегда верят обвинителю.

М а т ф е й. Да, ему верят, если он прославленный человек.

Отшельник. И без свидетелей? —

М а т ф е й. Глупый ты, у влиятельного человека не будет недостатка в свидетелях. Разве ты не слышал от меня, что многие лжесвидетельствовали против Иисуса? Если это делалось на зеленом древе, то что может быть на сухом?

Отшельник. Но ведь это только подозрение, а не грех.

М а т ф е й. Житель этих мест должен быть свободен не только от греха, но и от подозрения.

Отшельник. А если я тебя обвиню? Разве за тобой нет никакого греха?

М а т ф е й. Ты дерзаешь сравнивать себя со мною?

Отшельник. А почему бы и нет?

М а т ф е й. Потому что я — евангелист Христа и все, что я говорю, есть священное евангелье. Все, что я делал и делаю, праведно.

Отшельник. Вот что значит быть влиятельным лицом ⁷³...

Ф о м а. ⁷⁴ Друг мой, истина людям всегда горька и ненавистна смертным. Ты человек чистосердечный и прямой в душе и в речах своих. Но если ты не умеешь крикнуть душой, то научись хотя бы молчать, а не то заплачешься. Все эти небожители очень обидчивы. Ты сказал правду и этим навлек на себя две беды: нажил себе злейших врагов и прослыл лживым человеком. Разве кто поверит тебе, когда ты говоришь против таких знатных особ? А если кто и поверит, то виду не покажет, и будет

считать, что ты хотя и говоришь правду, но говоришь нехорошо.

Отшельник. Другим-то мы часто даем хорошие советы, а сами себе редко. Ведь ты, дорогой мой Фома, плохо посоветовал сам себе, когда ты стал угрожать тому тирану, что скажешь всю правду, а он потом тебя ядом отравил. Разве можно скрыть правду, за которую принял смерть Христос, господь наш, и столько мучеников, столько философов!

Фома. Если ты не можешь пересилить свою натуру, если не хочешь заискивать, если не умеешь льстить и притворяться, тогда молись деве Марии⁷⁵, она — сама истина, она родила истину миру. Она всемогуща, она милостива, она освободит тебя от всех несчастий и клеветы.

Отшельник. Уже вечереет. О, царица этого царства, о госпожа, помоги утомленному. Уже вечереет. Я, старец, молю тебя о помощи. Вразуми нас в делах наших, чтобы злые люди нас не одолели.

Мария. Я иду и все улажу.

Отшельник. Здравствуй, царица, здравствуй, владычица этого царства, здравствуй, честность, здравствуй, доблесть, здравствуй, справедливость, здравствуй, целомудрие, здравствуй украшение того и этого света, здравствуй, слава земли и неба, здравствуй, истинная мудрость, возникшая и созданная еще до сотворения мира, рожденная из добродетели бога. О, истинная добродетель, о истинная богиня, еще не познанная людьми, лишь тот это понимает, кто любит тебя, мудрейшая дева. Лишь тот блажен, кто знает тебя, лишь тот счастлив, кто пленен ликом твоим, кто пылает любовью к тебе. Как мил ушам моим голос твой, как сладостен и приятен взор очей твоих. Лик твой исполнен чистоты и прелести, и нет в природной красоте твоей ничего искусственного и поддельного. Томится душа моя, когда я чувствую близость твою, тает сердце мое, когда я думаю о тебе, туманятся глаза мои, когда я вижу сияние твое; к тебе, о дева, я томлюсь любовью. Здравствуй, дева, здравствуй, мать, здравствуй, родительница родителя всех вещей, здравствуй, благодатная мать мудрости. Ты есть та золотая цепь, которая прочными узами связала небо и землю, бога и людей. Солнце — одежда твоя, Луна — скамейка у ног твоих, небо — трон твой, весь мир, и если есть что за пределами его, у тебя в услужении. Здравствуй, дева

неродившая, здравствуй, дева-родительница, здравствуй, мать всех добродетелей, мать милосердия, примирившая с нами бога. Здравствуй, нежная мать, правительница наша, предводительница жизни, спутница смерти. Не оставь меня в такой беде. Вот этот враг подстерегает меня. Холодеет сердце мое, дрожит дряхлое тело мое, когда я слышу его голос. Если ты оставишь меня, куда я пойду, несчастный? В чем только я не погрешил, чего не сотворил несчастный? В чем не признаюсь тебе? Бедный я! Признаю себя худшим из людей, виновником всех зол, когда вижу тебя, чистая дева, святая дева, никаких зол не ведающая, всех благ источник; я знаю, огромны грехи мои, но еще больше милосердие твое, о, богиня, о чистейшая мать божья, о, дочь сына своего, о, родительница отца своего, о, милосердная, о благодатная мать, молю тебя девственностью твоей и этими сосцами, вскормившими бога, и этой грудью, и этими руками, которыми ты бога взлелеяла, молю тебя, умилоствивь сына твоего, чтобы не пожалели для меня кусочек земли в раю. Для тебя, дева, я оставил самого себя и все добро, для тебя жил в бедности, о, истинная добродетель, для тебя возлюбил уединение, ушел в пустыню, чтобы любоваться ликом твоим. Я презрел и почести и богатства, и злобную толпу, и безумные человеческие суждения. Услышь голос молитвы моей, милостивая дева. Слезы заливают лицо мое; коленапреклоненный, я падаю на землю и целую следы твои. Ты, почтенная госпожа, ты, благочестивая мать, внемли мольбе моей и проси за меня Христа.

О, радость, добрейшая госпожа кивнула мне головой! Я ваш пражданин! Примите меня милостиво и благосклонно, боги и богини! ⁷⁶



ПРИЛОЖЕНИЕ

**«ДАРСТВЕННАЯ ГРАМОТА КОНСТАНТИНА»,
КАК ОНА ДАНА В ДЕКРЕТЕ ГРАЦИАНА.
СОГЛАСОВАННЫЙ СВОД
ПРОТИВОРЕЧАЩИХ ДРУГ ДРУГУ КАНОНОВ ¹**

Часть первая. Раздел XCVI

П а л е я ²

Глава XIII о том же

Император Константин даровал апостольскому [престолу] корону и всю царскую власть в городе Риме и в Италии и в западных областях. Ибо в «Деяниях блаженного Сильвестра» (относительно которых блаженный папа Геласий сообщает в «Собрании семидесяти епископов», что они читаются правоверными и что в соответствии со старинным обычаем этому подражают многие церкви) можно прочесть следующее:

П а л е я

Глава XIV о том же

Император Константин на четвертый день после своего крещения даровал привилегию первосвященнику Римской церкви, состоящую в том, чтобы во всем римском мире священники признавали его своим главою так же, как судьи признают своим главою царя. В этой дарственной грамоте среди прочего можно прочесть:

Мы вместе со всеми нашими сатрапами, со всем сенатом и с моими оптиматами, а также со всем народом, подчиненным власти славы римской, решили следующее. Поскольку блаженный Петр поставлен заместителем сына бога на земле, то пусть и понтифики, которые замещают самого главу апостолов, получают от нас и от нашей империи уступленной верховную власть еще большую, чем та, которую имеет милость нашей земной император-

ской светлости. Мы выбирали себе самого главу апостолов или его заместителей, чтобы были они надежными защитниками перед богом. И так же, как нашу земную императорскую власть, мы решили почтительно возвеличить его святую Римскую церковь и выше, чем нашу империю и земной трон, славно вознести святейший престол блаженного Петра, даруя ему силу и славу, и достоинство, и мощь, и почет императорский. И решая, мы санкционируем, чтобы ему принадлежало верховенство как над четырьмя главнейшими престолами: Александрийским, Антиохийским, Иерусалимским, Константинопольским, так и над всеми церквами божьими во всем круге земель. Папа, который когда-либо будет стоять во главе святой Римской церкви, пусть стоит выше всех священников и пусть будет главою всем священникам всего мира, и пусть его решением определяется все то, что относится к почитанию бога и к заботе об укреплении христианской веры. И ниже, § 1. Церквам блаженных апостолов Петра и Павла, дабы светильники их всегда были наполнены, мы передали земли владений и одарили их различными вещами. И нашим императорским священным повелением мы отдали им в нашей щедрости владения как на востоке, так и на западе, а также на севере и на юге, а именно в Иудее, в Греции, в Азии, во Фракии, в Африке и в Италии и на различных островах. Мы передали эти владения с тем условием, чтобы все они находились под управлением блаженнейшего отца нашего Сильвестра, верховного первосвященника, и его преемников. И ниже, § 2. Блаженному Сильвестру, отцу нашему, верховному первосвященнику и вселенскому папе города Рима, и всем его преемникам — первосвященникам, которые вплоть до конца мира будут восседать на престоле блаженного Петра, мы отныне передаем наш императорский Латеранский дворец, затем диадему, то есть корону с нашей головы, и вместе с ней тиару, а также наплечную повязку, то есть ленту, которая обычно надевается вокруг шеи императора, мы передаем также хламиду пурпурную, тунику багряную и все императорские одеяния, а также символы достоинства начальника императорских всадников. Мы дарственно отдаем ему императорские скипетры и вместе с этим все знаки и знамена и различные украшения императорские, и всю пышность императорского величия, и всю славу власти нашей.

§ 3. Мы также постановляем, чтобы почтеннейшие мужи и монахи, принадлежащие к различнейшим орденам святой Римской церкви, были наделены тем величием особой власти и превосходства, славою которых кажется украшенным сиятельный наш сенат, то есть, чтобы они становились патрициями и консулами. Мы объявили также, чтобы они украшались и прочими императорскими отличиями. И мы решили, чтобы так же, как украшено императорское воинство, был украшен и клир святой Римской церкви. И подобно тому, как императорской власти предоставлены различные службы, а именно спальники, привратники и всяческие хранители ложа, точно так же мы хотим украсить святую Римскую церковь. И дабы первосвященническая слава воссияла как можно ярче, мы решили, чтобы кони клириков святой Римской церкви были украшены седлами и попонами, то есть ярчайшей белизною, и чтобы клирики так на них и восседали. И мы решили, чтобы клирики, подобно нашим сенаторам, пользовались обувью с удодами, то есть украшенной белым полотном. Пусть же небесное, подобно земному, будет украшено во славу бога!

§ 4. Прежде всего мы предоставляем нашим указом самому святейшему отцу нашему Сильвестру и его преемникам право собственным решением назначать священником и причислять к благочестивому числу клириков того человека, кого он пожелает по своему указанию. И пусть никто другой не дерзает поступать своевольно.

§ 5. Решили мы также и то, что сам он и преемники его должны пользоваться диадемой, то есть короной из чистейшего золота и драгоценных камней, которую мы пожаловали ему с нашей головы, и носить ее на голове во славу бога, в честь блаженного Петра. Но поскольку сам блаженнейший папа не захотел, чтобы эта корона из золота была возложена поверх священнической короны, которую он носит во славу блаженного Петра, тиару, ослепительным блеском сияющую, воскресение господина означающую, возложили мы руками нашими на его священнейшую голову, и в знак нашего благоговения перед блаженным Петром мы держали удила коня, исполняя для него службу конюха. И мы постановили, дабы все его преемники в знак особого отличия во время процессий носили эту же тиару в подражание власти нашей.

§ 6. Поэтому, чтобы величие понтификата не было

униженно, но чтобы более, чем достоинство земной власти, было оно украшено славой и силой, мы передаем и оставляем вышеупомянутому блаженнейшему понтифику нашему, вселенскому папе Сильвестру наш дворец, как сказано выше, и город Рим, а также все провинции, местности, города Италии и западных областей. Этим божественным и высочайшим нашим решением мы постановили, чтобы он и его преемники распоряжались этими владениями и чтобы владения эти оставались подвластны закону святой Римской церкви.

§ 7. Поэтому мы сочли уместным перенести нашу империю и царскую власть к восточным областям и в наилучшем месте Византийской провинции построить государство нашего имени и там основать нашу империю, ибо где первый из священников и глава христианской религии поставлен императором небесным, там не подобает иметь власть императору земному.

§ 8. Мы постановили, чтобы все, что мы устанавливаем и утверждаем этой нашей императорской священной грамотой и другими божественными повелениями, оставалось нерушимым и незыблемым вплоть до конца мира. Поэтому перед богом живым, который велел нам царствовать, и перед страшным его судом мы заклинаем этим нашим императорским постановлением всех императоров — наших преемников, всех оптиматов, сатрапов, а также славнейший сенат и весь народ во всем мире, который подчинен сейчас и который в будущем во все времена будет подчинен нашей власти, чтобы никто из них никоим образом не дерзнул посягнуть на это или в чем-либо повредить этому. И если (во что мы не верим) появится такой человек, который осмелится осквернить это или пренебречь этим, то пусть он будет проклят вечными проклятиями, пусть он и в здешней и в будущей жизни чувствует, сколь враждебны ему святые бога, первые из апостолов — Петр и Павел, и пусть он погибнет, сожженный в адской преисподней вместе с дьяволом и всеми нечестивцами. Скрепив собственными руками страницу нашего императорского постановления, мы возложили ее над досточтимым телом блаженного Петра, главы апостолов.

Дано в Риме за три дня до апрельских календ в четвертое консульство господина нашего Флавия Константина Августа и в консульство Галликана, мужа славнейшего.

**Леонардо Бруни.
Против лицемеров**

¹ Работа многократно издавалась в XVI в. и позже, но нового, критического издания ее до настоящего времени нет.

Перевод этого трактата («Leonardi Aretini oratoris clarissimi adversus Hypocritas libellus») сделан для настоящего издания по сб. «Fasciculus rerum expetendarum ac fugiendarum...», 1535, лл. CIV—CVI, подготовленному известным германским гуманистом Ортуином Грацием.

² Упоминаемые факты из биографии Бруни неизвестны.

³ Не ясно, кто имеется в виду.

⁴ Имеется в виду древнеримский поэт Квинт Гораций Флакк (65 г. до н. э. — 8 г. н. э.), известный Данте, любимый поэт Петрарки. Он вошел в число классических авторов, широко используемых гуманистами. В данном месте цитируются «Послания» («Epistolae»), кн. 1, 16.

⁵ «Огромные капюшоны» — в подлиннике: «capitis tegmina», собственно, — «головные уборы».

⁶ «Ряса» — в подлиннике: «repuia».

⁷ От Матфея, XXIII, 27.

⁸ Имеются в виду «Законы двенадцати таблиц» («Leges XII tabularum») — первый древнеримский законодательный кодекс, созданный в середине V в. до н. э. в период борьбы патрициев и плебеев.

⁹ Вера в «страшный суд», ожидающий человека после смерти, является одной из основ христианского вероучения, на которой построен и сам институт монашества.

**Поджо Браччолини.
Против лицемеров**

¹ Диалог «Против лицемеров», написанный в 1449 г., издавался неоднократно в XVI и XVII вв. Последнее издание итальянского перевода его, снабженного латинским подлинником и немногочисленными примечаниями, выпущено в 1946 г. Джулио Валлезе; Poggio Bracciolini. Contro l'ipocrisia (I frati ipocriti) a cura di Giulio Valesse. Napoli, 1946. Перевод диалога в настоящем сборнике

* Примечания составлены М. А. Гуковским.

сделан по указанному изданию, кроме того, использованы примечания его, а также материал исследований, и в первую очередь монографии E. W a l s e r. Poggius Florentinus. Leipzig, Berlin, 1914.

² Франциск Аретинский — известный юрист Франческо Аккольти (1416—1484), близкий к гуманистическим кругам. Ему адресовано несколько писем Поджо.

³ Имеется в виду сочинение Поджо «Об Алчности» («De Avaritia»), написанное в 1429 г.

⁴ Эрманфский кабан, обладавший чудовищной силой, которого преодолел герой греческой мифологии Геракл.

⁵ Карл Аретинский — Карло Марсупини (1399—1453), один из крупнейших гуманистов Флоренции, друг Поджо и его предшественник на посту канцлера Флоренции.

⁶ В 1449 г., когда был написан диалог «Против лицемеров», Поджо жил в Риме и пользовался покровительством папы-гуманиста Николая V (1447—1455). Частые эпидемии, свирепствовавшие в это время в столице католицизма, а также, по-видимому, все растущее желание вернуться во Флоренцию, заставляли его нередко посещать этот, ставший ему родным, город, особенно тогда, когда он проводил время в своей усадьбе в Террануово, недалеко от Флоренции местечке, в котором он родился. К одному из таких посещений Флоренции и относит Поджо действие диалога.

⁷ «Полития» древнегреческого философа-идеалиста Платона (429—348 гг. до н. э.) была известна гуманистам раньше других его произведений. Уже в первые годы XV в. греческий ученый Эммануил Хризолор начал ее перевод, который затем был продолжен и повторен рядом гуманистов.

⁸ Папа Николай V — в миру — гуманист и педагог Томмазо Парентучелли, находился на папском престоле с 1447 по 1455 г., был покровителем гуманистов, в том числе Поджо.

⁹ Папа Евгений IV (1431—1447) — в миру Габриеле Кондульмер. В течение своего бурного понтификата он долгое время прожил во Флоренции, где сблизился со многими из гуманистов; Поджо противопоставляет его правление, при котором процветали монахи, особенно францисканцы, правлению папы-гуманиста Николая V.

¹⁰ Под «лицемерами» Поджо здесь и в других местах подразумевает монахов, игравших весьма большую роль при дворе бывшего до вступления на папский престол монахом-аскетом папы Евгения IV.

¹¹ Имеются в виду некоторые монахи, примкнувшие к гуманистическому движению и ставшие активными его защитниками, вроде монаха и видного флорентинского гуманиста, друга Поджо — Амброджо Траверсари (1386—1439). См. стр. 344. прим. 68.

¹² Имеется, по-видимому, в виду мнение папы-гуманиста Николая V.

¹³ Распространенная в течение всего позднего средневековья профессия шарлатанов, продававших на ярмарках и дорогах свои, иногда самые фантастические, лекарства. Гуманисты постоянно насмехались над ними.

¹⁴ Теренций — Публий Теренций Афер (193—154 гг. до н. э.), римский писатель, автор шести комедий. Он пользовался уважением среди гуманистов, многие из которых, — например, Л. Б. Альберти и Эней Сильвио Пикколомини — писали комедии в подража-

ние его произведениям. В данном случае имеются в виду слова из его комедии «Андрия» (акт I, сц. III, стих 189), намекающие на резкое улучшение положения гуманистов в Риме после вступления на папский престол в 1447 г. Николая V. Поджо хорошо знал комедии Теренция и имел их в своей библиотеке.

¹⁵ Очевидно, имеются в виду монахи, занимающиеся продажей отпущений грехов, так называемых индульгенций.

¹⁶ От Матфея, VI, 16.

¹⁷ От Матфея, VII, 15.

¹⁸ Римский государственный деятель, оратор, писатель и философ Марк Туллий Цицерон (106—43 г. до н. э.) был, пожалуй, самым любимым гуманистами — во всяком случае, более ранними из них — из авторов и исторических фигур древнего Рима, да и в позднем средневековьи был хорошо известен. См. P. O. Kristeller. *The classics and Renaissance thought*. Cambridge, Mass., 1955, стр. 18—19, где указана обширная более старая литература, из которой на первое место следует поставить монографию R. Sabbadini. *Storia del Ciceronianismo*. Torino, 1895.

Гуманисты старались подражать как республиканской доблести Цицерона, так и его чистому, ясному и выразительному латинскому языку и стилю.

В данном случае Поджо имеет в виду сочинение Цицерона «Об обязанностях» («*De officiis*»), I, 13.

¹⁹ Об этом говорится там же в ряде мест.

²⁰ Римский писатель и философ-стоик Луций Анней Сенека (3 г. до н. э.—65 г. н. э.) принадлежал вместе с Цицероном к числу излюбленнейших гуманистами авторов. Цитируются его «Моральные письма к Луцилию» («*Epistolae Morales*»), I, 5.

²¹ Иероним Аретинский — Джироламо Алиотти, аббат монастыря св. Флоры и св. Луциллы в Ареццо, знакомый и корреспондент Поджо.

²² Приводится часто цитировавшееся гуманистами место из комедии «Андрия», I, 1, 41.

²³ Приводимое Поджо толкование слова «*huroscrita*», не претендующее на характерное для средневековья этимологическое объяснение, является типичным для гуманизма. Средневековый итальянский комментатор Угуччоне да Пиза (XIII в.) считал, что слово «*huroscrita*» происходит от греческого «*урег*», т. е. «над» и «*crisis*», т. е. «золото», и полагал, что оно обозначало первоначально «позолоченный»; это фантастическое толкование принимал и Данте.

²⁴ Римский государственный деятель и историк Гай Саллустий Крисп (86—35 г. до н. э.), ценимый гуманистами особенно за стиль своих сочинений. Здесь имеется в виду его «Заговор Катилины» («*De Catilinae Conjuracione*»), X, 15.

²⁵ Нума Помпилий — полулегендарный второй царь древнего Рима (VIII—VII вв. до н. э.).

²⁶ Эгерия — нимфа. По преданию, жена Нумы Помпилия, дававшая ему советы в его государственной деятельности.

²⁷ Наемники (в подлиннике: «*mercenarii*») — имеются, несомненно, в виду в первую очередь наемные военачальники — кондотьеры, против которых, как против бича Италии XIV—XV вв., нередко выступали гуманисты.

²⁸ Гуманистам и вообще людям итальянского Возрождения было свойственно отмечать противоречивость человеческой природы,

наличие недостатков даже у самых добродетельных людей, в противоположность людям феодального мира, резко разделявших людей на «праведников» и «грешников».

²⁹ Имеются в виду духовные проповедники, являвшиеся конкурентами гуманистов при папском дворе и потому вызывавшие ненависть Поджо.

³⁰ Кого здесь имеет в виду Поджо, неизвестно.

³¹ Определить имена их не удалось.

³² В данном месте, как и в некоторых других, Поджо, создавая рассказ явно новеллистического характера, близкий к новеллам «Фациций», лишает его точной хронологической и персональной локализации.

³³ Папа Иоанн XXIII — в миру Балдассаре Косса — находился на папском престоле с 1410 г.; в 1415 г. был смещен Констанцским собором. До избрания на папский престол длительное время был папским легатом, т. е. в данном случае управителем в Болонье, где вел себя как жестокий и развратный тиран. В списке пап числится «антипапой».

³⁴ Новелла, так же как упомянутые выше, основана на реальных фактах.

³⁵ Ввиду того, что в данном месте не цитируется, а пересказывается сочинение «Об обязанностях» Цицерона, найти соответствующее место затруднительно.

³⁶ Епископ Болоньи, затем кардинал Санта Кроче Никколо Албергати был другом и покровителем Поджо и Томмазо Парентучелли, будущего папы Николая V, который служил у него домашним учителем в течение 20 лет. Поджо выводит его в диалоге как один из редких примеров добродетельных духовных лиц.

³⁷ В данном случае мнение Платона, неоднократно им высказывавшееся, приводится Поджо скорее для демонстрации своих знаний греческих писателей, чем по существу.

³⁸ Имеется в виду, по-видимому, не папа Николай V, который (стр. 91) назван «нашим Николаем», а Никколо Никколи (1365—1437) — один из виднейших гуманистов Флоренции и друг Поджо, собиратель рукописей античных авторов и меценат. См. A. Dini. A. Traversari e i suoi tempi. Firenze, 1912.

³⁹ Далее следует пересказ определенных качеств монахов-лицемеров, данных Леонардо Бруни (см. стр. 48—50).

⁴⁰ Феникс — волшебная птица в древнеегипетской мифологии. Чувствуя приближение смерти, она будто бы ложилась в гнездо, сделанное из сухих ароматических трав, загорающихся от солнечных лучей, сгорала и снова возрождалась из пепла. Символ бессмертия и возрождения.

⁴¹ Имеется в виду папа Мартин V (1417—1431) — в миру Оддо Колонна. Враг и жестокий гонитель гуситского движения.

⁴² Протей — по греческой мифологии, морской бог, сын Нептуна, пасший морские стада своего отца. Он был наделен даром познания будущего, но имел право рассказывать о нем только тому, кто принуждал его к этому силой. Для того чтобы избежать этого, он мог по своему желанию изменять свой внешний вид. В античной философии Протей нередко считался символом природы, у которой можно извлечь ее тайны только силой.

⁴³ Первое послание к коринфянам, III, 6.

⁴⁴ Лукиан — греческий писатель (120—200). Его сатирические

диалоги были почти полностью переведены на латинский язык гуманистами и введены в широкий обиход. Поджо сам перевел два его произведения.

⁴⁵ Эта резкая отповедь монахов напоминает письмо Поджо к Альберто да Сартеано, в котором говорится: «Эти отвратительные и надоедливые неучи, которые торчат на сборищах, спуют у мельниц и во дворцах, на рыбной ловле и на оливковом поле, нахально требуют денег на расходы и хватают прохожих за полы». См. E. Walseg. Указ. соч., стр. 118—119.

⁴⁶ См. стр. 341, прим. 32.

⁴⁷ См. стр. 341, прим. 36.

⁴⁸ Антоний Фаненский (или из Фано) — один из участников многочисленных посольств короля неаполитанского Альфонса Арагонского (см. стр. 343, прим. 62) к папе Евгению IV.

⁴⁹ Таинство евхаристии, или причастия, — основное таинство христианской, и в частности католической, церкви — состоит в съедении в ходе специального богослужения освященной мучной облатки, символизирующей тело Христа, и одного глотка освященного вина, символизирующего кровь Христа. Последнее католическая церковь разрешает только духовным лицам.

⁵⁰ Гостия — в католической церкви освященная мучная облатка, в православной — освященная булочка-просфора, съедаемая верующим во время таинства евхаристии.

⁵¹ Имеется в виду ответвление ордена францисканцев, так называемые обсерванты, хваставшиеся своим мистицизмом и строгим благочестием и потому особенно ненавистные гуманистам. Поджо вел с их представителями, в частности с Альберто да Сартеано, ожесточенную полемику (см. E. Walseg. Указ. соч., стр. 111—122).

⁵² Впоследствии — епископ Тревизо, как явствует из текста, — один из вождей обсервантов.

⁵³ Игра слов — «окружать себя помпой» (*tanta pompa*) и «Помпоний» (*Pomponius*), — возможно, намек на римского гуманиста Юлия Помпонию Лето (1428—1498), во время написания диалога только что появившегося в Риме и известного своей крайней скромностью.

⁵⁴ Иоанн Доминичи — Джованни Доминичи (1357—1419), доминиканец, проповедник и церковный ученый, мракобес, противник гуманизма и гуманистов, против которых он написал полемический трактат «Светляк в ночи» (*«Lucula Noctis»*, 1405). Гуманисты, и в частности Поджо, отвечали ему вполне заслуженной ненавистью и, где возможно, старались опровергнуть его реакционную болтовню и показать его истинную лицемерную сущность. В конце жизни — кардинал, враг и каратель гуситов; после смерти он был провозглашен католической церковью «блаженным». В данном месте диалога Поджо нарочно дает ему явно преувеличенную положительную характеристику вначале, чтобы ярче выступило его моральное падение после приезда в Рим. О Доминичи см.: A. Roesler. *Kardinal I. Dominicus* (1357—1419). Freiburg in Breisgau, 1897; G. Bonacchi. *Nel secolo dell'Umanesimo. Contrasti letterari*. Pistoia, 1933; Y. Gotthein. *Francisco Barbaro*. Berlin, 1932.

⁵⁵ Первое мая — Календимаджо (*Calendimaggio*) со времен раннего средневековья — народный праздник в Италии, в течение которого устраивались хороводы вокруг молодых зеленых деревьев, пелись специальные песни, так и называвшиеся «Календимаджо»,

на улицах и дорогах играли в разные игры. Поджо вряд ли был противником этих развлечений, хвалит же Доминичи за борьбу с ними скорее всего иронически.

⁵⁶ Папа Григорий XII — в миру Анжело Коррер — один из пап времени «Великого раскола» (см. прим. 57), находился на папском престоле с 1405 по 1417 г. При вступлении на престол поклялся отречься от него, как только отречется его соперник, папа Бенедикт XIII, но, как утверждали, по совету Доминичи, не сдержал своей клятвы.

⁵⁷ Раскол церкви — так называемый Великий раскол, или Великая схизма 1378—1417 гг. (по мнению некоторых историков, 1378—1449), — время, когда одновременно существовало два папы: один в Авиньоне, другой — в Риме, а после того, как оба папы были смещены церковным собором в 1409 г. и был избран новый, а два первых не признали этого смещения, — три папы. Об этом см.: С. Г. Лозинский. История папства. М., 1961; N. Valois. La France et le Grand Schisme d'Occident. Paris, 1896—1902 (2 т.); M. de Bouard. La France et l'Italie au temps du Grand Schisme d'Occident. Paris, 1936; J. Jordan. The Inner History of the Great Schism of the West. London, 1930.

⁵⁸ Цирцея — персонаж древнегреческой мифологии и одно из действующих лиц «Одиссеи», дочь бога солнца и нимфы Персы — пленяла приезжавших к ней странников своей красотой, а затем при помощи волшебного напитка превращала их в животных (по «Одиссее» — в свиней). Образ Цирцеи был очень популярен среди гуманистов и постоянно упоминался ими в различного рода произведениях.

⁵⁹ Магистр Лука — персонаж, несомненно, реальный, но нам ближе не известный. Церковь «Всех святых» во Флоренции принадлежала монастырю ордена гумилиатов и была построена в XIII в.

⁶⁰ См. выше, прим. 56.

⁶¹ Сицилиец Матвей — не известное нам лицо, как ясно из текста — один из видных францисканцев-обсервантов (см. прим. 51), затем — епископ Катании (город в Сицилии).

⁶² Король арагонский — Альфонс V, захвативший неаполитанский престол после длительной борьбы в 1442 г. и остававшийся на нем до смерти (1458).

⁶³ Епископ Римини — Бартоломео Малатеста. Умер 5 июня 1468 г. Эта дата дает возможность установить время написания диалога Поджо. См. E. Walseg. Указ. соч., стр. 244.

⁶⁴ Аргус — герой греческой мифологии, царь Аргоса, имевший 100 глаз, из которых 50 всегда спали, а 50 всегда бодрствовали.

⁶⁵ Франциск Ланцаник — лицо нам ближе не известное, несомненно, принадлежащее к числу друзей Поджо. Возможно, что это — Франческо да Падуя, папский кубикюларий (спальник), а затем (1446—1460), епископ Феррарский, один из постоянных корреспондентов Поджо, о котором последний в письме от 9 июля 1451 г., где он рекомендует Франческо своим неаполитанским друзьям, пишет: «С превосходным мужем господином Франциском из Падуи, доктором прав я так сблизился, как это может быть только с самым близким другом» (см. E. Walseg. Указ. соч., стр. 407).

⁶⁶ Стремление папы Евгения IV заменить при своем дворе секретарей-гуманистов лицами духовного звания и образа мыслей было одной из причин возникновения диалога Поджо.

⁶⁷ В подлиннике «volebat in iis literis, quarum ipse auctor et fabricator extiterat, ab eo ad iactandum concessis...». Возможно, имеются в виду так называемые индульгенции, продаваемые за деньги грамоты об отпущении грехов, применявшиеся католической церковью уже с XI в., но вошедшие широко в практику после «Великого раскола», когда церковь остро нуждалась в деньгах и не оставалась ни перед чем для их добычи (см. Н. S. Feine. *Kirchliche Rechtsgeschichte*. В. I. Die katholische Kirche. Weimar, 1955, стр. 383).

⁶⁸ Амброзий — Амброджо Траверсари (1386—1439), крупнейший флорентинский гуманист и монах ордена камальдоли. Друг и корреспондент гуманистов, знаток классического латинского, греческого и древнееврейского языков, Траверсари был и видным церковным деятелем, участником Базельского и Флорентинского соборов, а с 1431 г. — генералом своего ордена. После смерти Траверсари был признан церковью святым. См. J. Desargaux. *Un moine helléniste et diplomate, Ambroise Traversari*. *Revue des Etudes italiennes*, IV, 1957, стр. 101—143.

⁶⁹ В подлиннике: «praeditus humanitate» — специфический гуманистический термин, означающий изучение античности и вообще проблем, противопоставляемых «богословской учености» (*studia divina*).

⁷⁰ См. стр. 339, прим. 8.

⁷¹ Марон — римский поэт Публий Вергилий Марон (70—19 гг. до н. э.), автор эпической поэмы «Энеида» и ряда стихотворений, одно из которых (IV Эклога) считалось пророчеством о будущем христианстве. Вергилий был широко известен в средние века и выведен Данте в «Божественной комедии» в качестве проводника поэта по Аду и Чистилищу. Гуманисты изучали поэта как крупнейшего представителя античности.

Приводится стих из Эклоги, V, 83.

Поджо Браччолини.

Письмо к Леонардо Бруни

¹ Письмо Поджо, или, вернее, трактат в виде письма, обращенного к крупнейшему гуманисту — Леонардо Бруни, — сразу же после написания стало широко известным в гуманистических кругах, а затем и за их пределами, переписывалось и распространялось в большом количестве экземпляров, а после изобретения книгопечатания — неоднократно печаталось. Перевод письма-трактата для настоящего издания сделан по сборнику «*Prosatori latini del Quattrocento*, a cura di E. Garin». Milano — Napoli, 1952, стр. 228—240.

² Констанца — город на берегу Баденского озера, в северной Швейцарии; там в 1414—1418 гг. заседал Вселенский собор, созданный для ликвидации «Великого раскола» католической церкви и для осуждения чешского реформатора Яна Гуса. На соборе присутствовал и Поджо (см. наст. изд., стр. 23).

³ Иероним — Иероним Пражский, видный деятель национально-освободительного движения в Чехии, друг и сподвижник Яна Гуса, чешского реформатора, сожженного в 1415 г., вызванный вместе с ним на суд Констанцкого собора, осужденный и сожженный

в присутствии Поджо 29 мая 1416 г., в день, которым и датировано это письмо.

⁴ Сократ — древнегреческий философ-идеалист (470—400 гг. до н. э.). Умер, выпив яд.

⁵ Имеется в виду, очевидно, эпизод из биографии Платона, когда тиран Сиракуз Дионисий Старший за смелые речи Платона заключил его в тюрьму и продал в рабство.

⁶ Анаксагор — древнегреческий философ, непоследовательный материалист (ок. 500—428 гг. до н. э.). По обвинению в безбожии был приговорен афинским судом к смертной казни, но спасся, бежав из Афин.

⁷ Зенон — древнегреческий философ-элеат (ок. 505 г.—сер. V в. до н. э.) за выступление против тирана был арестован, подвергнут жестоким пыткам, при которых, по преданию, откусил себе язык и выплюнул его в лицо своему мучителю.

⁸ Рутилий, — очевидно, Публий Рутилий Руфус, видный римский политический деятель I в. до н. э. Придерживался стоических убеждений, из которых вытекало презрение к жизненным благам; несмотря на это в 92 г. до н. э. он был привлечен к суду за корыстные злоупотребления и осужден на изгнание, в котором и провел остаток своей жизни. Умер после 78 г. до н. э. Уже при его жизни его осуждение приводили как пример пристрастного, несправедливого суда. Выражение Поджо «гибель Рутилия» является преувеличенным, так как Рутилий умер естественной смертью в глубокой старости.

⁹ Боэций — Манлий Торкват Северин Боэций — позднеримский философ-стоик и государственный деятель (480—524), живший при дворе остготского властителя Италии Теодориха, принадлежавший к числу его ближайших сподвижников, но затем заподозренный в измене, заключенный в тюрьму и казненный. В тюрьме он написал трактат «О утешении философии», высоко ценившийся в течение всего средневековья, но не привлекавший особого внимания гуманистов.

¹⁰ Моисей — первый библейский пророк, законодатель иудейского народа. Ему приписывается пять книг, входящих в Ветхий завет (Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие).

¹¹ Иосиф — библейский персонаж, сын патриарха Якова и Рахили, в течение своей жизни перенес ряд злоключений. (Бытие, XXXVII — L).

¹² Исая, Даниил — библейские пророки; им приписываются книги, входящие в Ветхий завет.

¹³ Сусанна — библейский персонаж, добродетельная женщина, несправедливо обвиненная двумя отвергнутыми ею судьями-старцами в развратном поведении, она была спасена от смерти пророком Даниилом (Даниил, XIII).

¹⁴ Иоанн Креститель — евангельский персонаж, предшественник и старший современник Христа.

¹⁵ Стефан, — по преданию, один из ранних мучеников христианства. Согласно легенде, был обвинен вскоре после смерти Христа в богохульстве и выступлениях против иудейской религии и побит камнями.

¹⁶ Августин и Иероним — два наиболее известных «отца церкви» — ранние христианские писатели, разрабатывавшие церковную догматику и историю.

Августин (354—430) — сначала был язычником, затем принял христианство и с 395 г. — епископ Гиппона в Северной Африке. Наиболее значительные его произведения: «О государстве божием» — изображение идеального христианского государства, и «Исповедь» — автобиография.

Иероним (331—420) — один из организаторов и первых монахов-отшельников христианской церкви. Считается автором перевода на латинский язык греческого текста Библии (так называемой Вульгаты).

¹⁷ Катон — Марк Порций Катон Старший (234—149 г. до н. э.), государственный деятель древнего Рима, знаменитый своей добродетелью, прямотой и мужеством.

¹⁸ Кардинал флорентинский — Франческо Дзабарелла, один из немногих прелатов католической церкви, бывших сторонниками гуманизма. Друг и покровитель Поджо. Сторонник теории верховенства соборов над папами Дзабарелла был одним из инициаторов и председателем Констанцского Собора, во время которого, в 1417 г., умер. Поджо написал ему надгробное слово.

¹⁹ Стоики — философская школа древности, возникшая в конце IV в. до н. э. и выдвинувшая идеал «самодовлеющего» мудреца, проповедовавшая, между прочим, презрение к смерти. Многие стоики, например, Сенека, прославились своей мужественной смертью.

²⁰ Муций — Муций Сцевола, по древнеримскому преданию, юноша-герой, отправившийся в лагерь осаждавших в VI в. до н. э. Рим этрусков с целью убить их царя Порсена. Он был схвачен и во время допроса, чтобы показать неустрашимость перед пытками и смертью, сжег свою правую руку в огне жертвенника.

²¹ Здесь Поджо, как это делали многие гуманисты, пользуется римским календарем, в котором 1-е число каждого месяца называлось календами, 7-е число в марте, мае, июле и октябре и 5-е — в остальных месяцах называлось нонами, а через 8 дней после нон были иды. День месяца отсчитывался от соответствующих календ, нон или ид назад. Так, 2 января обозначалось как 4-й день до нон, 11 января — 3-й день до ид. Таким образом, указанное Поджо число — 30 мая, так как дни календ, нон и ид засчитывались как первые.

Лоренцо Валла.

О монашеском обете

¹ Диалог «О монашеском обете» («De professione religiosorum») был написан Лоренцо Валлой для узкого круга читателей и из страха перед церковью, с которой автор не хотел портить отношения, держался им в секрете. Поэтому он не был включен ни в одно из собранных сочинений гуманиста и не был ни разу издан отдельно. Впервые опубликовал его М. Вален: M. I. Vahlen. *Laurentii Vallae opuscula tria. Sitzungsber. Kaiserl. Akad. Wiss. Philos.-hist. Kl.*, В. LXII. Wien, 1869, Н. III, Juni, стр. 99—134. Перевод диалога для настоящего сборника сделан по этому изданию. С сокращениями, незначительными поправками и параллельным итальянским переводом повторил вышеуказанное издание Е. Гарин: E. Garin. *Prosatori latini del Quattrocento. Milano — Napoli, 1952, стр. 566—593.* Итальянский перевод текста включен также в издание: L o g e p-

zo Vall a. Scritti filosofici e religiosi... a cura di G. Radetti. Firenze, 1953.

Последние два издания использованы при составлении настоящих примечаний.

² Баптиста — Джованни Батиста Платамоне, южноитальянский юрист. С 1426 г. — советник и секретарь неаполитанского короля Альфонса Арагонского, исполнитель ряда его политических и дипломатических поручений. Умер в 1448 г.

³ Имеется в виду «Илиада» Гомера, которую гуманисты XV в., впервые освоившие классический греческий язык, изучали в подлиннике и переводили.

⁴ Имеется в виду дидактическая поэма Вергилия «Георгики» (поэма о земледелии), написанная после 29 г. до н. э.

⁵ Имеется в виду анонимная древнегреческая пародия на героическую поэму «Война мышей и лягушек, или Батрахомиомахия» (конец VI или начало V в. до н. э.). Во времена Валлы считалась произведением молодого Гомера.

⁶ Имеются в виду упомянутые «Георгики».

⁷ Ахилл — главный герой поэмы Гомера «Илиада»; Эней — главный герой поэмы Вергилия «Энеида».

⁸ Стих из «Посланий» Горация (II, 1, 117).

⁹ Письмо к одному из друзей Валлы, Серра, опубликовано в кн.: R. Sabbadini. Cronologia documentata della vita di Lorenzo della Valle, detto il Valla. Firenze, 1891, стр. 85.

¹⁰ Для гуманистов античность представлялась идеальным миром, где не было насилия церкви и поэтому царствовала полная духовная свобода.

¹¹ Чтобы не навлечь на себя и на своих собеседников гнева церкви, Валла умалчивает многие имена.

¹² К Форуму в Риме примыкает несколько церквей. Возможно, имеется в виду древняя церковь Санта Мария Антиква.

¹³ В подлиннике: «Pridie nonas januaras». Так как диалог Валлы написан между 1439 и 1441 гг., заговор, о котором идет речь, должен был иметь место примерно в это время, т. е. при папе Евгении IV. Всякого рода заговоров против папы в это время раскрывалось множество. Определить точно, о каком именно заговоре здесь идет речь, не удастся.

¹⁴ После многих лет «Великого раскола» и длительного упадка Рима появление в центре города волков было делом нередким. Так, один из современников сообщает, что 23 января 1411 г. папская охрана убила в саду Ватикана лисицу и пять волков.

¹⁵ Павел Корбион — лицо нам ближе не известное.

¹⁶ Имеется в виду одно из важнейших сочинений Лоренцо Валлы «О свободе воли к Гарсиа епископу Лериды» («De libero arbitrio ad Garsiam Episcopum Ilerdensem»), написанное в 1439 г., т. е. незадолго до диалога «О монашеском обете», и опубликованное в издании: E. Garin. Prosatori latini..., стр. 524—565.

¹⁷ Гуманисты вообще и Валла в частности страстно боролись со всякого рода искажениями классического латинского языка, особенно с искажениями, частыми в церковном обиходе. Вопросам чистоты и изящества латыни Валла посвятил ряд своих произведений, в частности трактат «Элегантии». Примеры искажений, приводимые в данном месте, разбираются и в других работах Валлы: «Элегантии»

ции» (кн. IV, гл. 3, 18 и 47), «О Константиновом даре» (кн. IV, гл. 35), в «Замечаниях на Новый завет».

¹⁸ Теодор и Аполлодор — древнегреческие ораторы и грамматик — упоминаются римским теоретиком ораторского искусства Марком Фабием Квинтилианом (ок. 30—96 гг.). Квинтилиан был известен уже Петrarке, но только Валла выдвинул его как высший авторитет в риторике и утверждал, что Квинтилиан как оратор и стилист выше Цицерона. Вопросу сравнения обоих ораторов Валла посвятил особые сочинения. Серьезное изучение Квинтилиана стало возможным после того, как Поджо восстановил по рукописям полный текст его трактата «Обучение оратора» («Institutio oratoria»). В данном месте Валла использует этот трактат (III, 1, 18).

¹⁹ Стоики, киренаики, перипатетики, академики — различные философские школы античности.

²⁰ Эремиты и агапеты — монашеские ордена.

²¹ Различные монашеские ордена и части орденов имели и имеют свои форменные одежды, различные по цвету и, отчасти, покрою.

²² Послание Иакова, I, 26—27.

²³ В оригинале: «in mare comitatem promitto» — обычная в XIII—XV вв. форма юридического оформления фрахтовки торгового корабля при которой владелец капитала и груза поручал капитану или владельцу корабля этот груз, а прибыль от его продажи они делили между собой, причем первый получал львиную ее долю.

²⁴ Цитата из сочинения Квинтилиана «Речи», V, 7.

²⁵ Цитата из комедии Теренция «Формион», V, 2, 15.

²⁶ Вергилий. Георгики, I, 47.

²⁷ Там же, I, 436.

²⁸ Бытие, XXVIII, 20—22.

²⁹ Книга Судей израилевых, XI, 30—31.

³⁰ Первая книга царств, I, 11.

³¹ Числа, XXX, 3—6.

³² От Матфея, V, 33—37.

³³ Послание Иакова, V, 12.

³⁴ Второе послание к коринфянам, VIII, 21. Перевод дан по каноническому изданию Библии, который не вполне соответствует латинскому тексту, цитируемому Валлой.

³⁵ Там же.

³⁶ Далее, по мнению издателя Е. Гарина, возможно, пропущено несколько слов или даже строк.

³⁷ Вергилий. Энеида, I, 72.

³⁸ Там же, XI, 440.

³⁹ Там же, XI, 538.

⁴⁰ Здесь Валла выступает против обоснованного крупнейшим богословом-схоластом позднего средневековья Фомой Аквинским (1227—1274) учения о превосходстве монахов над мирянами, изложенного им в трактате «Против хулящих служение богу и веру».

⁴¹ Очевидно, Иоанн Креститель.

⁴² Цицерон. Стоические парадоксы, V, 1, 35.

⁴³ Там же, V, 1, 33.

⁴⁴ Второе послание к Тимофею, II, 3.

⁴⁵ Первое и Второе послания к коринфянам, IV, 11—13; XI, 23—28.

⁴⁶ Послание к евреям, XI, 37—38.

⁴⁷ Первое послание к коринфянам, VI, 20 и VII, 23.

⁴⁸ Там же, VII, 21.

⁴⁹ Стих из поэмы римского поэта Марка Анния Лукана (39—65) «Фарсалия или О гражданской войне», I, 278—279. Лукан был одним из излюбленных авторов у гуманистов XV в., в частности, его комментировал друг Валлы Антонио Бекаделли.

⁵⁰ Гораций. Послания, I, 12, 4.

⁵¹ Авраам, Исаак и Иаков — библейские персонажи (Бытие).

⁵² От Матфея, V, 3.

⁵³ Псалтирь, XXXIX, 18; LXIX, 6.

⁵⁴ От Матфея, XIX, 21 и От Марка, X, 21.

⁵⁵ Второе послание к коринфянам, VIII, 13.

⁵⁶ Первое послание к коринфянам, IV, 12.

⁵⁷ Книга Песни песней Соломона, II, 4. Приведено неточно.

⁵⁸ От Матфея, VI, 34.

⁵⁹ Лаврентий — по церковному преданию, мученик III в. св. католической церкви. Сведения о нем имеются у Пруденция (Аврелий Пруденций Клеменс), раннехристианского писателя (348—410). Пруденций. О венце (Peri stephanou), II.

⁶⁰ Первое послание к Тимофею, V, 8.

⁶¹ Второе послание к коринфянам, XIII, 3.

⁶² Деяния апостолов, XVIII, 3; XX, 34 и в ряде посланий Павла.

⁶³ От Матфея, VI, 34.

⁶⁴ Послание к евреям, XIII, 4.

⁶⁵ Первое послание к Тимофею, IV, 1.

⁶⁶ Первое послание к коринфянам, VII, 27.

⁶⁷ От Матфея, XIX, 11.

⁶⁸ Послание к галатам, III, 28.

⁶⁹ Послание к галатам, VI, 14.

⁷⁰ Анекдот об излечении Демосфена от дурной привычки был хорошо известен в средние века и в Возрождении. Валла использовал для него рассказ Квинтилиана из «Обучение оратора», XI, 3, 130.

⁷¹ Рассказ о Марии заимствован у Цицерона. См. «Тускуланские беседы», II, 22, 53.

⁷² Об этом рассказывается у позднеримского писателя (II—III вв.). Минуция Феликса в диалоге «Октавий», XXV.

⁷³ Рассказ Валлы основан на сочинении римского писателя I в. Валерия Максима «О замечательных словах и делах», VII, 3, 4.

⁷⁴ Послание к галатам, III, 19.

⁷⁵ Послание к римлянам, XIII, 4.

⁷⁶ От Матфея, XX, 11—12.

⁷⁷ Послание к римлянам, XIV, 3—5.

⁷⁸ Сикст — римский епископ (папа) Сикст II, признанный католической церковью мучеником и святым (257—259). При нем был казнен Лаврентий (см. выше, прим. 59); об этом пишет раннехристианский писатель, епископ Милана Амвросий (340—397) — «Обязанности священника», I, 41, 205.

⁷⁹ Франциск — Франциск Ассизский (1182—1226), основатель ордена францисканцев, ставшего со временем одной из опор католической церкви.

⁸⁰ Мартин (316—397) — епископ Тура, основатель одного из первых монастырей в западной части Империи, признанный католической церковью святым.

⁸¹ Апполон Дельфийский — персонаж древнегреческой мифологии, бог солнца, искусств и предсказаний. В его храме в Дельфах находился оракул (место предсказаний), к которому обращались в важных случаях жизни. Сообщаемое здесь рассказано Цицероном в его сочинении «О природе богов», II, 56, 116, 57, 117 и Минуцием Феликсом в диалоге «Октавий», XXVI, 6.

Лоренцо Валла.

Рассуждение о подложности так называемой Дарственной грамоты Константина

¹ «Рассуждение» («De falso credita et ementita Constantini Donatione Declamatio») Лоренцо Валлы было написано в 1440 г. Старейшая, наиболее полная рукопись его, дошедшая до нас (Codex Vaticanus, 5314), датирована 7 декабря 1451 г. Первое полное издание «Рассуждения» было выпущено немецким гуманистом Ульрихом Гуттенем в 1518 г. и затем неоднократно переиздавалось.

На основе Ватиканского кодекса и издания Гуттена было подготовлено Х. Колеманом первое полное, вполне научное издание «Рассуждения», с параллельным английским переводом — «The Treatise of Lorenzo Valla on the Donation of Constantine. Text and translation». New Haven, 1922. Это издание, а также итальянский перевод, включенный в указанное выше издание Дж. Радетти («Scritti filosofici e religiosi...» Firenze, 1953) использован при подготовке текста «Рассуждения» для настоящего сборника. В Приложениях публикуется полный текст «Дарственной грамоты Константина».

² Литературу о сочинениях Валлы см. в Предисловии наст. изд., стр. 28.

³ Имеется в виду римский папа.

⁴ Цитата из «Сатурналий» (7 диалогов, II, 4, 21) позднеримского философа и грамматика V в. Аврелия Макробия. В подлиннике — непереводаемая игра слов: «Nolo scribere in eos qui possunt proscribere»; У Макробия: «non enim est facile in eum scribere, qui potest proscribere».

⁵ Псалтирь, СXXXVIII, 7.

⁶ Деяния апостолов, XXIII, 1—2.

⁷ Иеремия, XX, 1—2. Фазур в русском переводе — Пасхор.

⁸ От Матфея, XVIII, 15.

⁹ Первое послание к Тимофею, V, 20.

¹⁰ Послание к галатам, II, 14.

¹¹ Валла спутал римского архиепископа Марцелла (307—309) с его прешествником Марцелином (296—304) — последний, по апокрифическому рассказу, отступил от христианства во время преследований императора Диоклетиана. Об этом сообщает Августин в сочинении «О едином крещении» (XXVII) и «Против писания Петилиана» (II, XCII, 202), и Джакомо да Вораджине (1230—1298) в «Золотой легенде» (LX, 58).

¹² Целестин — Целестин I (422—432), римский епископ (папа), боролся против ереси Нестория и добился осуждения последнего на церковном соборе в Риме в 430 г. и в Ефесе в 431 г.

Несторий — патриарх константинопольский, сначала боровшийся против арианства, но затем обвиненный в еретических взглядах,

состоявших в отрицании единства божественной и человеческой природы в Христе. Умер в 434 г. в изгнании, в Ирландии.

¹³ Имеются в виду претензии соборов первой половины XV в. статья выше папы.

¹⁴ Филиппики — гневные обличительные речи; первоначально — название политических речей древнегреческого оратора Демосфена (382—322 г. до н. э.), направленных против Филиппа II Македонского. Также называл свои речи против Антония Цицерон.

¹⁵ Во время работы над «Рассуждением» Валла находился на службе у неаполитанского короля; естественно, что претензии папства подчинить себе это королевство встречали решительный отпор с его стороны.

¹⁶ Сильвестр — римский епископ (папа с 314 по 336 г.) при императоре Константине. Согласно преданию, усиленно распространявшемуся католической церковью, именно он убедил Константина принять христианство и получил за это «Константинов дар».

¹⁷ Константин — римский император (274—337), у власти во всей империи с 323 г.; признал христианство государственной религией, перенес столицу в Константинополь.

¹⁸ Цезари — этот термин здесь употреблен не в юридическом значении, которое это слово имело при Диоклетиане и Константине, а в общем смысле, вместо «императоров».

¹⁹ Имеется в виду так называемый Декрет Грациана — широко используемый католической церковью сборник (действительных и фальшивых) документов церковного права, который, между прочим, должен был обосновать первенство папской власти. Он был составлен в середине XII в. итальянским монахом и канонистом Грацианом.

²⁰ «История Сильвестра» («Деяния Сильвестра», «Жизнеописание Сильвестра», «Житие Сильвестра») — апокрифическое жизнеописание Сильвестра, составленное значительно позже его жизни и сохранившееся во многих вариантах. См. С. В. Coleman. *Constantine the Great and Christianity...* N. Y., 1914; «Boninus Mombritius sanctuarium sive vitae sanctorum». Parisii, 1910, t. II.

²¹ Имеется, по-видимому, в виду в первую очередь неаполитанский король Альфонс Великодушный, по согласованию с которым, если не по прямому заказу которого, «Рассуждение» было написано.

²² Имеются в виду завоевательные походы Александра Македонского (см. стр. 377, прим. 78).

²³ Имеется в виду централизаторская политика домината, а также в какой-то мере проблема самостоятельности городов-коммун Италии XV в.

²⁴ Навуходоносор — царь Ниневии (667—647 гг. до н. э.); Кир — персидский царь (599—530 гг. до н. э.); Агасвер — легендарный персидский царь; возможно, под этим именем подразумевается историческое лицо — Ксеркс (519—465 гг. до н. э.).

²⁵ Послание к римлянам, XIII.

²⁶ Четвертая книга царств, V, 1—27.

²⁷ В ряде вариантов «Истории Сильвестра» имеется эпизод, в котором Сильвестр укрощает громадного змея.

²⁸ Даниил, XIV, 22—28.

²⁹ Третья книга царств, XI, 26, 31.

³⁰ Лары — боги, покровители домашнего очага у древних римлян.

³¹ Пенаты — в древнем Риме боги, покровители материального благосостояния дома, весьма близкие к ларам.

³² Вергилий. Энеида, I, 151—152.

³³ Вей — город в римской Этрурии, расположенной недалеко от Рима.

³⁴ Об этом см.: Тит Ливий. Об основании города, V, 24, 7—10.

³⁵ Обычная клятва-присказка римлян.

³⁶ Об этом сообщает Тит Ливий в сочинении «Об основании города», V, 41, 7—10.

³⁷ Тиберий, Гай, Клавдий, Гальба, Отон, Вителлий, Веспасиан — римские императоры, правившие после Августа в I в. н. э.

³⁸ Император Константин был сыном императора Констанция Хлора (292—306) и наложницы Елены.

³⁹ Квириды — одно из обычных в античности наименований римлян по племени, вошедшему в состав римского народа в период его формирования.

⁴⁰ Лукреция — знатная римлянка, изнасилованная сыном Тарквиния Гордого (седьмой и последний из полулегендарных римских царей, 534—509 г. до н. э.) — Секстом, что послужило поводом для врага Тарквиния, Луция Юния Брута, выступить против тиранической власти царя, который был свергнут, после чего в Риме была провозглашена республика. Эти события глубоко интересовали гуманистов первой половины XV в., когда борьба монархической и республиканской форм правления в мелких итальянских государствах ставила весьма остро вопрос о преимуществе той или иной формы правления. Валла, во время написания «Рассуждения» находившийся на службе у неаполитанского короля, склонялся, скорее, к первой.

⁴⁴ Понтифик — один из верховных жрецов римского культа, членом особой коллегии, председателем которой был «верховный понтифик». В католической практике этим термином, иногда сокращенным («понтифик»), нередко именовались римские архиепископы — папы. В таком смысле термин этот употреблен и здесь.

⁴² Деяния апостолов, XX, 35.

⁴³ От Матфея, X, 8.

⁴⁴ Первое послание к коринфянам, IX, 15.

⁴⁵ Послание к римлянам, XI, 13.

⁴⁶ В рукописи греческое слово *κλῆρος* пропущено. В настоящем издании восстановлено предположительно.

⁴⁷ Иисус Навин, XIII, 14.

⁴⁸ От Матфея, VI, 34.

⁴⁹ От Матфея, X, 9 и XIX, 24.

⁵⁰ От Иоанна, XII, 6 и XIII, 29.

⁵¹ Первое послание к Тимофею, VI, 7—11.

⁵² Деяния апостолов, VI, 1—2.

⁵³ Второе послание к Тимофею, II, 4.

⁵⁴ Левит, X, 1—2.

⁵⁵ Числа, XX, 25—28 и XXV, 7—13.

⁵⁶ Иеремия, XLVIII, 10.

⁵⁷ От Иоанна, XXI, 15—17.

⁵⁸ От Иоанна, XVIII, 36.

⁵⁹ От Матфея, IV, 17.

⁶⁰ От Матфея, XX, 25—28.

⁶¹ Первое послание к коринфянам, VI, 2—4. Цитируемый текст

Валла использует для доказательства положения, противоположного библейскому; в последнем утверждается, что церковники должны быть судьями во всех делах как церковных, так и гражданских, Валла же пытается доказать, что церковники права суда по гражданским делам не имеют.

⁶² От Матфея, XVII, 25—26.

⁶³ От Марка, XI, 17.

⁶⁴ От Иоанна, XII, 47.

⁶⁵ От Матфея, XXVI, 52.

⁶⁶ Там же, XVI, 19.

⁶⁷ Там же, XVI, 18.

⁶⁸ Там же, IV, 9.

⁶⁹ Там же, XI, 29—30.

⁷⁰ Там же, XXII, 21.

⁷¹ В подлиннике две последние фразы звучат гораздо лаконичнее: «*Ubi possessio? ubi in manu traditio!*», но по-русски буквальный перевод был бы непонятен.

⁷² Квириты — одно из традиционных наименований римских граждан, во время исполнения ими гражданских, но не военных обязанностей.

⁷³ Григорий Великий — Григорий I, римский папа (590—604).

⁷⁴ Юлиан — Флавий Клавдий Юлиан (332—363), сын брата Константина, римский император, известный под прозвищем Отступника; на престоле с 361 г. Сделал попытку восстановить язычество.

⁷⁵ Различные государственные должности римского государства.

⁷⁶ Евтропий — Флавий Евтропий, позднеримский историк (IV в. н. э.). Современник императора Константина.

⁷⁷ Евтропий. Краткая история римлян, X, 16, 1. Цитировано неточно.

⁷⁸ Иовиан — Флавий Клавдий Иовиан, провозглашенный императором после смерти Юлиана; он принужден был заключить позорный для Империи мир с персами, но вскоре умер, не успев короноваться.

⁷⁹ Сапор — Сапор II, персидский царь (умер в 380 г.).

⁸⁰ Понтий Телезий, или Понтий Херенний — вождь самнитов, победивший в 321 г. до н. э. римское войско под командой Постумия в так называемой II Самнитской войне и заставивший его пройти под ярмом, что считалось самым глубоким унижением.

⁸¹ Нуманция — город, центр самостоятельного небольшого государства в Испании. При завоевании последней римлянами оказала им особо упорное сопротивление и нанесла им поражение в 137 г. до н. э., но затем была завоевана ими в 133 г. Нумидия — римская провинция в Северной Африке (ныне — Алжир), во время пунических войн была союзницей Рима, но затем неоднократно выступала против него. Особенно ожесточенной была война Рима с нумидийским царем Югуртой, который в 110 г. до н. э. нанес римским войскам жестокое поражение.

⁸² Евтропий. Краткая история, X, 18, 1—2.

⁸³ Евгений — папа Евгений IV (1431—1447)

⁸⁴ Феликс — папа Феликс V, антипапа, соперник Евгения IV, в миру — герцог Амедей Савойский (1439—1449).

⁸⁵ Имеется в виду Альфонс Арагонский.

⁸⁶ Дамаз, или Дамасий — римский архиепископ (366—384), при-

знанный католической церковью святым. Феодосий — римский император (346—395), на престоле с 379 г.; при нем произошло разделение империи на Восточную и Западную (395).

⁸⁷ Сириций — римский архиепископ (384—399), признанный католической церковью святым. Аркадий — император Восточной Империи после раздела Римской империи в 395 г.; правил до 408 г.

⁸⁸ Анастасий — Анастасий I, римский архиепископ (399—401), святой католической церкви. Гонорий — император Западной Империи после раздела Римской империи в 395 г.; правил до 423 г.

⁸⁹ Иоанн — Иоанн I, римский архиепископ (523—526). Юстиниан — восточноримский император (527—565), прозванный Юстинианом Великим.

⁹⁰ Евсевий — епископ кесарийский (270 — после 330), автор многочисленных написанных на греческом языке исторических работ, среди которых наиболее известны «Церковная история» и «Жизнь императора Константина». Валла ссылается на последнюю из них (I, 27—32), однако допускает неточность, так как в ней говорится о том, что Константин принял христианство после легендарного видения креста во сне в 312 г., а не с детства.

⁹¹ Руфин — Тиринниус Руфин (345—410), итальянский церковник и богослов. Перевел с греческого на латинский «Церковную историю» Евсевия, добавив к ней две книги своего сочинения.

⁹² Папа Мельхиад, или Мильтиаз (311—314) — римский архиепископ, предшественник Сильвестра. «Письмо папы Мельхиаза», которое цитирует Валла, уже Николаем Кузанским в сочинении «De concordia catholica» (1435) было признано апокрифом, и все же Валла использует его, хотя, по всей видимости, сочинение Николая Кузанского знал, поскольку все «Рассуждение» в какой-то степени развивает кратко сформулированную Николаем Кузанским критику подлинности «Константинова дара».

⁹³ Григорий — папа Григорий Великий. «Список» (Register), VI, 59.

⁹⁴ В «Декрет Грациана» (см. стр. 351, прим. 19) были сделаны более поздние вставки, в том числе и «Константинов дар».

⁹⁵ Людовик — Людовик Благочестивый, франкский король и император (814—840), сын и преемник Карла Великого. Текст договора см. в изд.: Friedberg. Corpus Juris Canonici. I, LXIII. Lipsiae. 1879—1881.

⁹⁶ Это имя стоит перед рядом мест «Декрета Грациана», прибавленных позже, в том числе и перед «Константиновым даром» (Friedberg. Указ. соч., I, XCVI, 13). См. наст. изд., Приложение, стр. 334.

⁹⁷ Геласий — римский архиепископ (492—496).

⁹⁸ См. текст «дара» в изд.: Friedberg. Указ. соч., I, XCVI, 13, а также см. наст. издание. Приложение, стр. 334. Очевидно, Л. Валла пользовался не тем текстом «Дарственной грамоты», который дошел до нас, или же цитировал его не всегда точно, так как между публикуемым в настоящем сборнике текстом «дара» и цитатами из него Валлы имеются расхождения.

⁹⁹ Там же, I, XV, 3.

¹⁰⁰ Яков Ворагинский — Джакомо да Вораджине (1230—1298), итальянский доминиканец, автор широко распространенного в позднем средневековье сборника житий святых «Золотая легенда».

¹⁰¹ Фасты — древнеримские анналы, велись и строго охранялись

коллегией жрецов — понтификов и в первую очередь — великим понтификом.

¹⁰² Сибиллины книги — сборник священных предсказаний (оракулов) в Римской республике, к которым прибегали при решении важнейших для государства вопросов. Они находились под особым надзором десяти жрецов, которых Валла не вполне закономерно называет «децемвирами».

¹⁰³ Сильвестров день — 31 декабря.

¹⁰⁴ Имеется в виду легенда о Дарии и трех юношах, телохранителях его, из Второй книги Ездры, III—IV.

¹⁰⁵ Первая книга маккавейская, VIII, 19—22.

¹⁰⁶ Исход, XXXI, 18.

¹⁰⁷ Иосиф — Иосиф Флавий, иудейский историк и политический деятель (37—95). «Иудейские древности», I, 2 (3), 2.

¹⁰⁸ Об этом см.: Тит Ливий. Об основании города, III, 57 и VI, 1.

¹⁰⁹ См. С. В. Coleman. Указ. соч., стр. 224; изд. Boninus Mombrtitius..., t. II, стр. 8.

¹¹⁰ Вергилий. Энеида, II, 77—78.

¹¹¹ Сатрапы — управители провинциями в древнем персидском государстве. Оптиматы — представители римской знати. Валла подчеркивает несовместимость этих терминов с характером документа.

¹¹² «История Сильвестра». См. указ. изд.: Boninus Mombrtitius..., t. II, стр. 513, 46—47 и 51.

¹¹³ Тертуллиан — Тит Септимий Флоренс Тертуллиан (160—245), раннехристианский богослов. Сообщение о письме Понтия Пилата к императору Тиберию (14—37) апокрифично (Апология, V и XXI). Сообщение это содержится также в «Церковной истории» Евсевия, II, 2.

¹¹⁴ Цицерон. Речь за Секста Росция, XLV, 96.

¹¹⁵ Популяры — имеется в виду партия, заигрывающая с народом — демагоги.

¹¹⁶ Саллюстий. Заговор Катилины, LIV.

¹¹⁷ Вергилий. Энеида, VI, 851—852.

¹¹⁸ Григорий Великий. Письма X, 51 и XIII, 31.

¹¹⁹ Фирмиан Лактанций — Лактанций из Фермо, христианский писатель III—IV вв. Воспитатель сына императора Константина. Он получил за красоту стиля своих многочисленных латинских сочинений прозвище «христианский Цицерон». Валла вызывает к нему, именно как к стилисту.

¹²⁰ Откровение Иоанна Богослова (Апокалипсис), V, 12.

¹²¹ Восьмой собор, или второй Никейский собор состоялся в 787 г. Здесь имеется в виду «Декрет Грациана» (см. стр. 351, прим. 19), I, XX, 3.

¹²² Поговорка приведена у Квинтилиана в сочинении «Обучение оратора», IV, 2. В оригинале она звучит так: «Mendacem memorem esse oportet».

¹²³ Еще во времена Валлы известные Западу части земли ограничивались тремя материками.

¹²⁴ В результате восстания Иудеи и длительной Иудейской войны (66—70) столица и религиозный центр страны Иерусалим был взят и разрушен сыном императора Веспасиана Титом (сентябрь 70 г.)

¹²⁵ Псалтирь, XXX, 13. Цитируется неточно

¹²⁶ Послание к римлянам, I, 28

¹²⁷ Числа, XVI 1—33.

¹²⁸ Аарон — библейский персонаж, брат пророка Моисея, исполнял при нем обязанности духовного характера (Исход, IV, 14).

¹²⁹ Валерий Максим. О замечательных словах и делах, VII, 2, 5.

¹³⁰ Тит Макций (или Мак) Плавт (умер около 184 г. до н. э.), знаменитый римский драматург, автор многих комедий; самой известной из них была «Близнецы, или Менехмы». Здесь приводится термин из этой комедии (II, 3, 72).

¹³¹ Плиний — Кай Плиний Секунд-старший (23—79), римский ученый-натуралист и писатель, автор энциклопедии естествознания в 37 книгах, известной под названием «Естественная история» (здесь — VIII, 48, 74).

¹³² От Матфея, XXVII, 28.

¹³³ От Иоанна, XIX, 2.

¹³⁴ Лукан. Фарсалия, I, 6.

¹³⁵ Горац ий. Наука поэзии («Ars poetica»), I, 97.

¹³⁶ Псевдо-Каллисфен. Деяния Александра. Перевод с греческого на латинский римского писателя III—IV вв. Юлия Валерия Полемия. Перевод этот был известен в течение всего средневековья.

¹³⁷ Непереводимая игра слов, основанная на сходстве слов *culminis* (величия) и *cusumeris* (огурца).

¹³⁸ Валла указывает на то, что слово *militia* в VIII в., когда был сфабрикован «Константинов дар», означало не то, что в IV в., во времена Константина.

¹³⁹ Претор — должность в римском государстве — главный судья. Должность была создана в IV в. до н. э., затем так же стали называться управители провинций, объединявшие гражданскую и военную власть. Число их дошло в II в. н. э. до 18. В тексте, вероятно, имеется в виду главный судья.

¹⁴⁰ Указание на то, что титул «патриций» был дарован папой Пипину Короткому, а затем его сыну Карлу Великому в VIII в., — о нем, а не об античном титуле, говорится «во многих книгах».

¹⁴¹ Должность консула сохранилась в течение всего существования Римской Республики и Империи, она исчезла после падения последней в V в. Позже слово «консул» применялось в другом смысле: в качестве обозначения группы лиц, сословия.

¹⁴² Третья книга царств, I, 33—35.

¹⁴³ Имеется в виду въезд Христа в Иерусалим (От Марка, XI, 7—11).

¹⁴⁴ Марк Валерий Марциал (42—104) — римский поэт, сатирик, автор нескольких сборников эпиграмм (общим числом 1200), стих одной из которых — XIV, 141 (140) — здесь приводит Валла.

¹⁴⁵ Мельхиседек — библейский царь и первосвященник Салима. (Бытие, XIV, 18; Послание к евреям, VII, 1).

¹⁴⁶ Псалтирь, XX, 4. Цитируется неточно.

¹⁴⁷ Валла неточно цитирует текст «Константинова дара». См. стр. 354, прим. 98.

¹⁴⁸ Тонзура — выбритое место на темени католического духовенства, согласно решению Толедского собора 633 г.

¹⁴⁹ Здесь Валла интерпретирует утверждение критикуемого им документа, сравнивая Моисея с Константином и Аарона с папой Сильвестром и тем доводя это утверждение до абсурда.

¹⁵⁰ В подлиннике: «*per pragmaticum constitutum*», что в строго-историко-юридическом плане может быть переведено и как «прагматической санкцией нашей».

¹⁵¹ Александр III Македонский, прозванный Великим (356—323 гг. до н. э.). Имеется в виду раздел его империи после его смерти.

¹⁵² Ксенофонт — крупнейший греческий историк (430—354 гг. до н. э.). Здесь имеется в виду его «Киропедия» (Воспитание Кира), I, 1.

¹⁵³ «Илиада», II, 485—779 и 811—877.

¹⁵⁴ Квинт Энний — римский поэт и историк (239—169 гг. до н. э.); Публий Папиний Стаций — римский поэт (умер ок. 95 г.).

¹⁵⁵ Перечисление деревьев и прочего имеется в книге Иисуса Навина (XV, 1—11) и у Моисея, в Числах (XXXIV, 1—15).

¹⁵⁶ Со времен Тарквиния титул «царь» был запрещен в Риме, и поэтому тот, кто назвал себя царем, не мог быть настоящим римлянином.

¹⁵⁷ Давид, Соломон, Езекия, Иосия — библейские цари Израиля.

¹⁵⁸ Цитата из Матфея (V, 18) использована в пародийном плане.

¹⁵⁹ Саул, Давид — библейские цари (Первая книга царств).

¹⁶⁰ Деяния апостолов, V, 38—39.

¹⁶¹ Откровение Иоанна Богослова (Апокалипсис), XXII, 18—19.
¹⁶² Фламини — римские жрецы, названные так по покрывалу цвета пламени (flamma), которое они носили на голове.

¹⁶³ Цитируется элегия «In Boethium de persona» из сборника анонимных римских элегий «Elegiae latinae linguae», VI, 34.

¹⁶⁴ В средневековой же практике слово «страница» (pagina) означало вообще «документ».

¹⁶⁵ Синон — персонаж из «Энеиды» Вергилия.

¹⁶⁶ Аккурсий — итальянский средневековый юрист Франческо Аккурсо (1151—1229), профессор Болонского университета, автор пространственного в последующие три века сборника заключений, написанных юристами, известного под названием «Великая глосса». Упомянутый здесь рассказ содержится в «Глоссе к дигестам», I, 2.

¹⁶⁷ То есть 30 марта.

¹⁶⁸ Дата и имя, названные в «Константиновом даре», фантастичны. Такое консульство источниками не засвидетельствовано.

¹⁶⁹ Четвертая книга царств, XV, 1—5.

¹⁷⁰ Ара Цёли — церковь Санта Мария ин Ара Цёли, находящаяся в Риме на вершине капилийского холма. Согласно легенде, она построена на месте Алтаря неба, сооруженного императором Августом там, где ему якобы предсказала рождение Христа Сивилла, которой он и посвятил этот алтарь.

¹⁷¹ Это утверждение Валлы основано на «Золотой легенде» Джакомо Вораджине (см. гл. VI, «О рождении господ нашего Иисуса Христа», где цитируется Иннокентий III).

¹⁷² Об этом говорится у Джакомо Вораджине (см. там же). Храм Мира фактически был построен значительно позже легендарного рождения Христа при императоре Веспасиане (69—79) и сгорел, а не был разрушен, во времена императора Коммода (180—192).

¹⁷³ Иероним (331—420) — видный церковный деятель и писатель, переводчик на латинский язык Библии. Здесь имеется в виду его сочинение «Против Иовиана», I, 39 (изд. Migne. Patrologia latina Ps. I, v. XXIII, стр. 283).

¹⁷⁴ Варрон — Марк Теренций Варрон (116—27 гг. до н. э.), римский историк и филолог, комментатор древних литературных памятников.

¹⁷⁵ «Комментарий к пророку Иоилу», гл. III, (изд. Migné. Patrologia latina. Ps. I. v. XXV, стр. 1029).

¹⁷⁶ Веспасиан — римский император (69—79). Тит — его сын, император (79—81).

¹⁷⁷ Вергилий. Энеида, IX, 26.

¹⁷⁸ О каком короле Роберте здесь идет речь, определить трудно, скорее всего, о неаполитанском короле Роберте (правил с 1309 по 1343 г.), известном покровителе наук и литературы.

¹⁷⁹ Письмо Лентула — один из апокрифических документов, большое количество которых было сфабриковано католической церковью. Письмо это содержится в апокрифическом списке евангелия. См. J. A. Fabricius. Codex apocryphus Novi Testamenti, v. I. Hamburg, 1719, стр. 301—302.

¹⁸⁰ Один из эпизодов «Истории Сильвестра», в котором рассказывается, что в пещере под Тарпейской скалой в Риме жил гигантский дракон Бел, отравлявший весь город своим ядовитым дыханием. Укротить его можно было только, давая на съедение молодых девушек. Сильвестр обратился к дракону с заклинанием и навсегда запер его в пещере. Валла высмеивает эту небывлицу, как позднюю подделку.

¹⁸¹ Колеман в своем издании указывает, что здесь имеется в виду не Евсевий Кесарийский; Радетти же в своем переводе идентифицирует Евсевия, упоминаемого здесь Валлой, с Евсевием Кесарийским. Нам кажется более вероятным предположение Колемана.

¹⁸² Децим Юний Ювенал (ок. 50—127) — крупнейший римский поэт-сатирик. Цитируются его «Сатиры», X, 174—175.

¹⁸³ Об этом пишет Лукан в «Фарсалии», IX, 303—949.

¹⁸⁴ Химера, гидра, цербер — фантастические звери античной мифологии.

¹⁸⁵ Этот фантастический эпизод сообщает Валерий Максим в сочинении «О замечательных словах и делах», I, 6.

¹⁸⁶ Даниил, XIV, 23—27.

¹⁸⁷ Под именем Аполлинарий известны два греческих грамматика и ритора IV в. н. э., принявшие христианство и написавшие ряд произведений в христианском духе, из которых сохранились немногие.

Ориген — раннехристианский богослов (185—253).

На Аполлинария, Оригена и Евсевия ссылается Иероним в «Комментариях к пророку Даниилу», гл. XIII.

¹⁸⁸ См. стр. 346, прим. 21.

¹⁸⁹ Об этом сообщает Тит Ливий (см. «Об основании города», XXVI, 19, 7).

¹⁹⁰ Валерий Максим. О замечательных словах и делах, V, 6, 2.

¹⁹¹ Там же, I, 8, 3.

Статуя Юноны Монеты была перевезена в Рим после взятия Вей в 395 г. до н. э.

¹⁹² Тит Ливий. Об основании города, I, 13, 5 и VII, 6, 1—6.

¹⁹³ Там же, V, 22, 3—7. Содержание передано неточно.

¹⁹⁴ Там же. Предисл., 7.

¹⁹⁵ Там же, V, 21, 9.

¹⁹⁶ Теренций Варрон. О латинском языке, V, 148—150.

¹⁹⁷ Очевидно, имеется в виду римский юрист Прокул, живший в I в.

¹⁹⁸ Под именем Пизон известен ряд персонажей; о каком из них идет речь у Варрона, цитируемого Валлой, неясно.

¹⁹⁹ Корнелий — скорее всего имеется в виду писатель I в. до н. э., младший современник Варрона, Корнелий Непот.

²⁰⁰ Луктаций (Lucfatius) — неточно названный Валлой Лутаций (Lutatius), римский антиквар, может быть, идентичный с Квинтом Лутацием Катулом, консулом 102 г. до н. э., известным своей победой над кимврами.

²⁰¹ Об этих двух консулах сообщает Теренций Варрон (см. «О латинском языке», V, 148—150).

²⁰² В а л е р и й М а к с и м. О замечательных словах и делах, I, 8, 7.

²⁰³ Там же, I, 8, 4. Статуя Фортуны находилась в Риме на Виа Латина.

²⁰⁴ Валла, посвящая все свое сочинение критике церкви, время от времени подчеркивает свою верность ее учению, защищаясь тем самым от возможных нападок церковных властей. Цитата из Матфея, XVII, 20.

²⁰⁵ Здесь, как и в рассказах о драконе и о проказе, имеются в виду эпизоды, сообщаемые «Историей Сильвестра». В данном эпизоде рассказывается о том, как при диспуте между Сильвестром и еврейскими раввинами последние убили быка своими криками, а Сильвестр воскресил его, прошептав имя Христово.

²⁰⁶ Об этом сообщает Джакопо да Вораджине в «Золотой легенде», LXVII, 63 и LXXXIX, 84.

Колеман в комментариях к своему изданию «Рассуждения» (стр. 153) отмечает, что эти эпизоды заимствованы Валлой не у Вораджине, а из широко распространенного с момента своего появления в XII в. «Описания чудес города Рима» («Mirabilia urbis Romae») — своеобразного путеводителя по этому городу, сообщающего множество фантастических историй, связанных с его памятниками.

²⁰⁷ Здесь Валла имеет в виду раннесредневекового писателя Исидора Севильского (570—636) и его широко известный трактат в 20 книгах «Этимологии», в большей части совершенно фантастически разбирающий происхождение слов (VII, 9, 3).

²⁰⁸ И здесь имеются в виду «Этимологии» Исидора Севильского, VII, 12, 7.

²⁰⁹ Там же, VII, 12, 9 и X, 195.

²¹⁰ Имеется в виду папа Стефан III (752—757), короновавший франкского властителя Пипина Короткого королевской короной за то, что тот избавил его от лангобардской опасности и предоставил ему территорию в центре Аппенинского полуострова, ставшую основой так называемого Патримония св. Петра. Именно для оправдания этого предоставления был сфабрикован «Константинов дар». Валла допускает некоторую неточность, называя Стефана III создателем латинского императора, так как Стефан III короновал Пипина королевской, а не императорской короной, последнюю же впервые предоставил сыну Пипина Карлу Великому в 800 г. в Риме папа Лев III (796—816). В данном месте Валла ставит папу выше императора, потому что его покровитель Альфонс I Неаполитанский, враждуя с папой, еще в худших отношениях находился с германским императором.

²¹¹ Имена главных героев «Илиады» Ахилла и его друга Патрокла использованы здесь в сатирическом плане для характеристики тесного сотрудничества между папой и императором.

²¹² Имеется в виду император Людовик Благочестивый. Документ, которым он якобы подтвердил папе Пасхалию (817—824) светскую власть над «Патримонием св. Петра» (Папской областью), процитированный здесь Валлой, — подделка, сфабрикованная в XI в.

²¹³ Здесь Валла переходит от императора IX в. к своему современнику, императору Сигизмунду (1411—1437), которого он без всякого основания называет «превосходнейшим и могущественнейшим». Император Сигизмунд — как правильно сообщает Валла — только с небольшой свитой венгерских всадников поздней осенью 1431 г. появился в Италии, где влачил жалкое существование, добываясь сначала коронации железной короной в Милане (25 ноября 1431 г.), а затем, после всяческих злоключений и унижений, императорской короной в Риме (14 февраля 1433 г.), после чего с трудом вернулся в Германию. Валла был очевидцем этих событий.

²¹⁴ Имеется в виду папа Евгений IV, который долго торговался с императором и короновал его только после того, как тот принял основные его условия.

²¹⁵ Средневековые глоссаторы считали, что имя «Август» происходит от глагола «увеличивать» (*augere*).

²¹⁶ Объяснение происхождения имени «Август» от «*avium gustus*» встречается у римского историка Гая Светония Транквилла (75—150) в его труде «Биографии 12 императоров» (биография Августа, VII) и у римского поэта Публия Овидия Назона (43 г. до н. э.—18 г. н. э.) в «Фастах», I, 6, 609—612. Объяснение это, принимаемое Валлой, далеко не бесспорно.

²¹⁷ Ауспиции — гадания в древнем Риме, производившиеся в официальном порядке, чаще всего — по полету птиц.

²¹⁸ Себастья, или Себаста, — город в Малой Азии (ныне — Сивас).

²¹⁹ Бонифаций VIII (1294—1303) — один из последних пап средневековья, претендовавших на господство над католическим миром, но потерпевший жестокое поражение в борьбе с французским королем Филиппом IV Красивым. Утверждали, что он вступил на папский престол, внушив своему предшественнику Целестину V (1294) необходимость отречься. Сделал он это якобы при помощи труб, вделанных в стены комнаты, где спал Целестин. Эти слухи зафиксировал современник Валлы Бартоломео Платина в своей «Книге о жизни Христа и всех пап» (в биографии Бонифация VIII).

²²⁰ Намек на упомянутый выше конфликт между Бонифацием VIII и Филиппом IV, кончившийся трагически для первого.

²²¹ Бенедикт и Климент — папы Бенедикт XI (1303—1304) и Климент V (1305—1314), полностью подчинившиеся Франции. Второй из них перенес резиденцию пап из Рима в находящийся во Франции город Авиньон (принадлежавший папству с 1348 г.), начав этим так называемое Авиньонское пленение папства (1312—1377).

²²² В подлиннике: «*laterem lavatis*», что буквально означает: «моее стену» и примерно соответствует русской поговорке, которой переведена эта фраза.

²²³ Второзаконие, XV, 12.

²²⁴ Левит, XXV, 10.

²²⁵ Иоанн Вителлески — Джованни Вителлески, одна из самых характерных фигур Италии первой половины XV в. Энергичный и

жестокий кондотьер, он стал фаворитом и правой рукой папы Евгения IV, удачно боролся за подчинение последнему «Патримония св. Петра», за что получил кардинальскую шапку и должность патриарха Аквилеи. Однако после того, как Вителлески закончил усмирение Римской области, он был по тайному приказу папы неожиданно схвачен и брошен в казематы замка св. Ангела, где вскоре (2 апреля 1440 г.) и умер. Валла, ненавидевший всю папскую администрацию, имел какие-то причины для особой ненависти к кардиналу, которого он неоднократно встречал. Поэтому характеристика, которую он дает ему, явно пристрастна. Один из современников так характеризует Вителлески после его смерти: «Кардинал был высок ростом, хорош собой, бледен лицом, болезненен, мудр и смел...»; а другой современник сообщает: «...был он человеком полным жестокости, гордости и гнева, разврата, суетности, но в то же время поддерживал [в Риме] великий мир и благоденствие... народ в своем большинстве горевал о его смерти».

Валла сознательно использует стилизованный образ кровавого кардинала для страстного обличения церкви вообще.

²²⁶ От Иоанна, XVIII, 10.

²²⁷ Это замечательное место сочинения Л. Валлы с большой страстностью говорит о недопустимости подчинения одних народов другим, т. е. выступает против колониализма, который во время создания сочинения только возникал. Такое мнение Валлы, вытекающее из общего высокого представления гуманистов о равенстве, свободе и высоком назначении человека, не часто встречается в работах других гуманистов и рисует его как одного из самых смелых и самостоятельных представителей гуманизма.

²²⁸ Имеются в виду слова Марка Фабия Квинтиллиана из его «Речи» (*Declamationes*), XII, 27. После того как Поджо нашел и широко распространил рукопись основного произведения Квинтиллиана — «Обучение оратора», — Квинтиллиан стал одним из любимейших авторов в гуманистической среде и особенно высоко ценился Валлой, неоднократно цитировавшим его в своих произведениях.

²²⁹ Валла чувствует, что ненависть к папству завела его слишком далеко — к прямому призыву к восстанию против папы, и поэтому он сдерживает себя, применяя это одергивание как сознательный литературный прием.

²³⁰ Суд амфикионов — полулегендарный общегреческий институт, созданный якобы в глубокой древности и собиравшийся два раза в год — весной в Дельфах и осенью в Антеле близ Фермопил — для рассмотрения дел, касающихся сохранения мира в стране и безопасности Дельфийского святилища.

²³¹ Здесь Валла более или менее открыто защищает те попытки свержения папской власти при помощи восстания, которые несколько раз происходили при его жизни. Особенно значительной была попытка связанного с гуманистическими кругами римского феодала Стефано Поркаро (1453) и заговор членов римской Академии (1468), о котором см. наст. изд., стр. 245—252 и прим. к ним.

²³² Книга судей израилевых, XI, 12—28.

²³³ Бонифаций IX — папа времени «Великого раскола», находящийся на престоле в Риме с 1383 по 1404 г., коварный политик, в начале своего правления враг Неаполитанского королевства, где служил Валла.

²³⁴ Непереводаемая игра слов, основанная на значении имени «Бонифаций», означающего «делающий добро» (faciens bonum).

²³⁵ Последний римский царь Тарквиний Гордый, как рассказывает Тит Ливий в сочинении «Об основании города» (I, 54), сбивая палкой головки самых высоких маков, указал сопровождавшим его сподвижникам на необходимость уничтожить главарей оппозиции.

²³⁶ Преемник Бонифация IX на папском престоле, Иннокентий VII (1404—1406), действительно бежал из Рима в 1404 г., спасаясь от народного недовольства, вызванного его жестокими и неудачными мероприятиями. Здесь Валла выступает с прямыми обвинениями современных ему пап.

²³⁷ Имеется в виду современник Валлы Папа Евгений IV (1431—1447), при котором в 1434 г. действительно произошли описываемые здесь события: спасаясь от открытого народного восстания, папа, переодетый монахом, бежал из Рима во Флоренцию. Фраза: «Шесть лет тому назад» дает возможность точно датировать «Рассуждение».

²³⁸ Имеются в виду города «Патримония св. Петра» (Папской области), насильственно включенные в ее состав (Болонья, Перуджа, Витербо и др.) и постоянно стремившиеся вернуть себе свободу.

²³⁹ Тит Квинций Фламиний — римский полководец, в 197 г. до н. э. нанес при Киноскефалах решительное поражение македонскому царю Филиппу V (Вторая Македонская война) и в следующем, 196 г. объявил об освобождении греческих городов, что произвело громадное впечатление на весь античный мир. Затем в 190 г. Луций Корнелий Сципион при Магнезии нанес поражение сирийскому царю Антиоху. Валла сливает все эти события воедино, ошибочно приписывая Фламинию победу над Антиохом.

²⁴⁰ В частности, незадолго до написания «Рассуждения», в 1438 г. во время бегства папы Евгения IV, Болонья отложились от «Патримония».

²⁴¹ Третья книга царств, XII.

²⁴² Внешне — это пересказ «Книги пророка Даниила», XI, 13 и сл., по существу же — намек на бесполезность бегства папы из «Патримония», которое совершил папа Евгений IV в 1434 г., бежав во Флоренцию, где он находился и во время написания «Рассуждения».

²⁴³ Перефразировка из Послания к римлянам, XI, 16.

²⁴⁴ «Илиада», I, 231.

²⁴⁵ Веррес, Катилина — Гай Веррес и Луций Сервий Катилина, римские политические деятели I в. до н. э., которых Цицерон справедливо обвинял во всяческих злоупотреблениях в своих широко известных гуманистам речах «Против Верреса» и «Против Катилины».

²⁴⁶ Симон-маг — полупоупендарный чудотворец, принявший христианство и предложивший, согласно библейской легенде, апостолам Петру и Иоанну деньги, если они даруют ему способность творить чудеса во имя христианства. Продажность должностей и услуг в католической церкви получила от его имени название «симонии». Деяния апостолов, VIII, 9—24.

²⁴⁷ Исая, LII, 5 и Послание к римлянам, II, 24.

²⁴⁸ Третья книга царств, XI, 1—5.

²⁴⁹ Валла имеет в виду римского архиепископа (папу) Льва I (440—461), который, по распространенному церковью преданию, вышел в 452 г. навстречу гуннским полчищам, бросившимся после поражения в битве при Каталунских полях в предшествовавшем году на Рим, и уговорил их вождя Аттилу, здесь названного «варварским

царём», отступить от Рима. Этот эпизод был изображен в начале XVI в. на одной из ватиканских фресок Рафаэля.

²⁵⁰ Имеются в виду партии гвельфов и гибеллинов, раздоры между которыми заливали кровью Италию в XIII, XIV и в какой-то мере также в первой половине XV в.

²⁵¹ См. стр. 362, прим. 238.

²⁵² Послание к ефесянам, VI, 12.

Леонардо Терунда.

Мемориал

¹ Публикуемый, а также не вошедший в настоящий сборник «мемориалы» Терунды сохранились в трех рукописных списках XV в. (Vat. lat. 4187, Vat. lat. 4184, Laur. Stroz. lat. 33). Первое и пока единственное издание их было осуществлено в качестве приложения к монографии Ф. Гаэта: Fr. Gaeta. Lorenzo Valla. Filologia e storia nell'umanesimo italiano. Milano — Napoli, 1955, стр. 211—252. Перевод для настоящего сборника первого из «мемориалов» Терунды сделан по этому изданию.

² Кардинал Святого креста, Никколо Альбергати (умер в 1443 г.), архиепископ Болоньи, кардинал Санта Кроче, любимец папы Евгения IV, поклонник и покровитель гуманистов. В его окружении состоял Томазо Перентучелли (будущий папа Николай V), ему посвятил прочувствованную надгробную речь Поджо Браччолини, он был, по-видимому, покровителем и Леонардо Терунды.

³ От Матфея, XXIV, 6—7.

⁴ От Матфея, XXIV, 15; Даниил, IX, 27.

⁵ От Матфея, XXIV, 22.

⁶ Имеются в виду властители Феррары маркизы д'Эсте, — в данном случае — маркиз Никколо III, умерший в 1441 г. В Феррару в 1437 г. был перенесен папой Евгением IV Базельский собор, оставшийся там до 1439 г., а затем перенесенный во Флоренцию. Вместе с собором в свите своего покровителя кардинала Альбергати в Ферраре находился и Терунда.

⁷ От Матфея, XXIV, 20.

⁸ Папское государство, а нередко и папская власть вообще в течение всего средневековья метафорически называлась, используя евангельский образ, «суденышком св. Петра». Здесь Терунда упрекает Евгения IV в недостаточной активности.

⁹ «Мемориал» был формально адресован Никколо Альбергати, но фактически направлен папе. Далее Терунда переходит к прямому обращению к последнему.

¹⁰ С XIV в. гуманисты обыкновенно начинали свои широко публикуемые речи льстивым посвящением кому-нибудь из реальных или возможных покровителей, от которых они ожидали денежных подачек или других благ. См. P. O. Kristeller. Der Gelehrte und sein Publikum... Heidelberg, 1960, стр. 212—230.

¹¹ Все перечисленные эпитеты и характеристики обычно более или менее официально присваивались папам в обращениях к ним.

¹² Имеются в виду бедствия Евгения IV, который в 1434 г., спасаясь от восстания, принужден был переодетым бежать из Рима.

¹³ Имеется в виду комедия Теренция «Сам себя наказывающий» (Heautontimorumenos), акт I, сцена I, стих 77.

¹⁴ Тирада против монахов, хозяйничавших при дворе папы Евгения IV. Она близка к включенным в настоящий сборник сочинениям Бруни и Поджо и, возможно, написана под их влиянием.

¹⁵ Здесь, как и во многих других местах, Терунда старается показать, впрочем далеко не блестящее, знакомство с античной литературой.

¹⁶ Исход, XVIII, 12—20.

¹⁷ В подлиннике: «*ducibus non male sedere non potere in sellis*»; «*ducibus*» вместо «*duobus*», — очевидно, опечатка издателя или описка переписчика; «*in sellis*» — буквально в «седлах».

¹⁸ Когорта — подразделение римского войска, употреблено здесь в порядке гуманистической антиквизации для того, чтобы не повторять слово «войско».

¹⁹ Вся тирада представляет собой сатирическое обличение.

²⁰ Псалтирь, СХХIV, 5.

²¹ Имеются в виду наемные полководцы-кондотьеры, которых широко применяли в начале XV в. все итальянские государства, и в первую очередь папское. Гуманисты, начиная с Бруни, решительно выступали против использования кондотьеров и считали их одной из основных причин бедствий Италии.

²² Очевидно, Терунда имеет в виду коллегия кардиналов.

²³ Автора установить не удалось.

²⁴ Аввакум, II, 6.

²⁵ Исайя, XIV, 10.

²⁶ Базельский собор (1431—1437) был созван для ликвидации последствий «Великого раскола».

²⁷ Сион — один из холмов, на котором был построен Иерусалим. Часто наименование это употреблялось вместо Иерусалима и обозначало вообще святой город, святыню. Исайя, XXVI, 1—2.

²⁸ От Матфея, VI, 24.

²⁹ Официальное наименование пап, применяемое во многих папских документах.

³⁰ Маммона — библейское обозначение мирской суеты, корысти, по-видимому, заимствованное от имени сирийского бога богатства — Маммона.

³¹ Иезекииль, XXVIII, 16, 18.

³² Исайя, V, 20.

³³ Имеется в виду молитва «Отче наш» — От Матфея, VI, 13.

³⁴ От Иоанна, XVIII, 36.

³⁵ От Луки, XII, 13—14.

³⁶ Псалтирь, II, 8.

³⁷ Псалтирь, XXIII, 1.

³⁸ Псалтирь, XVIII, 5.

³⁹ Псалтирь, СХIII, 24.

⁴⁰ Притчи Соломоновы, VIII, 15.

⁴¹ От Луки, XVI, 9.

⁴² Иезекииль, XVI, 13—15.

⁴³ Осия, VIII, 4.

⁴⁴ Пипин — Пипин Короткий, первый франкский король, правил с 741 по 768 г. Был коронован папой Стефаном III (752—757) в 754 г. за помощь, оказанную франками папам в борьбе последних против лагбардов. Пипин первый предоставил папству право на светское владение центральной Италией.

⁴⁵ Карл Великий (768—814) — сын Пипина Короткого, наиболее

могущественный из каролингов; был коронован императорской короной в Риме, в котором он восстановил власть папы, папой Львом III (796—816) 24 декабря 800 г. Карл Великий расширил папские владения.

⁴⁶ Захария — папа (741—752), разрешивший провозгласить в 751 г. Пипина Короткого королем франков. Терунда, очевидно, не слишком детально разбирающийся в событиях далекого прошлого, всю вину возлагает на папу Захарию, не упоминая в данной связи ни Стефана III, ни Льва III.

⁴⁷ Куколь (zizania) — сорняк.

⁴⁸ Далее Терунда излагает основы той критики «Константинова дара», которую затем детально и научно обоснованно разовьет Лоренцо Валла.

⁴⁹ Роберт Гюискар — один из сыновей нормандского рыцаря Танкреда д'Отевиль, прибывшего в первой четверти XI в. (около 1016 г.) в Южную Италию для борьбы с беспокойшими ее арабами. Хитростью и силой Роберт Гюискар постепенно захватил значительную часть Южной Италии. После борьбы с папой Григорием VII (1073—1085) признал феодальную зависимость Южной Италии от папского престола. Умер в 1085 г.

⁵⁰ Титул «христианнейший король» (roi très chretien) был в XV—XVI вв. официальным титулом французских королей.

⁵¹ Первое послание Петра, II, 22; Исаяя, III, 9.

⁵² От Матфея, VI, 25. Цитируется неточно.

⁵³ Псалтирь, СXXXIV, 3.

⁵⁴ Первое послание к коринфянам, IX, 5 и XV, 5; Послание к галатам, II 9.

⁵⁵ Климент — легендарная личность, ученик апостола Петра I, считающийся четвертым римским епископом (папой).

⁵⁶ Второе послание к Тимофею, II, 4. Цитируется неточно.

⁵⁷ Псалтирь, СXXVIII, 3. Цитируется неточно.

⁵⁸ Иеремия, VII, 4.

⁵⁹ Послание к ефесянам, V, 27.

⁶⁰ От Матфея, XI, 7. В подлиннике: «harundinem», что значит «тростник».

⁶¹ Исаяя, LVII, 20.

⁶² Осия, VIII, 7.

⁶³ Иеремия, XXIII, 12.

⁶⁴ Исаяя, LIX, 8.

⁶⁵ Исаяя, LIX, 4.

⁶⁶ См. стр. 364, прим. 21.

⁶⁷ Имеется в виду практика передачи церковных должностей и владений светским лицам, широко распространенная в XIV и XV вв.

⁶⁸ Имеется, по-видимому, в виду какая-то группа гуманистов, враждебная Терунде.

⁶⁹ В подлиннике: «rudis indigestaque molis». Овидий. Метаморфозы, I, 7.

⁷⁰ Даниил, VIII, 24.

⁷¹ О какой детской книжке идет речь, не установлено.

⁷² Притчи Соломоновы, XXVI, 11 и Второе послание Петра, II, 22.

⁷³ От Луки, IX, 62.

⁷⁴ Бытие, XIX, 1—26.

⁷⁵ Первый император древнего Рима Кай Юлий Цезарь Окта-

виан (63 г. до н. э. — 14 г. н. э.), получивший в 28 г. до н. э. почетный титул «августа»; действительно несколько раз предполагал или делал вид, что предполагает отказаться от власти.

⁷⁶ Имеется в виду апостол Иуда Искариот, согласно библейскому сказанию, предавший Христа; он был хранителем денежных сумм общины. От Иоанна, XIII, 29.

⁷⁷ Имеются в виду громадные доходы, притекающие со всего католического мира в папскую казну в виде церковной «десятины» и всяческих экстренных поборов, «индульгенций» и т. п.

⁷⁸ Терунда неточно передает рассказ Вергилия: в «Энеиде» (VI, 601—607) фигурирует не Гесион, а Иксион, причем судьба его только приблизительно соответствует рассказу Терунды. Очевидно, рассказ взят не из Вергилия, а из широко распространенных фантастических пересказов его поэмы, вроде «Деяний Энея» («I fatti d'Enea»), приписываемых писателю XIV в. Гвидо да Пиза.

⁷⁹ Псалтирь, I, 6.

⁸⁰ Псалтирь, XXXVI, 27.

⁸¹ От Матфея, XXV, 15—26.

⁸² Формальная ссылка на имеющие совсем другое содержание две строки из уже цитированной автором комедии «Сам себя наказывающий», акт I, сцена I, стихи 143—144.

⁸³ Греческий миф о Язоне и аргонавтах, отправившихся за «золотым руном».

⁸⁴ От Марка, XI, 17; От Луки, XIX, 46.

Бартоломео Платина.

Мнимый заговор против Павла II

¹ «Мнимый заговор...» является отрывком из сочинения «Книга о жизни Христа и всех первосвященников». Автор ее — гуманист, («Liber de vita Christi ac de vitis summorum pontificum omnium. Venice, 1479») член римской Академии Бартоломео Сакки, известный под прозвищем Платина (1721—1481). Сочинение это было напечатано еще при жизни автора, в 1479 г., и затем неоднократно переиздавалось. Лучшей публикацией его является издание, подготовленное Г. Гайда и включенное в серию «Regum italicarum scriptores». Т. III, 1. Città di Castello. 1912—1932. Это издание взято за основу Е. Гариним, который ввел отрывок, посвященный заговору против Павла II в свой сборник «Prosatori latini del Quattrocento». Milano — Napoli, 1952, стр. 698—711.

Перевод отрывка «Мнимый заговор» для настоящего сборника сделан по изданию Е. Гарина, использованы и его примечания.

² Павел — папа Павел II (1464—1471), в миру богатый венецианский патриций Пьетро Барбо, человек энергичный и властный, сочетавший пристрастие к легкой и роскошной жизни и всяческим развращениям с явной неприязнью к гуманизму, слишком смелые тенденции которого его пугали, и к гуманистам, самостоятельность которых его раздражала. Сразу после своего вступления на престол Павел II уничтожил коллегия секретарей-аббревиаторов, состоявшую из 70 членов, в основном гуманистов, среди которых находился и автор данного текста, Бартоломео Платина, ответивший на свое уволь-

нение острым письмом-памфлетом. О Павле II см. носящую несколько апологетический характер монографию: R. Weiss. Un umanista veneziano. Papa Paolo II. Venezia — Roma, 1958.

³ Вианезий Болонский — Вианезио дельи Албергати, болонец по происхождению, один из приближенных Павла II, считавшийся гуманистически образованным человеком и игравший видную роль в дальнейших событиях. Вицекамерарий, как и камерарий, — административная должность при папском дворе.

⁴ Подобные состязания в беге проводились во многих городах Италии XV в., а в Риме они устраивались особенно часто. Хронисты этого времени подробно описывают их.

⁵ Каллимах — Филиппо Буонакорзи (1437—1496), — более известный под прозвищем Каллимах (т. е. «красивоборец») — любопытнейшая фигура итальянского гуманизма XV в., единственный в составе этого движения последовательный атеист и материалист. Он — тосканец по происхождению; в начале 60-х годов приехал в Рим и вступил в состав ученого кружка, организованного гуманистом Юлием Помпонием Лето (1428—1498), так называемой Римской академии и стал наиболее радикальным его членом и вдохновителем заговора 1468 г., которому посвящен данный отрывок. Бежав после раскрытия заговора из Италии, Каллимах после пребывания в Южной Италии и Константинополе в 1470 г. прибывает в Польшу, где быстро делает карьеру, оставаясь здесь до своей смерти и становясь одним из видных деятелей польского гуманизма. Сохранилось небольшое количество произведений Каллимаха на латинском языке, так как смелость его высказываний привела к раннему уничтожению значительной их части. Впрочем, и те, которые до нас дошли, изданы далеко не полностью. О Каллимахе и посвященной ему литературе см. статью М. А. Гуковского «Итальянский вольнодумец XV в. Филиппо Буонакорзи (Каллимах)». — «Ежегодник Музея истории религии и атеизма», III (1959), стр. 62—77.

⁶ «Человек по прозвищу Философ» — подлинное имя предателя, члена Академии, точно не известно. Е. Гарин предполагает, что это Андреа Романо из римского района Сант Анжело. Если это предположение правильно, то можно думать, что предателем гуманистов был тот римский юрист Андреа ди Санта Кроче (см. стр. 372, прим. 52), который позже, во время следствия над гуманистами, выступал как их озлобленный обвинитель. Во всяком случае, биограф Павла II Микеле Канензи сообщает, что Андреа ди Санта Кроче был известен под прозвищем «Философ» (см. V. Zabughin. Указ. соч., т. I, стр. 179, 340).

⁷ Лука Тотий — латинизированное имя Луки да Тоцио, или Луки Тоццолли, римского гражданина, участвовавшего в республиканских движениях в Риме при правлении папы Пия II (1458—1464) и изгнанного за это в Неаполь, но и там продолжавшего интересоваться судьбами своего родного города, мечтая вернуться в него.

⁸ Личность Деметрия Луккского, очевидно, сочувствовавшего гуманистам, неизвестна.

⁹ Кардинал мантуанский молодой Франческо Гонзага, из рода владетелей Мантуи; в 17 лет получил (18 октября 1461 г.) кардинальскую шапку от папы Пия II и оставался видной фигурой при Павле II. Интересуясь больше литературой и искусствами, чем религией и политикой, Франческо поддерживал гуманистов и среди них, в пер-

вую очередь, Платину, что не помешало ему играть неблагоприятную роль во время следствия над обвиненными в заговоре гуманистами.

¹⁰ Выгораживая себя, Платина одновременно не хочет предать и Каллимаха, пытаясь дать ему самую нелицезную характеристику и тем доказать непригодность его к руководству заговором.

¹¹ Публий Корнелий Лентул, консул в 71 г. до н. э., один из главных участников заговора Катилины, широко известный своей развратной жизнью, а также вялостью и медлительностью.

¹² Луций Лициний Красс, консул в 95 г. до н. э., политический деятель и видный оратор.

¹³ Главк — прозвище члена Академии Помпонио Лето — Марино Венето. Будучи одним из четырех основных участников заговора 1468 г., он бежал из Рима в ночь его раскрытия (вместе с Каллимахом и Петрейем). Дальнейшая судьба его неизвестна.

Петрей — прозвище члена Академии Пьетро Деметрио да Лукка, также входившего в руководящую четверку заговора и бежавшего из Рима, но затем пойманного на юге Италии и допрошенного следственной комиссией. Впоследствии был библиотекарем Ватикана вместе с Платиной.

¹⁴ Очевидно, имеются в виду Публий Габиний Капито и Луций Статилий, участники заговора Катилины (63 г. до н. э.), которые должны были поджечь Рим, но были схвачены и по решению сената казнены.

¹⁵ Братья Квадрати — рядовые члены Академии Помпонио Лето: Марио Квадрати — врач и Франческо Квадрати — юрист и поэт, друг предшествовавшего папы Пия II.

¹⁶ Замок Адриана (или гробница Адриана) — здание, чаще называемое замком св. ангела из-за фигуры ангела, венчающей его. Постройка здания была начата при жизни императора Адриана для его мавзолея (117—138), а закончена его приемным сыном Антонином Пием (138—161); уже в V в. оно было превращено в крепость, а затем доделывалось и укреплялось до XV в. Замок служил цитаделью папского Рима в случае опасности. Нижний этаж его содержал страшные тюремные казематы.

¹⁷ Возможно, что под именем Санги Платина имел в виду префекта Замка св. ангела и одного из влиятельнейших сподвижников Павла II — Родриго Санхеса де Аревало, епископа Калохоры, с которым он не хотел впоследствии сориться, почему и передал его имя в неузнаваемом латинизированном виде.

¹⁸ Бык Фаларида — искусно сделанный из меди механиком Периллом бык, поднесенный, согласно легенде, тирану Агригента Фалариду, или Фаларису (VI в. до н. э.) и служивший последнему для казни преступников, которых сажали внутрь быка и поджаривали на медленном огне. Жестокий тиран произвел пробу на самом Перилле. За свою жестокость Фаларид был побит камнями народом.

¹⁹ Луцид — член Академии римлянин Лучидо Фосфоро Синьино. по иным данным — Марко Лучидо Фадзинео, по прозвищу Аристофил, или Асклепад. По-видимому, мало причастный к заговору; впоследствии, в 1484 г., он был поставлен папой Сикстом IV епископом Сеньи. Умер в 1503 г.

Марс — также рядовой член Академии, малоизвестный гуманист Паоло да Песчина.

Деметрий — по-видимому, Платина вторично упоминает гуманиста Пьетро Дечембрино да Лукка, по прозвищу Петрей, о котором

он уже говорил как о бежавшем из Рима. Петрей был схвачен и, возможно, подвергнут пытке вместе со своими товарищами.

Августин — рядовой член Академии. По мнению Гарина, — Агостино Маффей; по мнению Пастора, — Агостино Стакколи.

Кампан — также рядовой член Академии. По Гарину, — Антонио Сеттимулейо Кампано; Пастор идентифицирует его с крупным поэтом-гуманистом, любимцем папы Пия III — Джованантонио Кампано, — епископом Котроне, позже епископом Терамо. При папе Сиксте IV он играл и большую политическую роль, исполняя обязанности управителя (поочередно) Тоди, Фолиньо, Ассизи и Читта ди Кастелло.

²⁰ Минос, — согласно греческой мифологии, один из судей душ умерших в подземном мире.

²¹ Атрей — легендарный царь Аргоса (Древняя Греция), царствовавший в XIV—XIII вв. до н. э. Дед героев «Илиады» — Агамемнона и Менелая. Желая отомстить своему брату Тиесту, который соблазнил его жену, Атрей подал ему на пиру кушанье, изготовленное из двух его убитых сыновей, за что в свою очередь был убит сыном Тиеста Эгистом. «Пир Атрея» стал нарицательным обозначением кровавой расправы. Тантала, по мифам, наказанного Юпитером неутолимым голодом и жаждой, Платина назвал здесь, по-видимому, по ошибке вместо Тиеста. Возможно, что здесь имеет место и описка писца или неправильное чтение рукописи.

²² В момент раскрытия заговора, в последние дни февраля 1468 г., глава Академии Помпонио Лето был в Венеции, которая его выдала папе. Он прибыл в Рим во второй половине марта.

Святейшим отцом официально назывался папа.

²³ Лаврентий, епископ спалатский — Лоренцо Дзено, родственник папы Евгения IV, получивший кардинальскую шапку в 1452 г. еще от папы Николая V, доверенное лицо папы Павла II; он входил в следственную комиссию по делу о заговоре.

²⁴ Сигизмунд Малатеста — Сижизмондо Пандольфо Малатеста, властитель Римини, Фано и Синигальи с 1417 по 1467 г., один из крупнейших феодалов, номинально подчиненных папе, несмотря на это он находился в открыто враждебных отношениях с Павлом II, что делает понятным обвинение заговорщиков в связях с ним.

²⁵ Убийство Франческо Каппочи сыном Анжело Буфало Марчелло произошло по чисто семейным причинам: это была месть за соблазнение жены Марчелло — Грегории де Каффарелли. Сам Анжело, рядовой римский дворянин, столь человечно отнесшийся к заключенному Платине, нам ближе неизвестен. Впрочем, согласно дошедшим до нас нотариальным документам, убийство Каппочи произошло позже 1468 г. См. V. Zabughin. Указ. соч., т. I, стр. 134—135; 322—323.

²⁶ В обстановке всеобщего недоверия, придворных интриг, постоянных отравлений и еще более постоянного страха отравления, характерных для папского двора середины XV в., папский врач должен был быть человеком сугубо доверенным, далеко не ограничивающимся только своей медицинской деятельностью. Таким был, как явствует из текста Платины, врач Павла II Христофоро да Веронолицо нам ближе неизвестное.

²⁷ Югурта — нумидийский царь, живший во II в. до н. э. Организатор и руководитель длительной и тяжелой войны против Римской республики, так называемой Югуртинской войны (111—106 гг. до н. э.). В результате последнего этапа этой войны, когда команду-

щим римскими войсками был назначен Гай Марий, квестор Луций Корнелий Сулла захватил Югурту (105 г. до н. э.). В триумфе, который 1 января 104 г. до н. э. был устроен Марию, за победителем шел Югурта в царском одеянии и в цепях. После триумфа Югурта был казнен. Сравнение Пампонио Лето с Югуртой должно было подчеркнуть несчастную судьбу руководителя римской Академии.

²⁸ Луцилл — один из членов Академии, которого, по-видимому, не следует смешивать с Лучидом (см. стр. 368, прим. 19). Полное имя его неизвестно. Он был уроженцем острова Крита и в момент заговора находился в Сабине — области Папского государства, расположенной к северу от Кампаний.

²⁹ Гелиогабал (или Элагабал) — римский император Варий Авит Бассиан, жрец бога солнца (откуда его прозвище — от Гелиоса — бога солнца), возведенный на престол в 14-летнем возрасте в 218 г. н. э. и убитый заговорщиками в 222 г. За свое короткое правление он прославился исключительной даже для императорского Рима развратной жизнью.

³⁰ Дедал — герой древнегреческой мифологии, афинский скульптор и механик, посаженный в тюрьму своим покровителем, критским властителем Миносом; он сконструировал крылья из перьев и воска и вместе со своим сыном Икаром улетел из тюрьмы. Икар погиб вследствие своей неосторожности, а Дедал спасся.

³¹ Франциск Ангиллара — сын одного из крупнейших феодалов Южной Италии, князя Тарента Эверзо II, ожесточенного и упорного врага пап. Франческо Ангиллара был захвачен Павлом II в 1464 г. и с этого времени находился в заключении.

³² Гаттафужец и Франциск Альвиан — лица нам не известные.

³³ Яков Птоломей — Джакомо Птоломее из Сьены, гуманист и поэт, живший в середине XV в. в Риме. Он был посажен в тюрьму по обвинению в атеизме. Будучи выпущен, он написал посвященное папе Павлу II стихотворное описание своих заключений.

³⁴ Император Фридрих III (1440—1493) зимой 1468 г. прибыл в Рим для коронации и для переговоров с папой о различных политических и церковных вопросах, и покинул город 9 января 1469 г.

³⁵ Средневековый обычай посвящения в рыцари сеньером, вышестоящим на феодальной лестнице и особенно королем или императором, еще бытовал в XV в., хотя, особенно в Италии, уже совершенно был лишен какого-либо реального смысла.

³⁶ Августин сохранял в своих убеждениях и в своих сочинениях значительные элементы античной культуры, почему гуманисты, начиная с Петрарки, нередко цитировали его. См. P. O. Kristeller. *The classics and Renaissance thought*. Cambridge, Mass., 1955, стр. 82—96.

³⁷ Аврелий — по-видимому, Платина имеет в виду римского императора и философа-стоика Марка Аврелия (161—180), автора сочинения «К самому себе».

³⁸ Во второй половине XV в. в Италии широко распространилось увлечение Платоном, для изучения и прославления которого во Флоренции была создана так называемая Платоновская академия, возглавлявшаяся Мирсилио Фичино. Из данного текста явствует, что и в Академии Помпонио Лето высоко ценили Платона.

³⁹ Обвинение в атеизме, по-видимому, достаточно объективное, было одним из главных обвинений, предъявленных римским академиком.

⁴⁰ Очевидно, Платина имеет в виду папу Льва I (440—461), известного гонителя язычества и языческой философии.

⁴¹ Иероним — см. стр. 357, прим. 173.

⁴² Интерес, проявляемый к язычеству, был вторым основным обвинением, предъявлявшимся римским академиком.

⁴³ Папа Павел II действительно тратил громадные средства на постройку. Здесь имеется в виду постройка большого и роскошного дворца Сан Марко (ныне Палаццо Венеция), выполненная группой архитекторов, среди которых был молодой Джулиано да Сан Галло. Это грандиозное сооружение, и в наше время являющееся достопримечательностью Рима, было одним из первых крупных сооружений этого города в антикизирующем стиле Возрождения.

⁴⁴ Павел II в 1467 г. приказал перевести из римской церкви Санта Анезе великолепный античный саркофаг Констанции, сделанный из красного порфира, и поместить его на площади Сан Марко, перед выстроенным им дворцом. После смерти Павла II, при его преемнике Сиксте IV (в 1471 г.), саркофаг был возвращен на прежнее место, а теперь находится в Ватиканском музее. См. R. Weiss. Указ. соч., стр. 24—25.

⁴⁵ Папа Павел II был страстным нумизматом — собирателем античных монет и современных медалей, которые он замуровывал в стены и фундаменты возводимых и реставрируемых им зданий. Платина, желая подчеркнуть самовластие папы, замечает, что, в то время как в античном Риме закладывать монеты в фундаменты возводимых зданий можно было только по постановлению сената, Павел II делал это по своему единоличному решению и для своего прославления. См. R. Weiss Указ. соч., гл. III и IV.

⁴⁶ Петр, Анаклет и Лин — три первых легендарных римских епископа (папы), которых Платина называет в неправильном порядке: апостол Петр — основатель римской христианской общины; Лин — епископ 67—76 гг. и Анаклет — 76—88 гг.

⁴⁷ Палатинские епископы (в подлиннике: «palatinos episcopos») — не ясно, что подразумевал Платина под этим выражением. Скорее всего, двух епископов, входивших в следственную комиссию: папского казначея, архиепископа Спалато — Лоренцо Дзанне (или Чан) и епископа Калахоры Родриго Санхеса де Аревало, которых он при написании своей работы не хотел называть в числе своих мучителей. (см. V. Zabughin. Указ. соч., т. I, стр. 172—183).

⁴⁸ Имена этих членов следственной комиссии названы Платиной ниже (см. прим. 49 и 50). Это место из работы Платины опровергает мнение В. Забугина о том, что было три члена следственной комиссии. С председателем Вианезием дельи Албергати их было пять.

⁴⁹ Леонард Перуджинский — Леонардо Яковаччи, монах доминиканец, которого Платина упоминает в числе следственной комиссии. Он был основным обвинителем гуманистов.

⁵⁰ Франциск Ассизский — монах францисканец, также упомянутый в числе членов следственной комиссии и бывший основным защитником обвиняемых.

⁵¹ Лелий Валле — Лелио делла Валле, видный римский юрист, умерший в 1476 г. Его имя часто упоминается в римских документах второй половины XV в. Он был по своим взглядам близок к гуманистам. Это, по-видимому, и определило его смелую защиту обвинен-

ных гуманистов. См. о нем: V. Zabughin. Указ. соч., т. I, стр. 339—340.

⁵² Андреас из Санта Крус — консисториальный адвокат Андреа ди Санта Кроче, один из видных папских юристов, которого Платина в другом месте называет «человеком глуховатым и болтливым» (см. о нем стр. 367, прим. 6).

⁵³ М. Барб — Марко Барбо, племянник (сын брата) Павла II, епископ Тревизо, затем епископ Виченцы, в 1467 г. получил кардинальскую шапку. М. Барбо был самым близким к папе человеком, славился своим демонстративным благочестием и страстной любовью к книгам и, в частности, к своей превосходной библиотеке. Во время разбора дела гуманистов он играл, по-видимому, роль почетного председателя следственной комиссии или главного судьи.

⁵⁴ Здесь, выше и далее Академия, основанная Платоном, сравнивается с Академией Помпонио Лето, которая, по мнению ее членов, была продолжением традиций первой.

Джан Джовиано Понтано.

Харон

¹ Диалоги Джан Джовиано Понтано и, в частности, «Харон» пользовались очень большим успехом в XV и в XVI вв., переписывались и переиздавались многократно как в то время, так и позже. Только в конце XV и в XVI вв. они были напечатаны девять раз. Однако полное, научное издание их выпущено только в 1953 г. Кармело Превитера: Giovanni Pontano. I Dialoghi, a cura di Carmelo Previtiera. Edizione critica. Firenze, 1953. По этому изданию, на стр. 3—45 которого напечатан «Харон», и сделан перевод для настоящего сборника.

Харон,— по греческой мифологии, лодочник подземного царства, перевозивший души умерших через реки загробного мира — Стикс и Ахерон.

² Минос — персонаж греческой мифологии, царь Крита, сын Юпитера и соблазненной им Европы. Мудрый законодатель и судья. Фигурирует так же, как один из судей душ умерших в подземном мире.

Эак,— по греческой мифологии, царь острова Эгина, сын Юпитера и нимфы Эгины; после смерти стал одним из трех судей подземного мира.

³ «Полный отдых» (*otium sine negotio*) — ставшее поговоркой изречение из трактата Цицерона «Об обязанностях» («*De officiis*») чрезвычайно популярного у гуманистов.

⁴ В состав гуманистического воспитания юношества входили физические упражнения и подвижные игры.

⁵ Мирмидоняне, или мирмидонцы,— народ в древней Фракии, царем который был главный герой «Илиады» Ахилл.

⁶ Понтано занимался астрономией, написал комментарий к некоторым сочинениям Птолемея и ряд собственных астрономических сочинений, в которых между прочим защищал умеренное пользование астрологическими предсказаниями.

⁷ Радамант — третий судья подземного царства, славившийся своей строгостью, сын Юпитера и Европы, т. е. брат Миноса.

⁸ Понтано, стоявший в центре политической жизни Италии конца XV в., ясно чувствовал и понимал неизбежность наступления кри-

зиса Итальянских войн, виновниками которых, как и всех бедствий страны, считал священников, которых должен судить Радамант.

⁹ «Клянусь Стиксом» — клятва одной из адских рек, широко распространенная в мифологии и быту классической Греции.

¹⁰ По мифам древних греков, за перевоз через адские реки Харон брал определенную плату, которую вносил в казну властителя подземного царства Плутона.

¹¹ Трудно сказать, кто именно здесь имеется в виду. В Италии кваттроценти был ряд тиранов, мечтавших о королевской короне, но обманувшихся в своих надеждах. Возможно, — это миланский герцог Джан Галеаццо Висконти (правил в Милане с 1385 по 1402 г.), в течение ряда лет добивавшийся власти над Северной и Центральной Италией и, по-видимому, королевской короны.

¹² Эреб — одна из адских рек, это название иногда применялось как синоним ада вообще. Клятва эта была столь же обычной, как и клятва Стиксом.

¹³ По преданию древних греков, Харон имел право перевозить в загробный мир только тех умерших, которые погребены со всеми обычными церемониями.

¹⁴ Очевидно, Понтано высмеивает здесь университетских ученых-схоластов, с которыми гуманисты вели постоянную и ожесточенную борьбу.

Плутон — властитель подземного царства.

¹⁵ Второй, третий и четвертый схоласты — такие же пародийные фигуры, как первый. Их рассуждения — пародия на университетские диспуты.

¹⁶ Имеются в виду рассуждения на богословские темы, к которым гуманисты относились скептически, стараясь по мере возможности от них уклоняться.

¹⁷ Противопоставление философии богословию, ненавистному гуманистам.

¹⁸ Пифагор (VI—V вв. до н. э.) — греческий философ-идеалист, основатель «пифагорейской школы». Утверждали, что он был убит в глубокой старости во время восстания в Метапонте противниками его учения.

¹⁹ Понтано всюду стремится рассматривать евангельское учение не как бесспорные, не подлежащие обсуждению догматы церкви, а как философскую систему, которую можно принимать, а можно и оспаривать.

²⁰ Стагирит — прозвище древнегреческого философа Аристотеля (384—323 гг. до н. э.), родившегося в городе Стагире в Македонии. Гуманисты часто критиковали Аристотеля как непререкаемый авторитет философов-схоластов, но признавали его одним из крупнейших античных философов. Большинство гуманистов младших поколений, к которым принадлежал и Понтано, ставили выше учение Платона. Школу Аристотеля называли «перипатетической», т. е. школой гуляющих, так как Аристотель, по преданию, учил, прогуливаясь со своими учениками.

²¹ Имеется в виду Платон — древнегреческий философ-идеалист (429—348 гг. до н. э.), основатель Афинской академии. Аристотель был учеником Платона в течение почти 20 лет, а затем решительно разошелся с ним во взглядах на многие основные проблемы философии.

²² Намек на то, что автор считает христианство в чистом виде мало реальным для земной человеческой жизни.

²³ Здесь, как и во многих других местах текста, устами Харона говорит сам Понтано, подобно подавляющему большинству гуманистов видевший в занятиях философией и наукой способ возвыситься над толпой с ее устарелыми религиозными традициями.

²⁴ Меркурий — по греческой мифологии, сын Юпитера и Майи, бог красноречия, торговли и воровства, одновременно исполнявший на Олимпе должность посланника богов и проводника душ умерших в загробный мир.

²⁵ Убеждение в великом назначении человека, решительно противоречащее учению церкви и о его ничтожестве, находилось в центре мировоззрения гуманистов.

²⁶ Солон — афинский законодатель (640—559 гг. до н. э.), один из семи мудрецов, элегический поэт.

²⁷ Катон, — очевидно, Марк Порций Катон Старший (234—149 гг. до н. э.), римский государственный деятель.

²⁸ Имеются в виду алхимики, к которым гуманисты относились скептически.

²⁹ Намек на бессмысленность рассуждений на богословские темы.

³⁰ Пирихальк — Огнемедь, имя, выдуманное автором и образованное от греческих слов πῦρ (огонь) и χαλκός (медь).

³¹ Кельтиберы — т. е. испанцы, которых было немало в числе средиземноморских пиратов.

³² Во второй половине XV в., когда писался Харон, в Италии и особенно в Неаполитанском королевстве, находившемся в сфере испанского влияния, преобладало презрительное отношение к Франции и французам.

³³ Петр Бизулдунский — лицо неустановленное.

³⁴ Людвиг фон Тек, немецкий феодал, граф Вюртемберга, назначенный в 1412 г. императором Сигизмундом на политически важный пост патриарха Аквилей и затем в течение многих лет активно участвовавший в политической борьбе итальянских государств.

Кардинал самарийский — лицо неизвестное.

³⁵ «Бронзовый парик» (aegium galatum) — имеется в виду печать, которую ставит на лбах грешников Пирихальк.

³⁶ Говоря о языческих богах и героях (Прометее, Аресе, Эскулапе и др.), Понтано фактически высмеивает святых католической церкви, которым приписывались чудотворные действия в различных областях жизни.

³⁷ Такое обыкновение действительно имело место у древних спартанцев. Эврот — река в Лаконии (Спарта); теперь — Ири, или Васили-потамо.

³⁸ Понтано высмеивает неумеренное употребление косметики, чрезвычайно распространенное в Италии конца XV в., под болезнью же подразумеваются венерические заболевания, появившиеся там в это время.

³⁹ Намек на новинку того времени — зубные протезы.

⁴⁰ Вся история с Юпитером рассказана для того, чтобы закончить ее выпадом против духовенства.

⁴¹ Борей — северный ветер.

⁴² Ахеронтий — Харон называет так ветер, дующий с Ахерона — реки подземного царства.

⁴³ Диоген — греческий философ-циник (413—323 гг. до н. э.), объект всевозможных анекдотов.

⁴⁴ Кратет — ученик Диогена, также философ-циник (IV в. до н. э.).

⁴⁵ Праздник Панафиней — главный праздник в древних Афинах.

⁴⁶ «Законы» — одно из сочинений Платона.

⁴⁷ Убии — германское племя, жившее по течению Рейна. Согласно рассказу римского политического деятеля и писателя Гая Юлия Цезаря (100—44 гг. до н. э.) из «Записок о галльской войне», убии были единственным из германских народов, добровольно примирившимся с Римом и заключившим с ним союзнический договор. Понтано, по-видимому, относит все то, что Цезарь сообщает в книге VI «Записок» о всех германцах, только к дружественным римлянам убиям, а из этого делает вывод, что убии, не знающие частной собственности на землю, жили по законам Платона.

⁴⁸ Все вышесказанное отражает в несколько анекдотической форме, свойственной Понтано (автору специальной работы об анекдотах — «De Sermone», ed. S. Lupi et A. Risicato. Lugano, 1951), современные автору споры платоников и аристотеликов, к которым он, стоявший скорее всего, подобно Лоренцо Валла, на позициях умеренного эпикуреизма, относился с легкой насмешкой.

⁴⁹ Обычный для гуманиста выпад против богословов-схоластов.

⁵⁰ Здесь ясно раскрывается антицерковная и в первую очередь антимонашеская направленность всего разговора. Подразумевается, очевидно, орден францисканцев.

⁵¹ Имеются в виду «Метаморфозы, или Золотой осел», позднеримского писателя, философа-платоника Апулея (род. ок. 124 г. н. э.). В этом произведении грек Луций превращен колдуньей в осла и переживает в этом виде различные приключения.

⁵² Насмешки над врачами, пользовавшимися в XV в. по большей части старыми методами лечения и недостаточно знавшими античную медицину, были обычными у гуманистов.

⁵³ Юристы, самый сильный отряд университетских ученых-схоластов, были так же, как и врачи, объектом постоянных насмешек и обличений гуманистов.

⁵⁴ Гарпии — три сестры, страшные чудища греческой мифологии, обладавшие головами уродливых старух и птичьим телом с острыми когтями, которыми они терзали и отравляли все, к чему прикасались.

⁵⁵ По мифам, Меркурий был обладателем крылатых сандалий, позволявших ему летать.

⁵⁶ Восхваление отдыха, используемого для благородных занятий литературой и философией, проводимого на лоне природы, стало, вслед за Петраркой, одним из мотивов гуманистической идеологии.

⁵⁷ Клитумн — река в центральной части Аппенинской полуострова.

⁵⁸ Ликторы — исполнители различных государственных поручений в древнем Риме.

⁵⁹ Этот текст ярко передает то ощущение надвигающейся неизбежной катастрофы, которое господствовало в Италии в конце XV в.

⁶⁰ Всякого рода убийства, в том числе и на личной почве, были частым явлением в конце XV в. и особенно в первой половине XVI в.

⁶¹ Проповедь активной жизни, решительно противопоставляемой жизни пассивной, проповедуемой церковью, была одной из основных сторон идеологии гуманистов. Вся длинная тирада Меркурия очень

полно и выпукло передает гуманистические взгляды на жизнь, взгляды, в которых богу, божественному предвидению и проблеме греха и добродетели вообще не уделяется никакого места.

⁶² Выпад против официальной, схоластической науки.

⁶³ Кибела — фригийская богиня, мать богов и всего живущего на земле (греч. Рея, римск. Опс).

⁶⁴ Стих из «Эпод» (I, 2, 14) римского поэта Квинта Горация Флакка. Известный уже Петрарке, Гораций, благодаря легкому эпикуреизму своей необычайно изысканной поэзии, стал популярным среди гуманистов конца XV в., когда героические республиканские идеалы более ранних гуманистов отошли на второй план, а затем и совсем исчезли.

⁶⁵ Демократизм взглядов Понтано, видного государственного деятеля, близкого к двум королям, в последних фразах проявляется весьма ярко и выделяет его из числа гуманистов, в своем большинстве с презрением относившихся к широким народным массам.

⁶⁶ Имеются в виду нищенствующие монахи, особенно, и не без основания, ненавистные гуманистам.

⁶⁷ Намек на широко известные в Италии XV в. случаи отравления священниками через причастие.

⁶⁸ Соколиная охота была еще широко распространена в феодальных и богатых пополанских кругах Италии XV в.

⁶⁹ Мартин — епископ Турский (316—400), причисленный католической церковью к святым; праздник его — 11 ноября.

⁷⁰ Непереводаемая игра слов: *satrapa* — кампанцы, земляки Понтано, *satrapae* — колокола.

⁷¹ Тимон — афинский философ-человеконенавистник (V в. до н. э.), с именем которого связано множество легенд, в частности, что он умер, упав в уединенном месте с дерева. Рассказываемый Понтано анекдот является, по-видимому, вариантом этой легенды.

⁷² Постановление неаполитанских властей, нам ближе незнакомое.

⁷³ К концу XV в., когда был написан диалог, в результате тяжелого экономического и политического положения Италии и, в частности, Неаполитанского королевства, оптимистическое отношение к человеку и его судьбам, свойственное гуманистам первой половины XV в., постепенно сменяется глубоким пессимизмом, ярко проявляющимся в данной тираде Меркурия.

⁷⁴ Антисемитизм, вообще совершенно чуждый Италии XV в. и гуманистам в частности, начал проникать в Неаполь этого времени, находившийся под властью испанцев, в феодальных кругах которых он усиленно насаждался правительством Фердинанда и Изабеллы. В 1492 г. евреи были изгнаны из Испании, что не могло не отразиться и на Неаполе.

⁷⁵ Выпад против евреев служит для Понтано переходом к обличению знатных и богатых христиан, заботившихся о постройке пышных гробниц, что было широко распространено в конце XV и XVI вв. Вспомним гробницы папы Юлия II, Медичи и др.

⁷⁶ Циников ругали часто собаками, так как по гречески *κύων* происходит от *κύων*, *κύων* — собака.

⁷⁷ Здесь Диоген, стремившийся в соответствии с учением циников вести максимально простой и умеренный образ жизни, выступает с прямо атеистическими высказываниями, вызывающими сочувствие Понтано.

⁷⁸ Александр — имеется в виду Александр Македонский (356—323 гг. до н. э.), знаменитый полководец и завоеватель, анекдот о встрече которого с Диогеном, попросившим всемогущего властителя не заслонять ему солнца, был широко известен в средние века и в Возрождении. Понтано, стремясь поразить читателя, сочиняет другой сюжет, значительно более натуралистический и грубый, стремясь снизить до повседневности образ философа-циника.

⁷⁹ Артиллерия в конце XV в. уже не была новинкой, она применялась в течение полутора столетий; несмотря на это в Италии многие, и в первую очередь гуманисты, относились к ней не без насмешки. Так Макиавелли не считал артиллерию сколько-нибудь важным средством ведения войны.

⁸⁰ Кратет — философ-циник, ученик Диогена (IV век до н. э.), раздавший все свое состояние, чтобы точнее следовать учению последнего.

⁸¹ Понтано, подобно Макиавелли, справедливо обвиняет католическую церковь в тех бедствиях, которые обрушились на Италию в конце XV в.

⁸² Автор с горечью говорит об упадке городов-государств Италии, превратившихся из свободных республик в тирании, главы которых развращены и эгоистичны.

⁸³ Резкая, острая и во многом пророческая характеристика правящей верхушки Италии, приведшей страну к гибели во время итальянских войн конца XV, первой половины XVI в.

⁸⁴ Здесь опять высказываются автором астрономо-астрологические взгляды, согласно которым всеми событиями на земле управляют звезды в своих перемещениях.

⁸⁵ Имеется в виду победа турок над Византийской империей и захват ими Константинополя в 1453 г.

⁸⁶ Здесь отражено типичное для гуманистов убеждение в том, что великая культура древней Греции перешла в Италию, но гибнет в конце XV в.

⁸⁷ Мечта об объединении Италии была свойственна лучшим из поздних гуманистов, например, Макиавелли, однако они, как и Понтано, надеялись на ее осуществление не ранее, чем «через немного столетий».

⁸⁸ Автор говорит об опасности, со стороны турок, угрожавшей Италии после их воцарения на Балканах. Либурия, или прибрежная Хорватия, — область северной части Адриатического побережья Балкан. Во время написания диалога она не была еще захвачена турками, но подвергалась их постоянным набегам.

⁸⁹ Понтано с полным основанием считал, что главная опасность угрожает Италии со стороны европейских соседей, Франции и Германской империи, и предвидел неизбежность набегов последних на свою родину, набегов, действительно начавшихся в 1494 г.

⁹⁰ Явная насмешка над бездеятельностью правительств Италии перед лицом надвигающейся опасности.

⁹¹ Педан, Теан, Меницелл — имена схоластов-грамматиков, которых высмеивает дальше Понтано, очевидно, выдуманы им и означают: Педан — пешеход, медлительнодвигающийся и медлительносоображающий; Теан — боготворящий; Меницелл — сидящий в келье, окруженной стенами.

⁹² Майя, — по античной мифологии, дочь Атланта и Плейоны, возлюбленная Юпитера, родившая от него Меркурия.

⁹³ Этот эпизод встречается у Вергилия в «Энеиде», I, 195.

Эней — главный герой «Энеиды», троянец, сын Анхиза и богини Венеры, бежавший после разгрома Трои и после различных приключений основавший государство в Италии, предшествовавшее Риму и вошедшее в состав последнего. Ацест — царь части Сицилии, союзник Трои, приютивший Энея во время его бегства.

Ойнозий (Oenopius) — такого персонажа в «Энеиде» Вергилия нет; очевидно, автор воспользовался народными обработками сказаний об Энее (см. стр. 366, прим. 78).

⁹⁴ Гиппарх, — очевидно, древнегреческий астроном и математик, живший в Вифинии во II в. до н. э., основатель тригонометрии и составитель календаря затмений на 600 лет, что, возможно, и позволило вывести его как определителя долгой, вычисленной до частей секунды, жизни Ацеста.

⁹⁵ Насмешка над схоластическими спорами гуманистов-единомышленников Понтано о мелких деталях античной мифологии и истолкования текстов древних писателей. Эпизод, о котором идет речь, содержится в «Энеиде», VII, 2.

⁹⁶ Атлантиад — Меркурий, внук Атланта.

⁹⁷ Имеются в виду «Записки о галльской войне» Цезаря, начинающиеся фразой: «Вся Галлия разделена на три части («Gallia est omnis divisa in partes tres»).

⁹⁸ Для понятия «образован» Понтано применяет типичное для гуманистов слово «humanus».

⁹⁹ Альбий Тибулл — римский поэт-лирик (ок. 50—19 гг. до н. э.).

¹⁰⁰ Педум — что это за пункт, неясно.

¹⁰¹ Стих из Тибулла — I, 6, 82, означающий: «Справедливо (считают), что очень трудно переносить старика (или старуху)».

¹⁰² Тит Лукреций Кар — крупнейший римский поэт-философ (98—55 гг. до н. э.), страстный пропагандист идей материалистического эпикуреизма и борец с религией. Поэт, неизвестный в средние века, он был открыт Поджо Браччолини и затем прочно вошел в идейный багаж гуманистов.

¹⁰³ Стих из сочинения Лукреция «О природе вещей» («De rerum natura»), V, 717.

¹⁰⁴ Высмеивается схоластическое, пустое комментирование 15-го стиха из I сатиры Ювенала.

¹⁰⁵ Аркадский учитель — иронический ответ на льстивое обращение Педана — аркадец-бог, — основанное на том, что Меркурий особенно почитался в Аркадии, области Пелопонеса.

¹⁰⁶ Присциан — позднеантичный грамматик, жил и учил в Константинополе в первой половине VI в. н. э. Его латинская грамматика служила основой преподавания латинского языка в течение всего средневековья.

¹⁰⁷ Намек на инвективы — полемические сочинения гуманистов, в которых они обливали друг друга всевозможной руганью.

¹⁰⁸ Оски (орісі) — жители Южной Италии, от Опики (Оріса) — древнего названия южной части Лациума и Кампаньи.

¹⁰⁹ Очевидно, имеется в виду королевский замок в Неаполе.

¹¹⁰ Автор говорит о самом себе, о допущенных им грамматических ошибках.

¹¹¹ Панормит Антоний — известный неаполитанский гуманист Антонио Бекаделли, по прозвищу Панормита (1394—1471), друг Понтано и придворный неаполитанских королей Альфонса и Ферранте.

¹¹² Вопрос о взаимоотношениях классического латинского языка с народным итальянским занимал гуманистов, начиная с Данте, и вызывал между ними постоянные споры.

¹¹³ *Бозция* (*Voetia*) — имеется, по-видимому, в виду *Беотия* (*Beotia*) — часть древней Греции; рассуждение, так же как искажение названия свидетельствуют о неграмотности собеседника.

¹¹⁴ Приведенный рассказ носит новеллистический характер и напоминает как ряд новелл Боккаччо, так и особенно близкий по содержанию рассказ Поджо (см. наст. изд., стр. 66).

¹¹⁵ В подлиннике трудно переводимая игла слов: «*Talisne... ludere*» — «*talis... lusi*».

¹¹⁶ То же: «*alium... seres*» — «*halium... seri*».

¹¹⁷ То же: «*quam... artem*» — «*Martem*».

¹¹⁸ То же: «*in risum raris*» — «*raris*».

¹¹⁹ То же: «*suum*» — «*e sue*».

¹²⁰ *Этрурия* — в древности так называлась Тоскана, вместе со значительной частью церковных владений.

¹²¹ Игра слов: «*istrio*» — «*Istria*».

¹²² В качестве насмешника выведен житель Тосканы, славившейся своими шутниками и шутками.

¹²³ Тирада анонимной тени представляет собой несомненное изложение идеала жизни самого автора. Идеал этот, заимствованный из стоически-эпикурейской философии, сводился в основном к уходу от активной жизни, столь свойственной гуманистам начала XV в., во имя созерцательного пользования сегодняшним днем. Весьма интересно при этом, что религия, во всяком случае в своей церковной форме, не занимает никакого места в жизни образцового гуманиста, но зато он с вниманием и интересом относится к живущим вокруг него крестьянам, к которым гуманисты первой половины XV в. относились чаще всего пренебрежительно. Идеи, изложенные в данной тираде, затем развиваются в последующих репликах тени.

¹²⁴ *Этрусск* — см. выше, прим. 120 — собеседник был, очевидно, тосканцем.

¹²⁵ Имеется в виду алхимик, число которых во всей Западной Европе было значительным в конце XV в. Стремление алхимиков добывать химическим способом золото было связано как с развитием в это время экспериментальных наук, так и с острой нехваткой золота, необходимого для все расширяющейся торговли.

¹²⁶ *Умбрия* — часть центральной Италии, лежащая на побережье Адриатического моря к северо-востоку от Рима.

¹²⁷ Здесь тень, выражающая вне всякого сомнения идеалы автора, продолжает изложение той несколько эклектической стоически-эпикурейской философии, которой придерживались многие гуманисты.

¹²⁸ Здесь, в противоположность месту, прокомментированному в прим. 123, Понтано повторяет общее положение гуманистических писаний, выражая заимствованное у античных писателей презрение к невежеству толпы, под которой, впрочем, он отнюдь не понимает простой неумный народ.

¹²⁹ Будучи поэтом, пишущим на классическом латинском языке, Понтано заканчивает свой диалог стихотворной концовкой. Характерно, что она как и весь диалог, носит подчеркнуто языческий характер и совсем не упоминает христианство и церковь.

¹³⁰ *Минотавр* — критское чудовище, получеловек, полубык, охранявшее лабиринт, построенный Дедалом, и убитое Тезеем.

¹³¹ Цербер,— по греческой мифологии, трехголовый пес, охранявший вход в загробный мир. К нему Понтано прибавляет для поэтической выразительности гидру и льва, заимствованных из других мифов.

¹³² Зефир,— по греческой мифологии, сын Эола и Авроры; легкий и приятный западный ветер.

Антонио Галатео.

Отшельник

¹ Диалог «Отшельник» был издан в XIX в. в составе собрания сочинений Галатео, вошедшего в серию «Collana degli scrittori di Terra d'Otranto», v. II, IV, XVIII, XXII. Lecce, 1867—1871.

Е. Гарин использовал вышеназванное издание при подготовке диалога для своего сборника — «Prosatori latini del Quattrocento». Milano — Napoli, 1952,— где он, вместе с итальянским переводом и небольшим вступлением, занимает стр. 1067—1156. Перевод диалога для настоящего сборника сделан по изданию Е. Гарина, в котором, во избежание затрудняющих чтение повторений, сделаны незначительные сокращения.

² Антонио Птоломео, епископ Лупийский — лицо нам ближе не известное. Вероятно, это — ничем не примечательный епископ городка Лечче в Неаполитанском королевстве, в котором провел значительную часть своей жизни Галатео.

³ Василий — Василий Великий (330—379), один из «отцов церкви». Бенедикт (480—543) — основатель на Западе монашеского ордена, носящего его имя, и первого крупного западного монастыря в Монте Кассино.

⁴ Из какого сочинения приводятся слова Иеронима, установить не удалось.

⁵ Нитрия, или Нитриотес номос,— долина в Северном Египте (в 69 км к востоку от Каира). Фиваида — район южнее Египта, знаменитый своими пустынями. Как Нитрия, так и Фиваида были первыми местами, в которых селились отшельники раннего христианства.

⁶ Неоднократные ссылки на Аристотеля говорят, скорее, о средневеково-схоластической, чем о возрожденски-гуманистической культуре автора.

⁷ От Матфея, XXVI, 39.

⁸ Цицерон. Стоические парадоксы, III. Цитируя Цицерона, автор отдает дань и гуманистическим вкусам (см. прим. 6).

⁹ Высказывание-поговорка, характерное для идеологии второй половины XV в. в Италии, когда формировался этический индифферентизм, нашедший выражение в деятельности Борджа и в «Князе» Макиавелли.

¹⁰ Вергилий. Энеида, VI, 127. Цитируется не совсем точно.

¹¹ От Матфея, XI, 12.

¹² Имеются в виду арагонские короли Неаполя: Фердинанд, или Ферранте (1458—1494), и его сын и наследник Альфонс II (1494—1495). Будучи подданным обоих, автор не скупится на лестные их характеристики.

¹³ Фердинанд — Фердинанд II, или Феррандино (1495—1496), сын и наследник Альфонса II, в короткое царствование которого писался «Отшельник». Он участвовал в разгроме и изгнании французов из

Италии в 1495 г., но вскоре затем умер, оставив корону своему дяде — Федеригио, последнему самостоятельному королю Неаполя (1496—1501).

¹⁴ Ермолай Барбар — Эрмолао Барбаро (1453—1493), видный венецианский гуманист, философ и политический деятель, широко известный во всей Италии. Умер в 1493 г. от чумы в звании патриарха Аквилей.

¹⁵ Павел Аттальд — судья по тексту, один из второстепенных неаполитанских гуманистов. Возможно, — это Паоло да Гранита, доктор медицины и профессор Салернского университета в 1494 г.

¹⁶ Роберт да Лечче, известный францисканский проповедник второй половины XV в., ученик Бернардино Сьенского, автор нравоучительного трактата — «Зерцало христианской веры» («Specchio della fede cristiana»), напечатанного в Венеции в 1495 г.

¹⁷ Ахеронт, Коцит, Флегетон, Теребинт, Кипресс, — по греческой мифологии, реки подземного царства.

¹⁸ Апостол Петр — по евангелию и церковному преданию, ученик Христа, старший из апостолов, первый епископ христианской общины в Риме, т. е. предшественник римских пап и хранитель ключей от рая. По преданию, был казнен в Риме в 65 или 66 г.

¹⁹ В явно сатирическом плане Галатео рисует апостола Петра, говорящего в приподнято-поэтическом и притом антикизирующе-гуманистическом стиле. Речь его ритмизирована, туманна и не вполне грамотна.

²⁰ Хариты (лат. Грации), — по греческой мифологии, бо ини красоты и радости. Пиериды — дочери Македонского царя Пиера, оспаривавшие у Муз первенство в пении и за то превращенные в сорок. В переносном смысле — сами Музы.

²¹ Полимния — муза лирической поэзии.

²² Елисейские поля — так назывался рай в греческой мифологии. Характерное смешение библейских и антично-мифологических элементов.

²³ От Иоанна, XVIII, 10.

²⁴ Противопоставление добрых дел праведному сердцу, т. е. вере, предвосхищает учение Лютера, проповедовавшего спасение верой, а не добрыми делами.

²⁵ От Матфея, IX, 37.

²⁶ Громовержец — в подлиннике: «tonans» — обычный в античной мифологии эпитет Зевса (Юпитера), который Галатео, следуя гуманистической моде, применяет к христианскому богу.

²⁷ От Матфея, XVI, 23.

²⁸ Фарисеи — секта в Иудее, отличавшаяся особым рвением в исполнении внешних обрядов.

²⁹ Прямое обличение богатств римских пап.

³⁰ Автор передает сюжеты различных легенд о последних годах жизни мифического апостола Петра.

³¹ Убеждение во всемогуществе Фортуны, судьбы, было широко распространено среди гуманистов.

³² От Луки, V, 32.

³³ Павел — по христианскому преданию, апостол, ученик Христа. Ему приписываются многие послания. Согласно легенде, был казнен в Риме вместе с апостолом Петром в 65 или 66 г.

³⁴ Сикофант — так назывался в древней Греции доносчик, ради личной выгоды выстулавший против кого-нибудь с обвинением.

³⁵ Павел Тарсийский — апостол Павел был уроженец г. Тарса (Малая Азия).

³⁶ Люцифер — по христианскому преданию главный из ангелов, отступившихся от бога и низвергнутых им в ад. Имя это (буквально означающее — «носитель света») стало синонимом дьявола.

³⁷ В подлиннике: «Pater omnipotens extracto deiecit fulmine montes». Здесь Галатею допустил смешение двух цитат, цитируя, очевидно, по памяти. У Вергилия в «Георгиках» (I, 283) находим часть приведенной цитаты: «Ter pater extractos deiecit (disiecit) fulmine montes», а у Овидия в «Метаморфозах» (I, 154) — стих: «Tum pater omnipotens». Эту справку, так же как и несколько других (прим. 40, 41 и др.) нам любезно сообщил проф. И. М. Тронский, которому мы выражаем за это глубокую благодарность.

³⁸ В этой фразе скрыто прямое и смелое атеистическое утверждение, что религия как таковая сковывает по природе свободный человеческий ум, тем принуждая людей к рабскому повиновению.

³⁹ Имеется в виду убийство Авеля Каином. Бытие, IV, 4—16.

⁴⁰ В подлиннике: «iuxta illud unius homo nobis cunctando restituit rem». Приведенный стих принадлежит Квинту Эннию, он цитирован Цицероном в трактатах «Катон Старший» (IV, 1) и «Об обязанностях» (I, 24, 84).

⁴¹ «Щедрый хозяин и жадный раб» («Bene dicitur — dominus largus et servus avarus») — эта пословица, по-видимому, сложилась и вошла в обиход в средние века и продолжала бытовать в Возрождении.

⁴² Симон Бариона — дохристианское имя апостола Петра.

⁴³ Авраам, — по библейскому преданию, прародитель иудеев; родился в Уре в Халдее. Бытие, XI, 27—31.

⁴⁴ В античности считалось, что жители Халдеи — страны, расположенной между Тигром, Евфратом и Персидским заливом, — обладают особыми математическими и астрономическими познаниями и умеют по звездам предсказывать будущее.

⁴⁵ Источник цитаты не установлен.

⁴⁶ Здесь и далее не совсем точно излагается библейский рассказ об Аврааме. Бытие, XII, XIII, XV, XVI.

⁴⁷ Исаак, — по библейскому преданию, сын Авраама.

⁴⁸ Характерное для радикально мыслящих гуманистов обличение духовенства за его невежество и греховность, из которого следует, что учить и воспитывать людей должны не священники и монахи, а гуманисты.

⁴⁹ Здесь и далее излагается библейский рассказ об Исааке, его сыновьях, Исаве и Иакове и внуке Иосифе. Бытие, XXV—XLVIII.

⁵⁰ Далее в издании Е. Гарина, которым мы пользовались, следует небольшой пропуск.

⁵¹ В речи Моисея высказываются идеалы философской школы стоиков.

⁵² Стигийское болото, — по греческой мифологии, болото в подземном царстве.

⁵³ Характерная для гуманиста конца XV в. попытка объяснить богословские положения христианства на основе платонической философии, что наиболее последовательно проводила Платоновская академия во Флоренции и ее руководитель — Марсилио Фичино.

⁵⁴ Материалистическое высказывание, сводящее человеческое познание к чувственному восприятию внешнего мира. Высказывание

это по своему существу противоречит вышевысказанному платоническому утверждению о происхождении всего из мудрости божией. Однако такие противоречия становятся все более обычными в конце XV и начале XVI в.

⁵⁵ Любопытное сравнение между богом христианской религии и богами античности, формально используемое для возвеличения первого, но по существу имеющее антихристианскую направленность.

⁵⁶ Исайя, V, 8—9,— пересказ.

⁵⁷ Энний родился в Калабрии, т. е. был итальянцем, как и Отшельник.

⁵⁸ Лука, по церковному преданию, евангелист.

⁵⁹ То есть 18 октября.

⁶⁰ Реплика Луки, очевидно, произнесенная по-гречески, в издании Е. Гарина не приведена.

⁶¹ Идеал свободного человека, свободно излагающего свои мысли, был одним из основных для итальянских гуманистов.

⁶² В противоположность средневековым схоластам, считавшим философию «служанкой богословия», гуманисты, за исключением сторонников Платоновской академии, решительно противопоставляли философию и науку христианскому богословию и считали, что философ-ученый не может не «презирать благочестие».

⁶³ Сарацины — одно из наименований средневековых мусульман, ранее обозначавшее определенное арабское племя.

⁶⁴ Эммаус — город в Иудее. От Луки, XXIV, 13.

⁶⁵ Здесь, с одной стороны, рисуется образ гуманиста-ученого, не поддающегося на религиозную пропаганду, с другой же стороны, — гуманист, как это нередко делалось, противопоставляется неученой толпе.

⁶⁶ Интереснейшее место текста, подтверждающее, что идеи развитые Николаем Коперником (1473—1543), которые вряд ли сформировались ко времени написания «Отшельника», уже зарождались в Италии, где (в Феррарском университете) в это время учился Коперник. Возможно, что эти идеи высказывались учителями Коперника по Ферраре — Доменико Мария Новара или Челио Калканьини. Показательно, что Галатео, под предлогом забывчивости, не сообщает имя сторонника коперниканской концепции, очевидно, боится повредить ему.

⁶⁷ Галатео перечисляет основные философские проблемы, о которых шли споры в его время. При этом он всюду, под предлогом изложения разногласий, кратко передает и, очевидно, разделяемые им материалистические взгляды, например, о бесконечности миров, об атомной структуре вселенной и т. п.

⁶⁸ Высказанное в примечании 66 предположение об опасности уже в конце XV в. высказывать смелые философские и научные взгляды получает в этой реплике Отшельника подтверждение.

⁶⁹ Клавдий Галиен, или Гален (131—200?) — знаменитый греческий врач. Его сочинения как на христианском Западе, так и на мусульманском Востоке в течение всего средневековья считались вершиной медицинских знаний. Гуманисты также интересовались его трудами и стремились восстановить их первоначальные тексты.

⁷⁰ Дав — хитрый раб из комедии Теренция «Андрিয়нка»; Памфил — молодой, благородный герой из комедии того же автора «Свекровь».

⁷¹ Матфей,— по церковному преданию, евангелист и один из двадцати апостолов Христа.

⁷² Демокрит (V в. до н. э.) — крупнейший древнегреческий философ-атомист и материалист; сочинения его дошли до нас в отрывках. В классическом средневековье эти сочинения почти не были известны. То, что Галатео ссылается на Демокрита и притом не критикуя, а используя его как авторитет, характеризует первого, как человека смелого и радикального. Данное высказывание Демокрита дошло до нас в свободной передаче Цицерона.

⁷³ Далее в издании Е. Гарина — пропуск.

⁷⁴ Фома, по-видимому, здесь имеется в виду евангельский апостол Фома, знаменитый в первую очередь своим неверием (отсюда его народное прозвище «Фома-неверный»), проявившимся в частности в том, что он не поверил в воскресение Христа и захотел для того, чтобы убедиться, вложить свои персты в раны его. Именно скептическое неверие Фомы сделало его наиболее симпатичным из всех библейских персонажей для Галатео. Сообщение о том, что Фома был отравлен тираном, которому он сказал правду, основано, вероятно, на рассказе Джакомо да Вораджине из «Золотой легенды», в котором апостол Фома проповедовал учение Христа царю верхней Индии и его родственнику Каристу, за что после ряда испытаний был убит жрецом индийского храма.

⁷⁵ Для того чтобы хотя бы частично оправдать свое смелое сочинение, направленное против церкви и христианства вообще, Галатео заканчивает его обращением-гимном к богоматери, для чего и вводит в качестве последнего собеседника богослова — Фому Аквинского, слова которого контрастируют со словами всех предшествующих персонажей диалога.

⁷⁶ Заканчивая свой диалог совершенно формальным, предназначенным для цензуры обращением к богоматери, Галатео последнюю фразу произведения снова пишет в гуманистическом стиле: он называет христианских святых и богоматерь «богами и богинями».

Приложение

Дарственная грамота Константина

¹ Текст «Дарственной грамоты» опубликован с параллельным английским переводом по изданию «Corpus Juris Saponici, ed. Aemilius Freiberg, v. 1. Lipsiae, 1879—1881, стр. 342 и сл. Колеманом — С. В. Coleman. The treatise of Lorenzo Valla on the Donation of Constatine... New Haven, 1922, стр. 10—19.

Перевод «Дарственной грамоты» для настоящего сборника сделан по изданию Калемана.

² Палея — см. стр. 354, прим. 96. Далее все необходимые пояснения по тексту «Дарственной грамоты» см. в примечаниях к «Рассуждению» Л. Валлы.

У К А З А Т Е Л Ь И М Е Н *

- Август, см. Август Октавиан
 Август Гай Октавиан — 152,
 195, 196, 240
 Августин, «отец церкви» — 97, 250
 Августин — 247
 Аврелий Марк — 250
 Аккольги Франческо — 55
 Аккорсо Франческо — 194
 Аккурсий, см. Аккорсо Франческо
 Александр Македонский — 134,
 144, 188, 198, 283
 Алиотти Джироламо — 61, 62,
 68—70, 72, 75, 78, 79, 81, 86,
 88, 91, 92
 Альбергати Никколо — 26, 35,
 69, 79, 93
 Альвиан Франциск — 250
 Альфонс Арагонский — 29, 39, 40
 Альфонс II — 40, 310
 Амброзий, см. Траверсари Амб-
 роджо
 Анаклет — 251
 Анаксагор — 96
 Анастасий I — 163
 Ангиллара Франциск (Франче-
 ско) — 250
 Анджелери Карло (С. Angeleri) —
 5, 11
 Андреас — 252
 Антиох III — 212
 Антоний Фаненский — 80
 Антонин — 34
 Антонио Арена — 31
 Апполинарий — 198
 Аполлодор — 105
 Аргиропулос — 37
 Ариосто Лодовико — 7
 Аристотель — 20, 86, 258, 266,
 267, 303, 304, 308
 Аркадий — 163
 Аттальд Павел — 310
 Ауриспа Джованни — 29
- Баптиста, см. Платамоне Джо-
 ванни Батиста
 Барбаро Эрмолао — 42, 310
 Барбо Марко — 252
 Бекаделли Антонио (псев. Па-
 нормита) — 30, 291
 Бенедикт — 303
 Бенедикт XI — 205
 Боккаччо Джованни — 13, 19—
 21
 Бонифаций VIII — 205
 Бонифаций IX — 211
 Бозций (Манлий Торкват Север-
 ин) — 96
 Бруни Леонардо Аретино —
 16, 18—23, 25—27, 30, 31, 43—
 45, 93, 99
 Брут Луций Юний — 20, 152
 Буонаккорзи Филиппо — 38,
 245, 246, 248, 250
 Бурдах (К. Burdach) — 8
 Буркхардт Я. (Burckhardt J.) —
 6, 7
 Буфало Анжело — 249
- Валерий Максим — 199, 200
 Валла Лоренцо — 16, 17, 25,
 29—32, 34—36, 40, 42—44,
 100, 103, 104, 107—132, 137,
 139
 Валле Лелий (Лелио делла Вал-
 ле) — 252
 Вальсер (E. Walser) — 8, 22
 Варрон, см. Теренций Варрон
 Василий Великий — 303
 Венето Марино — 246
 Вергилий Марон Публий — 20,
 92, 101, 115, 121, 149, 170, 181,
 189, 196, 241, 288
 Веррес Гай — 214
 Веспасиан — 152, 196, 202

* Составлен К. Б. Суриковой.

- Вианезий Болонский (Вианезио дельи Альбергати) — 245—250
 Вителлески Иоанн (Джованни Вителлески) — 206
 Вителлий — 152
 Гай — 152
 Галатео Антоний де Феррарис — 16, 18, 41—43, 303
 Гален (Клавдий Гален) — 330
 Галликан Вулкаций — 194
 Гальба — 152.
 Гарин Е. (Garin E.) — 5, 16, 19, 23
 Гатталузец — 250
 Гаэта Фр. (Gaeta Fr.) — 28, 33, 34, 36
 Геласий — 166—168, 335
 Гелиогабал (Элагабал, Варий Авит Бассиан) — 249
 Генуций Марк — 200
 Геродот — 29
 Гиппарх — 288
 Главк, см. Венето Марино
 Гомер — 100, 101, 181, 189
 Гонорий — 163
 Гораций Флакк Квинт — 101, 126, 288
 Грациан — 165, 166
 Григорий I (Великий) — 161, 165, 172
 Григорий XII — 26, 83—86
 Гуковский М. А. — 38
 Гус Ян — 27, 97
 Дамаз (Дамасий) — 163
 Данте Алигиери — 7, 20, 33
 Деметрий, см. Пьетро Деметрио да Лукка
 Деметрий Луккский — 246
 Демокрит — 332
 Демосфен — 133, 135
 Дживелегов А. К. — 24
 Джироламо Аретино — 25
 Диоген — 265, 282—284
 Доминичи Джованни — 17, 26, 83, 84
 Доминичи Иоанн, см. Доминичи Джованни
 Евгений IV — 26, 35, 56, 73, 80—82, 86—90, 163, 204, 212, 218
 Евсевий — 164, 197, 198, 201
 Евтропий Флавий — 162, 163
 Ермолай Барбар, см. Барбаро Эрмолао
 Жебар Э. (E. Gebhart) — 8
 Забугин В. (V. Zabughin) — 8, 10, 11, 37
 Захария — 231, 233, 234, 238
 Зенон — 96
 Иероним — 97, 196, 198, 251, 304
 Иероним Аретинский, см. Алиотти Джироламо
 Иероним Пражский — 27, 28, 93, 99
 Иннокентий III — 196
 Иннокентий VII — 211
 Иоанн I — 163
 Иоанн XXIII — 66
 Иовиан Флавий Клавдий — 163
 Иосиф Флавий — 169
 Каллимах (Каллимако Эсерисенте), см. Буонаккроси Филиппо
 Кампан — 247, 249
 Каппочи Франческо — 249
 Карл, см. Марсупини Карло
 Карл Аретинский, см. Марсупини Карло
 Карл Великий — 231
 Карл VIII — 40
 Катилина, см. Сергей Катилина Луций
 Катон Марк Порций Старший — 98, 261
 Катон Младший Утический — 171, 197
 Квадрати, см. Квадрати Марио, Квадрати Франческо
 Квадрати Марио — 247
 Квадрати Франческо — 247
 Квинтилиан Марк Фабий — 23, 111, 207
 Кир I Великий — 134, 146, 189
 Клавдий — 152
 Климент V — 205
 Константин Великий — 33, 34, 142, 143, 145—147, 149, 152, 158—165, 167—170, 172—175, 177, 180, 182, 183, 185—197, 201, 203—206, 208—210, 213, 231, 335, 338
 Констанций — 163

- Корбион Павел — 102—104, 137
 Корнелий Непот — 200
 Кратег — 265, 282, 284
 Кринито Паоло — 32
 Ксенофонт — 188
 Курций — 200
- Лаврентий** — 136
 Лаврентий, см. Валла Лоренцо
 Лаврентий (Лоренцо Дзено) — 248
 Лазарев В. Н. — 12
 Лактанций Фирмиан — 172, 173, 180, 185
 Ланцаник Франциск — 88, 89
 Лев I — 215, 251
 Леонард Аретинский, см. Бруни Леонардо
 Леонард Перуджинский (Леонардо Яковаччи) — 251, 252
 Лето Помпонио Юлий — 37, 248, 249, 252
 Ливий, Тит — 20, 194, 199, 200
 Лин — 251
 Лоски Антонио — 31
 Лука — 85
 Лукан Марк Анний — 189
 Лукиан Самосатский — 41, 76
 Лукреций Кар Тит — 23, 289
 Лукреция — 152
 Луктаций (Лутаций) — 200
 Луцид (Луций) — 247
 Луций (Лициний Красс) — 246
 Луцилий Гай — 60
 Луцилл — 249
 Людовик (Благочестивый) — 165, 203, 204
 Людовик (Людвиг фон Тек) — 263
- М. Барб**, см. Барбо Марко
 Макиавелли Никколо — 7
 Малатеста Сигизмунд (Сижизмондо Пандольфо Малатеста) — 248
 Манетти Джаноццо — 15, 19
 Марий Гай — 135
 Марк Туллий, см. Цицерон
 Марк Фабий, см. Квинтилиан
 Маркс К. — 6
 Марон, см. Вергилий Марон
 Марс (Паоло да Песчина) — 247
 Марсупини Карло — 23, 25, 56, 58, 59, 61, 63, 65, 68—70, 72, 76, 81, 84—88, 90—92
 Мартин — 136, 279
 Мартин V — 75
 Марцелл — 141
 Марциал Марк Валерий — 185
 Марчелло — 249
 Матвей — 87, 88
 Медичи Лоренцо — 18
 Мельхиад (Мильтиаз) — 165, 166
 Мишле (Michelet J.) — 6, 7
 Муссолини — 9
 Муций Сцевола, Гай — 99
- Навуходоносор** — 146
 Нерон — 152, 202
 Несторий — 141
 Никколи Никколо — 19, 20, 30, 70
 Николай, см. Альбергати Никколо
 Николай Кузанский — 33
 Николай V — 14, 15, 25, 29, 56, 91
 Ницше Фридрих — 7
- Октавиан**, см. Август Октавиан
 Ольджиати (F. Olgiati) — 8
 Ориген — 198
 Отон — 152
- Павел II (Пьетро Барбо)** — 16, 32, 37—39, 245—247, 249—252
 Палея — 166, 175
 Панормита, см. Бекаделли А.
 Панофский (E. Panofsky) — 11
 Папини Дж. — 9
 Парентучелли Томмазо, см. Николай V
 Пасхалий — 203, 204
 Петр Бизулдунский — 263
 Петрарка Франческо — 7, 13, 19, 20, 23, 27
 Петрей, см. Пьетро Деметрио да Лукка
 Пий II — 14, 15, 34, 37, 44
 Пикколомини Эней Сильвий, см. Пий II
 Пипин Короткий — 231
 Пифагор — 257, 259
 Плавт Макций Тит — 180
 Платамоне Джованни Батиста — 100, 102, 138
 Платина (Сакки) Бартоломео — 16, 37—39, 43, 245

- Платон — 20, 25, 56, 70, 96, 250, 252, 266, 283, 318
- Плиний (Кай Плиний Секунд Старший) — 20, 180
- Поджий, см. Поджо Браччолини
- Поджо Браччолини — 16, 22—27, 29, 31, 35, 43, 44, 55, 65, 67, 71, 84, 93
- Помпоний, см. Лето Помпоний
- Понтано Джан Джовиано — 16, 39—43, 253, 291, 301
- Понтий Пилат — 171, 236
- Понтий Телезин (Понтий Херенний) — 163
- Присциан — 290
- Прокул — 200
- Птоломей Яков (Джакомо Птоломее) — 250
- Птоломее Антонио — 303
- Публий (Корнелий) Лентул — 246
- Публий Папиний Стаций — 189
- Пьетро Деметрио (Дечембрио) да Лукка — 246, 247, 249
- Ревякина Н. В. — 28
- Римини (Бартоломее Мала-теста) — 88
- Роберт — 196
- Роберт Гюискар — 231
- Роберт Лупийский — 310
- Росси — 20
- Рутилий (Публий Рутилий Руфус) — 96
- Руфин (Тирииниус Руфин) — 164
- Савонарола Джиролама — 17
- Сайтта Дж. (G. Saitta) — 12
- Саккети Франко — 21
- Саллюстий Крисп Гай — 62, 171
- Салутати Колуччо — 19, 20, 23
- Санга Иоганн Франциск — 247, 248
- Сапор II — 163
- Сапори А. (A. Sapori) — 12
- Сенека Луций Анней — 20, 60
- Сергий Катилина Луций — 214
- Серра — 102
- Сигизмунд — 204
- Сикст II — 136
- Сикст IV — 38, 251
- Сильвестр — 142, 143, 148, 152, 153, 158—162, 164—169, 176, 178, 179, 182, 185—188, 193, 196—198, 206, 215, 231, 238, 335—338
- Сириций — 163
- Сказкин С. Д. — 12
- Скрибани Мэлькиоре — 30
- Сократ — 95, 99, 258, 259
- Солон — 261
- Стагирит, см. Аристотель
- Стаций, см. Публий Папиний Стаций
- Стефан — 136
- Стефан III — 203
- Сципион Корнелий — 198
- Тарквиний Гордый — 152, 208, 211
- Тартарино Никколо — 30
- Теодор — 105
- Теренций Варрон Марк — 196, 200
- Теренций (Публий Теренций Афер) — 58, 61, 242
- Тертуллиан (Тит Септимий Флоренс) — 171
- Терунда Леонардо — 16, 18, 34—36, 43, 44, 217, 218, 220
- Тиберий — 152, 171
- Тибулл Альбий — 289
- Тимон — 280
- Тит — 196
- Тотий Лука — 245, 247
- Тоффанин Дж. (G. Toffanin) — 10, 11, 39
- Траверсари Амброджо — 26, 90, 91
- Феликс V — 163
- Фельтре Витторино — 37
- Феодосий I — 163
- Фердинанд (Ферранте) — 40, 310
- Фердинанд II — 310
- Ферранте, см. Фердинанд
- Фирман Лактанций, см. Лактанций
- Фламиний Тит Квинций — 212
- Фойгт Г. (Voight) — 6, 7
- Франциск Аретинский, см. Аккольти Франческо
- Франциск Ассизский — 136, 251
- Франческо — 249
- Фукидид — 29

- Цезарь Гай Юлий — 152, 171, 197, 208, 209, 289
 Целестин I — 141, 205
 Цицерон Марк Туллий — 20, 21, 59, 60, 67, 123, 171, 180, 250
 Чезарини Юлиан — 35
 Ченчо Рустичи де — 31
 Энгельс Ф. — 6
 Эний Квинт — 189, 324
- Ювенал (Децим Юний) — 197, 289
 Югурта — 249
 Юлиан Августиник (Флавий Влладий) — 161, 163
 Юстиниан — 163
- Яков Варагневский (Иваково д Вораджини) — 167

-
- Baron H. — 19
 Barone N. — 41
 Beck Fr. — 18
- Coleman C. B. — 33, 44
- Grimm N. J. — 28
 Groce A. — 41
 Groce B. — 41
 Gutkind G. B. — 23
- Feine H. E. — 33
 Freudenthal J. — 18
- Kristefer P. O. — 37, 41
- Luzio A. — 37
- Mancini G. — 28
 M. de Panizza Lerch — 17, 30
- Previtera C. — 39
- Radetti G. — 28
 Renier E. — 37
 Roedel R. — 23
- Sabbadini R. — 28
 Salomon H. S. — 23
 Santoro M. — 42
 Scalingi N. — 41
 Spittzer L. — 39
- Tallarigo C. M. — 39
 Thode H. — 8
- Ullman B. L. — 19, 21
- Vacca N. — 41

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие <i>М. А. Гуковского</i>	5
Леонардо Бруни. Против лицемеров. Перевод <i>Ю. Х. Копелевич</i>	45
Поджо Браччолини. Против лицемеров. Перевод <i>И. А. Перельмутера</i>	55
Поджо Браччолини. Письмо к Леонардо Бруни. Перевод <i>Ю. Х. Копелевич</i>	93
Лоренцо Валла. О монашеском обете. Перевод <i>Ю. Х. Копелевич</i>	100
Лоренцо Валла. Рассуждение о подложности так называемой Дарственной грамоты Константина. Перевод <i>И. А. Перельмутера</i>	139
Леонардо Терунда. Мемориал. Перевод <i>И. А. Перельмутера</i>	217
Бартоломео Платина. Мнимый заговор против Павла II. Перевод <i>Ю. Х. Копелевич</i>	245
Джан Джовиано Понтано. Харон. Перевод <i>Ю. Х. Копелевич</i>	253
Антонио Галатео. Отшельник. Перевод <i>Ю. Х. Копелевич</i>	302
Приложение. Дарственная грамота Константина. Перевод <i>И. А. Перельмутера</i>	334
Примечания	338
Указатель имен	385

**Итальянские гуманисты XV века
о церкви и религии**

*Утверждено к печати Институтом истории
Академии наук СССР*

Редактор *К. А. Гусева*

Технический редактор *Т. В. Полякова*

Сдано в набор 23/II 1963 г. Подписано к печати 14/V 1963 г.

Формат 84×108^{1/32} Печ. л. 12,25+5 вкл.=20,39 усл. печ. л.

Уч.-изд. л. 21,9 (21,6 + 5 вкл.) Тираж 3000 экз.

T-04630 Изд. № 1565 Тип. зак. № 1880

Цена 1 руб. 51 коп.

Издательство Академии наук СССР.

Москва. К-62. Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства АН СССР.

Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

О П Л Ч А Т К И

С е р о б и н с к и	С е р о б и н	Н и с е р о б и н с к и	Д о ч е р н о б и н
С и	С и	К а р л о в с к и	К а р л о в с к и
С е р о б и н с к и с и р 1944	С и	К а р л о в с к и	К а р л о в с к и
С е р о б и н с к и с и р 1944	С и	К а р л о в с к и	К а р л о в с к и
С е р о б и н с к и с и р 1944	С и	К а р л о в с к и	К а р л о в с к и

С е р о б и н с к и С и С е р о б и н с к и С и